

Небо Славян

Выпуск 6

Za dom spremni!
Правая борьба в Хорватии

Москва
2026

ББК 23.6 554

П 85

П 85 Za dom spremni! Правая борьба в Хорватии
(«Небо Славян», выпуск 6), Москва, 2026. – 376 с.

*Серия «Небо Славян» выходит как приложение
к Трудам Института Русской Геополитики
Научный редактор - полковник В.Л.Петров
Сайт: <https://rusgeopolit.org/>*

Усташей (хорв. *Ustaše* — «восставшие, повстанцы»), — хорватская ультраправая, этнонационалистическая, клерикальная организация, основанная д-ром Анте Павеличем в 1929 г. в Италии. С апреля 1941 по май 1945 года стояла во главе Независимого Государства Хорватия. Лозунг усташей «*Za dom spremni!*», вынесенный издателями в заглавие настоящего Сборника, значит: «за Родину-готовы!». После коммунистической оккупации Югославии большинство лидеров усташского движения скрылись в странах Европы и Америки, где создали сеть радикальных организаций. Вопрос оценки деятельности Усташей и НГХ вновь был поднят в годы распада Югославии (1990-92 гг.). Несмотря на обилие более или менее «эмоциональных» оценок (в т.ч. и в русской печати) никакого сколько-нибудь объективного анализа феномен хорватского национализма до сих пор не получил. Данный сборник серии «Небо Славян» призван восполнить сей «пробел»... В брошюре «Хорватский вопрос», изданной во время WWII по-немецки, д-р А.Павелич подчёркивал, что хорваты и сербы не являются одной нацией, поскольку история, культура и раса определяют индивидуальность хорватов. «Уже тысяча лет, - писал он, - как хорватский народ принадлежит к западной культуре и цивилизации. Находясь на границе Запада и Востока, он, успешно защищая эту культуру и цивилизацию от византийской и турецкой агрессии, принёс тяжелейшие жертвы во имя не только своих собственных, но и европейских интересов»; «в широких слоях хорватской нации никогда не существовало никакого общеславянского сознания, которое можно было бы противопоставить хорватскому национальному сознанию». Слoи, «не чувствовавшие своей принадлежности к славянству, отвергли, как нечто чуждое и опасное, славянскую и югославянскую инициативу, исходившую в предшествующем веке из Праги, Москвы и Белграда». Этот неопровергимый, по мнению А.Павелича, факт свидетельствует, что хорваты по происхождению не славяне, а готы. Обо всём этом и о многом другом – заинтересованный читатель найдёт обильный материал в предлежащем Сборнике.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Михаил Кожемякин. ХОРВАТСКИЕ УСТАШИ.....	10
Денис Алимов. ГОТИЦИЗМ В ХОРВАТИИ:	
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ.....	119
Эмиль Хаймвег. УСТАШСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД.....	135
Wladymir Hohenzollern. АРИЙСКИЕ И РАСОВЫЕ ЗАКОНЫ	
В НЕЗАВИСИМОМ ГОСУДАРСТВЕ ХОРВАТИЯ.....	151
Златозар Зореславов. РУССКИЕ БЕЛОЭМИГРАНТЫ И УСТАШИ.....	164
Михаил Шкаровский. К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	
В ХОРВАТИИ: СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
ХОРВАТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	174
Виктор Косик. К ПОРТРЕТУ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ	
ХОРВАТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	
МИТРОПОЛИТА ГЕРМОГЕНА.....	241
Вук Вукович. ОУН И УСТАШИ («АРАБЕСКИ» ИСТОРИИ).....	255
УСТАШИ. ХОРВАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ.....	269
Рори Йомэнс. МОДЕРНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ	
И ГЕНОЦИД: ПРАВЛЕНИЕ УСТАШЕЙ	
В ФАШИСТСКОЙ ХОРВАТИИ (1941—1945).....	317
Томас Далтон. РАЗОБЛАЧЁННЫЙ ЯСЕНОВАЦ.....	348
МИФ О СЕРБОСЕКЕ.....	359
Бранимир Немиров. ИДЕОЛОГИЯ УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ.....	361

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ежели можно так выразиться, то Сербам в русском общественно-историческом сознании «повезло», а вот Хорватам – не «свезло». Что едва ли справедливо. Ведь в исторических судьбах Руси и Русских эти самые хорваты не играли практически никакой роли: ни положительной, ни отрицательной. А вот сербы – таки «сыграли роль», преимущественно негативную. Конечно, неверно «валить» на сербов «лишнее», но никуда не деться от того факта, что именно «вписавшись» за славянских сербских «братушек», Российская Империя влипла в фатальную для неё Первую Мировую войну... Конечно, в послевоенном Королевстве С.Х.С. русских беженцев «привечали» сравнительно с прочей Европою подружелюбнее, но и после развала довоенной Югославии, в Независимой Державе Хорватской никаких гонений ни на Православие, ни на русских и в заводе не было... Вот хорватско-сербские «разборки», дело другое, но и тут – много чего наврано и преувеличено насчёт «зверств усташей». Понятно, Устаси отнюдь не были «смирными овечками» стада Христова, скорее уж, «волкодавами» при krdo Kristovo, да ведь и какие-нибудь Четники – никак не «овечки», а те ещё головорезы...

Кстати припомнить будет, используя ретроспекции одного из тогдашних главарей нацболов, «как национал-патриотическая пресса 90-х вовсю лепила из Хорватии врага России и вообще всего человечества... В 90-е годы мало какая страна удостаивалась столь жёсткого шельмования красно-коричневой «патриотической» прессы, как Хорватия. Казалось бы, делить вообще нечего: эта маленькая баланская страна даже не имела с Россией общей границы и никак не посягала на русские национальные интересы. Новорождённой и нищей Российской Федерации, бедствовавшей на руинах СССР, было сильно не до Хорватии. Но в 1991—1992

годах российские историко-политические реконструкторы разных мастей вспомнили, что есть одна важная русская духовная скрепа: в любой сложной для сербов ситуации начинать воевать за сербов. При крушении Югославии воевать за сербов значило воевать в первую очередь против хорватов. Сербы же, в эру единой Югославии мало увлекавшиеся русофильскими идеями, сразу после начала войны вспомнили о «матушке России» и стали просить «прислать снаряды». Стараниями газет «День», «Советская Россия», «Лимонка» и тому подобной «государственнической» печати образ Хорватии и хорватов начал демонизироваться. Иной раз казалось, что даже «шоковая терапия» Гайдара и ваучеризация Чубайса вызывали меньше внимания и меньше ненависти у русских красно-коричневых, чем деятельность хорватских националистов. С хорватскими националистами не могли сравниться даже «русофобские режимы» Прибалтики. О хорватах до 1991 года россияне мало что знали — больше знали о «югославах» и их странном, не похожем на наш социализм. Но стоило Югославии развалиться, «патриотические» газеты начали требовать, чтобы русские выучили: хорваты — католики, воевали за Гитлера, а сербы — наши, православные. Излюбленным публицистическим оборотом стали фразы типа: «даже немецкие офицеры приходили в ужас от зверств хорватских фашистов, усташей». Кровавая история профашистского хорватского государства, существовавшего в 1941—1945 годах, подробно излагалась, и до сих пор читатели этих газет помнят сюжет про «корзину, наполненную вырванными человеческими глазами» (Роман Попков). Кстати, о «сюжете с корзиной», стоит на нём остановиться поподробнее, дабы получше выразуметь, «как» подчас «пишется гиштория»: корзина с человеческими глазами — се известный фейк, подобно венерической инфекции перекочевавший из сербской пропагандистской литературы в устойчивый Русский стереотип о балканских войнах. Чаще всего встречается у антифашистов, левых, запутинцев, монархистов и прочих

братьев сербам. Миф: лидер хорватского государства в период Второй Мировой войны поглавник Анте Павелич держал у себя на столе корзину с двадцатью килограммами глазных яблок, якобы вырезанных у сербов. Реальность: это утверждение взято из художественного произведения «Капут» под авторством Курцио Малапарте (он же Kurt Suckert, а также Gianni Strozzi). Книга была написана как вымысел, продавалась как вымысел, и каталогизирована в каждой библиотеке в мире как вымысел. Цитирование книги в качестве источника о Второй мировой войне аналогично цитированию «Унесённых ветром» в качестве авторитетного источника об истории американской гражданской войны. То, что эта старая байка до сих пор пересказывается — ещё не самая удивительная часть этого мифа. Более удивительно то, что многие, независимо от степени их слепой ненависти к Хорватам, в это могут верить. И всё же этот миф был процитирован как факт, в 1991 в официальных изданиях печатающегося в Белграде Министерства информации Республики Сербии, и повторен наивными журналистами в Великобритании и Северной Америке. Миф выжил и получил новую жизнь благодаря Сербскому правительству, журналистам и политикам. Этот бред распространяли со сноской, цитатой, автором и всеми атрибутами факта. Автор часто упоминается как «самый известный итальянский писатель», «итальянский журналист» и даже «знаменитого итальянского историка» Малапарте. Его знаменитая цитата из романа «Капут» 1946 гласит: «Пока он говорил, я заметил на столе Поглавника плетёную корзину. Крышка была приоткрыта, и корзина казалась наполненной мидиями или извлечёнными из раковин устрицами как их иногда выставляют в витрине магазина «Фортнум и Нейзон» на Пикcadилли в Лондоне. Казертано взглянул на меня и подмигнул: «Хотите садок устриц?» «Это устрицы из Далмации?» спросил я Поглавника. Анте Павелич снял крышку и моему взгляду предстали «мидии», некая скользкая желеобразная масса. Тогда, улыбнувшись своею усталой

добродушной улыбкой, он сказал мне: «Это подарок от моих верных усташей. Сорок фунтов человеческих глаз». Автор книги — итальянский авантюрист Курцио Малапарте, всю жизнь метавшийся между фашизмом, коммунистами и союзниками. Во время Второй Мировой он встречался с лидерами стран Оси, в то числе с Павеличем, и даже взял у него интервью, записанное на плёнку. В этом интервью нет ни слова ни про какие корзины с глазами. После войны Малапарте переметнулся к коммунистам, а затем перед смертью снова принял католицизм, и подтвердил, что все написанные им книги были фикцией. Таким образом, Малапарте и его душевнобольную писанину можно выкинуть в мусорное ведро литературной истории во всём міре, кроме Белграда» (<https://stopserbophilia.wordpress.com/2016/11/12/сербские-мифы-корзина-с-человеческим/>).

...И, увы, Москвы... Местные сербобесие и хорватофобия понуждают вспомнить графа Алексея Константиновича Толстого, и его бессмертный, радикально антиевразийский и антиордынский тезис: «Славянство – элемент чисто западный, не восточный, не азиатский». Хорватия – воплощённая верность этому тезису. Славяне, изначально мыслившие себя частью Запада, и сохранившие свою западную сущность. Так же, на протяжении всей своей истории, а особенно сегодня мыслит себя и Украина – се тоже славяне коренного, западного выбора. Характерна реакция на «славянский изкон» российской ватной публики, т.е. опять же славян, но погрязших в евразийско-ордынской истории: хорваты, с их точки зрения, это «вроде украинцев», то есть такие же «предатели», «фашисты» и западники. В «предатели» и западники уже давно зачислены поляки и чехи, а с недавних пор – болгары и даже черногорцы, вступившие в НАТО. Да и сербы – тоже в ЕС смотрят. По сути, весь славянский мір в оптике неосовецкой России – сплошь «предатели» и западники. Русские и не заметили, как остались в одиночестве – славяне, забывшие свой европейский первообраз, злобно зажавшиеся в своём

азиатском медвежьем углу. Отщепенцы славянства, спесиво считающие себя его пупом, главной частью, солью, «старшими братьями» всех остальных славян. А ведь на самом-то деле – отрезанный ломоть славянства. Отрезанный когда-то кривой ордынской саблей. Русско-совецкий народ ныне находится на обочине славянского міра и общей славянской судьбы, а точнее – вне этой судьбы. И притом «всегда готов» по-жандармски корёжить жизнь братьям-славянам, стремящимся вернуться в родной Запад, в Европу: чехам в 68-м, теперь вот который год подряд – украинцам... Здешнее отступление от духа славянства началось очень давно. Сначала предателями и западниками окрестили вольных новгородцев и псковичей, сегодня же так клеймят хохлов и хорватов (кстати, любопытно, что древненовгородская денежная единица называлась куна – так же, как нынешняя хорватская национальная валюта). Все – «предатели», только «мы» – правильные. А на самом-то деле: отказ от славянского западничества, вся эта евразийско-ордынско-совецкая дурь – вот где настояще предательство. А славянский мір – поляки, чехи, болгары, черногорцы, хорваты, украинцы – как раз-то верны своей изначальной природе, согласно которой, повторим графа Толстого, славяне – «элемент чисто западный, не восточный, не азиатский».

Но были и «другие» Русские. Для которых Мать-Европа и Славянство не антагонисты, а части единого Великого Целого. Их доселе в СССРФ клеймят «фашистами», «власовцами», «предателями» и тп. Однако верность Родине-Европе и Небу Славян это неизбежно «предательство» совецкой Родины-Мачехи и Орды-Евразии. Как и «верность» Орде есть предательство Руси и Славянства... Ниже на фото: Офицеры-казаки Русского охранного корпуса вместе с Поглавником Нового Хорватского государства д-ром Анте Павеличем и ген. Гельмутом фон Паннвицем. Крайний справа — бывший майор Красной Армии Иван Никитич Кононов, перешедший в 1941 году на сторону немцев и до перевода в Югославию

командовавший казачьими подразделениями вермахта. Впоследствии: генерал-майор Вооружённых Сил Комитета освобождения народов России (1945). Помимо немецких наград, также был награждён хорватским орденом Короны короля Звонимира первого класса.

Предлежащий Сборник предлагает взглянуть на Хорватию глазами фон Паннвица и Ивана Кононова, глазами священника митрополита Ермогена, главы Хорватской Православной Церкви и им подобных... т.е. примерно так, как взирает на славянский мир свыше - Небо Славян...

Михаил Кожемякин

ХОРВАТСКИЕ УСТАШИ

Глава 1. Истоки усташеской идеологии и зарождение движения

Хорватский национализм XX вв. был основан на идее создания независимого и этнически однородного государства хорватов. За идеал поборниками этого течения принималось существовавшее в **IX-XI вв. средневековое хорватское княжество** (впоследствии - королевство), как правило, трактовавшееся в идеальном и далеком от исторической реальности ключе: в раннем средневековье говорить об оформлении хорватской национально-государственной традиции было преждевременно. Важную роль в хорватском национализме играл религиозный компонент - католичество, трактуемое как неизменный атрибут "хорватства"; однако здесь были возможны вариации. Определяющим идеологическим моментом являлся также образ врага, формировавшийся вокруг жесткого противостояния с сербским народом и православием, трактовавшимся, в первую очередь, как вера врагов-сербов. При этом следует отметить, что в основе этого противостояния лежало этническое и религиозное самосознание, так как лингвистически и этнотипически сербы и хорваты очень близки. Также в разное время в различной степени присутствовали антисемитизм, неприязнь к цыганам (рома) и к боснийцам-мусульманам.

Идеологическую канву хорватского национализма, приведшую к рождению "усташества" как его крайне-правой, наиболее агрессивной и ксенофобской формы, можно проследить с 30-40-х гг. XIX в., т.е. со времени становления идеи "иллиризма". Это общественно-политическое движение, возникшее под влиянием общеевропейского "пробуждения

народов” накануне революции 1848 г. и бурного экономического и культурного развития хорватских земель в составе Австрийской империи Габсбургов, встретило широкую поддержку в среде славяноязычной буржуазии, интеллигенции и прогрессивных кругов аристократии в Хорватии и Славонии. Сторонники ”иллиризма”, наиболее видным среди которых был хорватский поэт и публицист Людовит Гай (1809-1872), направили свои усилия на национальное просвещение хорватского народа, оформление хорватского литературного языка и формирование национального самосознания хорватов. Их программой-максимум являлось создание ”независимого югославянского государства вне границ империи Габсбургов”, обозначавшегося введенным Наполеоном Бонапартом названием Иллирия; разумеется, под хорватской гегемонией. Показательно, что ”иллиризм”, оформивший в общих чертах этно-культурный и государственный аспекты будущего хорватского национализма, не имел четко выраженного клерикального характера (в эту эпоху чрезмерная религиозность ”была не в моде”) и эксплуатировал несколько иной образ врага (т.к. хорватские земли в основном подчинялись венгерской короне в составе Австрийской империи, это были венгерская знать и Габсбурги). После революционных событий 1848-49 гг. иллиризм был запрещен, однако его вклад в становление идеи ”хорватства” сложно переоценить.

Своим воинственным содержанием хорватский национализм в значительной степени обязан другому направлению в своей ранней истории, возглавленному генералом австрийской службы баном (герцогом) Йосипом Елаичем (1801-1859). В хорватской национальной традиции Йосип Елаич известен как ”старый бан”. В условиях военно-политического кризиса, в который повергли империю Габсбургов революционные выступления в Венгрии и в Вене 1848-49 гг., он организовал 60-тысячную армию преимущественно из хорватских крестьян. Вдохновив свои импровизированные войска идеей борьбы против засилья венгерского дворянства и реликтов

крепостной зависимости, Елаич внес решающий вклад в подавление венгерской революции и мятежа в столице империи. Считается, что его целью было создание самоуправляющейся Хорватии под властью Габсбургов, хотя отношение хорватских авторов к его роли в национальном освобождении остается неоднозначным. "Как сын хорватской нации..., как подданный Австрии, я предан конституционному императору... и я желаю великой, свободной Австрии", - провозгласил Елаич в своем манифесте к хорватам в августе 1848 г. Во всяком случае, с 1848 по 1859 г. ему удалось возглавить бановину (герцогство) Хорватию, а в 1868 г. хорватско-славонская автономия (*Königreich Kroatien und Slawonien*) была установлена в составе Австро-Венгрии с весьма широкими правами, вплоть до создания собственных воинских частей в имперских вооруженных силах. Надо отметить, что именно бану Елаичу принадлежат первые документально зафиксированные агрессивные заявления в отношении "сербских еретиков и разбойников" в новой истории Хорватии. Очевидно, для него они носили характер политического маневра, призванного отвлечь враждебность хорватов от австрийских Габсбургов и "умиротворенной" Венгрии, однако впоследствии эти семена упали на благодатную идеологическую почву. Отметим, что установленный в Загребе в конце XIX в. памятник Йосипу Елаичу указывает саблей именно в сторону Белграда, хотя с сербскими войсками "старый бан" не воевал ни одного дня, а среди сербов на австрийской службе у него даже были друзья и соратники (например, генерал Тодорович).

В 1861 г. эстафету хорватской национальной идеи приняла Партия права (*Stranka prava*), созданная Евгеном Кватерником (1825-1871) и Анте Старчевичем (1823-1896), впервые вышедшая на политическую арену с идеей создания хорватского независимого государства (не панславистского, а национального) в сочетании с борьбой за широкие демократические преобразования. Сторонники партии, получившие название "праваши" (*pravaši*), сочетали широкую издательско-

просветительскую деятельность и активное участие в местно-представительных органах с элементами заговорничества. Благодаря последнему в обиход хорватской национально-освободительной борьбы был введен и получивший впоследствии печальную известность термин "усташи" (ustasi), дословно переводящийся с хорватского языка как "повстанцы". Кстати, впервые термин "усташи" был применен еще "старым баном" Елаичем для обозначения хорватских добровольцев в его войсках с целью подчеркнуть различие их юридического статуса с австрийскими военными. В ноябре 1871 г. смелый авантюрист Евген Кватерник попытался воспользоваться недовольством военно-административной политикой Вены в среде "границар" - австрийских пограничников хорватского и сербского происхождения, проживавших в военных поселениях на границе с Османской империей (частью которой в то время являлись автономное княжество Сербия, а также Босния и Герцеговина). Ему удалось поднять несколько сотен "границар" на вооруженную борьбу и сформировать Временное народное хорватское правительство (*Privremena narodna hrvatska vlada*) в местечке Раковице. Показательно, что среди его последователей, принявших самоназвание "усташей" и впервые выступивших под хорватским национальным знаменем с бело-красными геральдическими "шаховницами" короля Томислава, были как этнические хорваты, так и сербы. Последних Кватерник считал "природными союзниками хорватов в борьбе против австрийско-швабской тирании Габсбургов и мадьярско-дворянской доминации". Однако быстрая реакция австро-венгерских военных властей, бросивших на подавление Раковицкого мятежа (*Rakovicka buna*) регулярный пехотный полк и жандармерию, положила конец этой первой попытке провозглашения хорватской государственности. Евген Кватерник с несколькими соратниками погиб в бою, многие "усташи" были схвачены и приговорены военным судом к расстрелу или длительным срокам заключения, а уцелевшие бежали в Сербию.

Другой из создателей Партии права, доктор Анте Старчевич, стяжавший репутацию кропотливого исследователя хорватских древностей и жесткого аскета, внес, пожалуй, наиболье фундаментальный вклад в создание идеологической концепции хорватского национализма. Он выступил с концепцией происхождения хорватов от древнегерманского племени готов, осевших на Балканах во времена "великого переселения народов", смешавшихся с местным славянским населением и усвоивших его язык. В то же время, выводя этоним "сербы" из латинского слова "servus" - "раб", он выдвигал гипотезу их происхождения из "наиболее низких, подчиненных славянских племен", создавая идеологическую основу для провозглашения воинствующими националистами пре-восходства "хорватотов" над сербами по праву этногенеза. Доктор Старчевич также сделал немало для сближения хорватской национальной идеи с католическим клерикализмом. Авторство лозунга "Бог и хорваты", закрепившего союз "хорватства" и католичества и поднятого на щит усташами XX в., принадлежит ему.

Поворотным моментом для хорватского национализма и исторических судеб Хорватии стала Первая мировая война. Хорватская нация подошла к ней с вполне сформировавшимися национальными приоритетами и институтами. Благодаря постепенному развитию парламентаризма и местного самоуправления в Австро-Венгерской империи, хорваты имели развитую политическую традицию борьбы за свои интересы и права, а также систему общественно-политических организаций. Довольно существенные привилегии, которыми они пользовались в империи Габсбургов, не отвечали, тем не менее, основной национальной цели, до которой хорватский народ вполне "дозрел" к началу XX в. - национальному независимому государству. Хорваты в это время переживали всплеск национальной пассионарности (с различным накалом он продолжался в течение всего XX в.), которому немало способствовало быстрое развитие центробежных тенденций

в одряхлевшей Австро-Венгрии, и который сопровождался сглаживанием социальных и стратовых противоречий под влиянием главенства национального фактора в их самосознании. Тем не менее, более 80 тыс. хорватов приняли участие в Первой мировой войне в составе австро-венгерских вооруженных сил, сражаясь преимущественно на Сербском фронте, а также в военно-морском флоте на Адриатике (при общей численности хорватского населения Австро-Венгрии 1,638 млн. чел. согласно переписи 1911 г.). Перспектива неизбежного поражения государств Центрального блока в войне, со всей очевидностью вставшая перед хорватским обществом в 1917 г., вызвала в нем раскол по вопросу о будущем Хорватии. Ряд сил, придерживавшихся панславянской ориентации, организовали в Лондоне так называемый Югославянский комитет (Jugoslovenski odbor), к которому присоединились схожие по настроениям деятели из Словении и Черногории, который 20 июля 1917 г. подписал совместно с правительством Королевства Сербии Корфскую декларацию, предусматривавшую по окончании войны создание единого Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca, сокращенно: "Королевство СХС"). Власть в нем должна была получить сербская династия Карагеоргиевичей, однако "названия, национальные символы, язык и вера" трех народов-соучредителей декларировались равноправными. В то же время наиболее влиятельные хорватских политических организаций - Партия права, Хорватская объединенная крестьянская партия (*Hrvatska pukka seljackska stranka*) и т.д. - резко выступили против таких перспектив.

Ко времени Первой мировой войны относится появление на политической сцене Хорватии человека, которому суждено было основать и возглавить усташеское движение - Анте Павелича. Он родился 18 июля 1889 г. в боснийско-герцеговинском местечке Брадина, закончил гимназию в Загребе и в 1910 поступил на юридический факультет. Воспитанный в традиционной католической хорватской семье, Анте

Павелич еще в гимназические годы стал бескомпромиссным приверженцем идеи "хорватства" и включился в работу наиболее радикальной "Чистой" фракции Партии права. В последние годы жизни председателя фракции Йосипа Франка (1844-1911) молодой партиец фактически выполнял функции его личного секретаря и, по его собственным словам, "прошел курс чистого хорватского патриотизма у главного наставника". В юности Павелич увлекался поэзией и даже публиковал свои сочинения; наиболее знаковым из них стала появившаяся в партийной газете "Хорватское право" ("Hrvatsko pravo") написанная в националистическо-мистическом ключе поэма "Король Томислав и свобода", где говорилось о "завете" средневекового монарха Хорватии "на крови врагов поднять знамя хорватской свободы". Это стало политическим кредо всей жизни Анте Павелича.

В годы Первой мировой Павелич, в отличие от многих молодых хорватов, счел неуместным сражаться за империю Габсбургов, препятствовавшую независимости его родины и избежал мобилизации, согласно официальной версии, "по состоянию здоровья". Продолжая активно участвовать в политической деятельности Партии права, он сначала возглавляет партийный секретариат, а к 1917 г. становится и заместителем председателя партии. Одновременно Павелич сделал удачную адвокатскую карьеру, после окончания университета и докторантуры в 1915 г. открыв практику в Загребе.

С распадом Австро-Венгерской империи 28 ноября 1918 г. хорватский Сабор (парламент) принял решение о присоединении к Королевству СХС при оппозиции многих депутатов от Партии права и Крестьянской партии. Бурных верноподданнических изъявлений в хорватском обществе это не вызвало, однако надежда на более заметную автономию Хорватии в объединенном государстве южных славян, чем в австро-венгерские времена, тем не менее, присутствовала. К этому времени хорватские земли были "де facto" заняты сербскими войсками. В ряде случаев это сопровождалось

насильственными эпизодами. В Загребе произошли столкновения между сторонниками хорватской независимости и сербскими военнослужащими, в ходе которых с хорватской стороны были убиты и ранены более 60 человек. Сербскими националистами были без суда убиты несколько десятков хорватов, считавшихся причастными к австро-венгерским репрессиям на оккупированных территориях Сербии в 1914-1918 гг., несколько сот бывших австро-венгерских военнослужащих были арестованы по тем же обвинениям. Имели место и немотивированные задержания сербскими военными и полицейскими властями хорватов, ранее служивших империи Габсбургов; наиболее значительное из них произошло в столице края Воеводина городе Нови-Сад, где на несколько недель были брошены в казематы крепости Петроварадин 111 бывших австро-венгерских военнослужащих, хорватов и венгров, в т.ч. инвалиды войны. Анте Павелич, активно включившийся в компанию за освобождение "111 петроварадинских узников", отмечал: "От грубых и высокомерных сербских чиновников мы встречаем оскорблений и унизительное отношение... Те, кто не таковы, боятся вести себя иначе". Налицо была явная поведенческая модель: "победитель - побежденный". Все это обостряло отношения между сербами и хорватами с самого начала существования Королевства СХС. Ситуацию серьезно ухудшило принятие в 1921 г. новой конституции, с подачи короля Александра I Карагеоргиевича (проявившего очевидную склонность к деспотизму и пансербизму) централизовавшая власть в Белграде и упразднившая внутренние границы в Королевстве.

Общественную и парламентскую борьбу за независимость Хорватии в 1920-х гг. возглавляет Хорватская республиканская крестьянская партия (Hrvatska republikanska seljačka stranka), возглавляемая ветераном хорватской политики Степаном Радичем (1871-1928). Анте Павелич, избранный от Партии права сначала в городской парламент Загреба, а затем и в Народную скупщину (парламент) Королевства СХС,

в эти годы активно участвует в парламентской борьбе. Своими дерзкими речами против великосербского шовинизма и в поддержку самостоятельности Хорватии, неоднократным удалением с заседаний, а также регулярными стычками с депутатами-сербами в кулуарах (в ходе которых он неоднократно наносил и получал травмы) Павелич завоевывает скандальную популярность, особенно в среде националистически настроенной хорватской молодежи. Тем не менее, Степан Радич, союза и дружбы с которым буйный парламентарий тщетно добивался, в 1927 г. дает его парламентской деятельности уничтожающую оценку: "Отсутствие четких политических ориентиров и вечный оппортунизм, которые г-н Павелич принимает за тактическую хитрость и pragmatizm, делают его недальновидным политиком-любителем". Тем не менее, когда 20 июня 1928 г. Степан Радич и четверо его соратников были расстреляны* во время острого конфликта в парламенте депутатом от правящей сербской Народно радикальной партии (Narodna radikalna stranka) Пунишай Рачичем (двоих погибли на месте, Радич через полтора месяца скончался от ран, двое были ранены), Анте Павелич немедленно выехал в Загреб и принял активное участие в массовых акциях протesta, проходивших под лозунгом: "Непоколебимо стоять на защите самостоятельного хорватского государства". Ситуация быстро переросла в массовые беспорядки, реакцией Белграда на которые стало применение жандармерии, а великосербские шовинисты ответили убийством нескольких хорватских политических и культурных деятелей. В эти дни Анте Павелич возглавил начавшую создаваться стихийно националистическую группировку "Хорватский домобран" (Hrvatski domobran), ставившую своей целью защиту участников протesta от правительственныех сил правопорядка и формирований сербских националистов. Как лидер этой организации, в августе 1928 г. он написал "Декларацию хорватской самообороны", в которой изложил основные идеи, легшие впоследствии в основу усташеского движения:

1. Сербский террор исключает возможность компромисса с великосербскими гегемонистами.

2. Независимость Хорватии является непосредственной целью, которая оправдывает любые средства ее достижения. Естественными союзниками в борьбе являются все силы и государства, пострадавшие от установленной в Европе после 1918 г. Версальской системы.

3. "Хорватство" и католицизм являются наивысшей ценностью при борьбе за государственность, а инонациональное и иноконфессиональное присутствие в Хорватии - основной опасностью.

4. Территориальная целостность вторична по отношению к государственной независимости. Германско-швабские, итальянские и венгерские территориальные претензии могут быть признаны в случае признания этими силами государственного права Хорватии.

5. Либерализм, антиклерикализм, германофобия и мадьярофобия, свойственные хорватскому освободительному движению, оказались непродуктивными. Залогом успеха должны стать жесткая иерархия, дисциплина, бескомпромиссность и верный выбор союзников.

Несмотря на то, что вышеупомянутая программа не была обнародована и оставалась "внутренним документом" организации, Анте Павелич и его сподвижники в 1928 г. перешли на полуподпольное положение. За будущим лидером усташей в те дни шли довольно широкие круги хорватской учащейся, рабочей и мелкобуржуазной молодежи, однако складывалось впечатление, что он сам еще не вполне ясно представлял себе формы и методы борьбы, а единственным видом деятельности являлось издание националистической газеты "Хорватский домобран". При этом в условиях ужесточения Белградом полицейского режима на хорватских территориях аресты сторонников Павелича стали обычным делом. К Рождеству 1928 газета "Хорватский домобран" была закрыта югославскими властями за "антигосударственную агитацию". А 6

января король Александр I совершил в стране государственный переворот, распустив парламент, запретив деятельность политических партий, отменив конституцию и установив режим жесткого полицейского и цензурного контроля всех областей общественной и экономической жизни . Важной составляющей частью переворота стал "югославянский унитаризм", выразившийся, в частности, в изменении названия Королевства на "Югославия". Топоним "Хорватия" был фактически стерт с политической карты.* Хорватские земли в Королевстве Югославия были разделены между Савской, Приморской и несколькими соседними бановинами (административными единицами). Противники "шестоянварского" режима подвергались жестоким репрессиям.

Чтобы избежать ареста, Анте Павелич и его ближайшие сподвижники по "Хорватскому домобрану" ушли в подполье. 7 января 1929 г. на конспиративной квартире в Загребе на собрании нескольких руководителей "Домобрана" было принято решение о его трансформации в Хорватскую революционную организацию "Усташа" (Ustasa - Hrvatska revolucionarna organizacija). Это означало окончательный переход хорватских националистов к насильственным методам борьбы. Устав организации Анте Павелич продиктовал практически на одном дыхании; он был единодушно принят первыми усташами и записан лидером молодежного движения Бранимиром Еличем в обычной ученической тетради. "Усташа", хорватское освободительное движение, имеет своей целью всеми средствами, вплоть до вооруженного восстания, освободить из-под иностранного ярма Хорватию, чтобы она стала полностью независимым государством..., - гласил устав. - Когда эта цель будет достигнута, усташеское движение будет всеми силами защищать независимость Хорватии и национальную аутентичность хорватского народа, и бороться за то, чтобы в хорватском государстве всегда правил исключительно хорватский народ, и чтобы он был полновластным хозяином всех материальных

и духовных ценностей в своей стране, прогрессивно и справедливо устроенной..."

В уставе "Усташа" определялась также ее организационная и иерархическая структура с соответствующими полномочиями. Организация формировалась по территориальному принципу. Низшим подразделением являлся "рой" (goj) во главе с "ройником", формировавшийся в отдельно взятом населенном пункте, и далее, по мере возрастания территориальной административной единицы они объединялись в "tabor", "logor", "stozer", возглавляемые соответственными начальниками. Главный штаб организации именовался "Главным усташеским станом" (Glavni Ustaski Stan) и "управлял всеми делами, касающимися всего движения и освободительной борьбы". "Усташеский стан" возглавлял "поглавник" (poglavnik), выбиравшийся "усташами-учредителями", и имевший в организации практически неограниченные властные полномочия. Он имел право назначать и смещать членов "Усташеского стана" - 12 "доглавников" (doglavnike) и 7 "помощников" (pobočnike); издавать "Усташескому стану" приказы о назначении местных начальников и лиц, наделенных "специальными полномочиями", включая судебные; принимать практически полный спектр решений, касающихся деятельности организации и т.д. Показательно, что срок деятельности "поглавника", равно как и его отчетность, не оговаривались. Организация создавалась по классическому "вождистскому" принципу. Членом "Усташа" мог стать "каждый хорват, способный к усташеской борьбе, полностью преданный усташеским идеалам..., готовый взять на себя и исполнить все приказы и обязанности, которые дадут ему усташеские власти". Каждый вступающий в ряды организации приносил клятву, текст которой также был приведен в присяге: "Клянусь Богом всемогущим и всем, что мне свято, что буду следовать усташеским идеям и законам, безусловно выполнять все приказы поглавника, что всякую поверенную мне тайну буду строжайше соблюдать и никому ничего не выдам. Клянусь,

что буду бороться в усташеских рядах за завоевание независимости хорватского государства и сделаю все, что мне прикажет поглавник... Если я нарушу эту клятву..., пусть меня по усташеским законам настигнет смертная кара. Помоги мне Бог! Аминь!" Первые усташа принесли эту присягу немедленно, по свидетельству Бранимира Елича "положив руку на Библию, поверх которой были скрещены кинжал (kama) и револьвер". После этого Анте Павелич был единогласно избран "поглавником".

Глава 2. Деятельность усташей в подполье и эмиграции в 1929-1941 гг.

Вскоре после провозглашения "Усташ" Анте Павелич, лидер молодежного крыла организации Бранимир Елич и бывший австро-венгерский офицер Густав Перчец, руководивший военными делами, спасаясь от "севших им на хвост" королевских спецслужб, бежали из Югославии в Вену. Затем они перебрались в Будапешт, а весной 1929 г. прибыли в Болгарию, отношения которой с Югославией были весьма натянутыми; потому там они могли чувствовать себя относительно свободно. В Болгарии к Павеличу присоединились еще около десятка бывших членов организации, сумевших скрыться от югославских агентов. В Софии, где изгнанники расположились в гостинице "Славянский базар", Анте Павелич наладил контакты с базировавшимися в болгарской столице лидерами македонских национальных революционеров (Вътрешна македонска революционна организация, ВМРО). Македонцы, с 70-х гг. XIX в. ведшие отчаянную борьбу за освобождение своей родины сначала от Османской империи, затем - от Королевства Югославии и Греции, имели на Балканах репутацию "экспертов" в проведении диверсий и вооруженных восстаний. Усташам они представлялись естественными союзниками в борьбе против Белграда. Руководитель ВМРО Иван "Ванче" Михайлов (1886-1990), также непримиримый враг

сербов, твердо стоявший на позициях правого национализма (только что он физически уничтожил в руководстве ВМРО "левацкую" фракцию), впоследствии вспоминал, что "согласился встретиться с хорватскими революционерами скорее из интереса, чем предвидя в них реальную силу". По словам Михайлова, "Павелич представлялся энергичным и умным человеком, но несколько растерянным и не знавшим, с чего начать; Перчец сначала произвел на меня более благоприятное впечатление". Тем не менее, 20 мая 1929 г. между "Усташей" и ВМРО была подписана так называемая "Софийская декларация", предусматривавшая, что обе организации будут "координировать свою законную деятельность по отстаиванию человеческих и народных прав, политической свободы и полной независимости Хорватии и Македонии".

Под покровительством опытных македонских боевиков усташа, многие из которых на присяге впервые держали в руках боевое оружие, летом-осенью 1929 г. прошли "курс молодого бойца" и получили возможность даже поучаствовать в нескольких дерзких набегах рейдовых групп (чет) ВМРО на югославскую территорию. В результате королевское правительство Югославии вынуждено было официально "заметить" новую организацию хорватских националистов. 17 августа 1929 г. чрезвычайный "суд по защите государства" в Белграде заочно приговорил Анте Павелича и его главного военного советника Густава Перчеца к смертной казни "за создание вооруженного заговора против престола и югославской государственности".

Одновременно с подпольно-заговорческой деятельностью "Усташ" продолжал функционировать также и "Хорватский домобран", являвшийся ее легальным крылом. Соотношение между этими двумя организациями уместнее всего сравнить с системой Ирландской республиканской армии и организации "Шинн Фейн" у ирландских террористов. "Домобран" имел в Югославии сеть подпольных ячеек, занимавшихся преимущественно пропагандистской работой среди

хорватского населения; со временем их планировалось развернуть в боевые организации "Усташи". Помимо того, опираясь на многочисленную хорватскую диаспору в Европе и в Новом Свете, активисты "Домобрана" занимались популяризацией идей хорватской национально-освободительной борьбы и обличением террора короля Александра Карагеоргиевича и великосербских шовинистов среди мирового сообщества. С января 1930 г. отделения "Хорватского домобрана" начали свою открытую деятельность в Болгарии, Франции, Бельгии и Австрии, а до конца года - в США и Аргентине. В Буэнос-Айресе прибывший в Америку Бранимир Елич в 1931 г. возобновил выпуск газеты "Хорватский Домобран", выходившей, помимо национального, на испанском и французском языках, а в Питтсбурге им же была основана газета "Хорватская независимая держава" ("Nezavisna hrvatska drzava") на хорватском и английском языках. Эти издания переправлялись в Европу, в том числе нелегально - в Югославию (для чего были задействованы связи ВМРО среди македонских и албанских контрабандистов) и служили рупором идеологической пропаганды хорватских националистов. "Усташа" при этом рассматривалась как наиболее законспирированная, "посвященная" часть организации, выполняющая ответственную и опасную миссию. Обращаясь к запискам того же Бранимира Елича, можно привести интересную фразу: "Все усташа являлись домобранами, но только наиболее испытанные из домобранов становились усташами". При этом верховное руководство "Хорватским домобраном" также принадлежало Анте Павеличу, в 1931 г. возглавившему коллегиальный управляющий орган (*Vrhovno starjesinstvo Hrvatskog domobrana*). Такое двуединство организации привело к появлению для ее определения в исторической науке термина "усташеско-домобранское движение" (*Ustasko-domobralski pokret*).

Даже исследователи, придерживавшиеся официальной югославской концепции, вынуждены были признать, что

”хорватским фашистам удалось создать в условиях эмиграции организацию с довольно массовым членством, исчислявшимся тысячами, и успешно распространять... свою пропаганду” . Впрочем, о характеристике усташей однозначно как ”фашистов” на начальном этапе их деятельности говорить рано. Несомненно, ряд постулатов их программы и идеологии в конце 1920-х - начале 1930-х гг. смыкались с идеологией итальянского фашизма и германского нацизма. Однако вопрос о блокировании с последователями Муссолини и, тем более, Гитлера для начинающей националистической организации еще не стоял; на данном этапе они позиционировали себя только как хорватских национальных революционеров. В этом качестве усташеско-домобранское движение поддерживало союзнические отношения с находившимися в эмиграции структурами Хорватской крестьянской партии и Партии права, а также... со своими будущими основными врагами - югославскими коммунистами. Оношения усташей-домобранов и Коммунистической партии Югославии (*Komunisticka partija Jugoslavije, КПЮ*) носили, впрочем, нерегулярный и неоформленный официально характер. Они проявлялись в основном во взаимодействии брошенных в тюрьмы ”шестоянварским” режимом хорватских национальных революционеров и коммунистов в отстаивании своих прав. Так, например, в одной из основных ”политических” тюрем Югославии в Лепоглаве существовала даже совместная организация хорватских и македонских националистов и коммунистов, отбывавших там заключение (*Zajednica politickih osudenika: hrvatskih nacionalnih revolucionara, makedonskih nacionalnih revolucionara i komunista*).

Нужно признать, что к началу 1930-х гг. результаты деятельности усташей-домобранов в сотрудничестве с другими хорватскими и югославскими оппозиционерами были внушающими оптимизм. На международной арене им удалось в целом настроить весьма широкий спектр общественного мнения против диктатуры короля Александра, являвшегося

в глазах мирового сообщества "несимпатичной фигурой" . В частности, безнаказанное убийство сербскими радикалами хорватских литераторов Милана Шуфлай и Иво Пилара вызвало негодующие отклики и заявления о поддержке "хорватских борцов" со стороны целого ряда видных деятелей, которых никак нельзя назвать "правыми": Максима Горького, Анри Барбюса и т.д. В Хорватии, несмотря на жестокие полицейские репрессии королевских властей и периодические акции устрашения со стороны великосербских шовинистов, продолжала действовать подпольная сеть. Все это провоцировало Анте Павелича на активизацию действий усташеского крыла движения: не следует забывать, что элемент риска и авантюры всегда присутствовал в его мотивации. С января 1932 г. им принимаются меры по превращению "Усташ" в массовую полулегальную организацию. Начинается издание ежемесячного журнала "Усташ", в котором публикуются устав и регламинтирующие документы организации, а также содержатся открытые призывы к хорватскому народу "восстать с оружием в руках против "шестоянварской" диктатуры и великосербского террора" . Одновременно усташами была сделана попытка в сфере вооруженной борьбы выйти из под покровительства ВМРО и самим развернуть аналогичные по форме повстанческо-диверсионные действия на территории Хорватии. В качестве района предполагаемой акции был выбран район Лика в северо-западной части хорватского Приморья. Расположенный в выгодной близости от побережья Адриатики, где находился контролируемый в то время итальянцами порт Задр, он был удобен для переброски из-за кордона оружия и боевых групп эмигрантов, а горный массив Велебит представлялся для них надежным укрытием. По приказу Анте Павелича базу для партизанской борьбы начала готовить подпольная усташеская ячейка в городе Госпич во главе с юристом Андрие Артуковичем (1899-1988), впоследствии - одним из наиболее печально известных усташеских руководителей. Сам Анте Павелич планировал руководить

действиями своих отрядов из городка Шпиталь (Австрия) близ югославской границы, куда он прибыл летом 1932 г. вместе с главным военным специалистом "Усташа" Густавом Перчецем. К сентябрю на подпольную базу в селе Луково-Шугарье близ Госпича были переброшены 10 вооруженных винтовками и револьверами бойцов-эмигрантов. Именно к этому периоду относится первое упоминание об "усташеской униформе", в которую, по примеру боевиков ВМРО, они были переодеты. Согласно свидетельствам современников, форма представляла собой "туристическую или дорожную одежду темного цвета с изготовленными кустарным способом партийными кокардами в форме буквы "U" - заглавной буквы в названии движения". Отметим, что, вопреки распространенному мнению, первым "образцом для подражания" для усташей стали не итальянские "чернорубашечники", а "четы" македонских революционеров. Последние также носили импровизированную черную униформу и самодельные кокарды, с ними сотрудничали усташа в прошедшие годы и их стиль они копировали.

В ночь с 6 на 7 сентября боевики-эмигранты, к которым присоединились также несколько людей Андрея Артуковича (сам он незадолго до этого уехал в Задр, опасаясь ареста), предприняли попытку овладеть участком югославской жандармерии в местечке Брушани близ Госпича. Захватив полсотни винтовок и несколько ящиков боеприпасов, находившихся там, они планировали начать набор добровольцев из числа местной молодежи и создать еще несколько отрядов. Повстанцам удалось незаметно проникнуть в здание и без сопротивления разоружить нескольких дежурных жандармов. Однако затем все пошло не по плану: фельдфебель (narednik) и капрал, случайно находившиеся в это время в оружейной комнате, забаррикадировались там и вступили с усташами в перестрелку. После получасового боя (единственными жертвами которого стали трое пленных жандармов, раненые огнем своих же товарищей) из ближайшей воинской части сербам

подоспела подмога, и усташа были вынуждены отступить. Укрывшись в горах Велебита, они планировали возобновить действия через несколько дней, однако реакция югославских властей на их вылазку оказалась крайне масштабной и жестокой. Для прочесывания окрестностей были брошены многотысячные силы жандармерии и армии, а также отряды вооруженных добровольцев из числа местных сербов. В населенных пунктах шли повальные обыски в хорватских домах, конфискация оружия и аресты всех подозрительных лиц (по данным хорватских источников, число арестованных, избитых или лишившихся имущества в результате превысило 5 тыс. чел.). В последующие дни усташескому отряду удалось несколько раз удачно отбиться от преследователей; сербские потери при этом составили 2 убитых и 16 раненых, со стороны усташей один боец погиб (погибший, 21-летний Степан Девич, был позднее прославлен в усташеской традиции как один из "официальных мучеников" движения), трое получили легкие ранения. Однако, израсходовав в этих стычках почти все боеприпасы и не находя убежища у перепуганных крестьян, 13 сентября боевики были принуждены уйти в Задр, на итальянскую территорию. Официально Анте Павелич высоко оценил результаты "знаменитого Ликского восстания" (Licki ustanački). По его словам, оно представляло "один небольшой, но успешный маневр усташеских войск, который привел в смятение половину всей IV югославской армейской области". Однако реально негативные результаты акции нивелировали ее скромные боевые успехи. В "частом гребне" югославских спецслужб, которым они прочесывали Адриатическое побережье, запуталось немало законспирированных усташей, которые в результате были разоблачены и осуждены к длительным срокам тюремного заключения. Подпольной сети "Усташа" был нанесен значительный урон. "Хорошие бойцы, но полный провал, - отметил лидер ВМРО "Ванче" Михайлов, - Хорваты еще не дозрели до действий без нас". Союз с македонцами был возобновлен.

Последовавшая за попыткой восстания волна репрессий югославского королевского режима вызвала новый поток беженцев из Хорватии. Бежали преимущественно молодые люди, разделявшие взгляды националистов или уже связанные с их организациями (то есть те, кому в первую очередь угрожал арест), и при этом - в основном соседнюю Италию, куда было проще всего добраться легально или нелегально. Появление на Аппенинах жаждущей мести и деятельности хорватской общины вызвало переориентацию "Усташ" на эту страну. К тому же культурные, деловые и идеологические связи хорватов с итальянцами имели многовековую историю, а на оформление хорватского национализма значительно повлиял итальянский опыт. С 1932 г. Анте Павелич и его сподвижники, не прекращая отношений с ВМРО, все больше "берут равнение" на фашистскую партию Муссолини как на потенциального покровителя в борьбе против королевской Югославии. В то же время, территориальные претензии Италии на Адриатическом побережье превращали все силы, стремившихся к развалу монархии Карагеоргиевичей, в вероятных союзников "дуче".

Осенью 1932 г. в итальянском местечке Бовегно близ Бресции на ферме, арендованной усташами у сочувствовавшего им итальянского "чернорубашечника" М.Микели, был основан первый тренировочный лагерь организации, на котором приступили к боевой и идеологической подготовке первые 46 курсантов. Для предания структурам "Усташ" в Италии особого статуса, Анте Павелич стремился добиться встречи с Муссолини, задействовав для этого личные контакты и публикации в прессе. Однако "дуче", равно как и его ближайшее окружение, полагали хорватских национальных революционеров слишком незначительной силой, чтобы обращать на них внимание на столь высоком уровне. Самым влиятельным фашистским функционером, с которым Павеличу удалось установить контакт, был префект Бресции Роберто Даванцати. Усташам пришлось довольствоваться положением

объединения политических эмигрантов. В этом качестве они получали от министерства иностранных дел Италии ежемесячную помощь в размере 70 тыс. лир, а также имели право свободно проводить собрания и издавать печатную продукцию. Лагерь в Бовегно был официально зарегистрирован как "спортивно-охотничий клуб". Несмотря на существенные технические затруднения (стрелковая подготовка осложнялась тем, что имелось всего несколько ружей и револьверов с ограниченным количеством боеприпасов, обучение штыковому бою приходилось проводить с деревянными макетами винтовок, а занятия по взрывному делу - исключительно теоретически), лагерь в Бовегно сыграл важную роль в становлении усташского движения и его традиций. Там усташа начали носить форму, схожую с итальянскими "чернорубашчиками", при обязательном кинжале на поясе (позднее получившим страшное прозвище "сербосек"). Было введено аналогичное фашистскому приветствие "римским салютом" и девизом: "За родину готовы!" (*Za dom spremni!*); усташская эмблема была дополнена бело-красными "шаховницами" внутри буквы "U" и т.д.

Тренировочные лагеря "Усташа" широко рекламировались среди хорватской диаспоры в Европе. При этом, в условиях последствий мирового экономического кризиса, оставившего многих молодых хорватских эмигрантов "на обочине жизни", усташа привлекали не только национал-патриотической риторикой, но и обещаниями "товарищества, занятости и насущного хлеба", в чем просматривается прямая аналогия с практикой германских нацистов в 1920-х гг. В 1933 г. в Италии были развернуты еще два лагеря - в Фонтенеччио и Сан-Деметрио, а общее число курсантов достигло 400 чел. Еще два лагеря появились на территории Венгрии - в Янка-Пузта и Надж-Канижа под руководством Густава Перчеца (который вскоре был убит по приказу Павелича как явный претендент на роль альтернативного лидера организации). Венгерское правительство адмирала Хорти, отношения ко-

торого с Королевством Югославия были в это время крайне обострены, предоставило усташам гораздо большую свободу, чем итальянское. Финансовой помощи у венгров не нашлось, но усташа получили 90 винтовок и обмундирование из армейских запасов, а также возможность проходить практику в подразделениях пограничной охраны на югославской границе.

Появление иностранной поддержки и тренировочных лагерей позволило усташеско-домобранскому движению несколько активизировать подпольную работу в Югославии. Переброшенные из-за границы обученные диверсанты вступали в контакт с существовавшими ячейками движение и формировали новые. Несколько покушений на наиболее жестоких в "хорватском вопросе" сербских националистов, а также демонстративные (без человеческих жертв) взрывы югославских дипломатических вагонов в экспрессах "Белград-Вена" и "Белград-София" в 1933-34 гг. способствовали сознанию в общественном сознании хорватов романтизированного образа усташей как "бесстрашных мстителей". Появился характерный феномен: стихийно возникавшие в Хорватии подпольные группы принимали название "усташа" и искали контактов с организацией. Впрочем, пропорционально росту хорватского националистического подполья активизировалось противодействие югославских спецслужб и, соответственно, увеличивались контингенты политзаключенных-хорватов в королевских тюрьмах (по данным эмигрантской печати, 1 684 чел. на начало 1934 г.).

Однако самым впечатляющим террористическим успехом усташей явилось удачное покушение 9 октября 1934 г. во французском городе Марсель на человека, которого общественное мнение Югославии и Европы прочно ассоциировало с репрессивным "шестоянварским режимом" - короля Александра I Карагеоргиевича. В последующие годы хорватские националисты превратили "марсельский атентат" в мощное средство саморекламы, однако на деле речь идет

скорее о роли "Усташи" в покушении в качестве одного из участников. Планы убийства короля Александра обсуждались Анте Павеличем и "Ванче" Михайловым в августе 1934 г. в римском отеле "Континенталь". Лидеры "Усташи" и ВМРО сошлись во мнении, что расправиться с монархом будет возможно только во время его очередного зарубежного визита: неэффективность спецслужб "демократических" стран Европы накануне Второй мировой войны была хорошо известна, в то время, как в Югославии маниакально подозрительный и осторожный король сумел обеспечить себе максимальный режим безопасности. Выбор пал на Францию, где Александр I планировал побывать в рамках своего амбициозного проекта военно-политического союза против Италии и Венгрии (Малой Антанты). Ячейку "атентаторов" из числа диаспорских хорватов - студентов и рабочих марсельской фабрики "Вальте э Фис" - возглавил молодой перспективный конспиративный работник "Усташи" Евген "Дидо" Кватерник (1913-1962), потомок легендарного революционера. Кватерник предлагал нанести удар, как только король сойдет на берег в Марселе, не дожидаясь его переезда в Париж, где меры безопасности будут серьезнее. Учитывая отсутствие у хорватов боевого опыта, ВМРО настояло на исполнении акции в Марселе бесстрашным и фанатичным македонским революционером Владо Черноземским (наст. имя - Величко Георгиев), известным своим искусством в стрельбе по-македонски (с двух рук по двум движущимся мишеням одновременно). На случай его неудачи одна хорватская боевая группа ждала короля в Марселе, а другая - в Париже. Считается, что к покушению "приложили руку" также некоторые высшие функционеры Третьего рейха (Герман Геринг и др.), действовавшие через помощника немецкого военного атташе в Париже капитана Г.Шпейделя. Их целью, вероятно, являлся встречавший короля Александра министр иностранных дел Франции Луи Барту, убежденный противник Германии. 9 октября 1934 г. король Александр Карагеоргиевич прибыл в Марсель на

югославском эсминце "Дубровник" и в сопровождении Луи Барту на автомобиле отправился на вокзал. Меры безопасности были организованы с вопиющей безалаберностью: кортеж сопровождали верховые драгуны с незаряженными карабинами, а оцепление вдоль улиц осуществляли обычные полицейские, стоявшие через каждые 10-15 м. Владо Черноземский с "маузером", спрятанным в огромном букете цветов, выскочил из толпы зевак, запрыгнул на подножку автомобиля и смертельно ранил короля Александра и министра Барту. Тяжело ранен был также сопровождавший короля французский генерал Жорж. Командир эскорта полковник Пиоле ударили отчаянного македонца саблей, а полицейские добили его из револьверов, но свою миссию тот выполнил полностью . "Владо выступил только как исполнитель обвинительного приговора, который тысячами проклятий и реками слез вынесли против него (короля Александра - прим. автора) целые нации - македонцы, хорваты, албанцы и миллионы других недовольных граждан Югославии, включая многих сербов", - писал по этому поводу лидер ВМРО Иван Михайлов.

Убийство короля Югославии вызвало шоковую реакцию мирового общественного мнения. Для усташей в эмиграции это имело негативные последствия. После того, как Евген "Дидо" Кватерник и его люди бежали в Италию, кровавый след из Марселя однозначно привел к "Усташе". Под международным давлением Муссолини отдал распоряжение "пресечь все сношения с этой бесполезной и опасной бандой" . В конце октября 1934 г. итальянская полиция арестовала Анте Павелича, Евгена "Дидо" Кватериника и еще более 150 усташей по обвинениям в причастности к марсельскому убийству, незаконном хранении оружия и т.д. Несмотря на то, что следствие по этому делу так и не было закончено, все они остались под стражей не менее двух лет. Тренировочные лагеря организации на территории Италии были ликвидированы (в Венгрии лагеря продолжал функционировать: регенту Хорти было глубоко плевать на мировое сообщество).

Однако в самой Югославии убийство короля Александра означало ощутимое смягчение режима. Новым королем стал несовершеннолетний Петр II, а реальная власть оказалась в руках принца-регента Павла, придерживавшегося прагматичной политики. Накал репрессий против инакомыслящих резко пошел на спад, и, несмотря на то, что сербам в королевстве продолжал отдаваться приоритет, были сделаны существенные послабления и для хорватов и словенцев. В частности, перестали подвергаться преследованиям национальные культурно-просветительские и спортивные организации; во многих случаях под них поспешили замаскироваться нелегалы, в первую очередь - усташа. С 1935 г. средоточием усташеско-домобранского движения становится сама территория Хорватии, а основным направлениями деятельности - пропагандистская работа с массами и создание централизованной подпольной сети. Важную роль в "Усташе" начинают играть законспирированные лидеры, в первую очередь - возглавлявший загребскую подпольную сеть полковник Славко Кватерник (1876-1847), бывший австро-венгерский офицер и дворянин (vitez), отец молодого Евгена "Дидо". Являясь представителем умеренного крыла организации, Кватерник-старший способствовал прекращению террористических актов и сделал ставку на выжидание, агитацию и собирание сил. Тренировочные лагеря в Венгрии рассматривались им как школа командиров для предстоящего массового выступления хорватов в благоприятный политический момент, и между ними и подпольными группами была налажена ротация кадров. Важной стороной деятельности Славко Кватерника стало также вовлечение в заговор десятков кадровых и запасных офицеров хорватского происхождения, которым он мог доверять лично. Традиционными опорами националистов оставались рабочая и мелкобуржуазная молодежь, студенчество и католическое духовенство. С февраля 1939 г. бежавшим из заключения в Италии членом "Усташи" публицистом Миле Будаком (1889-1945) был налажен ежедневный выпуск

газеты "Хорватский народ" (Hrvatski narod), пропагандировавшей усташеские идеи и распространявшейся полулегально (с 1940 г. после ареста Будака - нелегально). Проиграв в результате "марсельского атентата" за рубежом, в Хорватии "Усташа" только упрочила свое положение*. 26 августа 1939 г., когда правительство Югославии подписало указ о представлении Хорватии прав самостоятельной административной единицы (бановины), настроения в хорватском обществе, умело подогреваемые нелегалами, достигли такого накала, что охладить их Белграду не удалось. Что касается ВМРО, то для нее марсельское убийство стало началом конца. Потеряв в результате улучшения с 1934 г. югославско-болгарских отношений свою традиционную базу в Болгарии и потерпев неудачу в попытке перенести ее в Турцию, македонская организация после мучительной агонии фактически распалась.

В то же время сближение нового югославского правительства с нацистской Германией в марте 1937 г. выразилось в том, что при посредничестве последней был временно урегулирован итало-югославский конфликт. Согласно пакету двусторонних соглашений, Муссолини, в частности, обязывался объявить вне закона деятельность на территории Италии организации "Усташа". Освобожденный в конце 1936 г. из тюрьмы, Анте Павелич продолжал оставаться под бдительным надзором итальянских спецслужб на поселении в Сиене. Для большинства находившихся в заключении усташей (содержались преимущественно в Липари и на Сардинии) условное освобождение настало в 1937-1939 гг. Следственные действия в их отношении формально продолжались в Италии до 1940 г. До этого времени в тюрьмах продолжали оставаться в основном члены группы Евгена "Дидо" Кватерника. Те из условно освобожденных усташей, кто был схвачен при попытке нелегально покинуть страну, также вновь оказывались за решеткой; многим, тем не менее, удалось бежать. Обосновавшийся в США ветеран организации Бранимир Елич, ставший преуспевающим бизнесменом и обзавед-

шийся связями среди криминальных боссов Америки, не раз предлагал и Павеличу перебраться в Новый Свет, чтобы оттуда беспрепятственно руководить движением, однако всякий раз встречал отказ. Безошибочно предчувствуя великие потрясения в Европе, лидер "Усташ" желал находиться вблизи от Хорватии.

В надежде обрести нового покровителя, Павелич попытался договориться с руководством Третьего рейха. "Поглавник" направил видному идеологу нацистской геополитики Карлу Хаусхоферу меморандум, чтобы тот передал документ своему ученику и второму человеку после Гитлера в национал-социалистической партии Рудольфу Гессу. Павелич настойчиво подчеркивал "традиционную дружбу" между Хорватией и Германией, отмечал, что "хорваты были первыми, выступившими вместе с немцами против несправедливых мирных договоров и Версальской системы", и даже утверждал, что "хорваты вообще не славянского, а готского происхождения". Однако в тот момент объективные предпосылки для германо-хорватского союза отсутствовали. Гитлера вполне устраивало новое руководство Югославии в лице принц-регента Павла (25 марта 1941 г. королевство присоединилось к Антикоминтерновскому пакту, став союзником стран Оси). Не имея возможности руководить организацией, Анте Павелич с немногочисленными сподвижниками-эмигрантами был вынужден прозябать в бездействии. Впоследствии в официальной усташской традиции это время получило живописное название: "годы великого молчания". Подследственные усташи, получившие от итальянских властей "волчий билет", перебивались случайными заработками и по возможности пытались поддерживать друг-друга. Павелич, опытный адвокат, был лишен права практиковать, и жил только на гонорары от литературного творчества (роман "Красавица-блондинка" (Liepa plavka) о трагической судьбе молодой хорватской крестьянки и ряд очерков) и нерегулярную финансовую помощь от хорватской диаспоры в Америке. Считается, что именно

тогда под влиянием депрессии ”поглавник” пристрастился к алкоголю.

Муссолини решил вновь воспользоваться услугами ”усташей” уже в ходе Второй мировой войны, в которую он поспешил вступить в июне 1940 г., чтобы успеть к начатому Гитлером ”дележу европейского пирога”. В свои грандиозные планы по возрождению Римской империи дуче включил оккупацию Греции и расчленение Югославии. Нацистская Германия вовсе не стремилась поддержать итальянских фашистов в этой авантюре, рассчитывая на привлечение Белграда в союзники. Муссолини был вынужден опереться на местные сепаратистские силы. Его правительство искало контактов со словенскими, албанскими и хорватскими националистическими организациями. Осенью 1940 г., в преддверие начала итальянской агрессии против Греции, отношение ”дуче” к усташам претерпело кардинальные изменения. Уголовное преследование было прекращено, а все соратники Павелича вышли из заключения (некоторые из них без суда провели в нем по шесть лет). ”Усташа” сначала получила статус объединения политических эмигрантов, а затем была признана как ”политическая организация хорватской нации”. Впрочем, финансовая помощь усташам больше не предоставлялась, а попытку восстановить ”спортивно-охотничий клуб” в Бовегно вежливо, но оперативно пресекли местные власти. Хорватские авторы полагают, что усташи вполне могли получить все это, однако негативную роль сыграл отказ Анте Павелича осенью 1940 г. наладить контакт с фашистскими иерархами в Риме. На краткой встрече с главой итальянского МИД и членом Большого фашистского совета графом Чиано Павелич, по словам графа, ”держался высокомерно, обвинял Италию в беззаконии и вскоре холодно раскланялся”. В то время пойти на поклон к ”дуче” для ”поглавника” значило потерять авторитет среди своих людей, многие из которых только что вернулись из тюрем и не забыли обид от итальянцев. Сконцентрировавшись на анализе ситуации на Балканах

и восстановлении связей с законспирированными ячейками на родине, находившиеся в Италии усташа с октября 1940 до марта 1941 гг. со злорадством наблюдали за унизительными поражениями итальянской армии в войне с Грецией. Связи с итальянским руководством для Павелича и его окружения ограничивались личными контактами с Даванцати, Микели и еще несколькими "чернорубашечниками" среднего звена, симпатизировавшими им.

Глава 3. "Усташа" и создание Независимого государства Хорватия в 1941 г.

27 марта 1941 г. в Белграде группа высших офицеров во главе с генералом Д. Симовичем совершила государственный переворот. Пробритански и просоветски настроенная часть югославской политической элиты выступила под широко поддержаным сербами лозунгом "Лучше война, чем пакт" (*Bolje rat njego pakt*) против союза с нацистской Германией . Чтобы не допустить вовлечение крупнейшей балканской страны в орбиту влияния своих противников, Гитлер был вынужден форсировать переброску германских войск на Балканы и начало агрессии против Югославии и Греции.

Таким образом, Муссолини, войска которого завязли в тяжелых позиционных боях с греками в Албании, получил желанную поддержку всех своих балканских планов. Уже 28 марта "дуче" известил Гитлера, что поддерживает идею о разделе Югославии и о создании независимой Хорватии. После этого итальянский диктатор лично пригласил Анте Павелича в Рим для "консультаций". Спустя несколько дней, все проживающие в Италии усташа были мобилизованы организацией. Были восстановлены тренировочные лагеря в Фонтенеччио и Сан-Деметрио; в распоряжение усташей поступила партия вооружения (250 карабинов "Кракано" TS, 18 пистолет-пулеметов "Берета" и 5 легких пулеметов "Бреда") и снаряжения для боевой подготовки. Боевики, число ко-

торых достигло примерно 300 человек, были обмундированы в итальянское полевое обмундирование серо-защитного цвета. На головных уборах (пилотках-бустинах) они носили специально изготовленные латунные усташеские кокарды, а на петлицах, по итальянскому образцу, нашивки национальных цветов Хорватии - синего, белого и красного . По распоряжению Муссолини, усташам была предоставлена флорентийская радиостанция, которая с вечера 28 марта начала вещание на Хорватию под названием "радио "Велебит" (по названию горного массива, где укрывались в 1932 г. участники Ликского восстания). 5 апреля, накануне вторжения гитлеровских войск в Югославию, Анте Павелич по радио обратился к "братьям-хорватам и сестрам-хорваткам" с призывом к всеобщему восстанию и созданию Независимого государства Хорватия (Nezavisna drzava Hrvatska, НГХ) - так впервые прозвучало в эфире это зловещее название. Затем "поглавник" провел смотр своих боевых отрядов в местечке Пистойя. "Изможденные годами лишений люди маршируют с воодушевлением и гордостью", - записал он после этого.

Одновременно в Загребе с усташеским подпольем связались представители германского консульства: резидент службы безопасности (SD) Р.Коб, военный атташе Г.Пребст, полицейский атташе Р.Блум, а также особый уполномоченный германского МИД штандартенфюрер СС д-р Э. Веезенмайер. Они заверили руководителя "Усташ" в Хорватии полковника Славко Кватерника в своей полной поддержке курса усташей на провозглашение независимости. Впрочем, нацисты сулили помочь своим хорватским протеже не бескорыстно: со своей стороны Кватерник должен был "пригласить" Вермахт для "защиты хорватского населения", а независимость провозглашалась под совместным протекторатом Италии и Третьего рейха и с удовлетворением их территориальных претензий. "Утешительным призом" хорватам за потерянные земли должна была стать Босния и Герцеговина, обещанная под их управление.

6 апреля 1941 г. войска нацистской Германии начали вторжение в Югославию, действуя с территории Австрии, Болгарии, Венгрии и Румынии. В последующие дни развернули наступление союзные им итальянские и венгерские войска, а болгарская армия начала сосредотачиваться на исходных рубежах для вступления в Македонию. Югославская монархия, раздираемая национальными и общественными противоречиями, оказалась неспособной противостоять удару и рухнула подобно карточному домику. Правительство утратило контроль над страной, командование - над войсками. Армия Югославии, считавшаяся самой мощной на Балканах, в считанные дни перестала существовать как организованная сила. Многократно уступавшая противнику по уровню технического обеспечения и мобильности, неадекватно руководимая и деморализованная, она потерпела чудовищное поражение не только от боевого воздействия противника, но и от собственных проблем. Солдаты и офицеры хорватского, македонского и словенского происхождения массами дезертировали или переходили к врагу, военнослужащие-сербы также расходились по домам или самоорганизовывались в иррегулярные отряды как для продолжения борьбы с захватчиками, так и для простого разбоя. Более 6 тыс. югославских офицеров, 45 генералов и 340 тыс. нижних чинов сдались в плен. 17 апреля представители югославского командования в Белграде подписали акт о безоговорочной капитуляции. Еще до этого король Петр II и члены его правительства бросили страну на произвол судьбы и, прихватив изрядную часть золотого запаса, на самолете бежали в Грецию под защиту англичан. Вермахт заплатил за свою впечатляющую победу очень небольшую цену: 151 убитый, 15 (согласно другим источникам - 58) пропавших без вести и 392 раненых; венгерские войска потеряли более 300 чел, итальянские - вероятно, значительно больше, однако достоверных данных найти не удалось.

На территории Хорватии крупномасштабных боевых действий не велось. Германские войска повсеместно встречали

поддержку самых широких слоев хорватского населения, рассматривавших нацистскую агрессию как возможность для создания собственного государства. Благодаря объявленной в Югославии 7 апреля мобилизации в дислоцированные в Хорватской бановине части IV армии влилось огромное количество солдат-хорватов, большинство из которых не желали сражаться за Югославию или даже были готовы повернуть оружие против нее. Уже 8 июня офицеры и младшие командиры 108-го пехотного и 40-го резервного полков, входившие в усташеские подпольные ячейки в армии, организовали мятеж среди солдат своих частей (Bjelovarski ustanač). Подняв самодельные хорватские знамена, они внезапным ударом захватили город Беловар, где дислоцировался штаб IV югославской армии, арестовали штабных офицеров и перерезали коммуникации. Это стало сигналом для националистически настроенных военнослужащих других частей армии, и они стали в массовом порядке оставлять позиции и двигаться в Беловар, где вскоре скопилось более 7 тыс. хорватских солдат и офицеров. В ближайшие дни с помощью вышедших из подполья местных организаций "Усташ" и стихийно возникавших крестьянских формирований самообороны (Hrvatska seljackska zastita) им удалось очистить от югославских властей значительную часть хорватской территории. В ряде мест вспыхивали ожесточенные стычки с группами сербских жандармов и офицеров, в которых обе стороны несли потери. Это приводило к тому, что в других случаях хорватские вооруженные формирования безжалостно расстреливали не оказывавших сопротивления сербских военных и чиновников. Организацию временных органов власти на местах практически сразу брали в свои руки члены "Усташ", оказавшиеся среди восставших самой организованной силой, вокруг которой группировались остальные.

10 апреля, с подходом к Загребу авангардов Вермахта, 4 тыс. членов "Усташ", практически не встретив сопротивления, взяли столицу Хорватии под свой контроль. Славко

Кватерник прибыл в городскую ратушу и зачитал по радио текст декларации о провозглашении Независимого государства Хорватия. "Хорватский народ! - гласила она. - Божье пророчество и помощь наших союзников, а также многосотлетняя мужественная борьба хорватского народа и великое самопожертвование нашего "поглавника" д-ра Анте Павелича и усташского движения на родине и в эмиграции сделали возможным то, что сегодня, накануне светлого Воскресения Сына Божьего, воскресла Хорватская держава". Далее следовал призыв ко всем хорватам, в особенности к военнослужащим, принести присягу на верность новому государству, а также заявление о принятии Кватерником на себя всей полноты военной и гражданской власти "в качестве уполномоченного "поглавником" лица". Обращение заканчивалось усташскими лозунгами: "Бог и хорваты! За родину готовы!"

Провозглашение НГХ было с ликованием поддержано самыми широкими слоями хорватского народа. Спустя несколько часов после заявления Кватерника население Загреба устроило торжественную встречу вступавшим в город германским войскам, приветствуя гитлеровцев как "освободителей от великокосербского гнета". Охватившую хорватов националистическую эйфорию очень точно характеризует появившаяся 11 апреля в загребской газете "Неделя" передовица, наполненная трескучей фашистско-клерикальной риторикой: "Господь, который вершит судьбы народов и держит в своих руках сердца королей, подарил нам Анте Павелича и призвал Адольфа Гитлера, вождя дружественного и союзного нам народа, дабы использовать свою победоносную армию для разгрома наших угнетателей и помочи нам в создании Независимого государства Хорватия. Да приумножится слава Господня, вечная благодарность Адольфу Гитлеру и беспрепредельная верность нашему "поглавнику" Анте Павеличу!"

Хорватские политические и общественные организации, в том числе и не разделявшие националистическую идеологию, полностью поддержали создание НГХ. Право "Усташ" стать

основным государствообразующим элементом было одобрено в собравшемся в загребской ратуше 10 апреля импровизированном Саборе (парламенте). Единственный человек, который мог рассматриваться в качестве альтернативного Анте Павеличу лидера, глава Хорватской крестьянской партии Владко Мачек (1879-1964), при Югославии занимавший пост вице-премьера, фактически взял самоотвод. Покидая Загреб, он обратился к хорватскому народу с призывом "покориться новой народной власти" и "искренне сотрудничать" с нею .

Вопреки распространенному мнению, дольше всего "осторожничало" высшее католическое духовенство Хорватии, на которое "Усташа" делали важную ставку. Только 12 апреля загребский архиепископ Алоизие Степинац (1898-1960) нанес визит Славко Кватернику, сдержанно поздравил его с провозглашение НГХ и выразил надежду на то, что в "восстановленном хорватском государстве церковь будет пользоваться полной свободой и независимостью в служении вечным принципам истины". Получив от Кватерника, являвшегося глубоко верующим человеком, гарантии невмешательства государства в церковные дела, архиепископ Степинац счел возможным сформулировать официальное отношение церкви к новому государству. 13 апреля он направил двенадцати хорватским епископам циркуляр, в котором призвал их к "плодотворной работе на благо и процветание хорватского государства" . Впрочем, многие "подчиненные" Степинаца встретили создание НГХ более эмоционально. "Никогда католическая церковь не была так защищена, и ее права не были так гарантированы, как в НГХ" , - заявил верхнебоснийский епископ Иван Шарич. Что же касается приходского духовенства, то оно зачастую полностью блокировалось с усташами.

15 апреля в Загреб прибыл Анте Павелич в сопровождении отряда усташей-эмигрантов. По воспоминаниям очевидцев, эмигранты со своей единообразной формой, итальянским вооружением и хорошей организацией выгодно смотрелись

на фоне людей Кватерника-старшего, "одетых в гражданское платье или королевскую солдатскую форму с трехцветными повязками, вооруженных кто винтовкой, кто револьвером, кто охотничьим ружьем, постоянно пьяных и распевающих песни".

Возглавив работу хорватского Сабора, превратившегося по сути в учредительное собрание НГХ, Павелич с первых дней начал активную деятельность по формированию государственных институтов. Существует мнение, что "поглавник" стремился "ковать железо, пока горячо": воспользовавшись всплеском национального энтузиазма (и, как следствие этого, временным единодушием) собравшихся в Загребе ведущих общественных деятелей, он спешил заложить основы такого устройства НДХ, которые устроили бы "Усташу" и лично его. Показательно, что многие из участников работы "апрельского Сабора" (travnjacki Sabor) вскоре подверглись репрессиям со стороны усташей за инакомыслие и оппозиционные настроения; но тогда они голосовали единодушно и вполне искренне. Анте Павелич показал себя отличным психологом и мастером манипулирования общественными настроениями. Сам он был провозглашен главой государства с расширением титула "поглавник" с партийного до государственного и, одновременно, председателем совета министров и министром иностранных дел. Членами правительства НГХ стали исключительно функционеры "Усташи", что позволило избежать возникновения параллельных партийных и государственных структур (как в фашистской Италии). Павелич и его сподвижники использовали в этом отношении модель нацистской Германии, создав партийное государство. Славко Кватерник получил портфель министра хорватской самообороны (ministar hrvatskog domobranstva), полномочия командующего вооруженными силами и титул "доглавника". Министром внутренних дел стал Андрие Артукович, прибывший в Загреб из Берлина, где он проживал в эмиграции с 1937 г. и тесно сошелся с функционерами НСДАП (жизнь Артуковича

в довоенный период полна парадоксов. Он жил в Лондоне и был выдан Югославии по подозрению в причастности к убийству короля Александра I. Однако королевский суд освободил его от всех обвинений (!!!). Он уехал в Берлин, где был заподозрен "гестапо" в сотрудничестве с югославской разведкой, но вновь подозрения были сняты. Ряд авторов считают Артуковича двойным агентом). Освобожденный из тюрьмы Миле Будак стал исполнять обязанности министра по делам религии и образования. Евген "Дидо" Кватерник возглавил Управление общественного порядка и безопасности, в ведении которого находились политический сыск и тюрьмы .

Законодательная база НГХ очень напоминала таковую нацистской Германии. Деятельность всех политических партий была "приостановлена до окончательного утверждения хорватской государственности", а их членам предлагалось присоединиться к "Усташе" (многие партийные вожди, в т.ч. и Владко Мачек, на первых порах поддержали эту идею). Конституция так и осталась на уровне долгосрочных проектов; ее подменял пакет основных государственных актов, утвержденных "поглавником". Законы о гражданстве, о рабочей принадлежности и о защите арийской крови, принятые 30 апреля 1941 г., объявляли всех "неарийцев" вне закона и запрещали межэтнические браки. Закон о защите "национальной арийской культуры хорватской нации" (4 июня 1941 г.) запрещал "неарийцам" какое-либо участие в работе общественных, молодежных, спортивных и культурных организаций и учреждений хорватской нации, а также в литературной и журналистской деятельности, в сфере живописи, музыки, архитектуры, театра и кино". Здесь следует пояснить, что определение "неарийцев" в НГХ в целом соответствовало таковому у германских нацистов. Евреи и цыгане попадали в эту категорию однозначно; для сербов существовали "лазейки" в виде "арийского антропологического типа" в совокупности с принятием католичества; венгры, словаки и словенцы поголовно признавались "арийцами". В "арийцы"

усташи записали также боснийских мусульман, являющихся по происхождению принявшими ислам сербами и хорватами. Это было чисто прагматичным шагом: Босния и Герцеговина была обещана Гитлером и Муссолини усташам, и нужно было заручиться поддержкой большинства ее населения. Лучше всего "заигрывание" с босняками проиллюстрировал главный усташеский публицист Миле Будак, заявивший: "НГХ является исламским государством повсюду, где люди исповедуют мусульманскую веру... Мы являемся государством двух религий - католичества и мусульманства... Мы, хорваты, должны быть счастливы и горды тем, что у нас есть наша вера, и в то же время нам необходимо помнить, что наши братья-мусульмане - те же самые чистокровные хорваты, как уже заявлял наш почитаемый вождь Анте Павелич".

Среди первых законодательных актов был "Закон об основании армии и флота государства Хорватия" (Zakon o osnutku vojske i mornarice Drzave Hrvatske), принятый 10 апреля 1941 г. и утвержденный Анте Павеличем на первом заседании правительства 16 апреля. Он регламентировал создание и компетенцию силовых структур нового государства. Регулярная армия получила название Хорватской самообороны (Hrvatsko domobranstvo) и состояла из сухопутных войск (Korpena vojska), военного флота (Mornarnica, до 1944 г. официально не формировался) и ВВС (Zracne snage, созданы 19 апреля 1941 г.). В составе сухопутных войск (55 тыс. чел на сентябрь 1941 г., командующий - генерал-майор Август Марич) первоначально входили 5 дивизионных округов и 15 пехотных полков (Савский округ - 1-й, 2-й и 3-й полки; Осиекский округ - 4-й, 5-й и 6-й полки; Боснийский округ - 7-й, 8-й и 9-й полки; Врбасский округ - 10-й, 11-й и 12-й полки; Адриатический округ - 13-й, 14-й и 15-й полки). В каждом из дивизионных округов были сформированы по 2 артиллерийских дивизиона (по 2 батареи по 4-6 орудий), 3 запасных батальона, медицинский батальон и трудовой батальон. Существовали также кавалерийский

полк (2 эскадрона, дислокация - Загреб) и отдельный кавдивизион, инженерный полк из 3 батальонов, 4 пограничных батальона, 2 моторизованных батальона, батальон связи и железнодорожный батальон. Все эти части и подразделения были вооружены унаследованным от югославской армии оружием самых разных моделей, что осложняло снабжение боеприпасами. Остро не хватало транспортных средств, а несколько единиц бронетехники, которую усташам удалось захватить в апреле 1941 г., были опрометчиво переданы германским союзникам и в войска так и не попали. Солдаты и офицеры донашивали прежнюю югославскую форму с тем отличием, что считавшиеся признаком сербского солдата пилотки-шайкачи поменяли на бустины итальянского и кепи германского образца. Военнослужащие-мусульмане носили красные фески с кистями. На головных уборах помещались новые латунные кокарды в виде литер "NDH", вписанных в декоративный узор. Знаки различия были введены нового образца, весьма напоминавшие старые австро-венгерские. Воинское звание определялось по числу звездочек в форме трилистника (старинный хорватский геральдический символ) и ширине нашивок на петлицах. Цвет петлиц различался по роду оружия (красный - общевойсковой, голубой - BBC, созданные позднее танковые части - черный).

BBC НГХ (командующий - полковник Владимир Крен) по договору с немцами в июне 1941 г. получили право использовать два военных аэродрома - в Загребе и в Сараево. В распоряжение хорватских пилотов было передано некоторое количество захваченных югославских боевых самолетов различных моделей, не самых современных и в скверном техническом состоянии - преимущественно многоцелевые/разведывательные, учебные и бомбардировщики (Potez XXV, Breguet XIX, Fizir FP.2, Avia-Fokker F.39, Savoia-Marchetti S.79). "Летчики - отличные, аэродромы - удовлетворительные, самолеты - плохие", - докладывал "поглавнику" первый командующий хорватскими BBC.

Полицейские силы были представлены Хорватской жандармерией (Hrvatsko oružnistvo), несшей службу в сельских районах и на охране важных объектов, состоявшей на осень 1941 г. из 5 полков (командующий - генерал-майор Милан Меслер). В городах полицейские функции были возложены на Охрану порядка (Redarstvena straza, создана 30 апреля 1941 г.), первоначально насчитывавшую 5 тыс. сотрудников и организованную в 142 участка .

Основу всех вышеупомянутых силовых структур составляли хорваты, до войны проходившие службу в аналогичных формированиях королевской Югославии. Часть из них являлись активными членами "Усташа" или сочувствующими, однако все это были не "партийные" военизированные структуры. В то же время вариант "партийной армии" для НГХ, как и для большинства профашистских режимов, альтернативы не имел. С созданием собственно усташеских вооруженных формирований у Анте Павелича и его сподвижников первоначально возникло немало проблем. Главной из них было переформировать заговорщечно-повстанческую организацию в регулярно организованные элитные части, примером для которых служили "чернорубашечная милиция" фашистской Италии и СС нацистской Германии.

Указ о создании Усташеской армии (Ustaska vojnica) был подписан Анте Павеличем относительно поздно - 10 мая 1941 г. 27 мая в Загребе было сформировано Усташеское главное командование, которое возглавил полковник (rukovnik) Томислав Сретич (1902-1945). В качестве исходного материала для будущих элитных "политических солдат" НГХ на тот момент могли быть использованы:

1. Около 300 прибывших с Павеличем из эмиграции боевиков (в основном испытанных ветеранов движения, представлявших единственную в нем организованную военную силу);

2. Около 4 тыс. людей Славко Кватерника, сконцентрированных в Загребе и отличавшихся как высоким боевым ду-

хом, так и невысокой дисциплиной (продолжали "отмечать" создание НГХ более месяца);

3. Еще несколько тысяч усташей, разбросанных по стране и находившихся в распоряжении местных функционеров (здесь встречались как вполне организованные отряды, так и обычные банды).

На базе эмигрантского отряда в мае 1941 г. был сформирован Батальон лейб-гвардии "поглавника" (Poglavnika Telesna Vojna), дислоцированный в Загребе и несший охрану правительственной резиденции, а также обеспечивавший личную безопасность высших функционеров "Усташ". Его бойцы стали первыми, получившими введенную в мае 1941 г. единообразную усташескую униформу. Вопреки распространенному югославским художественным фильмами стереотипу, она была не черной, а цвета "хаки" и состояла из однобортного кителя, галифе, двубортной шинели и бустины (у высших офицеров - фуражки). На головном уборе и воротнике располагались эмблемы организации. Существовали варианты кителей и шинелей с красными и трехцветными петлицами. Под китель носилась зеленая (допустимые варианты: серая или цвета "хаки") рубашка и коричневый (варианты: темно-зеленый или черный) галстук. Звание определялось по количеству круглых розеток и поперечных нашивок на рукавах, у офицеров располагавшихся на обшлагах, а у младших командиров - в верхней части рукава. "Усташ" имели собственную систему званий. Высший чин - крилник (krilnik), соответствующий генерал-майору - присваивался в исключительных случаях в качестве почетного звания (его имели только два человека - Славко Кватерник и Анте Вокич). Поэтому реально Усташескую Армию возглавлял полковник (rukovnik). До осени 1944 года это был Т. Сертич, а потом, до конца войны, Ивица Херенчич. Затем следовали: подпуковник (podrukovnik, подполковник), бойник (vojnik, майор), сатник (satnik, капитан), надпоручник (nadporučnik, старший лейтенант), поручник (poručnik, лейтенант), застав-

ник (zastavnik, младший лейтенант), частнишки намъестник (častnički namjestnik, прапорщик), стож водник (stož vodnik, старшина), стражарник (stražarnik, старший сержант), водник (vodnik, сержант), разводник (razvodnik, младший сержант), ройник (rojnik, ефрейтор), и, наконец, усташ (ustas, рядовой).

В отличие от вооруженных сил НГХ, в Усташской армии, помимо мужчин, служили и женщины, при чем в боевых подразделениях. Они были связистками, санинструкторами, ординарцами, сигналистками (горн и барабан) и даже полевыми мастерами по ремонту оружия.

Из дислоцированных в Загребе и на местах усташеских боевых отрядов к осени 1941 г. удалось сформировать 12 действующих батальонов (*Ustaske djelatne bojne*) самого различного состава (от 400 до 1 000 бойцов). Эти подразделения были вооружены преимущественно легким стрелковым оружием из бывших югославских арсеналов, имели явно недостаточное количество пулеметов и минометов, использовали для передвижения реквизированный или арендованный гражданский автомобильный или гужевой транспорт, и первоначально представляли довольно пестрое зрелище. На протяжении всего 1941 г. усташеской униформы не хватало, и отличительными знаками являлись кокарды на головных уборах (нередко самодельные) и трехцветные повязки, носившиеся с гражданской одеждой, югославской или даже старой австро-венгерской формой. Равно отличали усташей и болтающиеся на поясах устрашающие ножи, которые они охотно пускали в ход во время расправ над своими жертвами. Следует отметить, что, несмотря на умение красиво маршировать на парадах и стойко держаться в бою, дисциплина даже в самых отборных усташеских подразделениях нередко оставляла желать лучшего. Процветали пьянство и мародерство, приказы нередко интерпретировались весьма вольно или попросту игнорировались, а власть командиров

всех уровней держалась на жестоких наказаниях, в т.ч. телесных . По ходу войны эта ситуация только ухудшалась.

По уровню развития партийной иерархии "Усташа" также никогда не смогла сравниться ни с НСДАП, ни с итальянскими фашистами. Многие функционеры на местах действовали по принципу: "Поглавник" распоряжается в Загребе, а здесь распоряжаюсь я" , и делали в лучшем случае - то, что считали нужным, а в худшем - то, что хотели. Несмотря на создание централизованно управлявшейся Усташеской армии, они не спешили распускать подчинявшиеся только им отряды усташеской милиции. Особенно подобное "местничество" было распространено в Боснии, где в сентябре 1941 г. появилось одно из самых печально известных усташеских формирований - 1-й ударный усташеский полк (1vi jurisna Ustaska rukovnija), имановавшийся также "Черный легион" (Crna legija). Это формирование, первоначально насчитывавшее около 800 бойцов, но вскоре удвоившее свою численность, возглавил ветеран усташеского движения и бывший политэмигрант Юре Францетич, отличавшийся как организаторскими талантами и личной храбростью, так и абсолютной безжалостностью. Под его командованием "легионеры", отличительным знаком которых стали черные головные уборы и черные рубашки (позднее - полностью черная униформа), отметились высокой боеспособностью и жестокими расправами над сербским мирным населением , о которых будет подробнее рассказано ниже.

Помимо всех упомянутых усташеских формирований, в которых к осени 1941 г. насчитывалось примерно 15 тыс. чел.* , по всей территории НГХ действовало также неопределенное количество самостоятельных отрядов и банд, позиционировавших себя как "усташи" - так называемые "дикие усташи" (divlje ustase). Эти вошедшие в историю своими зверствами (в первую очередь против сербов и цыган) группировки породил подпольный период деятельности "Устashi", когда в основе принадлежности к организации зачастую лежало не

регулярное членство, а самоидентификация. После выхода из подполья многие самочинные усташа не пожелали подчиняться Загребу, а нередко "записаться усташами" успели и уголовные элементы. Точная численность "диких усташей" учету не поддается, однако несомненно, что они исчислялись тысячами - как и их невинные жертвы.

Помимо государственного и военного строительства, "Усташа", прийдя к власти, активно занялась определением международного положения и статуса НГХ. 15 июня 1941 г. Хорватия присоединилась к антикоминтерновскому пакту, а 14 декабря - объявила войну Великобритании. Ключевую роль в становлении НГХ сыграл Римский договор 18 мая 1941 г., заключенный с Италией. Югославские историки чаще всего вспоминали территориальные аспекты этого договора, легшие в послевоенные годы в основу обвинения Анте Павелича в государственной измене. Италии была передана северная часть побережья Долмации с городами Шибеник и Сплит, а также значительная часть прибрежных островов (в этой канве НГХ заявляла об "отсутствии намерения иметь военный флот"). Однако Римское соглашение имело и важный политический компонент: оно предоставляло Италии право в течение 25 лет "выступать гарантом и защитником независимости и целостности" НГХ, а также восстанавливало монархическую форму управления хорватским государством. Королем Хорватии с именем Томислава II (прямая параллель с легендарным средневековым правителем) провозглашался представитель итальянского королевского дома - принц Аймоне Маргарита Мария Джузеппе ди Торино, герцог Аосты и Сполето. Впрочем, эти "реверансы" перед Италией носили со стороны Анте Павелича в основном декоративный характер. Ряд современных хорватских историков полагает, что негласным условием Римского договора было как раз невмешательство Италии во внутренние дела НГХ. Именно поэтому король Томислав II так ни разу и не появился в Загребе, а Муссолини не пытался навязывать хорватам свою волю .

Очевидно, что руководители "Усташа" в 1941 г. сделали ставку на проитальянскую ориентацию отнюдь не из чувства благодарности "дуче" за многолетнее тюремное заключение. Декларируя союз с Италией, в балканской политике делавшей ставку на местные политические силы, они тем самым заручались неприкосновенностью НГХ перед Третьим рейхом, который не был склонен предоставлять своим союзникам в бывшей Югославии чрезмерной автономии. Пример: прогерманское сербское правительство генерала Милана Недича, вынуждено было разместить на своей территории крупные и имевшие фактически неограниченные полномочия германские оккупационные контингенты, в то время, как присутствие Вермахта в НГХ до 1943 г. было гораздо менее заметным.

Тем не менее, и нацистской Германии "Усташа" были вынуждены сделать территориальный подарок: придунайская воеводинская область Срем, примыкавшая непосредственно к Белграду, в мае 1941 г. была передана под управление германской оккупационной администрации. Очевидно, гитлеровцы, предчувствуя кровопролитное столкновение между хорватами и сербами, поспешили создать "подушку безопасности" на наиболее важном направлении. Венгрии отошла область Баранья на северо-востоке Хорватии, заселенная преимущественно этническими венграми и сербами . Впрочем, как и планировали усташа, щедрой компенсацией за их территориальную уступчивость стало присоединение к НГХ Боснии и Герцеговины. Согласно официальным данным Загреба, новая хорватская держава заняла 115.133 кв. км., а ее население составило 6 966 729 чел. Из этого числа "чистых хорватов" было 4,817 млн. чел. (включая и босняков-мусульман), "этнических сербов" - 1,848 млн. чел., "фольксдойче" - 145 тыс. чел., венгров - около 70 тыс. чел., словенцев - 37 тыс. чел., словаков и чехов - 44 267 чел. За пределами НГХ проживало 1 727 548 хорватов . Евреи и цыгане в перепись населения внесены не были, что красноречиво свидетельствовало об уготованном им усташами будущем.

Глава 4. Этнические чистки и вооруженная борьба на территории НГХ в 1941-42 гг.

После установления усташеского режима территорию НГХ захлестнула волна массовых убийств и депортаций сербского гражданского населения. Оценки югославскими и западными исследователями числа мирных сербов, погибших от рук усташей, разнятся от 290 до 600 тыс. чел. Некоторые современные сербские авторы полагают, что речь может идти о 700 тыс. или даже о 1 200 тыс. жертв, что дает им основания говорить о "развязанном хорватскими приспешниками нацистов в годы Второй мировой войны геноциде сербского народа". Западные и хорватские историки предпочитают пользоваться выражением этнические "чистки", тем более, что именно этим термином (*ciscenje*) сами усташа именовали свою кровавую политику в отношении "неарийцев". Так или иначе, это не меняет сущности тягчайших военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных приверженцами "Усташ" в 1941-1945 гг. На фоне злодеяний против сербского народа, нередко менее известным остается тот факт, что усташа внесли свой зловещий вклад в развязанный нацистами геноцид евреев ("холокост") и цыган, число жертв среди которых в НГХ достигло 32 тыс. и 26 тыс. соответственно (в довоенный период на территориях, вошедших в НГХ, проживало около 40 тыс. евреев, число цыган точно установить сложно).

Жестокие расправы усташей над сербами в 1941 г. начались с первых дней существования НГХ. Некоторые хорватские авторы полагают, что разгулу насилия способствовали появившиеся сведения о том, что националистически настроенные сербские военнослужащие и резервисты, объединившиеся в иррегулярные вооруженные формирования ("четники"), на сербо-хорватской границе и в Боснии расстреливали этнических хорватов, которые возвращались домой из частей развалившейся югославской армии. Среди погибших был

международно известный парашютист-спортсмен капитан югославских ВВС Феликс Доминиканич, вместе с несколькими летчиками и авиатехниками-хорватами убитый сербскими жандармами близ сараевского аэродрома 15 апреля. Установлено, что все они честно исполняли свои воинские обязанности; Доминиканич выполнил 14 боевых вылетов. Под расстрелом он крикнул: "Ублюдки, стреляете по своим боевым товарищам!" Известны также несколько случаев казни захваченных усташей в последние дни апрельской войны по приказу сербских офицеров. Например, 13 апреля бойцы Летучего отряда, которым командовал будущий лидер четницкого движения Сербии полковник Драголюб "Дража" Михайлович, после подавления сопротивления в хорватском селе Дервента сбросили нескольких усташей на штыки из окна здания управы . Все эти эпизоды облегчили в апреле 1941 г. пропагандистскую компанию "Усташа" для развязывания антисербского террора. Охватившее НГХ кровавое безумие было спонтанным по характеру, но подготовленным десятилетиями накапливавшейся в хорватском обществе ненавистью к сербам, планомерно взвинчивавшейся и направлявшейся в выгодное русло ультра-националистами типа усташей.

В отличие от Гитлера и других функционеров Третьего рейха, Анте Павелич и его ближайшие сподвижники избегали оставлять документальные свидетельства своей командной ответственности за проведение в НГХ этнических чисток. Однако достоянием истории стали их многочисленные устные и публицистические заявления, четко говорящие о том, что готовили усташи "неарийскому населению" НГХ. Сам "поглавник" недвусмысленно заявил: "Если государство и я должны будем исчезнуть, все же после нас останется некая единая национальная территория Хорватии, которую мы оставим как наследство... Тогда по крайней мере сербский вопрос будет решен" . "Решения сербского вопроса" усташи планировали достичь посредством уничтожения 1/3

проживавших в НГХ сербов (в первую очередь интеллектуальной элиты, православного духовенства и лиц с активной общественной позицией), депортации еще 1/3 в Сербию и Черногорию (этого должно было хватить для личных знакомых усташей, которых им все-таки было стыдно убивать), и обращения оставшейся 1/3 (в основном молодых женщин и детей, а также неграмотных крестьян) в католическую веру и "хорватство". Считается, что авторство этой "пропорции" принадлежит министру внутренних дел усташеского режима Андрие Артуковичу. Не менее красноречивы были и антисемитские заявления: уже 20 апреля 1941 г. на страницах официоза "Хорватский народ" главный усташеский публицист Миле Будак опубликовал призыв: "Против евреев срочно должны быть приняты наистройнейшие меры".

Усташеское руководство начало репрессивную политику против "неарийцев", указами от 21-23 мая 1941 г. по примеру нацистов введя постоянное ношение им желтых нарукавных повязок с заглавной буквой "Z" (Zid, еврей) - для евреев, "C" (Cigan, цыган) - для цыган и "P" (Pravoslavac, православный) - для сербов. Справедливости ради следует отметить, что эти повязки на практике были розданы лишь в наиболее крупных городах, однако в провинции усташи и так безошибочно идентифицировали своих жертв. Организованные убийства сербов начались во второй половине апреля 1941 г. и достигли апогея 28 июня, в традиционный сербский религиозно-общественный праздник Видовдан (память битвы на Косовом поле 1389 г.), когда усташи в массовом порядке "накрыли" православных, собравшихся на церковные службы. Наметилась драматическая тенденция, что в крупных городах сербское, еврейское и цыганское население в массовом порядке арестовывалось и сгонялось в места предварительного содержания, в то время, как в провинции сербы в основном безжалостно уничтожались, евреи - эпатировались в районные центры, а цыган поначалу не трогали. Более того, усташи нередко заставляли цыган-

ские оркестры играть во время расправ и своих пирушек. Исполнителями кровавой работы в большинстве случаев выступали местные руководители отделений "Усташа" с подчинявшимися им боевыми отрядами, к которым в Боснии присоединились формирования мусульман.

Вот лишь несколько примеров усташеских зверств 1941 г., описанных отнюдь не враждебными НГХ очевидцами. Пишет итальянский генерал А. Лузана: "Объезжая места... к северу от Дубровника, я узнал от наших офицеров связи, что усташа Павелича накануне совершили преступления в селе Пребиловцы... Мне не хватает слов, чтобы описать то, что мы там застали. Из более чем тысячи человек в селе больше нет никого. Спаслись только около 300 вооруженных мужчин, которые смогли прорвать усташеское окружение и бежать в горы... Усташа похватали остальных 700 жителей села Пребиловцы, всех их бросили в яму и убили зверским образом. В школе мы обнаружили зарезанными учительницу и... ее учеников. Ни один ребенок не был старше 12 лет!.. Резня сербов достигла таких масштабов, что в этих краях отравлены многие водоемы. Из одного родника в Поповом Поле, недалеко от ямы, в которую было брошено 4 000 убитых сербов, била красноватая вода, я лично проверил это!" Свидетельствует мостарский католический епископ д-р Милич: "Из Мостара и Чаплина по железной дороге было отправлено шесть вагонов женщин, девушек и детей... Их довезли до станции Сурманцы, где вывели из вагонов, завели в горы и живыми сбросили - матерей и детей - в глубокие пропасти. В приходе Клепца были перерезаны 700 схизматиков (православных - прим. авт.) из соседних деревень". Вспоминает Д. Антишич, летом 1941 г. молодой рядовой усташ, со своим подразделением захвативший пытающихся бежать в Черногорию воспитанниц женского православного пансиона в Сараево и их наставницу: "Аца обругал наставницу "старой крысой" и заколол штыком на глазах у ее учениц... Мы заперли насмерть перепуганных девушек в караулке и уселись пить, громко, чтобы

они слышали, хвалясь, как завтра будем насиловать и резать их” . Правда, в последнем случае начинающие усташа, проторзевев, опомнились и помогли своим сербским сверстницам перебраться через границу, но это был редкий случай.

Тем не менее, было бы неверным полагать, что все усташа являлись жестокими фанатиками или подонками, патологически склонными к насилию; в их рядах было немало романтиков и просто случайных людей, оказавшихся там по стечению обстоятельств. Однако, хотя почти все современники вспоминают, что многие усташа самоустранились от участия в расправах, или даже открыто отказывались убивать мирных людей вопреки угрозе дисциплинарного наказания, случаи, когда члены ”Усташа” любых рангов пытались воспрепятствовать этническим чисткам или спасти обреченных, были крайне редки (Самым известным из них, признанным даже югославскими коммунистическими авторами, является отказ усташского руководителя Сребреницкого уезда, Босния, д-ра Асима Чемерлича выполнить приказ властей из Тузлы и Сараево о ”зачистке” сербов. Впрочем, в сентябре 1941 г. Чемерлич и большинство его людей были убиты при нападении партизан; пришедшие следом каратели отыгрались на сербском населении). Вероятно, бредовая идея о том, что присутствие ”неарийцев” является угрозой независимой Хорватии, прочно укоренилась в сознании очень многих хорватов начала 1940-х гг. В то же время необходимо отметить, что к сербам, находящимся за пределами НГХ, усташа относились вполне нейтрально. С весны 1942 г. режим Анте Павелича поддерживал дипломатические отношения с коллаборационистским сербским правительством генерала Недича, и их вооруженные силы даже проводили совместные операции против партизан .

Единственной влиятельной силой, с первых дней усташского террора ставшей на защиту сербов и евреев, вопреки созданному коммунистической историографией стереотипу, являлась католическая церковь Хорватии. Несмотря на то,

что некоторые приходские священники, зараженные идеями национализма, одобряли убийства или даже принимали в них участие, большинство высшего духовенства выступало в защиту невинных жертв. 14 мая 1941 г. архиепископ Степинац поводом убийства усташами в Глине 260 сербов направил Анте Павеличу письмо следующего содержания: "Я знаю, что сербы совершили тяжкие преступления в нашем отечестве за 20 лет своей власти. Но все равно считаю своей епископской обязанностью поднять свой голос в их защиту и заявить вам, что происходящее противоречит католической и человеческой морали. Прошу вас принять самые скорые меры, чтобы на территории Независимого государства Хорватии больше не был убит ни один серб, если только судом не будет доказано, что он виновен в деяниях, наказуемых смертной казнью". 22 мая Степинац протестовал против решения о том, что все евреи должны носить отличительные повязки. Когда загребскому архиепископу стало ясно, что усташеские власти игнорируют его требования, и репрессии ширятся, он разослал священникам на местах циркуляр следующего содержания: "Когда придут к вам лица православного и иудейского вероисповедания, которые находятся в смертельной опасности, и захотят перейти в католичество, сделайте это ради спасения человеческих жизней без промедления. Не требуйте от них никакого особого знания веры, так как православные такие же крещеные, как и мы, а из иудейской веры христианство ведет свои корни". Следуя наставлениям своего архипастыря, многие католические священники Хорватии внесли посильный вклад в спасение сербов и евреев, а также в "смирение ярости" рядовых усташей. Впрочем, католическое духовенство не преминуло воспользоваться сложившейся ситуацией и для традиционного для него прозелитизма. "Нужно приложить все силы, чтобы воспрепятствовать массовому переходу сербов из чувства протеста в ислам, - писал тот же Алоизие Степинац. - С учетом этого надо особенно ответственно подходить к отбору миссионеров для работы

среди них". Считается, что число "новых католиков" среди сербов, православную религиозность которых многие беспристрастные наблюдатели признают скорее показной, чем искренней, вскоре достигло 300 тыс. чел.

Однако не все искали спасения в новой вере. Массовые убийства усташами сербского населения вызвали в июне 1941 г. начало стихийного восстания в местах его компактного проживания - в восточной Боснии, на боснийском плоскогорье Козара и в Крайне (обширная область в центральном районе хорватско-боснийской границе). Сербские крестьяне-поселенцы, многие из которых традиционно имели в доме оружие, объединялись в импровизированные боевые отряды и прикрывали отступление в труднодоступные горнолесистые районы своих семей. Присутствие остаточных групп сербских военнослужащих и жандармов, не прекративших сопротивления с окончанием войны и в мае-июне 1941 г. активно организовывавшихся в так называемое "четническое движение" (четнички покрет) вокруг полковника "Дражи" Михайловича, придало этому восстанию элемент организации. После нападения нацистской Германии на СССР политбюро ЦК югославской компартии (КПЮ) во главе с генеральным секретарем Иосипом Броз Тито также принимает решение о начале вооруженной борьбы и создает Главный штаб "Народно-освободительных партизанских отрядов Югославии" (*Narodnooslobodilacki partizanski odredi Jugoslavije*). После этого к руководству восстанием сербов в НГХ подключаются и коммунисты. Парадоксально, но в первые месяцы они и монархисты-четники действуют там сообща, хоть и не всегда согласованно, а ожесточенные стычки на идеологической основе происходят в основном словесно на совместных военных советах. Более того, несмотря на то, что быстро обособляются четнические и партизанские (термин "партизанский" в годы Второй мировой войны в Югославии становится синонимом "коммунистический") отряды, во многих сербских повстанческих формированиях в Боснии долгое время одни

бойцы продолжают носить на шапках монархические кокарды, а другие - красные звездочки . Силы повстанцев вскоре исчислялась в 20 тыс. чел. В т.ч. коммунисты смогли развернуть шесть крупных отрядов численностью 7 300 бойцов, на вооружении которых было даже несколько горных орудий . Летом-осенью 1941 г. сербские "народные мстители" вели с усташеско-домобранскими частями ожесточенные бои. Отсутствие у обеих сторон серьезного боевого опыта в сочетании с высоким боевым духом превратили боевые действия на этой стадии в кровавое столкновение бойцов-любителей, в котором и сербы, и хорваты нередко допускали фатальные тактические ошибки и несли тяжелые потери. К сентябрю-октябрю 1941 г. четнико-партизанским подразделениям удалось установить контроль над значительными районами восточной Боснии с городами Братунац, Сребреница, Горажде, Власеница, Олово, Рогатица, Фоча и Чайниче. Повсеместно это сопровождалось резней четниками мусульманского мирного населения и хорватских пленных, которую сербские националисты провозгласили "актом отмщения"; коммунисты уничтожали тех, кто попадал под определение "классового врага" без разбора национальной принадлежности. В свою очередь, усташеско-домобранские силы, среди которых наибольших успехов добился "Черный легион" майора Юре Францетича, сумели разгромить несколько крупных группировок повстанцев, сопровождая это массовыми убийствами всех попадавших им в руки сербов . Однако подавить восстание они были не в силах. Германские и итальянские части, которых на территории НГХ было немного и которые занимались преимущественно обеспечением и охраной коммуникаций, в 1941 г. принимали участие в боевых действиях только когда подвергались нападениям партизан. Четники, зная о практиковавшихся немцами в Сербии расстрелах 100 заложников за одного убитого солдата и 50 - за раненого, предпочитали не провоцировать оккупантов. Это стало одним из поводов к обострению конфликта между коммунистами и

монархистами, но на территории НГХ их непрочный союз продержался дольше всего.

Боевые действия в Боснии интенсифицировались зимой 1941-42 гг., когда главные силы коммунистических партизан Тито потерпели поражение в Сербии от немецких оккупантов, войск правительства Недича и четников (падение "Ужицкой республики"). Не находя массовой народной поддержки на сербской территории, Тито принял решение перенести центр борьбы в Боснию. В декабре-январе 1941 г. партизаны, в т.ч. отборная 1-я пролетарская ударная бригада, пополнившаяся черногорскими коммунистическими отрядами, совершили форсированный марш по заснеженным горам (Игманский марш) и соединились с сербскими повстанцами в Боснии. Произошел жесткий захват коммунистами руководства сербским восстанием с ликвидацией всех неудобных им командиров; четники ответили убийствами коммунистов. С этого момента шаткий союз между партизанами и четниками окончательно развалился и сменился яростным вооруженным противостоянием, которое, впрочем, не мешало обеим сторонам сражаться и с усташами. Видя неспособность своих хорватских союзников положить конец партизанскому движению, гитлеровское командование 15 января 1942 г. впервые активно вмешалось в борьбу на территории НГХ, бросив против партизан в Восточной Боснии 342-ю и 718-ю пехотные дивизии. Однако, несмотря на мощное огневое превосходство и воздушную поддержку, эти полевые соединения оказались в условиях партизанской войны в горно-лесистой местности менее эффективны, чем усташи и домобраны. Впрочем, домобранские части, комплектуемые на основании всеобщей воинской обязанности "арийского населения" в НГХ, тоже демонстрировали весьма неравномерную боеспособность. Оплачеными большими потерями, успехи антипартизанской операции оказались ограниченными, и в основном были достигнуты хорватскими частями. Жертвы гражданского населения, сербского и мусульманского, без-

жалостно уничтожавшегося всеми сражающимися сторонами, вновь исчислялись многими тысячами. Партизаны, хоть и изрядно потрепанные, продолжали контролировать немалую часть территории НГХ.

Руководство "Усташ" полностью осознавало в целом неудачный для него ход боевых действий в 1941-1942 гг., что вызвало соответствующие военно-организационные мероприятия. НГХ все больше милитаризировалась. Была существенно увеличена Усташеская армия: в 1942 г. были созданы дополнительно 27 усташеских действующих батальонов (получившие номера с 13-го по 39-й). Для подготовки личного состава из усташеской молодежи и мобилизованных на военную службу партийцев старших возрастов по территориальному принципу были сформированы 27 учебных батальонов (*Ustaske pripremne bojne*), которые также привлекались к выполнению охранных задач. В конце 1942 г. 39 действующих батальонов были переформированы в шесть оперативных бригад (I-VI). Каждое подобное соединение (*Ustaski stajaci djelatni sdrug*) включала в себя от четырех до девяти батальонов и, как правило, артиллерийское подразделение. Пять бригад располагали также танковыми ротами. Эти подразделения были укомплектованы преимущественно легкими танками CA "Fiat Ansaldo" L6/40 и танкетками CV "Fiat Ansaldo" L38 итальянского производства, однако встречались и настоящие бронированные раритеты типа архаичных французских танков "Renault" FT-17 и бронеавтомобилей самых разных моделей, унаследованных от югославской королевской армии. Позднее было сформировано еще 12 бригад (VII-XVIII), а также Загребская гарнизонная бригада. Всего до 1944 г. было создано 89 усташеских батальонов, из них 66 действующих, два запасных, один охранный, четыре - железнодорожной охраны и шестнадцать гарнизонных. Гарнизонные батальоны (*Posadne bojne*) были переформированы из бывших учебных. К 1944 г. Усташеская армия насчитывала 76 тыс. бойцов, т.е. была проведена почти полная мобилизация всех членов

”Устаси” (как мужчин, так и женщин, с 1943 г. направлявшихся на практически все нестроевые должности - от санитарок и поваров до водителей и оружейных техников).

Под угрозой партизанских и четницких диверсий были серьезно усилены усташеские части, охранявшие первых лиц НГХ и особо важные правительственные объекты. 10 мая 1942 г. батальон лейб-гвардии ”поглавника” был развернут в бригаду (*Poglavnikov tjelesni sdrug*), состоящую из гвардейского, кавалерийского и автомобильного батальонов. К концу 1943 г. бригада включала в себя уже два полка, семь батальонов и одну танковую роту.

Для охранной службы на железнодорожных коммуникациях были созданы Усташеские железнодорожные части (*Zeljeznička vojnica*). В 1942 г. восемь подобных батальонов были реорганизованы в 1-ю и 2-ю Коммуникационные бригады.

В Усташеской армии на особых правах служили этнические немцы. К сентябрю 1942 г. существовало четыре немецких батальона: ”Принц Ойген”, ”Людвиг фон Баден”, ”Генерал Лаудон” и ”Эмануэль фон Байерн”. Формально являясь усташескими частями, ”фольксдойчи” получили черное обмундирование и знаки различия СС. Они участвовали в антипартизанской борьбе в Славонии и Среме, охотно подчиняясь германскому командованию и нередко игнорируя приказы из Загреба. Таким образом Третий рейх создал своеобразный фундамент для развертывания впоследствии в НГХ частей Войск СС (*Waffen SS*). В свою очередь, Анте Павелич всеми возможными способами сопротивлялся этому, настаивая на полной самостоятельности своих вооруженных сил. Домобранские части, выделенные Павеличем для участия в войне нацистской Германии против СССР - 369-й усиленный пехотный полк (3 пехотных и 1 учебный батальоны, артдивизион и подразделения усиления), Хорватский воздушный легион (истребительная и бомбардировочная эскадрильи) и Хорватский морской легион (флотилия тральщиков-охотников, береговая батарея и рота морской пехоты) были единствен-

ными, поставленными под германское командование, однако с сохранением статуса войск НГХ. По отношению к официальным покровителям НГХ итальянцам эта позиция "поглавника" была несколько мягче, и в ноябре 1941 г. им было позволено сформировать для действий на Восточном фронте Моторизованный хорватский легион (*Legia Croata autotransportabile*) в составе "чернорубашечной милиции". Эта часть состояла из двух пехотных и одного резервного батальонов, артдивизиона и минометной роты и насчитывала 1 320 чел. Все вышеуказанные "экспедиционные" части, кроме военно-морских и военно-воздушных, были перемолоты в битве под Сталинградом.

Существенную реорганизацию претерпели также армейские структуры (*Domobranstvo*), в составе которых под влиянием реалий партизанской войны в 1942 г. появились горная дивизия (4 четырехбатальонных бригады, 17 тыс. чел.) и три броне-механизированных батальона. В ВВС были развернуты 7 авиаполков (19 авиаэскадрилий, имевших на вооружении самолеты германского, итальянского, французского, чешского и югославского производства. Наиболее современными из них были из истребителей: более 50 "Messerschmitt" Bf-109 и 48 "Morane-Saulnier" M.S.406; из бомбардировщиков: 62 "Dornier" Do-17. За годы войны хорватские пилоты одержали около 200 воздушных побед, 164 из которых - на Восточном фронте), парашютная рота и зенитно-артиллерийские части (последние успешно использовались для обстрела высокогорных целей). Общая численность армейских структур была доведена к 1943 г. до 100 тыс. чел.

Такое развертывание вооруженных сил привело к тому, что к исходу 1941 г. НГХ полностью исчерпала свои скучные арсеналы и была вынуждена обратиться за помощью в вооружении и оснащении своих частей к покровителям - фашистской Италии и нацистской Германии. В результате на протяжении всей войны в Хорватию поступали ограниченные партии германского и итальянского оружия (в основном автома-

тического), боевой техники (авиационной и бронетанковой), снаряжения и обмундирования. Однако в основном немцы и итальянцы ограничились тем, что открыли для усташеского режима склады с трофеями, захваченными в апреле 1991 у югославской армии. До самого конца войны усташи и домобраны воевали преимущественно устаревшим югославским оружием и испытывали острую нехватку в боевых материалах и даже в единообразной униформе. В свою очередь, НГХ расплачивалась за поставки продукцией национального сельского хозяйства и легкой промышленности, предоставлением своим партнерам концессий и рабочей силы для развертывания на ее территории экстерриториального производства, а также рядом юридических льгот. В частности, с февраля 1942 г. германские и итальянские военнослужащие, совершившие на хорватской территории уголовные и военные преступления, были неподсудны органам юстиции НГХ.

Значительно окрепшие и приобретшие боевой опыт усташеско-домобранские силы весной-летом 1942 г. перешли в широкомасштабное наступление против коммунистических партизан Иосипа Тито во всех основных районах их активности. Германские и итальянские части, вопреки созданному югославскими историками стереотипу, на данном этапе вновь выполняли вспомогательные функции.

Однако Анте Павелич был намерен действовать против коммунистов не только военными методами. В 1942 г. усташеский режим сделал ставку на то, чтобы политико-идеологическими маневрами лишить партизан их основной опоры на территории НГХ - доведенного до отчаяния хорватским террором сербского крестьянства. Поняв, что решить "сербскую проблему" репрессивно-карательными методами ему не удастся, "поглавник" принял решение "сменить кнут на пряник". В марте 1941 г., т.е. сразу после провала зимнего германско-хорватского наступления, в НГХ была объявлена амнистия "всем участникам вооруженных банд" с обещанием, что они "не понесут никакого наказания за любую преж-

нюю боевую деятельность”, если сложат оружие и ”вернутся в свои дома к мирному труду”. ”Всем, кто искренне признает государство Хорватию, хорватское правительство гарантирует равенство перед законом независимо от национальности и вероисповедания и обеспечит защиту жизни и имущества”, - гласил текст амнистии, контроль за соблюдением которой брало на себя командование германскими войсками на территории НГХ. При этом официальный Загреб лицемерно возлагал ответственность за резню сербов весной-летом 1941 на ”некоторых безответственных и злонамеренных вожаков местных формирований”, велеречиво суля ”открытое расследование и законное наказание их злодеяний над нашими сербскими друзьями и соседями” .

Одновременно усташеское руководство начало искать путей заключения перемирия со своими бывшими заклятыми врагами - четниками. При посредничестве сербского правительства генерала Недича в Белграде весной 1941 г. эмиссарам НГХ удалось установить непосредственный контакт с представителем ”Дражи” Михайловича в Боснии майором Ездимиром Дангичем. Упирая на смертельную опасность, исходящую от общего врага - коммунистов, хорватские националисты призывали сербских националистов объединить свои усилия в борьбе против него. Сам руководитель четнического движения ”Дражи” Михайлович всегда отрицал любой ”преступный союз с кровавыми усташами”; однако майор Дангич, прагматичный командир, придерживался иного мнения. В обмен на прекращение репрессий против сербского населения НГХ и наказание виновных усташеских функционеров, он был готов на ”некоторые частные соглашения о совместных действиях против красных”. В результате в апреле 1942 г. Баня-Луке было подписан договор, которым фиксировалось, что ”участники четнических формирований признают Независимое государство Хорватию... а потому прекращают все враждебные действия против военных и гражданских властей НГХ. Четнические части совместно с вооруженны-

ми силами НГХ добровольно будут содействовать разгрому и уничтожению коммунистическо-большевицких банд под общим руководством командующего всеми вооруженными силами "поглавника" НГХ, командиры же четницких частей (воеводы) будут сами руководить своими операциями..." . В соглашении также предусматривалось самоуправление сербских общин на территории НГХ и исполнение молодыми сербами воинской обязанности исключительно в "четницких частях". Т.е. фактически признавался "статус кво", достигнутый боснийскими и крайними сербами в ходе восстания 1941 г.

Еще одним методом подчинения усташеским режимом сербского населения было создание в 1942 г. так называемой "Хорватской православной церкви" (Hrvatska pravoslavna crkva, ХПЦ), независимой от Сербской патриархии в Белграде. Необходимо заметить, что из 577 представителей православного духовенства на территории НГХ 219 (в т.ч. трое епископов) были убиты, а большая часть оставшихся в живых изгнаны в Сербию еще в 1941 г. Было разрушено 299 православных храмов . Усташа рассчитывали, что сербское население, оставшаяся без духовных пастырей и церквей, должно было потянуться в новую церковь. Проектом создания ХПЦ занимался Отдел веры министерства обновления НГХ, в компетенцию которого ранее входила ликвидация православных церквей и обращение сербов в католичество. Этот отдел организовал в Загребе инициативную группу православной сербской интеллигенции, которая составила прошение об основании новой церковной общине. 3 апреля 1942 г. Анте Павеличем было подписано "Законное определение о Хорватской православной церкви". Вскоре в храме Преображения в Загребе была проведена первая литургия, которую служил православный священник хорватского происхождения Васо Шурман. Он же обнародовал по радио и в печати призыв к православным сербам переходить в ХПЦ. Усташеский режим также обратился за помощью в создании

ХПЦ к русской белоэммиграции, довольно широкие круги которой в бывшей Югославии сотрудничали с оккупантами. 80-летний архиепископ Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) Гермоген (Г. И. Максимов) согласился возглавить православных в НГХ. 29 мая 1942 г. "поглавник" принял делегацию ХПЦ во главе с Гермогеном, а 5 июня подписал устав ХПЦ, где именовал "преосвященного архиепископа Гермогена митрополитом Загребской митрополии ХПЦ с резиденцией в Загребе". 8 июня в загребской церкви Преображенья "союзный" румынский патриарх Никодим рукоположил Гермогена в сан митрополита. Глава ХПЦ немедленно принес клятву верности НГХ и "поглавнику" Анте Павеличу. Новая церковь пользовалась поддержкой усташеского режима, издавалась газета "Глас православия", но серьезной проблемой ХПЦ оставалась нехватка готового сотрудничать с ней духовенства. Например, ХПЦ делилась на четыре епархии, но из-за отсутствия иерархов Гермоген был вынужден назначить туда архиерейских наместников; все они были русскими эмигрантами. Единственный епископ ХПЦ Спиридон (Мифка) был рукоположен в августе 1944 г. 27 июля 1942 г. при содействии внешнеполитического ведомства НГХ Гермоген получил каноническое признание от Вселенского патриарха. Последовало признание от всех православных церквей стран "Оси", а также находящихся под оккупацией.

Сербские авторы полагают, что конечной задачей ХПЦ было заключение унии с Римом, аналогичный тезис широко пропагандировался в годы войны и Сербская патриархия, которая признала ХПЦ не каноничной. Все священники, пошедшие за ХПЦ, должны были лишиться сана и подвергнуться церковному суду. Синод Сербской православной церкви обратился с жалобой к главе РПЦЗ митрополиту Анастасию; в результате на архиерейском суде Гермоген был исключен из состава Синода РПЦЗ, а его действия были признаны "нарушающими права сербской церкви". Значительная часть православных в Боснии и Хорватии остались верны Сербской

православной церкви. Тем не менее, до 1944 г. было создано 65 приходов ХПЦ, причем треть священников в них происходила из русской эмиграции .

Следует признать, что новая политика усташей вскоре принесла свои плоды. Даже коммунистические историки Югославии признавали, что весной-летом 1942 г. сербское население НГХ в массовом порядке отвернулось от партизан Тито. Своими жестокими реквизициями продовольствия и скота, убийствами "классовых врагов" и насаждением идеалов социализма, коммунисты оказались глубоко чужды мелкобуржуазному сознанию сербского крестьянина. В то же время четники, оперировавшие постулатами "веры, короля и отечества", представлялись ему "своим войском". Соглашение четнических воевод с усташами, вопреки усилиям партизанских пропагандистов, было воспринято сербским населением НГХ как победа, т.к. узаконивало все завоевания восстания лета-осени 1941 г. Плоды этого не замедлили сказаться в принявшем для партизан характер эпидемии переходе "унаследованных" ими от сербского восстания бойцов в лагерь четников. Так, только за последнюю неделю апреля 1942 г. в Восточной Боснии на сторону четников перешли четыре партизанских батальона - Мокраньский, Чрновырхский, Нишничкий и Варешский в полном составе и во главе со своими командирами (политкомиссары при этом были убиты) .

Несмотря на то, что силы партизанской Народно-освободительной армии Югославии (Narodnooslobodilacka vojska Jugoslavije, НОАЮ) в 1942 г. были примерно сопоставимы с хорватскими вооруженными силами, этот год ознаменовался для югославских коммунистов самыми тяжелыми поражениями на территории НГХ. В Восточной Боснии усилившиеся четники и усташеско-домобранские части упорно теснили партизан, сократив контролируемые ими районы до масштаба незначительных анклавов. Тяжелое поражение потерпели партизаны в июне-июле 1942 г. на плоскогорье Козара, где 21-тысячный ударный корпус войск НГХ при поддержке 3

тыс. четников и 9 тыс. гитлеровских и венгерских военных за считанные дни разгромил дислоцировавшуюся там сильную группировку НОАЮ (Bitka za Kozaru). Однако, сами потеряв в боях до 3 тыс. чел. убитыми и ранеными, усташи, домобраны и оккупанты обрушили на местное население чудовищные репрессии. 68 тыс. жителей, обвиненных в пособничестве партизанам, были депортированы в концентрационные лагеря, а еще более 33 тыс. гражданских лиц и партизан - убиты. Только менее 900 партизан сумели мелкими группами просочиться из окружения. Особенно устрашающую репутацию заслужили своими безжалостными карательными операциями на Козаре батальоны печально знаменитого "Черного легиона" под командованием очень популярного в рядах усташей майора Юре Францетича.

Оказавшись в тяжелом положении, Иосип Броз Тито и командования НОАЮ сумели, тем не менее, продемонстрировать смелое стратегическое мышление и умелое тактическое руководство своими войсками. Осенью 1942 г. ими была начата скрытная передислокация всех сохранивших боеспособность партизанских сил на территории НГХ в Крайну - преимущественно горный район на боснийско-хорватской границы. Несмотря на тяжкие лишения, партизанам удалось сконцентрироваться в заданных районах. 2-4 ноября 8 отборных партизанских бригад, усиленных артиллерией, внезапно развили мощное наступление на крупный районный центр Бихач (Bihacka operacija). **Несмотря на отчаянное сопротивление** противостоявших им 4-й усташской бригады и 12-го пехотного полка НГХ, партизаны успешно овладели городом*. После победы партизанами были убиты 130 захваченных ими (преимущественно раненых) усташей, а, по данным хорватских авторов - еще и 740 пленных домобранов и служащих местной администрации. Воспользовавшись возникшим в Загребе замешательством, главным силам НОАЮ в ноябре-декабре 1942 г. удалось подтянуться в район операции и установить контроль над обширными территориями Крайны (более 40 тыс. кв. км.), создав так называемую "Бихачскую ре-

спублику" (Bihacka republika). Под защитой оборонительных рубежей на труднопроходимых горных перевалах, партизаны использовали ее как плацдарм для наращивания сил.

Поспешно организованные попытки хорватских войск ликвидировать "коммунистическое царство" потерпели неудачу: усташеское руководство явно запаниковало и бросало свои силы в бой по частям прямо "с колес" без должной подготовки. В серии таких провальных атак 22-27 декабря 1941 г. у городка Ливно под шквальным огнем партизан личный состава элитного усташеского "Черного легиона" понес такие катастрофические потери, что эта часть вскоре была переформирована. Тогда же был смертельно ранен при неясных обстоятельствах его командир Юре Францетич, недавно назначенный Анте Павеличем командующим всеми усташескими силами в районе Бихача. Существует легенда, что, получив категорический приказ "поглавника" атаковать много-кратно превосходящего противника, Францетич в знак протesta повел своих людей в атаку лично, под барабанный бой. Умирая, он успел своей кровью нарисовать на снегу символ организации "Усташа" - букву "U". Согласно другой версии после конфликта с Павеличем по вопросу о союзе с четниками самолет, на котором Францетич возвращался из Загреба к своим людям, потерпел катастрофу в результате диверсии. Якобы его даже пытались спасти партизаны, чтобы затем обменять на 100 пленных коммунистов.

События ноября-декабря 1942 г. стали первыми признаками захвата партизанами инициативы в боевых действиях на территории НГХ.

Глава 5. Усташеские лагеря смерти. Кризис НГХ в 1943-1944 гг.

Прекращение в начале 1942 г. усташеским режимом убийств сербов по национальному принципу не означало снижения активности репрессивно-карательной системы в

НГХ. На смену этническим чисткам пришло массовое уничтожение мирных жителей, подозревавшихся в поддержке партизан. «Центр тяжести» расправ усташей над всеми неугодными переместился в это время с «полевых акций» в концентрационные лагеря, которые по масштабам злодеяний могли соперничать с самыми известными «фабриками смерти» в Третьем рейхе.

Организацией и деятельностью усташеских концентрационных лагерей ведало III управление усташеской охраны (III ured Ustaske obrane) Усташской службы надзора (Ustaska nadzorna sluzba), т.е. 15-тысячной политической полиции НГХ, которую возглавлял Евген "Дидо" Кватерник. Первый охранный батальон во главе с полковником Векославом "Максом" Любуричем, на который возлагались непосредственные функции легерной охраны, был сформирован в июне 1941 г. В январе 1942 г. батальон был переформирован в охранную бригаду (1 Ustaški obrambeni sdrug), а летом того же года была создана еще одна (2-я) бригада, выполнявшая аналогичные функции (в декабре 1943 г. она была расформирована). С декабря 1943 по март 1944 гг. 1-я бригада носила наименование Лагерной охранной бригады. В январе 1945 г. это соединение численностью 13 тыс. чел., ранее выполнявшее преимущественно задачи по охране концентрационных лагерей, влилась в состав 18-й штурмовой дивизии (18 jurisna divizija) вооруженных сил НГХ и приняло участие в боевых действиях завершающего этапа войны .

Первый и самый известный концентрационный лагерь (sabirni logor) на территории НГХ был основан не позднее 24 июля 1941 г. (точная дата до сих пор является предметом исторических споров, как и многие другие аспекты этого трагического события) в местечке Ясеновац у реки Сава на хорватско-боснийской границе. К 1944 г. он разросся до пяти филиалов, носивших порядковые номера с 1-го по 5-й, самый крупный из которых располагался в местечке Стара Градишка; кроме того, существовал отдельный женский филиал ла-

геря в Млаке. Численность узников Ясеноваца, на основании оценок современных исследователей, могла достигать от 50 до 90 тыс. чел. Однако точное число людей, прошедших через эту фабрику смерти не поддается учету: в апреле 1945 г. усташская администрация целенаправленно уничтожила всю важнейшую документацию, касавшуюся деятельности ее пенитенциарной системы; к тому же неизвестно, насколько точно она велась. Югославская правительственная комиссия, в послевоенные годы занимавшаяся расследованием преступлений в Ясеноваце, определила только число жертв этого лагеря в 500-600 тыс. чел. В настоящее время известны имена 72 193 людей, погибших в Ясеноваце: 40 251 сербов, 14 750 цыган, 11 723 евреев, 1 063 мусульман, 3.583 хорватов, словаков, венгров, немцев и др.; 19 006 жертв Ясеноваца - дети и подростки .

До лета 1942 г., когда в лагерь хлынул поток депортированных с Козары за сотрудничество с партизанами крестьян, там содержались преимущественно согнанные из разных районов НГХ евреи, цыгане, а также политические противники усташского режима. В частности, в Ясеноваце оказались многие из общественных деятелей Хорватии, на "апрельском Саборе" 1941 г. приветствовавшие провозглашение НГХ, однако потом выступившие с осуждением усташского террора (в т.ч. - лидер Хорватской крестьянской партии Владко Мачек, арестованный в октябре 1941 г.). Заключенные на начальном этапе использовались на тяжелых сельскохозяйственных и строительных работах, регулярно подвергались побоям и издевательствам охранников-усташей (в феврале 1942 г. Ясеновац посетила комиссия Международного красного креста, в которую входили и представители Ватикана; тогда они заключили, что лагерь является "трудовым"); однако это было ничто по сравнению с кровавым кошмаром, развернувшимся там со второй половины 1942 г.* На ограниченной территории лагеря в условиях ужасной антисанитарии оказались сконцентрированы десятки тысяч депортированных, в т.ч.

старики, женщины и дети. Лагерная администрация использовала заключенных для строительства филиалов лагеря, однако предпочитала решать проблему "перенаселенности" более варварскими методами: голодом (суточный лагерный паек достигал энергетической ценности 700-900 ккал, в то время как для нормальной жизнедеятельности человеку требуется не менее 2 500 ккал.) и массовыми убийствами. Когда предыдущая "смена" ослабевала от недоедания и свирепствовавших эпидемий (дизентерия, тиф и др.), а на подходе находилась новая партия заключенных, следовал приказ "очистить территорию": усташа-надзиратели партиями выводили людей за пределы лагеря и убивали. Зачастую, чтобы звуки расстрельных залпов не вызвали среди остававшихся в лагере отчаявшихся узников восстания, убийства совершились "тихо": зловещими кинжалами- "сербосеками", топорами, кузнечными молотами и т.д. Часто обреченных топили в реке, связывая вместе по нескольку человек. Оставшимся в лагере узникам при этом неизменно лгали, что их товарищей по несчастью "перевели на юг" - в ясеновацкой терминологии это скоро стало синонимом смерти. Имена комендантов и палачей Ясеноваца - Мирослава Майсторовича (бывшего католического священника), Динко Шакича (осужденного в 1999 г. и умершего в заключении в 2008 г.), Петара Брезицы (хвалившегося личным убийством 1 360 узников) - стали кровавыми символами преступлений усташеского режима.

Помимо Ясеноваца, в НГХ существовали следующие крупные концентрационные лагеря: Госпич (35 тыс. заключенных), Паг (8,5 тыс. заключенных), Джаково (3,5 тыс. заключенных), Ястребарско, Лепоглавле и некоторые другие. В отличие от Третьего рейха, в НГХ наладить массовое использование заключенных на производстве так и не удалось; они применялись в основном на подрядных тяжелых работах (строительство дорог, мостов и оборонительных сооружений, переноска грузов, сельское хозяйство и т.д.) в непосредственной близости от мест содержания. В ряде случаев это способ-

ствовало спасению людей, т.к. несчастных подкармливали и снабжали одеждой местные крестьяне и военнослужащие домобранских, а в ряде случаев даже действующих усташеских частей. Современники свидетельствуют, что "боевые" усташа относились к своим лагерным "коллегам" с презрением и называли их "просто убийцами", забывая, как в 1941 г. сами безжалостно истребляли сербское население. Впрочем, муки совести не были чужды даже лагерной охране Ясеноваца, статистика попыток суицида среди которой достигала 5%, не говоря уже о повальном алкоголизме и психических расстройствах.

Как ни странно, в самом выигрышном положении в усташеских концентрационных лагерях находились пленные партизаны. Они содержались отдельно от других заключенных и сохранялись в живых для обмена на захваченных коммунистами усташей и домобранов ("расценки" составляли: за домобрана отпускали 1 партизана, за офицера - 10; рядовой усташ "оценивался" в 3-5 партизан, усташеский командир мог "стоить" до 100). Женщины-заключенные тоже периодически могли рассчитывать на некоторые послабления, особенно если добивались "покровительства" кого-нибудь из сладострастных надзирателей. А вот судьба детей за ключей проволокой НГХ была наиболее трагичной. В случае "явных признаков неарийского происхождения" они отнимались у родителей и размещались в "отдельных помещениях" лагерей, где быстро погибали от голода и болезней; известны и случаи, когда усташеская администрация организовывала массовые убийства маленьких узников как "нетрудоспособных". Если же усташеские эксперты находили у детей до 12-13 лет внешнее "соответствие стандартам хорватской нации", их участь была зачастую не менее трагичной. Малышей и всех девочек отдавали на воспитание в католические приюты и бездетные хорватские семьи (так многие из них были спасены); мальчики же 8-13 лет направлялись в так называемые "Лагеря усташеских воспитанников" (Ustaski pitomski logor).

Там суровыми условиями жизни, палочной дисциплиной, усиленной идеологической и религиозной "промывкой мозгов", а также интенсивной физической и боевой подготовкой "педагоги" "Усташа" пытались превратить их в будущих "янычаров" НГХ, "настоящих хорватских бойцов и добрых католиков". Плоды этого чудовищного эксперимента стали очевидны, когда в начале 1945 гг. партизаны столкнулись на полях сражений с брошенными в бой старшими (15-16-летними) "усташескими воспитанниками", сражавшимися с фанатизмом и противоестественным бесстрашием. Видный коммунистический функционер Родолюб Чолакович в своих мемуарах описал группу таких зомбированных усташами сербских мальчишек, захваченных в плен на Сремском фронте: "Худые, но с развитой мускулатурой и выпрямкой оловянных солдатиков, они тесно прижимались друг к другу, бросая на нас ненавидящие затравленные взгляды... Они даже не позволили забрать на перевязку раненых, сцепившись локтями так, что невозможно было растащить, и крича: "Не сдаемся, братя! Красные жгут раненых на огне!"... Политкомиссар батальона и я пытались поговорить с ними, призывали вспомнить своих родителей и свой народ, но они отвечали на все бредовыми нацистско-клерикальными лозунгами усташей... В первую же ночь они пытались бежать, как волчата набросившись на часовых".

К началу 1943 г. лагеря смерти были, вероятно, единственными безотказно функционировавшими механизмами НГХ. Под влиянием поражений в борьбе с партизанами и внутренних противоречий созданное усташами государство начал охватывать глубокий кризис.

Наиболее отчетливо на первых порах он проявился в военной сфере. После безуспешных и неподготовленных попыток прорвать оборону партизанской Бихачской республики в конце 1942 г., в которых привлеченные к операции усташеские и домобранские части потеряли от 25 до 70% личного состава, согласно меткому выражению участника событий

Доминика Антишича, "у войск Хорватии сломался хребет мужества" . Крайняя деморализация выразилась в прямом и косвенном отказе от выполнения приказов на всех уровнях, катастрофическом падении и до того невысокой дисциплины, захлестнувшем части пьянстве и унынии, растущих дезертирстве среди личного состава и уклонении от службы среди военнообязанных. В 1943 г. обычным явлением стал переход на сторону партизан не только отдельных домобранов, но и подразделений звена взвод-рота во главе с офицерами*. Появились и первые перебежчики среди усташей, при чем Иосип Броз Тито из пропагандистских соображений приказал принимать их в партизанские отряды вне зависимости от прежних действий. В результате для участия в начатом в январе 1943 г. масштабном немецко-итальянском наступлении на Бихачскую республику НГХ смогла выделить только 5,5 тыс. усташей и 4 тыс. домобранов , которые продемонстрировали весьма ограниченные боевые успехи. Впрочем, и оккупантам, вовлекшим в бой 75 тыс. чел. (7-я горная дивизия СС "Принц Ойген", 4 дивизии Вермахта и 5 итальянских дивизий) при поддержке 150 самолетов, тяжелой артиллерии и бронетехники, было особо нечем похвастаться. Хотя Бихач был взят, главным силам партизан (42 тыс. чел.) удалось, бросив тяжелое оружие и оставив на произвол судьбы свыше 4 тыс. раненых и больных (тем не менее, некоторые коммунистические пропагандисты в СФРЮ назвали это сражение "битвой за раненых"), перейти за реку Неретву в Герцеговину и Черногорию, где позиции коммунистов были сильны (Bitka na Njeretvi).

К маю 1943 г. партизанам удалось вновь развернуть контрнаступление на территории Восточной Боснии. Воспользовавшись тем, что многие усташеские руководители на местах игнорировали позицию Загреба в отношении мусульман, открыто притесняя "грязных турок", Иосип Броз Тито нашел там для НОАЮ новую массовую поддержку. Утверждая, что учение Маркса-Ленина не противоречит догматам ислама, а

после победы социалистической революции мусульманам будут гарантированы широкие права и незыблемость их веры, югославские коммунисты привлекли многие тысячи боснийских крестьян и радикально настроенной мусульманской молодежи в свои ряды . Не последнюю роль сыграла и возможность беспрепятственно грабить и убивать вместе с партизанами старинных врагов - сербов. В результате в 1943 г. численность НОАЮ выросла до 320 тыс. чел., более половины которых действовали в Боснии и Герцеговине и в Хорватии. К исходу года они контролировали более трети территории НГХ. Значительные районы захватили также четнические воеводы, которые, видя ослабление усташеского режима, один за другим стали выходить из-под влияния Загреба и возобновлять нападения на мусульманские села. Более того, тенденции к сепаратизму проявили даже многие усташеские функционеры в Боснии и Краине. В 1943-1944 г. ими было создано не менее дюжины "свободных республик" и "автономных бановин", фактически не подчинявшихся "поглавнику". Они мирились с ближайшими четниками и на свой страх и риск начинали совместные боевые действия против коммунистов и мусульман, а нередко - и против немцев. Наметился новый парадокс Второй мировой войны в бывшей Югославии - в одном строю теперь стояли бойцы с усташескими литерами на бустинах и сербскими орлами на шайкачах.

В то же время ослабленные усташеские и домобранские формирования ограничивались "глухой" обороной или, в лучшем случае, частными наступательными операциями местного значения. В ожесточенном сражении, развернувшемся в мае-июне 1943 г. в долине реки Сутьеска между гитлеровцами, итальянцами, болгарами с одной стороны, НОАЮ - с другой, и четниками - с третьей, войска НГХ почти не участвовали (кроме 1 домобранского батальона) и не препятствовали отходу потерпевших поражение партизан в Боснию. Неудовлетворенные боевой активностью вооруженных сил НГХ, лидеры нацистской Германии в 1943 г. начали прояв-

лять интерес к привлечению ее мобилизационных ресурсов для комплектования своих войск. Когда взгляд рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера обратился на боснийских мусульман в качестве человеческого материала для Войск СС, это вызвало резко негативную реакцию Анте Павелича. Он полагал, что это еще больше "вобьет клин" между мусульманами и хорватами, а набранные Гиммлером босняки-волонтеры разбегутся, едва получив оружие, и потому настаивал, чтобы в ряды Войск СС был открыт доступ только членам его партии "Усташа", при чем как боснякам, так и хорватам. Тем не менее, Гиммлер выполнил эту рекомендацию с точностью дооборот и, имея предостаточно рычагов давления на хорватское правительство, вынудил его 5 марта в обход воли самого Павелича дать согласие на вербовку добровольцев в Войска СС из числа боснийских мусульман. Постепенно вербовать в дивизию стали также хорватов и албанцев. В июле 1943 г. было официально объявлено о формировании 13-й горной дивизии Войск СС "Хандшар", получившей наименование "хорватской Й1" (13. Waffen-Gebirgsjager Division der SS "Handschar" (kroatische Nr.1)), в рядах которой насчитывалось более 3 тыс. немцев, примерно 13 тыс. боснийских мусульман, 6 тыс. хорватов и более 3 тыс. косовских албанцев. Дивизия "Хандшар" в марте-сентябре 1944 г. активно участвовала в боевых действиях против партизан Тито в Боснии, а ее остатки, переформированные в полковую боевую группу, вплоть до окончания войны дрались с Красной армией на территории Венгрии и Австрии. Впрочем, из граждан НГХ в ее составе тогда оставались преимущественно хорваты - мусульман, державших среди иностранных волонтеров СС самые высокие показатели по дезертирству, гитлеровцы в октябре 1944 г. распустили по домам. Формирование второй дивизии СС из боснийских мусульман было официально объявлено приказом Гиммлера от 17 июня 1944 г. Она получила официальное наименование 23-я горная дивизия Войск СС "Кама" (хорватская Й2) (23. Waffen Gebirgsjager Division der

SS "Kama" (kroatische Nr. 2)), однако так и не была укомплектована полностью и в начале октября расформирована.

Нельзя сказать, чтобы Анте Павелич и другие руководители НГХ не отдавали себе отчет в опасности для них сложившейся ситуации. Однако реальность была такова, что все их "чрезвычайные и решительные меры", направленные на стабилизацию положения НГХ, в 1943-44 гг. неизменно терпели неудачу. Пытаясь укрепить вооруженные силы НГХ, "поглавник" возложил ответственность за поражения в конце 1942 г. на одного из своих старейших соратников командующего Славко Кватерника и 4 января 1943 г. лишил его должности. Справедливости ради следует отметить, что Кватерник, пожилой и сильно болевший человек, переживший недавно личную трагедию (в конце 1941 г. покончила жизнь самоубийством его супруга-еврейка; считается, что этим она выразила протест против геноцида евреев в НГХ), действительно в 1942 г. самоустранился от руководства боевыми действиями. В свою очередь, бывший командующий в печати обвинил Павелича в диктаторских замашках и развязывании "политики террора в НГХ". Неожиданно для всех опальный старый генерал был поддержан сыном Евгеном "Дидо", которого он ранее в личных беседах называл "скорее сыном Павелича". "Поглавник" не простили Кватернику-младшему неуместной сентиментальности и отправил в отставку и его. В 1943 г. оба Кватерника были высланы из страны. Однако "смена караула" в руководстве вооруженными силами и службой безопасности не принесли Павеличу желаемых результатов. Занявший после нескольких неудачных кандидатов пост министра вооруженных сил (ministr oruzanih snaga) усташеский генерал Анте Вокич (1909-1945) 29 января 1944 г. рапортовал "поглавнику": "В лучшем случае половина наших сил способна к обороне... Банды (партизаны в усташеской терминологии - прим. авт.) перерезают коммуникации, и мы не знаем о местонахождении и самом существовании многих частей. Домобраны бунтуют и бегут, усташи пьют и развратают, мобилизация стоит" .

1943 г. стал также, по выражению хорватского исследователя Хрвое Матковича, годом "полураспада экономики НГХ". В довоенной Югославии Хорватия считалась одним из наиболее развитых в промышленном и сельскохозяйственном отношении регионов. Однако экономическая политика усташеского режима, если о таковой только вообще можно говорить, доказала свою полную несостоительность. Декларируя государственную поддержку хорватскому предпринимательству и частной собственности, правительство Анте Павелича на деле благоприятствовало только крупному капиталу, щедро оплачиваемыми (в т. ч. принудительным привлечением рабочей силы) военными заказами для НГХ, Третьего рейха и Италии провоцируя его на бесконтрольную гонку за прибылями. В то же время все налоговое бремя и повинности военного времени были переложены усташами на плечи мелкого и среднего бизнеса, а также крестьянства. Что касается Боснии и Герцеговины, то в условиях ожесточенной партизанской войны там можно было говорить только о натуральном хозяйстве. В результате во многих районах Боснии в 1943-45 гг. население фактически голодало, а на всей территории НГХ испытывалась острая нехватка продовольствия и товаров первой необходимости. Попытки усташеского режима установить в начале 1944 г. карточную систему распределения, аналогичную немецкой, не были успешными и вызвали бурный рост в городах НГХ так называемых "блошиных рынков" (buvljake, аналог "черного рынка"), на которых с чисто балканской предприимчивостью продавалось, покупалось и обменивалось абсолютно все.

Спецификой усташеской программы являлось практически полное отсутствие в ней социальной составляющей, в свое время привлекшей, между прочим, немало сторонников в лагерь германских нацистов и итальянских фашистов. У "Усташ" однозначно доминировал национальный идеологический компонент, и те немногие заявления, которые делались ее руководителями на социально-экономические темы, были

выдержаны в духе наивного националистического корпоративизма. Так, например, Анте Павелич призывал "хорватов-работодателей относиться к хорватам-рабочим как к своим детям", а его главный идеолог Миле Будак распространялся о "христианском терпении в тяжелую годину, которому учат рабочего человека хорватство и католическая церковь". О том, насколько вняли "поглавнику" работодатели, можно судить по тому, что, ссылаясь на условия военного времени, на большинстве промышленных предприятий Хорватии в 1943 г. они ввели 6-дневную рабочую неделю и 10-12-часовой рабочий день; активно использовался труд женщин и подростков. Подавляющее большинство предпринимателей отказывались при этом повышать зарплату, а, наоборот, активно срезали страховые и прочие выплаты и практиковали драконовскую систему штрафов за реальные и мнимые нарушения трудовой дисциплины и случаи производства брака. У рабочих же, в свою очередь, иссякало "христианское терпение" и учащались случаи саботажа на производстве и забастовок. Наиболее известная из них произошла 17-18 июня 1943 г. на текстильной фабрике "10 апреля" в Загребе, выполнившей правительственный заказ по производству сырья для артиллерийского пороха. Чтобы насильственно вернуть рабочих (в основном женщин) к работе, была направлена жандармерия, однако ее встретила баррикада и град камней. Жандармы не проявили рвения, и им в помощь были преданы две роты 12-го усташского действующего батальона. Однако усташи вообще отказались идти против работниц. Стихийно состоялся совместный митинг, на котором были сделаны крайне показательные для развития кризиса в НГХ заявления, запротоколированные агентами правительственные спецслужбы. Молодая работница Ясмина Делибашич сказала: "Мы думали, что в независимом государстве все будет по-другому, а все осталось как в старой Югославии. Пока наши братья и мужья воюют в горах с бандитами, хозяева заставляют нас работать по 12 часов и отнимают хлеб наших детей". Усташеский за-

ставник (младший лейтенант) Вальтер Зорич заявил: "Эти смелые женщины подняли голос против капиталистической несправедливости, мы как защитники хорватского народа на их стороне... Мы ходим в рванине, у нас по 20 патронов на винтовку... Господа в правительстве набили карманы, а нам платят так скучно, что, если не обдерешь бандитских пособников, нечего послать домой, и нашим семьям не на что жить". Понадобилось личное вмешательство Миле Будака, который пообещал работницам заставить совет директоров сократить рабочий день, а усташей призвал к дисциплине патетической речью, чтобы фабрика вновь заработала. Однако впоследствии более 70 работниц были брошены в концлагеря обвинению в "саботаже на военном производстве", а мятежные роты расформировали и раскидали личный состав по добранским частям на передовой с понижением в должности. Ясмина Делибашич пережила заключение в Ясеноваце, а Вальтер Зорич погиб в бою в апреле 1945 г.

Военный и экономический кризис в НГХ не мог не породить кризиса политического, который обострился к первой половине 1944 г. и достиг апогея в августе в результате так называемого "заговора Лорковича-Вокича" (Urota Lorkovic-Vokic). Переход Италии на сторону западных Союзников в сентябре 1943 г., успешное наступление Красной армии в Юго-Восточной Европе, неумолимо приближавшее ее к Балканам, а также начало в апреле 1944 г. англо-американской стратегической авиацией бомбардировок военных объектов и крупных городов НГХ и сброса военных грузов партизанам НОАЮ, не оставляли у усташского руководства сомнений, что ход Второй мировой войны складывается явно не в пользу его покровителей. Под влиянием этого активизировало свою деятельность либеральное крыло "Усташа", представленное в первую очередь новыми министрами вооруженных сил Анте Вокичем и внутренних дел (ранее - иностранных дел) Младеном Лорковичем (1909-1945). Лоркович и Вокич были не только единомышленниками, но и верными друзьями

ми. Вокич, в частности, крестил детей Лорковича, став, как принято у сербов и хорватов, его кумом (*kum*). Среди усташских функционеров эти двое отличались более мягким подходом к национальной политике (в частности, Лоркович внес значительную роль в заключение договора НГХ с четниками и прекращение резни сербов) и критическим отношением к перспективам союза с нацистской Германией. Им удалось в 1943-44 гг. существенно ослабить размах репрессий против хорватских оппонентов усташского режима, а лидер Хорватской крестьянской партии Владко Мачек и другие общественные деятели были перемещены из концлагерей под домашний арест. Весной 1944 г. произошло сближение Лорковича и Вокича с проживавшим в Загребе по приглашению Анте Павелича его старым соратником по борьбе против Королевства Югославии лидером македонских революционеров Иваном Михайловым. Михайлов, которому прежнее тесное партнерство с рейхсфюрером СС Гиммлером не помешало вскоре выдвинуть Черчиллю предложение "в противовес югославским и болгарским коммунистам создать на Балканах демократическую Македонию", вероятно, был первым, высказавшим идею о возможности разрыва НГХ со странами "Оси" и ее перехода на сторону западных Союзников. Достоверных сведений о деятельности Лорковича-Вокича сохранилось крайне немного, однако ряд хорватских авторов полагает, что она носил характер скорее не заговора, а давления на "поглавника" с целью убедить его поменять сторону во Второй мировой войне. Известно, что беседы на эту тему с Анте Павеличем вел также Иван Михайлов. Заговорщики выдвинули план, согласно которому вооруженные силы НГХ в союзе с сербскими четниками должны были разоружить германские войска на своей территории, арестовать всех не согласных с переворотом усташских функционеров, заключить перемирие с Союзниками и обеспечить плацдарм для высадки англо-американских войск (что соответствовало плану Черчилля "ударить в мягкое подбрюшье Европы" и не

допустить распространения на Балканский полуостров советского влияния). Есть сведения, что, в случае отказа Анте Павелича участвовать в их проекте, заговорщики планировали заменить его лидером Хорватской крестьянской партии Владко Мачеком, со сторонниками которого они также поддерживали контакт. Считается, что позиции Лорковича и Вокича в вооруженных силах и государственной администрации НГХ были достаточно сильны. Однако у заговорщиков все-таки были весьма ограниченные шансы на успех: события 24 июля - 8 сентября 1943 г. в Италии, где правительство маршала Бадольо разыграло прямую аналогию комбинации Лорковича-Вокича по отстранению от власти фашистской партии Муссолини, продемонстрировали, что Третий рейх оперативно отреагировал военной оккупацией страны. Также нельзя было сбрасывать со счетов 500-тысячную партизанскую армию Иосипа Броз Тито, реакция которого на такой поворот событий была непредсказуема. Вероятно, Анте Павелич также отдавал себе отчет в этом. Не желая провоцировать немцев на превентивные действия по предотвращению "итальянского варианта" в НГХ, он сам нанес удар по прозападной оппозиции в рядах "Усташа". 30 августа "поглавник" созвал заседание правительства, на котором обличил намерения Лорковича и Вокича, обвинив их в "измене движению и родине". Тем не менее, оба министра-заговорщика держались достойно, и парировали, что "это политика Павелича ведет Хорватию к кровавой пропасти". По приказу Павелича Лоркович, Вокич и некоторые из их ближайших соратников были отстранены от занимаемых должностей, исключены из рядов "Усташа" и помещены под домашний арест. Режим их содержания постепенно ужесточался, и в 1945 г. заговорщики оказались в концентрационном лагере Лепоглавле. 8 мая, перед самым окончанием войны, Анте Вокич и Младен Лоркович, а также двое их единомышленников (сторонники Хорватской крестьянской партии Фаролфи и Томашич) были расстреляны офицерами службы усташской охраны, а все материалы

следствия по их делу - уничтожены. Однако в целом реакция усташского режима на заговор Лорковича-Вокича даже отдаленно не могла сравниться с репрессиями, развернутыми нацистами после знаменитого покушения на Гитлера полковника Клауса фон Штауффенберга.

Глава 6. Агония и падение НГХ в 1944-45 гг. Усташи в послевоенные годы

С переходом на стороны Союзников Румынии и Болгарии, где под влиянием успешного наступления Красной армии произошли государственные перевороты и к власти пришли просоветские правительства, Восточный фронт Второй мировой войны докатился до границ бывшей Югославии. 5 июля 1944 г. лидер югославских коммунистов Иосип Броз Тито обратился к Сталину с просьбой о "самой большой помощи" и вступлении войск Красной армии на территорию Югославии, предупреждая, что только так возможно будет избежать влияния западных Союзников и приверженцев королевского правительства в изгнании (в первую очередь - четников). 28 сентября 1944 г., действуя с территории Румынии и Болгарии, в Югославию вступили советские войска 2-го и 3-го Украинских фронтов (46-я и 57-я армии, 4-й гвардейский межкорпус и Дунайская речная флотилия), а также вооруженные силы прокоммунистического Отечественного фронта Болгарии (11 дивизий и 2 бригады). К этому времени по инициативе Тито был создан подконтрольный ему альтернативный правительственный орган Хорватии - Единый народно-освободительный фронт (Jedini narodnooslobodilacki front), " первую скрипку" в котором играли местные коммунисты. Смертный приговор НГХ был вынесен.

При поддержке Красной армии и болгарских войск части НОАЮ, насчитывавшие до 650 тыс. бойцов и располагавшие переданными СССР и США боевой авиацией и бронетехникой, развернули успешное наступление против гитлеровцев

и их союзников в Сербии, Македонии и Черногории. 20 октября после ожесточенных боев ими был взят Белград. Повсеместно продвижение партизанской армии Тито сопровождалось массовыми репрессиями против всех подозревавшихся в "пособничестве оккупантам", а также против "классово чуждых элементов" и идеологических противников коммунизма. Только в Белграде за несколько дней после захвата города партизанами были безжалостно истреблены более 30 тыс. немецких и сербских военнопленных, а также жителей сербской столицы. Дороги, ведущие в Боснию и Хорватию, были запружены десятками тысяч беженцев, спасавшихся от власти Тито.

Упорные бои развернулись в Боснии (Сараевский выступ), на сербо-хорватской границе (Сремский фронт) и в хорватском Поморье (Динарский фронт). Частям НОАЮ и Красной армии там противостояли отступившие из Сербии и Черногории германские части численностью до 200 тыс. чел. и около 190 тыс. войск НГХ, словенских вооруженных формирований и сербских четников. Осенью 1944 - весной 1945 гг. все эти крайне разнородные по национальному составу и идеологическим взглядам силы организовали против общего врага - коммунистической армии Тито - единый фронт, ставший одним из наиболее парадоксальных союзов в истории Второй мировой войны. В последний период войны усташеский режим провел последнюю реорганизацию своих вооруженных сил, приказом от 21 ноября 1944 г. объединив Усташескую армию (76 тыс. чел.) и Домобранство (армейские части, менее 70 тыс. чел.) в единые Хорватские вооруженные силы (*Hrvatske oruzane snage*), **командование которыми** лично принял Анте Павелич. В их составе было сформировано 13 пехотных, 2 ударных, 2 горных и 2 резервных дивизии, в состав каждой из которых обычно входило по 2-3 бригады (ударные дивизии состояли из полков), артдивизион (или несколько артиллерийских батарей), и, изредка - инженерный или механизированный батальон. При этом в каждой дивизии

было не менее одной усташской бригады: предполагалось, что усташи передадут сражающимся с ними бок о бок домобранским частям свой более высокий боевой дух. В начале 1945 г. из полицейских частей НГХ была сформирована еще одна дивизия - жандармская. Отдельно существовал Корпус лейб-гвардии "поглавника" в составе 2 лейб-гвардейских и резервного полков, артдивизиона и 4 батальонов - кавалерийского, механизированного, инженерного и жандармского. Остальные части также были сведены в 5 корпусов (I-V), однако оперативно они подчинялись 91-му, 34-му 15-му и 97-му армейским корпусам и 21-му горному корпусу германских групп армий "Е" и "Ф", действовавших на территории НГХ и Словении. Общей слабостью всех хорватских частей и соединений продолжала оставаться острая нехватка вооружения, особенно бронетехники, артиллерии и противотанковых средств, боевого снаряжения (особенно средств связи) и автотранспорта. Однако их сильной стороной стала неожиданно поднявшаяся в конце войны по сравнению с кризисными 1943 и первой половиной 1944 гг. боеспособность. Причину этого, вероятно, следует искать не в увеличившихся германских военных поставках (Третий рейх сам агонизировал и мало что мог дать своим последним союзникам) и даже не в осознании защитниками хорватской независимости опасности, которую представляло наступление коммунистов для их страны и их семей. Наиболее логическим объяснением того, что не только усташеские, но и домобранские части осенью 1944 - весной 1945 гг. дрались довольно упорно, представляется то, что на охватившей их в предыдущий период волне дезертирства и переходов на сторону партизан отсаялось большинство "наносного элемента", оставив в рядах Хорватских вооруженных сил наиболее стойких и упорных бойцов.

В ноябре-декабре 1944 г. наступление НОАЮ и частей Красной армии, сопровождавшееся большими потерями (особенно пострадали в боях за хорватский город Осиек на Сремском фронте югославский 1-й Пролетарский и совет-

ский 68-й стрелковый корпуса), исчерпало свой потенциал. На Сремском фронте гитлеровцы и хорваты сумели в целом удержать позиции на границах НГХ. Несмотря на то, что была захвачена большая часть Боснии, ее столица Сараево продолжала удерживаться германско-хорватскими войсками, сообщавшимися со своими главными силами по укрепленному коридору в долине реки Босна. На Динарском фронте наступавшие из Черногории и Герцеговины югославские партизаны при поддержке британского флота и новозеландской дивизии овладели значительной частью хорватского Поморья с городами Дубровник, Сплит и Задр, однако затем были остановлены хорватскими, немецкими, словенскими и четниецкими частями (в НГХ Динарский фронт имел жаргонное название "антикоммунистический интернационал").

В условиях начала позиционного противостояния, к 25 декабря 1945 г. практически все сухопутные части Красной армии были выведены с территории Югославии на более "перспективные" участки фронта. Для взаимодействия с НОАЮ остались авиа группа и Дунайская флотилия. Однако к этому времени коммунистическая армия Тито получила от СССР достаточно военных материалов для превращения в регулярную оперативную силу: около 140 тыс. единиц стрелкового оружия, 6 368 пулеметов, 2 165 орудий и минометов, 130 танков, 36 бронемашин, 386 боевых самолетов, около 2 600 автомашин, а также средства связи, инженерное и медицинское снаряжение и т.д. Все это позволило югославским коммунистам в 1945 г. развернуть свои вооруженные силы до 800 тыс. чел. НОАЮ была официально переименована в Югославскую народную армию (Jugoslovenska narodna vojska, ЮНА), состоящую из сухопутных сил, BBC и ВМС. 7 марта 1945 г. Иосипом Броз Тито было сформировано Временное народное правительство Демократической федеративной Югославии, официально признанное Союзниками единственной законной властью в стране. Вариант сохранения независимой Хорватии после окончания войны не рассматривался.

Несмотря на некоторую стабилизацию фронта в зимние месяцы 1944-45 гг., внутреннее положение в НГХ в это время стремительно ухудшалось. Популярность обретенного усташеского режима быстро падала, и в общественном мнении Хорватии доминировали панические настроения. Вот как описал это в своих воспоминаниях Маре Маричич, весной 1945 г. - усташеский младший офицер: "Мы на фронте жили одним днем: отбились, выжили - и все рады!... Люди в тылу мучились предчувствием катастрофы, строили нелепые и отчаянные планы спасения, ждали со дня на день, что придут партизаны. Многие продавали имущество и пытались бежать в Австрию, в Италию, которые тоже были охвачены войной. Другие лихорадочно готовили доказательства, что всегда были антифашистами, часто - довольно смехотворные. Но многим это стоило жизни: усташеская охрана до последнего дня хватала всех подозрительных или дезертиров, и многие заканчивали в петле или у стенки...".

Осталось крайне немного свидетельств, позволяющих судить о том, что планировали и на что рассчитывали руководители "Усташа" перед лицом неминуемого поражения и падения НГХ. Так или иначе, вплоть до 6 мая 1945 г. усташеское правительство продолжало функционировать в Загребе, руководя мероприятиями по обороне страны и мобилизации ее ресурсов. Анте Павелич, Андрие Артукович, Миле Будак и другие функционеры неоднократно появлялись среди солдат на фронте, среди беженцев (в т.ч. из Сербии) или среди гражданского населения в особенно пострадавших районах, патриотической фразеологией и послами скорого перелома в войне с появлением немецкого "чудо-оружия" пытаясь поднять их дух. При этом в последние месяцы существования НГХ наметилась даже некая тенденция к показательной демократизации государства. В феврале 1945 г. Анте Павелич выступил по радио с публичным заявлением о "необходимости чрезвычайного созыва Хорватского государственного сабора (Hrvatski drzavni sabor, парламент с функциями учредитель-

ного собрания, в НГХ собирался только однажды - в феврале 1942 г. на учредительную сессию - прим. авт.) для решения жизненно важных вопросов защиты и сохранения хорватского государства и народа". Весной 1945 г. был подготовлен и 3 мая подписан закон о равноправии "всех граждан НГХ, независимо от расовой и религиозной принадлежности". Тем не менее, развернуть парламентскую демократию в Хорватии не позволил необратимый ход Второй мировой войны, а признание равноправия ее граждан в 1945 г. явно запоздало: сербы уже добились его вооруженной борьбой, а евреи и цыгане были практически истреблены физически. Ряд югославских историков коммунистического периода усматривали в этих маневрах Анте Павелича аналогию с деятельностью рейхсфюрера СС Гиммлера, накануне капитуляции Третьего рейха также демонстративно пошедшего на смягчение положения евреев в нацистских концлагерях в надежде на установление дипломатического контакта с Союзниками. Вполне возможным представляется, что руководители усташского режима также рассчитывали на нечто подобное. Учитывая, что многие из них после войны нашли убежище на подконтрольной англо-американской военной администрации в Европе территории, гипотезу об их контактах с Союзниками в последние месяцы войны не следовало бы сбрасывать со счетов. Однако достоверных подтверждений или опровержений ей пока не известно.

12 апреля 1945 г. после многократно повторявшихся кровопролитных атак 1-й югославской армии удалось прорвать Сремский фронт и развернуть наступление на Загреб с юго-востока. Для НДХ это стало началом конца. В апреле в наступление перешла также 4-я югославская армия, тесня в хорватском Поморье противостоящие ей многонациональные части к словенской границе и угрожая столице Хорватии с северо-востока. Под угрозой полного окружения оборонявшие Сараево германо-хорватские войска были вынуждены оставить город и также начать с боями отходить

на Загреб. Дороги Хорватии наполнились бесконечными колоннами беженцев; обескровленные войска НГХ под мощными ударами ЮНА таяли с каждым днем. Отчаянно маневрируя скучными резервами, в начале 20-х чисел апреля гитлеровцам и Хорватским вооруженным силам удалось на некоторое время задержать продвижение коммунистов к Загребу на рубеже реки Илова на западе и у укрепленного города Карловац на востоке, однако это был лишь временный успех. Бросив в бой обученные советскими инструкторами танковые бригады и не считаясь с потерями, ЮНА удалось 3 мая форсировать Илову, а 6 мая после тяжелых уличных боев занять Карловац.

После этого путь на Загреб войскам Иосипа Броз Тито был открыт. В городе началась паника, население массами бежало от приближающихся коммунистов, методы которых за годы войны стали хорошо известны. Представитель Ватикана в НГХ легат Джузеппе Рамиро Марконе записал в своем дневнике: "Огромное, необычайное волнение в городе! Везде автомобили, грузовики, мотоциклы, телеги. Запыленные войска, хорваты и немцы, раненые, обозы. Просто невероятно! Все бегут!". Ряд функционеров усташеского режима, прекрасно понимавших, какая расплата ждет их за совершенные преступления, не стали дожидаться официальной эвакуации правительственные органов. Андрея Артукович, занимавший в мае 1945 г. пост председателя государственного совета НГХ, выехал из Загреба в сопровождении сильного эскорта 5 мая, оставив "поглавнику" письмо с туманным объяснением, что "обстоятельства потребовали его отъезда по правительенным делам". Главный усташеский пропагандист Миле Будак попытался бежать в тот же день без всяких объяснений, в штатском платье и под чужими документами, однако был задержан усташеским патрулем и взят под стражу "до выяснения личности"; так он был захвачен коммунистами и вскоре разоблачен.

6 мая 1945 г. Анте Павелич распорядился уничтожить государственные архивы НГХ; уничтожение архивов на местах началось еще раньше. Уцелели только документы хорватского дипломатического ведомства, спрятанные загребским архиепископом Алоизие Степинацем и впоследствии оказавшиеся в распоряжении коммунистической Югославии. В те же дни усташами были жестоко перебиты последние узники ряда лагерей смерти, а лагерные постройки и документация - сожжены, чтобы скрыть следы преступлений. В Ясеноваце, узнав о готовящейся расправе, заключенные подняли отчаянное восстание, однако спастись удалось немногим более сотни из них.

Готовясь покинуть столицу, "поглавник" в последний раз встретился с главой католической церкви Хорватии и предложил ему возглавить НГХ и "повести с Тито переговоры о спасении народа". Прекрасно осознавая абсурдность такого плана, архиепископ Степинац жестко отклонил это предложение. "Это ваше дело, кому вы передадите власть, - ответил он. - Я не вмешиваюсь в политику, однако остаюсь здесь, и будь что будет". Некоторые католические авторы утверждают, что при прощании Степинац даже отказал Павеличу в благословении, заявив: "Я не могу сделать это для вождя, который бросает своих людей и своих солдат". Выступавший с яростными протестами против репрессий коммунистов в Хорватии, архиепископ Степинац в 1946 г. был арестован ими и приговорен к 16 годам тюрьмы. Позднее переведен под домашний арест и находился под надзором югославских спецслужб до самой смерти в 1960 г. В настоящее время почитается католической церковью как блаженный.

Впрочем, сам глава "Усташ" в послевоенные годы всегда утверждал, что рассматривал свой отъезд как средство продолжения борьбы за независимость Хорватии в новых условиях. Учитывая имевшийся у Павелича опыт работы в эмиграции и вероятные контакты с Союзниками, такая мотивация выглядит достаточно обоснованной; однако пережившие

войну усташа в большинстве своем утверждали, что "поглавник" бросил их на произвол судьбы.

В 16 часов 7 мая Анте Павелич и оставшиеся с ним члены правительства сели в автомобили и выехали из Загреба по направлению к австрийской границе. Эскорт был минимальным, все члены правительства были в штатском, каждый был вооружен и вез с собой часть золотого запаса НГХ, которую выделил всем по списку лично министр финансов Пук. 8 мая конвой прибыл в городок Рогашка Слатина близ австрийско-хорватской границы, где Павелич провел последнее заседание членов правительства и военного командования. "Поглавник" назначил командующим отступлением Хорватских вооруженных сил и беженцев начальника службы усташеской защиты Векослава "Макса" Любурича, отдав ему приказ "любой ценой" вывести войска и гражданских в зону ответственности наступавшей с запада британской 8-й армии и избежать их пленения ЮНА. После этого Павелич и его приближенные, воспользовавшись хаосом отступления, замешались в массу беженцев и сумели благополучно пересечь границу. По подложным документам на имя испанского подданного Рамиреса "поглавнику" удалось перейти через Австрию в Италию. В Риме Анте Павелич нашел временное пристанище в церкви Св.Иеронима, настоятель которой хорватский священник Крунослав Драганович являлся ключевой фигурой усташеской тайной сети, созданной в последние годы войны в Италии. Туда же в мае-июне 1945 г. нелегально прибыли немало бывших высших функционеров НГХ. Андрие Артуковичу повезло меньше: в Австрии он был арестован британскими военными властями и, пока решалась его судьба, провел два месяца в концентрационном лагере Союзников в Бад-Ишль.

Однако, в отличие от успевших вовремя скрыться от возмездия руководителей НГХ, судьба десятков тысяч ее простых граждан и защитников оказалась трагической. После падения 8 мая 1945 г. столицы НГХ Загреба и капитуляции 9 мая гер-

манских войск, поток хорватских беженцев, численность которого исчислялась шестизначными цифрами, двигался в направлении австрийско-хорватской и итальянско-хорватской границы. Прикрывая гражданских лиц, обозы с ранеными и окончательно деморализованные воинские части, в арьергарде шли, отражая атаки наседавших частей ЮНА, Корпус лейб-гвардии "поглавника", 1-я и 18-я штурмовые дивизии и 16-я усташеская резервная дивизия - последние соединения НГХ, сохранившие боеспособность. Занимавшие демаркационную линию с британцами на границе болгарские войска согласились пропустить хорватов и словенцев беспрепятственно. 12 мая беженцы (около 300 тыс. чел.) начали переходить на территорию Австрии, подконтрольную 5-му британскому корпусу. За ними последовали 95 тыс. военнослужащих Хорватских вооруженных сил - усташей и домобранов. До 15 мая к ним присоединились словенские воинские части (отступавшие со своей родины, где они дали последний бой коммунистам), десятки тысяч словенских беженцев, сербские четники и националисты, а также казаки из 15-го кавалерийского корпуса СС со своими семьями. Хорватские генералы Иво Херенчич и Векослав Серватци, а также представлявший гражданских беженцев профессор Даниэль Црльен начали переговоры о сдаче с британскими войсками, от имени которых изначально выступал командир 38-й ирландской пехотной бригады генерал Скотт. Считается, что Скотт (католик, как и хорваты) поспешил убедить хорватскую сторону, что под защитой британских войск беженцам ничего не грозит; а хорваты, находившиеся в таком положении, когда люди готовы схватиться за любую надежду, поспешили ему поверить. 15 мая 1945 г. командовавший преследовавшими хорватов войсками ЮНА генерал Милан Баста выдвинул им ультиматум следующего содержания: "Требую безоговорочной капитуляции всех ваших войск в течение часа. Если вы согласитесь, женщины и дети могут вернуться по своим домам. Солдаты и офицеры станут военнопленными, и будут отконвоированы в

Марибор, где их будут судить". Хорватско-словенские части стали занимать оборону, намереваясь дать отпор попытками коммунистов войти на австрийскую территорию. Однако командир британского 5-го корпуса генерал Робертсон получил категорический приказ полномочного представителя (министра авиации) Великобритании в Средиземноморье Гарольда Макмиллана не допустить возобновления боевых действий. В австрийском местечке Бляйбург были начаты хорватско-британские и британско-югославские переговоры о прекращении огня, результатом которых стало согласие командования войск НГХ и его союзников сложить оружие и сдаться в плен английской армии. При этом генерал Робертс пообещал хорватскому генералу Херениччу, что "ни одно военное или гражданское лицо не будет возвращено в Югославию против своей воли". Министр Макмиллан в то же время гарантировал представителям Иосипа Броз Тито, что "все военнопленные и граждане, принадлежащие к югославским национальностям, в течение 24 часов будут переданы властям Югославии". Вечером 15 мая Хорватские вооруженные силы сдали оружие британским войскам и официально стали их военнопленными, еще не зная об уготованной им ужасной судьбе.

Политическая история трагедии усташей, домобранов и хорватских беженцев в Бляйбурге с поразительной точностью воспроизводит таковую массовых убийств усташами сербского населения в 1941 г. Британские официальные лица в последующие годы откращивались от своей неприглядной роли в этом кровавом событии точно так же, как в 1942 г. руководство НГХ старалось сложить с себя ответственность за резню сербов. Генерал Робертс, войска которого проводили передачу пленных хорватов частям ЮНА, заявлял, что выполнил приказание министра Макмиллана (хотя он был не обязан подчиняться приказу политика без дублирования его командующим силами Союзников в Средиземноморье фельдмаршалом Александром). Фельдмаршал Александр, действительно издавший 17 мая приказ, запрещавший выда-

вать хорватов, словенцев и сербов в Югославию (впрочем, роковая выдача к тому времени уже была почти завершена), уверял, что ничего не знал ни о сговоре министра Макмиллана с югославскими коммунистами, ни о начавшихся выдачах пленных. Министр Макмиллан утверждал, что, отправив "югославов" на убой к Тито, всего лишь исполнял волю премьер-министра Черчилля, да еще при этом "плакал над судьбой несчастных". Черчилль же вообще хранил о событиях в Бляйбурге невозмутимое английское молчание.

Казаки 15 кавкорпуса, служащие русского корпуса, белоэмигранты, а также члены их семей были выданы британцами Сталину - 25 мая 1945 г. состоялась печально знаменитая "выдача в Лиенце".

15-17 мая 1945 г. близ австрийского города Бляйбург развернулась очередная чудовищная страница истории НГХ. Британские войска вступили в раскинувшийся на многие километры лагерь хорватских беженцев и начали отделять военнослужащих от гражданских под предлогом "отправки в Италию" (как здесь не вспомнить ясеновацкий "перевод на юг"?). Партии усташей и домобранов, в первую очередь еще сохранивших строй, увозили на грузовиках, а затем возле приграничного города Дравоград на мосту через Драву передавали ожидавшим там частям ЮНА. Многие усташа, зная, что на пощаду от коммунистов им рассчитывать не приходится, сразу же прыгали с моста в реку или набрасывались на конвоиров с голыми руками. Когда загремевшие выстрелы показали остававшимся в лагере близ Бляйбурга, что их ждет, людей охватило отчаяние. Многие кончали с собой, чтобы не попасть в руки титовцев живыми. Отдавший приказ сложить оружие генерал Херенчич проклял британцев и застрелился; один из британских офицеров вспоминал, что в ночь 16-17 мая 47 девушек из усташской вспомогательной женской службы покончили с собой, по очереди перерезав друг другу сонные артерии двумя перочинными ножами. Образовав живую цепь вокруг беженцев, оставшиеся в лагере усташа и

домобраны оказали британцам отчаянное сопротивление, не позволяя забирать людей для выдачи. Тогда генерал Робертс отдал приказ открыть по безоружным людям огонь и двинуть на них бронетехнику. И тем не менее, к тому времени, когда войскам 5-го британского корпуса был доведен приказ фельдмаршала Александера о прекращении выдачи, в лагере под Бляйбургом еще "держали оборону" несколько тысяч человек. Их поспешили отправить в концентрационный лагерь Виктинг, откуда выдачи в Югославию уже не проводились. Эти немногие, пережившие бойню под Бляйбургом и оставшиеся на Западе, в последующие годы первыми рассказали миру о коварстве британцев и зверствах коммунистов.

Участь выданных югославским властям хорватов (точно так же, как и словенцев, и сербов) оказалась печальна. В последующие дни тысячи выданных в Бляйбурге военнослужащих НГХ (усташей, домобранов и жандармов), представителей хорватской интеллигенции и католического духовенства и просто случайных людей были расстреляны партизанами в Дравограде; там же коммунисты уничтожили раненых и больных, которые не могли передвигаться самостоятельно. Тех, кто был признан "причастными к усташескому режиму", титовцы пешком гнали более 50 км. до города Марибор. Переживший этот путь католический священник Йозеф Штипа свидетельствует, что коммунисты не давали людям "ни привала, ни даже глотка воды, отставших и ослабевших пристреливали". На многих участках колонны пленных хорватов "буквально проходили сквозь строй партизан, которые обрушивали на них удары прикладов, дубинок и ножей, плевали, забрасывали нечистотами, женщин выхватывали из рядов, насиловали и унижали самым отвратительным образом". В Мариборе ждало скорое коммунистическое правосудие: составленные по образцу сталинских "троек" военные суды из двух офицеров и одного старшины (*podoficir*) каждый. Эти служители партизанской фемиды записывали имя, фамилию и адрес каждого подсудимого, а затем, как правило, без даль-

нейших формальностей выносили общий для всех приговор: "в яму!" На окраине Марибора со времен недавней обороны города словенцами имелся противотанковый ров длиной около 3 км., и расстрелы производились там. При этом даже коммунисты признавали смелое поведение усташей перед казнью. "Не помню, чтобы хоть один усташ, даже самые желторотые юнцы или девицы, просил пощады, - вспоминал присутствовавший на "судах" в Мариборе функционер КПЮ Родолюб Чолакович. - У этих отъявленных фашистских мерзавцев не отнять одного: умирать они умели...". В 20-х числах мая мариборские "тройки" "смягчились" и стали все чаще выносить приговоры к многолетнему тюремному заключению. В руководстве КПЮ, вероятно, поняли, что, если перебить всех пленных, некому будет трудиться на особо тяжких работах и вредных производствах в "народном хозяйстве". Так десятки тысяч бывших военнослужащих и граждан НГХ оказались в концентрационных лагерях югославских коммунистов, созданных в смешанных традициях сталинского "Гулага" и усташеского Ясеноваца.

Количество жертв Бляйбургской резни (*Blajburgska masakra*) является предметом таких же ожесточенных и политизированных споров, как и число убитых усташами сербов или заключенных Ясеноваца. В то время, как со стороны хорватских историков раздаются гневные голоса, свидетельствующие о гибели в мае 1945 г. от рук коммунистов 200-300 тыс. и даже 500 тыс. хорватов, более умеренные западные исследователи определяют численность хорватских жертв этого массового убийства в 50 тыс. разоруженных военных и 30 тыс. мирных граждан НГХ. На данный момент хорватскими и словенскими исследователями-энтузиастами собраны имена примерно 36,7 тыс. хорватов, 10,8 тыс. словенцев, 5 тыс. боснийских мусульман, 2,5 тыс. сербов, и 400 словаков, ставших жертвами Бляйбурга-Дравограда-Марибора. Впрочем, число хорватских военнопленных и гражданских лиц, убитых партизанами Тито в 1944-45 гг., может оказаться намного

больше: коммунисты проводили массовые казни по всей территории НГХ, где захватывали населенные пункты, перехватывали беженцев или брали в плен усташей и домобранов.

Выданных из Австрии мирных хорватов, которых признали непричастными к преступлениям усташеского режима, титовцы разогнали по местам жительства, применив при этом в виде "профилактической меры" все ту же практику "маршей смерти" (в хорватской терминологии - "крестные пути" - *krizni putovi*). Партии людей, собранные по территориальному принципу, конвоиры-коммунисты, ехавшие верхом или на велосипедах, гнали бегом, останавливая на привал и подпуская к воде только тогда, когда решали передохнуть сами. С выбившимися из сил нередко опять же расправлялись пулей или штыком, объясняя остальным: "Кокнуть усташника - не преступление!" (*Nije zlocin ustasinu da koknes*). Если на пути попадалось сербское село или маршевая часть ЮНА, на несчастных "усташей" щедро сыпались побои и оскорбления. Именно с 1945 г. в сербском народном жаргоне за каждым хорватом закрепилось презрительное прозвище: "усташ". Впрочем, сложно обвинять в жестокости сербов, у которых были свежи воспоминания об усташеских зверствах в годы войны.

Жертвами Бляйбурга-Дравограда-Марибора стали многие тысячи усташей. Однако подавляющее большинство из них занимали в организации невысокое положение и вступили в ряды Усташеской армии уже в годы войны; относительно немногие имели офицерские звания, и лишь единицы были функционерами среднего звена и ниже. Самое большее число "аппаратчиков" "Усташ", оказавшихся в руках югославских коммунистов после падения Загреба, было предано суду в конце мая в хорватской столице. Самым высокопоставленным из них был видный усташеский публицист и пропагандист, ветеран организации Миле Будак, схваченный при неудачной попытке скрыться по поддельным документам. Очевидцы его процесса, продолжавшегося всего один день, свидетель-

ствуют, что поведение Будака вряд ли можно назвать достойным: он просил сохранить ему жизнь и утверждал, что ни в чем не виноват и действовал только по приказу Павелича и немцев. Впрочем, как и следовало ожидать, ему был вынесен смертный приговор, и бывший усташеский министр веры и образования был расстрелян в Максимирицком лесу близ Загреба вместе с еще двумя сотнями усташей, большинство которых были мелкими сотрудниками различных министерств и ведомств НГХ.

Предстал перед югославским правосудием в первые послевоенные годы и другой видный руководитель "Усташ" - бывший командующий вооруженными силами и человек, провозгласивший создание НГХ, Славко Кватерник. Проживая в конце войны как частное лицо в Австрии, он отверг предложение об эмиграции своего сына Евгена "Дидо" (в 1944-45 гг. служившего простым полевым офицером в вооруженных формированиях словацких националистов - "Глинковской гвардии") и сдался американским оккупационным властям. 9 сентября 1946 г. американцы выдали имевшего статус военнопленного Славко Кватерника по запросу югославских властей, обвинявших его в активной роли в преступлениях усташеского режима. Суд над Кватерником проходил в Загребе и уже имел видимость открытого и свободного судебного процесса: была допущена пресса, в т.ч. иностранная, привлекались многочисленные свидетели, подсудимому была предоставлена защита. Однако, согласно впечатлениям французского репортера, 68-летний Славко Кватерник "выглядел дряхлым стариком, не всегда адекватным происходящему". В результате он также не смог защитить себя, хотя, по единодушному свидетельству современников, был виновен гораздо менее остальных руководителей "Усташ". Будучи приговорен к смерти, Кватерник отказался подавать прошение о помиловании, по словам его адвоката, заявив: "Если я не могу быть оправдан, пусть лучше буду расстрелян". 7 (по другим данным - 13) июня 1947 г. приговор был приведен в

исполнение. Существует легенда, что старый генерал вышел под расстрел в чистой белой рубахе, держа в руках молитвенник, и сам скомандовал: "Огонь!".

Однако большинству усташей, остававшихся в руках Союзников после мая 1945 г., все-таки удалось впоследствии избежать выдачи в Югославию. Общественность на Западе находилась под негативным впечатлением кровавых событий в Бляйбурге, и англо-американские спецслужбы в дальнейшем тщательно рассматривали каждое конкретное представление югославских властей. До марта 1947 г. югославское правительство направило Союзникам запросы на выдачу из 936 хорватов, однако югославские требования были удовлетворены только в 77 случаях. К началу 1948 г. список увеличился до 1800 человек, из которых 400 находились в Австрии и Германии, в секторе, контролируемом Великобританией. Однако британское правительство согласилось передать Югославии только 58 лиц, по результатам его собственного разбирательства уличенных как военные преступники. Впрочем, на основании того, что британцами был освобожден из-под стражи бывший усташеский министр внутренних дел Андрие Артукович, можно предположить, что решение о выдаче отнюдь не всегда было взвешенным: раз депортации в Югославию избежал очевидный военный преступник, нет гарантий, что среди выданных не оказалось невинных людей.

При большой помощи полулегальной сети католических священников хорватского происхождения, ранее связанных с усташеским режимом, в конце 1940-х гг. многие из оказавшихся на Западе функционеров "Устаси" смогли переправиться со своими семьями и даже с личными капиталами в Новый свет (так называемая "переброска по крысиным каналам"). В 1948 г. через Швейцарию и Ирландию в США выехал Андрие Артукович. Тогда же по поддельным документам на имя аббата Пабло Араноиса в Аргентину перебрался и сам Анте Павелич. Простые хорватские усташи, военнослужащие и гражданские беженцы, сумевшие пробиться на Запад,

также получали поддержку от своих соотечественников в су-танах, однако гораздо более скромную. В основном эти люди влились в состав хорватской диаспоры в Европе, в обеих Америках и в Австралии, принеся с собой леденящие душу рассказы о Второй мировой войне и чувство жгучей оби-ды на руководство "Усташа", по их мнению, повинное в их страданиях. Именно поэтому усташеская эмиграция быстро выдвинула из своей среды новых людей, которые организо-вывали вокруг себя бывших боевых товарищей и вели актив-ную общественно-политическую деятельность; практически никого из прежних лидеров среди них не было. Исключение составлял, пожалуй, только Евген "Дидо" Кватерник, также проживавший в Аргентине и пользовавшийся в эмигрантской среде большим авторитетом (Кватерник-младший вел актив-ную публицистическую работу и никогда не высказывал со-жаления о своих деяниях в годы войны. В 1957 г. он погиб в автокатастрофе вместе с двумя своими дочерьми). Созданное Анте Павеличем в Аргентине в 1956 г. Хорватское освобо-дительное движение (Hrvatski oslobodilacki pokret) имело в хорватской диаспоре весьма ограниченный вес.

В то же время усташеское движение в самой Хорватии не прекратило существования с победой Иосипа Броз Тито. Сумевшие избежать плена или гибели военнослужащие Хор-ватских вооруженных сил, в большинстве своем - усташа, однако также и представители других структур (домобраны, жандармы и т.д.), развернули в горных районах Хорватии и Герцеговины партизанскую борьбу. Их отряды поддержи-вали связь с законспирированными усташескими ячейками в городах, а также, в ряде случаев, с эмиграцией. Участники этих формирований получили в народе название "крестонос-цев" (krizari). Действуя крайне жестокими методами и умело скрываясь от преследования, они нападали на местных ком-мунистических функционеров и сотрудников югославских структур безопасности (считается, что ими было убито свыше 2 тыс. сторонников Тито). Попытку организовать разрознен-

ные группы "крестоносцев" в единое движение предпринял из эмиграции бывший начальник усташской службы защиты Векослав "Макс" Любурич, однако проникший в усташеское подполье агент югославских спецслужб сумел убить его. Не имевшие никакой позитивной программы и державшиеся только местью и ненавистью, отряды "крестоносцев" никогда не пользовались широкой поддержкой среди населения, хотя и стали впоследствии романтическими героями для поколений не принимавшей коммунистических реалий Югославии хорватской молодежи. К 1950 г. большинство групп "крестоносцев" были уничтожены югославскими силами безопасности или вытеснены из страны. Тем не менее, вплоть до обретения Хорватией государственной независимости 25 июня 1991 г. многие возникавшие в стране подпольные антикоммунистические группы принимали на себя название "усташей", ставшее для многих националистически настроенных хорватов в это время своего рода символом борьбы за независимость.

Устаси, оказавшиеся после падения НГХ в титовских концентрационных лагерях, также не прекращали борьбы. Выделявшиеся среди других заключенных сплоченностью и взаимовыручкой, в конце 1940-х - начале 1950-х гг. они возглавили целый ряд выступлений узников против непосильного труда и нечеловеческих условий содержания, в т.ч. и в печально знаменитом политическом лагере Голи Оток - от забастовок и акций протеста до открытых восстаний. В конечном итоге вокруг бывших усташей организовались македонцы, словенцы, черногорцы и даже их бывшие враги - сербские четники. Главным результатом того, что югославские узники Второй мировой войны, вопреки всем репрессиям и лишениям, не позволили лагерной администрации насаждать свои порядки, стало то, что режим в югославских пенитенциарных заведениях заметно смягчился, условия труда и содержания заключенных улучшились. С 1956 по 1960 гг. правительство Иосипа Броз Тито провело амнистию бывших участников ан-

тикоммунистических воинских формирований 1941-45 гг., и немногие выжившие усташа вернулись в Хорватию, где еще долгие годы подвергались поражению в правах и дискриминации со стороны югославских властей.

Проживавший в Аргентине под защитой знаменитого диктатора Хуана Перона, Анте Павелич всеми силами пытался восстановить свое влияние среди хорватской политической эмиграции. Он активно встречался с представителями как ее националистического, так и либерального крыла, занимался публицистикой, литературной деятельностью и благотворительностью, однако - без особого успеха. Хорваты так и не смогли простить ему то, что в 1945 г. он не разделил судьбу своих солдат в Бляйбурге. Встретившийся с ним в Буэнос-Айресе в начале 1950-х гг. соратник его первых лет борьбы бывший руководитель молодежного движения "Усташа" Бранимир Елич, с 1930-х гг. проживавший в США и ставший преуспевающим бизнесменом, описал Павелича как "усталого нервного человека, обремененного своими мыслями, заботой о репутации и о семье, который все время повторял, словно заклинание: "Все, что я делал, считал необходимым для государства и народа; я ничего не делал для себя". Как ни странно, наиболее близкие отношения в Аргентине Павелич поддерживал с бывшим премьер-министром Королевства Югославия Миланом Стоядиновичем, считавшимся приверженцем великосербского национализма. Бывшие непримириимые противники не только вместе проводили различные общественные мероприятия, но даже стали личными друзьями. Существует легенда, что, комментируя эту парадоксальную альянс, Евген "Дидо" Кватерник незадолго до своей гибели заметил: "Сколько народа бы выжило, если бы они начали пить вместе лет двадцать назад".

Впрочем, далеко не все сербские националисты были склонны простить Павеличу резню их соотечественников в НГХ. Учитывая тот факт, что бывший "поглавник", хоть и проживавший официально под чужим именем, особенно не

скрывался, вычислить его не составило труда. 10 апреля 1957 г., когда хорватская диаспора в Буэнос-Айресе отмечала годовщину провозглашения НГХ, двое бывших четников - Благое Йовович и Мило Кривокапич - подкараулили прибывшего на мероприятие на омнибусе Анте Павелича и открыли по нему огонь из пистолетов. Не растерявшись, лидер "Усташ" стал уклоняться от выстрелов, с необычайным для его возраста проворством прыгая из стороны в сторону, однако все-таки был поражен двумя пулями в руку и в плечо. Скрывшиеся с места происшествия незадачливые мстители, как ни странно, нашли поддержку у Милана Стоядиновича, который помог им избежать ареста "как серб сербам".

После покушения, не завершив курс лечения, Павелич принял решение из соображений безопасности покинуть Аргентину. Бывшие усташа помогли ему перебраться с семьей в Испанию, и 27 ноября 1957 г. он прибыл в Мадрид, где вел скромную частную жизнь. Здоровье экс- "поглавника", подорванное ранением и застарелым сахарным диабетом, быстро ухудшалось. В ноябре 1959 г. он был помещен в мадридскую клинику немецкого профессора Рудольфа Сеиза, который намеревался вновь прооперировать ранения Павелича; однако состояние пациента этого не позволило и 28 декабря Анте Павелич умер. На похоронах присутствовали члены семьи бывшего "поглавника" и несколько усташей в штатском. В 1968 г. дочь Павелича Вишня опубликовала книгу его воспоминаний (*Dozivljae*).

Пожалуй, последним громким аккордом истории "Усташ" стала выдача из США в Югославию в 1986 г. 87-летнего бывшего министра иностранных дел НГХ Андрие Артуковича, которому предшествовала интенсивная дипломатическая и общественная кампания по обвинению его в военных преступлениях, продолжавшаяся несколько десятилетий. 14 апреля 1986 г. в Загребе открылся судебный процесс с привлечением большого количества документальных свидетельств и 50 очевидцев усташеских злодействий. По свидетельствам

югославской и международной прессы, "это был судебный процесс не только над Артуковичем, но и над всем усташеским движением". Сам Артукович отрицал все обвинения, утверждая, что не причастен ни к каким преступлениям. 14 мая 1986 г. суд вынес приговор: Артукович был приговорен к расстрелу. Его адвокаты направили апелляции во все инстанции вплоть до Президиума СФРЮ с просьбой о смягчении приговора, но все они были последовательно отклонены. Тем не менее, слабое здоровье осужденного способствовало тому, что весной 1987 г. консилиум врачей счел, что согласно инструкции о приведении в исполнение смертной казни, она должна быть отсрочена. Бывший министр внутренних дел усташеского режима умер в особой палате тюремной больницы 16 января 1988 г.

Память рядовых усташей, вместе с тысячами других хорватских жертв убитых коммунистами в 1945 г., в наши дни скромно отмечается в Хорватии на католические дни поминовения усопших. Многие из них были простыми солдатами и офицерами элитных воинских формирований НГХ и, вероятно, не могут нести ответственность за геноцид сербов, евреев и цыган. Другие творили страшные злодействия во имя бредовых идей, вложенных в их головы политическими вождями. И те, и другие сполна заплатили за свои преступления и ошибки на кровавых полях Бляйбурга, в расстрельном рву у Марибора, на страшных "маршах смерти", за бесконечные годы лагерной тоски. Но преступления усташеского режима против мирных людей никогда не должны быть забыты или оправданы.

ЛИТЕРАТУРА

На сербскохорватском языке

Sidak J. et al. Hrvatski narodni preporod - ilirske pokret. - Zagreb, 1990.

"Odgonetavanje Zagonetke Rakovica" Zvonimir Kulundic // Multigraf - Zagreb, 1994.

- Krizman B. Ante Pavelic i ustase. - Zagreb, 1986.
- Pjesme Ante Pavelica. - Zagreb, 1992.
- P. J. Tajni rat Srbije : propaganda i manipuliranje povijescu. - Zagreb, 1992.**
- Jareb M. Ustasko-domobraski pokret. Od nastanak do travnja 1941. - Zagreb, 2006.
- Jelic-Butic F. Ustase i NDH. - Zagreb, 1977.
- Hrvatski leksikon. - T. 1. - Zagreb, 1997.
- Kosutic I. Hrvatsko domobranstvo u drugom svjetskom ratu. - Zagreb, 1992.
- Plenca D. Medunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svetskog rata. - Beograd, 1962.
- Licic S. Bjelovarski ustakan hrvatskih vojnika 8 travnja 1941. - Zagreb, 1992.
- Nedelja. - Zagreb, 11 travnja 1941.
- Ante Pavelić - 100 godina / Zbornik - Zagreb, 1995. - s. 186
- Antisic D., Maricic M. U smrt spremni! Opomena. - Zagreb, 1995.
- Kisic-Kolanovic N. NDH i Italija. Politicke veze i diplomatski odnosi. - Zagreb, 2001.
- Zerjavić V. Gubitci stanovnistva Jugoslavije u drugom svjetskom ratu. - Zagreb, 1987.
- Kocovic B. Zrtve Drugog svjetskog rata u Jugoslaviji. - London, 1985.
- Нацистички геноцид над Србима // Православ е - новине Србске Патријаршије. - Љ 5 - Београд, 2005.
- Самарџић М. Генерал Дража Михайловић и општа историја четничког покрета. - Кн. 1. - Крагујевац, 2005.
- Zuckerman Itkovic B. *Funkcija protuzidovske propagande zagrebackih novina u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj od travnja do srpnja 1941 godine.* // Casopis za suvremenu povijest - Vol. 38 - 2006.
- Kristo J. Katolicka crkva i Nezavisna Drzava Hrvatska 1941.-1945. - Druga knjiga: Dokumenti. - Zagreb, 1998.
- Benigar A. Alojzije Stepinac - hrvatski kardinal. - Zagreb, 1993.
- Чолаковић Р. Записи из ослободилочког рата. - Београд, 1956.

- Drugi svetski rat. Pregled ratnih operacija. - Kn. 2. - Beograd, 1969.
- Oslobodilacki rat naroda Jugoslavije 1941-1945. - Beograd, 1957. - Kn. 1.
- Dizdar Z., Sobolevski M. Presucivani cetnicki zlocini u Hrvatskoj i u BiH. - Zagreb, 1999.
- Krizman B. Pavelic izmedu Hitlera i Mussolinija. - Zagreb, 1983.
- Peric M. 1945-1995. Bleiburg. Svjedocanstvo. - Zagreb, 1995.
- Grcic M. i dr. Otvoreni dossier: Bleiburg. - Zagreb, 1990.
- Zerjavic V. Opsesije i megalomanije oko Jasenovca i Bleiburga.
- Gubici stanovnistva Jugoslavije u drugom svjetskom ratu. - Zagreb, 1992.
- Petrinovic I. Mile Budak - portret jednog politicara. - Split, 2002.
- Radelic Z. Krizari - gerila u Hrvatskoj 1945.-1950. - Zagreb, 2002.

На английском языке

- Bosworth R. J. B. Mussolini's Italy. Life Under Dictatorship, 1915-1945. - New York, 2006.
- Thomas N., Mikulan K. Axis Forces in Yugoslavia 1941-1945. - London. 1995.
- Alexander S. Church and State in Yugoslavia since 1945. - Cambridge, 1979.
- The Illustrated Encyclopedia of World Tanks and Fighting Vehicles / Foss C. F. - London, 1977.
- Lituchy B. M. Jasenovac and the Holocaust in Yugoslavia. - New York, 2006.
- Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. - R. James Bender Publishing, 1994.
- Mousavizadeh N. The Black Book of Bosnia. - New York, 1996.
- Windrow M. The Waffen-SS. / Men-at-Arms, 34. - Oxford, 1982.

На русском языке

- Европейские революции 1848 г. “Принцип национальности” в политике и идеологии. - М., 2001.
- Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. Балканские войны XX века. - М., 2000.
- Васильева Н., Гаврилов Б. Югославский тупик? Исторические судьбы Югославии в XX веке. - М., 2000.
- Третий рейх: трагедия народов / Штурм власти. - М., 1998.
- Волков В. К. Операция “Тевтонский меч”. - М., 1966.
- История Второй мировой войны 1939-1945. - Т. 2. - М., 1974.
- Уэст Р. Иосип Броз Тито: власть силы. - Смоленск., 1997.
- Найер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. - М., 2000.
- Петрович Р. Геноцид с благословения Ватикана. - Нижний Новгород, 1999.
- Станоевич Б. Усташеский министр смерти: анатомия преступления Андрия Артуковича. - М., 1989. - с. 44.
- Движение сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 1939-1945. - М., 1995.
- Быков К. В. Харьковский “котел” 1942. Крушение надежд. - М., 2007.
- Залесский К. Командиры национальных формирований СС. - М., 2007.
- Зефиров М. В. Асы Втрой мировой войны: союзники Люфтваффе: Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия, Словакия, Испания. - М., 2002.
- История Второй мировой войны 1939-1945. - Т. 9. - М., 1978.

На болгарском языке

- Михайлов И. Избрани произведения. - София, 1993.
- Каракачанов К. ВМРО. 100 години борба за Македония. - София, 1994.
- Груев С. Корона от търни. - София, 1994.
- Иван Михайлов - живот и дело. - Благоевград, 1994.

И Н Т Е Р Н Е Т - Р Е С У Р С Й

http://hr.wikisource.org/wiki/Ustav_hrvatske_revolucionarne_organizacije

<http://www.jusp-jasenovac.hr/Default.aspx?sid=5699>

http://hr.wikipedia.org/wiki/Nezavisna_Dr%C5%BEava_Hrvatska

http://religion.ng.ru/style/2001-08-22/8_ustashi.html <http://www.blog.hr/print/?id=190166>

Вместо Послесловия

В 2003-2005 гг. выходил при содействии Братства примечательный журнал «правой перспективы» РЕВАНШ. Его редактором и авторский костяк составляла группа военных историков: Дм. Жуков, Ив. Ковтун, С.Неподкосов и др. Михаил Кожемякин – из их числа. Все названные авторы в какой-то мере «сделали себе имя»: их книги издавали такие крупные издательства как «Вече» и др., печатали центровые газеты (напр. «Сов. Секретно»), им давали эфир на радио и тп. Но за такое вхождение в «легальное пространство» приходилось, конечно, «платить определённую цену». Для людей Правых взглядов то был, безсомненно, тяжеловатый компромисс. Скажем, говоря о «Бригаде Каминского», следовало использовать клише «предатели Родины» и тп. Ну а говоря про Усташей, использовать клише «преступления», «зверства» и тому подобное. Наверное, сей «компромисс» можно счесть оправданным для того, чтобы достаточно большими тиражами была обнародована в общем-то вполне «ревизионистская» точка зрения на военную историю XX в. Первоначальный текст М.Кожемякина про Усташей представлял из себя статью «Усташи: Чёрная стража Хорватии» и был опубликован как раз в «Реванше». Позднее (2017) он разросся в книгу, кою мы и воспроизводим выше (позволив себе лишь «подсократить» заглавие, несущее на себе след означенного «компромисса»: в книжном варианте монография Кожемяки-

на называлась: «Хорватские Усташа. История и Преступления»). Приводим в дополнение рецензию С.Яшина как раз на тот номер «Реванша», где была напечатана «Чёрная стража...»

Реванш. № 1 (3), 2004 г. – 80 с. – (с ил.)

Прав был Виктор Цой. «Между землёй и Небом – война». Безспорно же он ошибался в том, считая сию войну «без особых причин». Причина есть. Хотя бы уже потому, что война ведётся между Небом и землёй. Теплотным теллурическим притяжением и обжигающей своей беспощадностью Лазурью. Отсюда и молитва наша: «Да приидет Царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли». Что по сути своей является молитвой об Абсолютом Реванше. Реванше Сил Небесных, зримо явленных на земле силами консервативной Революции.

Очередной номер журнала, издаваемого нашими соратниками, «посвящён воинскому аспекту Традиции» и её несогласимости со всевозможными пацифическими бреднями и «общечеловеческими ценностями».

«Царство количества», апостасийность, токсикация профанизма, не оставляют нам иного выбора, нежели воинское служение Церкви и Раде. Не случайно издание открывается статьёй Николая Никифорова «Быть воином». А кем же ещё быть тому, кто не утратил вертикального положения и причастности миру горнему. «Тотальная мобилизация», о которой ещё говорил Эрнст Юнгер, отнюдь не пугает автора, но при условии расово-религиозного аспекта сего явления, при котором оно становится подлинным благом.

Данную тему развивает Альфред фон Фогельвейде, чьими усилиями весьма пополнялись, расовые исследования Опричного Братства св. прп. Иосифа Волоцкого. На богатейшем материале он доказывает воинский, кшатрийский характер Арио-Христианства, предопределённый метафизикой его предназначения. Так автор останавливается на пяти

важнейших аспектах иафетического откровения, как откровения воинского. К первому – «относится борьба с дьяволом» и его служителями. «Осознание того факта, - пишет А. фон Фогельвейде, - что в міре находятся служители сатаны, было для Церкви небесным указанием, разрешающим ей применять не только духовные средства к усмирению слуг Вельзевула, но и физические». Ко второму аспекту - специфическое понимание смерти в Традиции, которая «заключается в том, чтобы быть готовым к смерти в любую минуту. И такая настроенность соответствует воинскому идеалу». Третий – заключается в воинском образе, создающем атмосферу, в которой происходит «активное проникновение святости и добра в логово сил тьмы». Так иконы были одновременно боевыми знамёнами. Четвёртый аспект – установление священного порядка, подавление инфернальных сил хаоса и разрушения. Наконец, пятый, коренится в христианском понимании оружия. «Надо заметить, - пишет автор, - что оружие всегда имело священное значение. Его не давали «кому попало». Кстати, Традиция не знала никаких «Законов об оружии», а владение им определялось кастовой или сословной принадлежностью.

Сию тему автор продолжает в работе «Две грани убийства». Она затрагивает шестую заповедь и ставит перед нами ряд вопросов. Что считать «убийством» и кого «не убий»? Можно ли, к примеру, считать убийством, уничтожение звероподобной твари, готовой изнасиловать и растерзать вашего ребёнка? Одобрят ли Церковь истинная, если то же делают и с Отечеством нашим? Чаем, что в данной работе христолюбивый читатель получит ответ на данный вопрос.

Тему Войны как сакрального Действа развивает и православный философ о.Роман Бычков в статье «Священная война». «Война... - пишет автор, - это литургическое Действо, это религия, как всё в міре может стать религией, будучи обращено к служению Богу».

Сакральным основам ратного искусства посвящены и прекрасная работа Сергея Михайлова «Война и бытие» и произведение классика традиционализма Юлиуса Эволы «Арийская доктрина борьбы и победы».

Всё же, заметим, надо отличать, Войну во Имя Божие, имеющую высшее оправдание, от бойни, носящей исклучительно инфернальный вектор. Авторам издания провести этот водораздел вполне удалось. Так, в статье Сергея Михайлова «Нехристолюбивое воинство», весьма красноречиво живописуется образ советского «воина-освободителя» Европы. Чтение не для слабонервных. Но для них и не пишем. Патологическая жестокость, мародёрство, было нормой в рядах Красной армии, засвидетельствованной множеством исторических источников. Безусловно, действия советской армии в годину Второй мировой стали продолжением геноцида этнических европейцев, развязанного ещё в так называемую Гражданскую, звероподобными тварями под руководством картавых «комиссаров в пыльных шлемах». Не случайны завывания жидёныша Эренбурга: «Убивайте! Убивайте! В немецкой расе нет ничего кроме зла... Растопчите расовую гордость этих немецких женщин. Берите их себе как свою законную добычу». Вспоминая известную скульптуру в Трептов парке, в коей запечатлён «воин-освободитель» с немецкой девочкой на руках, невольно задумываешься о судьбе этого ребёнка, учитывая, что «освободителями» было изнасиловано свыше двух миллионов немецких женщин.

О расовой деградации армии американской, превращении её в «чёрно-жёлтое воинство безбожников» пишет в своей заметке наш соратник Джон Белл.

Юлиус Эвola был абсолютно прав, считая, что американализм и советизм, клешни единого антитрадиционного фронта зажимающего Европу с двух сторон.

Тема Запада и Востока занимает должное место на страницах издания. Так о.Р. Бычков чётко указывает на то, что «не противостояние Запада и Востока составляет основной

конфлікт Четвёртой міровой войны, но противостояние «европеизма» в России («первый фронт») и «европеизма» в Европе («второй фронт») всем антитрадиционным, антихристианским, антиевропейским силам міровой деструкции, силам «Нового мірового порядка».

Сию тему продолжает Пётр Новиков в статье «Смерть Запада и грех Востока». «Для христианских традиционалистов, - пишет автор, - важна та особенность, что культура Запада и духовность Востока только тогда чего-то стоят, когда они взаимосвязаны с христианской Традицией. Да, Запад не православен, но было бы ошибкой отказать ему в благодати только на том основании, что его христианство не такое, как у нас. Вместе с тем, Восток православен, однако же, его православность не всегда отвечает нормам Традиции». Статья являет собой достойный ответ всевозможным евразийцам, «патриотушкам» и борцам с «католической экспансией».

Сей теме, весьма соответствует работа историка Андрея Жукова «Испанцы на восточном фронте», повествующей об испанских добровольцах из знаменитой «Первой истребительной дивизии», более известной как «Голубой дивизии», сражавшейся с большевизмом плечом к плечу со своими германскими и русскими соратниками. Читая статью, понимаешь, как крепло в окопах единство европейских народов.

Хорошей традицией издания стало разоблачение всевозможных фальшивок. Так, статья Дитриха Бауэра «Аненербе и борьба с оккультизмом», демонстрирует полную несостоятельность баек Воробьевского, Первушкина и Бержье вкупе с Повелесом. Русскому читателю будет небезынтересно узнать, как сие общество было «зачищено» от «фёлькиш» - народников с их неязыческими изысканиями и превращено в учреждение объективной науки, не имеющей к оккультному бреду никакого отношения.

Разоблачению ещё одной фальшивки посвящена статья Христо Радолюбова «Фальшивые герои. (Правда о варшавском восстании 1944 г.)». Из неё читатель узнает об интригах

так называемого «антифашистского подполья» и о том, как действия міровой закулисы привели к кровавому столкновению, впоследствии названному «варшавским восстанием». Развивая тему автора, добавим, что взаимоотношения немцев и поляков в военные годы, были вполне сносными, что в очередной раз доказывает несостоятельность домыслов о взаимной неприязни этих европейских народов. А вот коммунисты и лица «пархатой национальности» поляки действительно ненавидели. Можно ли им было забыть массовый геноцидпольской военной аристократии в катынских лесах сталинскими палачами? И не этим ли объясняются явно прогерманские настроения нынешних польских скинхэд-групп?

Статья этого же автора продолжает тему борьбы балканских народов против жида-большевизма, начатую в предыдущем нумере. На этот раз читатель подробно узнает о борьбе хорватского народа за своё национальное будущее. При всей неоднозначности усташского движения для православного человека, отметим историческую объективность данной работы.

Авторы издания не забыли и самих героев консервативной Революции. Безусловный интерес представляет знакомство с жизнью и деятельностью последнего самурая, одного из крупнейших писателей XX века, Юкио Мисимы; а также с крестоносным подвигом русского фашиста, поэта Николая Дозорова.

Желающих ознакомится с немецкими военными маршами, безусловно, привлечёт работа Петра Новикова «Wenn die Soldaten». О чём же пели те, кто якобы намеревался завоевать и уничтожить полміра? О весёлых студентах; солдатах, танцующих с девушками; о вкусном пиве; об очаровательной Эрике, то ли цветке вереска, то ли девушке... Что и говорить, людоеды!

Очередной «Реванш» удался. Каждый кусочек голубого неба среди чёрно-серых туч, уже можно считать Реваншем. Амбразурой неба, откуда грянет бронебойная очередь или

ниспадет копьё Архангела Михаила. Впрочем, одно неминуемо преобразуется в другое. Читая журнал, понимаешь, что Реванш абсолютно безоблачного неба неизбежен.

Денис Алимов

ГОТИЦИЗМ В ХОРВАТИИ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Одним из ярких феноменов, характеризующих формы презентации средневекового прошлого в странах Европы в эпоху, предшествовавшую появлению критической историографии, является так называемый готицизм, под которым можно понимать различные формы апелляции к наследию древнего народа готов, как правило, политически мотивированные и призванные обосновать с помощью приписываемого своему народу, государству или правящей династии готского происхождения претензии на верховенство. Расцвет готицизма в историографии и общественной мысли приходится на раннее Новое время, что было неразрывно связано со становлением протонационального дискурса – способа осмыслиения социальной и культурной реальности в категориях новой, этноязыковой (а не сословной или сугубо политической), концепции «нации» (*natio*). Между тем, подобно теме Рима, никогда не покидавшей пространство исторической мысли Средневековья и лишь наполнявшейся новыми смыслами в эпоху Ренессанса, готская тема также была отнюдь не нова, особенно для тех регионов, где некогда существовали готские королевства. Так, традиция, апеллировавшая к готам, еще в Средние века присутствовала в Хорватии – стране, территория которой в первой половине VI в. составляла часть Остготского королевства. Рассмотрение этой традиции в ее исторической динамике было бы полезно для осмыслиения готицизма как комплексного феномена, понимания того, каким образом взаимодействовали в нем средневековые и раннемодерные элементы. Однако, несмотря на присутствие в историографии работ, посвященных тем или иным аспектам готской темы в Хорватии, сама по себе идеологиче-

ская конструкция, сближавшая хорватов с готами, не только не рассматривается в литературе как целостный феномен, но и не осмысляется в общеевропейском контексте, результатом чего является выпадение хорватского случая из большинства общих работ о готицизме. В настоящей статье будет предпринята попытка наметить этапы функционирования хорватского готицизма, сфокусировав внимание на его исторической специфике и логике развития. Комплекс представлений о связи хорватов и готов имел два источника. Один из них – это существовавшая в городе Сплит историческая традиция, согласно которой готовам приписывалось разорение Салоны – центра позднеантичной Далмации, некогда оставленного жителями под натиском варваров. Впервые эта традиция была зафиксирована в Житии святого Домния, датировка которого в историографии колеблется от конца VIII до XI века [17, с. 238–239]. При описании переноса мощей святого Домния из Салоны в бывший дворец императора Диоклетиана (будущий Сплит) в Житии кратко упоминается разорение Салоны готовами, которое повлекло за собой бегство ее жителей на острова и последующее переселение их в бывшую императорскую резиденцию [9, р. 288]. Спустя несколько веков данный сюжет был воспроизведен (с добавлением множества подробностей) в труде сплитского архидиакона Фомы «История архиепископов Салоны и Сплита» (середина XIII в.). Это дает основания полагать, что Житие послужило Фоме Сплитскому одним из источников при описании судьбы Салоны и становления Сплита [10, с. 190–192]. В изложении сплитского автора, готовы, возглавляемые вождем по имени Тотила, прибыли в Далмацию «из земель Тевтонии и Полонии», причем вместе с ними в Далмацию переселились семь или восемь «знатных племен» лингонов, которые, заняв территорию горной части Далмации, смешались с жившими здесь куретами, от которых якобы происходит само имя хорватов. Таким образом, в труде Фомы Сплитского описывается рождение в хинтерланде Далмации варварского народа, компонентами

которого были как пришельцы – готы и славяне-лингоны, так и автохтоны – куреты. Именно этому гетерогенному народу Фома Сплитский и приписывает разорение Салоны: подробный рассказ об этом событии начинается после описания «этногенеза», с фразы о том, как некий «вождь Гот, стоявший во главе всей Славонии» (*dux Gothus, qui toti preerat Sclauonie*), собрав войско, спустился с гор и, разбив два лагеря под стенами Салоны, начал штурм города [4, с. 36]. Интересно, что, описав возникновение современных ему хорватов из смешения пришельцев с автохтонами, Фома Сплитский счел нужным специально отметить: «Многими они назывались готами и тем не менее это славяне, судя по собственному имени тех, которые пришли из Полонии или Богемии» [4, с. 35]. Из этой фразы следует, что «многие» (вероятно, современники Фомы) вообще не видели разницы между славянами, готами и хорватами. Следовательно, можно говорить о том, что традиционная оппозиция «римляне – варвары» приобрела в Сплите дополнительную коннотацию: римское происхождение горожан-сплитчан противопоставлялось «варварскому», готскому, происхождению сельских жителей хинтерланда. На основании известий Фомы Сплитского можно думать, что данная оппозиция если не возникла, то, по крайней мере, была актуализирована в условиях церковного раскола, произошедшего в Хорватии во время правления короля Петра Крешимира IV (1058–1074 гг.), когда далматинские горожане из числа сторонников реформ, провозглашенных Латеранским собором 1059 г., получили возможность презрительно именовать готами своих оппонентов – хорватов-глаголяшь, привыкших использовать в богослужении вместо латыни «варварский» (славянский) язык [13, с. 21]. Описывая перипетии данного конфликта, Фома Сплитский не только называет глаголицу «готскими письменами», но и – вопреки своей собственной концепции хорватского «этногенеза» – называет готами самих хорватов, практически используя названия «хорваты» и «готы» как синонимы [4, с.

48–50]. Другим источником хорватского готицизма была Летопись попа Дуклянина, созданная в середине или во второй половине XII в. в г. Баре (Черногория) кем-то из среды местного духовенства. В этом памятнике, вписывающимся в рамки жанра «*gesta regum*», повествуется о деяниях дуклянских правителей XI–XII вв., а также их легендарных предшественников, которые, в представлении летописца, правили огромной страной, якобы охватывавшей все восточное побережье Адриатики от Винодола до Диррахия с прилегающими областями далматинского хинтерланда. История этого воображаемого королевства, из которого в представлении летописца постепенно выросла современная ему Дуклянская держава, начинается в летописи с рассказа о трех братьях – сыновьях готского короля Сенулада, появление которых на исторической сцене датируется летописцем посредством упоминания ряда известных исторических фигур, действовавших в конце V – первой половине VI века [2, с. 293]. В то время как старший брат, Брус, по сообщению летописца, унаследовал трон отца в некой северной стране готов, двое младших братьев, Тотила и Остроил, отправились покорять новые земли. После победы над войсками «королей» Далмации и Истрии готы разделились: Тотила ушел в Италию, а Остроил, вступив в Иллирийскую провинцию, овладел всей Далмацией и приморскими областями [2, с. 293–296]. Обосновавшись в Превалитанской области, Остроил и стал основателем династии королей, деяния которых описываются в последующих главах летописи. Начало дуклянской истории в том виде, в каком оно предстает в летописи, сложно трактовать иначе, нежели как «изобретенную традицию», в рамках которой ранняя история Дукли фактически рассматривается как история готского королевства. Так, изложенная в летописи история трех сыновей Сенулада, как заметил Й. Рус, напоминает повествование готского историка Иордана о трех сыновьях Вандала – Ромуле, Гале и Адриане, что позволяет предположительно говорить об искаженном воспроизведении в первых трех главах летописи истории

рода Амалов, начиная с периода существования их королевства в Паннонии (454–471 гг.) [21, с. 33]. При том что история деяний Тотилы и Остроила являлась сложносоставной историографической конструкцией, важно подчеркнуть, что, как и в случае со сплитской традицией, сама по себе апелляция летописца к готам была порождением не славянской, а романской среды, ведь Бар, независимо от высокой степени своей интеграции в политическое пространство Дукли, где он фактически играл роль столицы, оставался (по крайней мере, отчасти) романским по населению городом. Хотя у нас не может быть уверенности в том, что в Баре славян, подобно тому, как это было в Сплите, называли готами, версия, согласно которой в романской среде восточного побережья Адриатики выработалось единое обозначение славяноязычных жителей, основанное на противопоставлении римлян и готов, представляется правдоподобной. Вместе с тем созданный в Баре исторический нарратив, вероятно, служил интересам дуклянской династии Воиславичей, объединившей под своей властью ряд славянских княжеств и создавшей в XI–XII вв. могущественное «Королевство славян» [11, с. 125–135]. В подтверждение данной мысли можно привести тот факт, что на страницах летописи в конструирование дуклянской истории оказались вовлечена не только готская, но и славянская традиция, связанная с Великой Моравией: так, король, в правление которого, согласно летописи, произошло крещение готско-славянского королевства, носит имя Светопелек, заставляющее вспомнить моравского князя Святополка (871–894 гг.), причем крестителем короля и его подданных выступает не кто иной, как изобретатель славянской азбуки Константин (Кирилл) [2, с. 300–302]. Таким образом, барский священник конструирует дуклянскую историю, выстраивая ее в соответствии с актуальными для этого уголка Средиземноморья обозначениями, одно из которых было «готы», а другое – «славяне». Но в каком именно соотношении друг с другом находились понятия «готы» и «славяне»? С одной

стороны, может показаться, что летописец прямо отождествлял одних с другими. Так, во введении он сообщает о том, что его труд включает в себя (или целиком представляет собой) сделанный им перевод со славянского языка некой (возможно, им же ранее и написанной) «Книги о готах», именуемой по-латыни «Королевством славян»², а повествуя о том, как в правление короля Владина территорию по соседству с готами заняли переселенцы с реки Волги, называемые «вулгарами» (Vulgari), летописец счел нужным отметить: «И оба народа весьма почитали друг друга – готы, то есть славяне, и вулгары, и главным образом из-за того, что те и другие были язычники и одного языка» [1, с. 50]. С другой стороны, название «готы» используется только в начальных главах летописи, в то время как в последующих говорится лишь о славянах. Более того, в главе, рассказывающей о правлении Силимира (отца Владина), сообщается о том, что этот король «наполнил страну множеством славян» [2, с. 297], словно между готами и славянами все же существовала какая-то разница. Интересно, что похожее явление наблюдается и в труде Фомы Сплитского. Как заметил Л. Маргетич, анализируя рассказ сплитского автора о разорении Салоны, при том что Фома Сплитский, казалось бы, повествует об одном историческом эпизоде, в используемых им определениях заметна хронологическая последовательность: если в начале своего повествования о варварах, разоривших Салону, он именует их преимущественно готами, то впоследствии все чаще говорит о славянах, а под конец начинает повсеместно использовать название «хорваты» [15, с. 11–13]. Подобная непоследовательность в использовании понятия «готы» не что иное, как зримое свидетельство трудностей, с которыми столкнулись средневековые авторы, пытаясь привести обиходное, обусловленное сугубо локальным контекстом, квазиэтническое понятие в соответствие с полноценным этническим дискурсом, в рамках которого готы должны были быть изображены как особый народ, связанный общностью происхождения и

истории. Появление в позднее Средневековье, вероятно, в XIV в., в Хорватии славянской редакции Летописи попа Дуклянина – Хорватской хроники – стало первым опытом априоризации характерного для романцев готского дискурса в среде самих славян. Интересно, что при этом историческая схема дуклянского автора подверглась изменениям. Изложение событий в Хорватской хронике соответствует (с некоторыми более или менее существенными расхождениями в отдельных деталях) лишь первым 23 главам из 47 дуклянского автора с присоединением к ним еще нескольких глав (24–28) с содержанием, не имеющим параллелей в латинской редакции. При этом, вопреки концепции дуклянского автора, считавшего преемниками готских королей травунских, а затем дуклянских правителей, в Хорватской хронике в роли такого преемника выступает хорватский король Звонимир (1075–1089 гг.), о правлении которого подробно рассказывается в ее последних главах. В хронике исчезает и географическая привязка «готско-славянского» королевства к Травунии и Дукле, ясно читаемая в названиях местностей и населенных пунктов, фигурирующих в латинской редакции [18, с. 22–23, 58–60]. Если, согласно латинской редакции, ядром основанного Остроилом королевства была «Превалитанская область» (то есть позднеантичная провинция Превалис, территориально приблизительно соответствовавшая Дукле), то в Хорватской хронике вместо нее фигурирует некий «Приливит», прямо локализуемый автором хроники в Боснии [2, с. 387]. Интересно, что король, при котором произошло крещение, в Хорватской хронике именуется не Светопелеком, а – по причине, до сих пор остающейся невыясненной – Будимиром [2, с. 392–394], то есть именем, более соответствующим хорватской антропонимии. При этом важно подчеркнуть, что отразившееся в Хорватской хронике представление о готских источках Хорватского королевства не означало характерного для романских городов приписывания готского происхождения самому народу хорватов. Так, при описании битвы готов с

«королем Истрии», автор Хорватской хроники, сообщая о гибели от меча готов множества христиан, счел нужным специально упомянуть среди жертв поражения хорватов («i vele Hrvat bi pobijeno») [2, с. 385]. Следовательно, автор хроники считал хорватов не готовами, а автохтонными жителями Далмации и Истрии. Примечательно при этом, что название «славяне» на страницах хроники также не используется: не нуждаясь в приписывании хорватам пришлого происхождения, автор хроники точно так же не испытывал ни малейшей потребности в том, чтобы применять к хорватам этнические категории, характерные для этнического дискурса далматинских романцев, будь то «готы» или «славяне». С картиной, вырисовывающейся из известий Хорватской хроники, контрастирует историография далматинских городов, где, несмотря на далеко зашедшие процессы языковой славянизации горожан, традиция отождествления славян с готовами и противопоставления их горожанам как потомкам римлян сохранялась еще в эпоху позднего Ренессанса. Свидетельством тому может служить труд Людовика Цриевича-Туберона (1458–1527 гг.) «Комментарии о моем времени» [8], где славянам приписывается готовское происхождение. При этом дубровницкий автор, в распоряжении которого, как он сам отмечает, находилась Летопись попа Дуклянина, апеллировал не только к письменным источникам, но и к таким фактам, как, например, именование славян «тотами» (в интерпретации Туберона – готовами!) в венгерском языке, или использование определения «готский» в живой речи Дубровника по отношению к рабыням-славянкам. Вместе с тем именно в эпоху позднего Ренессанса критерии этнической принадлежности, основанные на общности языка, стали составлять серьезную конкуренцию линиям размежевания, основанным на политической принадлежности, что, если воспользоваться удачным выражением Б. Андерсона, отвечало новому «стилю воображения» социальной реальности. Зародившийся в эту эпоху протонациональный дискурс стал ментальным ответом ин-

теллектуалов на потребность в новых формах групповой идентификации, соответствовавших менявшемуся мировоззрению социальной элиты. Применительно к хорватским землям это означало выдвижение на первый план славянской языковой принадлежности жителей как приморской Далмации, так и хинтерланда, вследствие чего дискурсивное противопоставление друг другу автохтонов – далматинцев и славян-готов постепенно стало отходить на второй план. Так, уже в трактате далматинского гуманиста Юрая Шижгорича «О положении Иллирии и о городе Шибенике» (1487 г.) [23], где славяноязычные далматинцы выступают как часть более широкой «воображаемой общности» – «иллирского народа», готы (отождествляемые при этом с гетами!) рассматриваются (наряду с куретами Фомы Сплитского, давшими название хорватам) лишь как один из иллирских народов. Именно в работе Шижгорича были заложены основы иллиризма – идеологемы, утверждавшей – в отличие от средневековой готской традиции – местные, иллирийские, истоки славянской общности [6, с. 117–125]. Это смещение акцента с противопоставления жителей далматинских городов населению хинтерланда на общие истоки славяноязычного населения Далмации не могло не сказаться и на трактовке образа готско-славянского королевства, который обрел новую жизнь в период Чинквеченто благодаря обнаружению в 1500 г. Д. Папаличем в Краине (Макарское приморье) списка Хорватской хроники, который, по его просьбе, был переведен на латынь сплитским гуманистом Марко Маруличем [16, с. 171–225]. Хотя Марулич не вкладывал в свой текст политического смысла, полагая, что знакомство с деяниями королей будет играть роль морального назидания для читателей [12, с. 134], созданный им перевод оказался востребованным в условиях зарождения в венецианской Далмации и Дубровнике протонациональной идеологии, осмыслившей славянскую языковую общность в рамках ренессансного этнического дискурса. Так, уже гуманист Винко Прибоевич, живописуя в своей речи

«О происхождении и славе славян», произнесенной им в 1525 г. в городе Хвар, доблесь древних славянских правителей, ссыпался на пример одного из известных ему по переводу Марулича персонажей – победоносно сражавшегося с «гуннами» (венграми) короля Полислава, именуя его при этом не готским или славянским королем, а королем иллиров [19, с. 72]. Реабилитация имени варваров-славян (через привязку их к иллирам), осуществленная Прибоевичем (подробнее см.: [14]), создала благоприятную среду и для возвеличивания готов в качестве (одних из) их предков. Произошло это, впрочем, уже в иных исторических условиях, когда готицизм успел занять прочное место в кругу протонациональных идеологем. Основоположником «готского возрождения» в историографии стал дубровницкий историк Мавро Орбини, который в своем труде «Королевство славян» (1601 г.) сумел поставить ставленное представление о связи славян с готовами на службу гlorификации славянства как доблестного народа завоевателей [3]. Готские сюжеты Летописи попа Дуклянина, опубликованной в книге Орбини в переводе на итальянский язык, органично сочетались с разработанной автором концепцией истории славян, важная роль в которой отводилась исходу славян со своей прародины, локализованной Орбини в Скандинавии, то есть там, где средневековая традиция размещала родину готов. Однако, считая готов лишь одним из славянских народов, Орбини рассматривал основанное ими королевство в Далмации не как начало славянской истории, что заметно отличало его концепцию от воззрений его предшественника Туберона, а как связующее звено между античным периодом, когда, в его представлении, унаследованном от Прибоевича, Иллирик уже являлся славянским, и более поздними славянскими монархиями, существовавшими на Балканах, в первую очередь Сербским царством [5, с. 108, 178]. В грандиозной версии славянской истории, сконструированной Орбини, готовы короли стали наследниками римских императоров и предшественниками средневековых мо-

нархов, обеспечивая политическую преемственность. Явственно обозначенная в труде Орбини историческая схема, в рамках которой готско-славянское королевство потомков Сенулада выполняло роль связующего звена между античным Иллириком и славянскими монархиями Средневековья, оказалась влияние на историографию эпохи барокко. Фактически она стала канонической для исторической литературы XVII–XVIII вв., при том что интерпретация готско-славянского королевства в актуальных для данной эпохи этнических или этнополитических категориях заметно варьировалась от автора к автору. Для нас в данном случае важно подчеркнуть то, что готско-славянское королевство органично вошло в формирующийся хорватский национальный исторический нарратив, в рамках которого образ готской династии приобрел коннотации, ранее ему не присущие. Так, одним из первых трудов, в которых история готско-славянского королевства была представлена как часть собственно хорватской истории, стал труд хорватского аристократа Юрая Ратткая «История королей и банков королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (1652 г.) [20], где деяния потомков Сенулада воспроизводились главным образом в соответствии с латинским переводом Хорватской хроники, выполненным М. Маруличем, но и с использованием труда М. Орбини. Примечательно, что Ратткий отнюдь не ограничился пересказом Хорватской хроники, а наполнил повествование массой уточняющих деталей, впервые в историографии предложив точные датировки правления готских королей. Сфокусировав внимание на их роли в хорватской истории, Ратткий особое внимание уделил Будимиру, правление которого он датировал периодом с 641 по 681 г.: в изображении Ратткая этот король представлял «апостолом Хорватии», сделавшим для Хорватского королевства то же, что спустя несколько веков осуществит для Венгрии Иштван (Стефан) [20, с. 144–148]. Уподобление Будимира Иштвану находилось в русле политических взглядов Ратткая, его стремления представить Хорватию равно-

правным партнером Венгерского королевства [5, с. 284–285]. Большую роль сыграли элементы готицизма и в исторической концепции хорватского историка Павла Риттера-Витезовича, в трудах которого содержались уже все необходимые элементы для концептуализации хорватской общности как национальной [7, с. 68–70; 24]. В своем труде «Хроника или история веков всего света», опубликованном в 1696 г. на хорватском языке и служившем тем самым целям ознакомления с историей широкого круга читателей [25], Витезович при описании средневекового прошлого главным образом воспроизводил труд своего предшественника Антуна Врамца (1578 г.), чье этническое самосознание и видение истории определялось его принадлежностью к уходящему своим корням в Средневековые этногеографическому региону «Словенская земля» (в юго-западной части Карпатской котловины). Витезович значительно модифицировал историческую схему Врамца, дополнив известия, касавшиеся «Словенской земли», информацией о других областях хорватского исторического пространства, в частности введя в повествование информацию о готских королях, почерпнутую им из трудов предшественников. В более позднем, латиноязычном, сочинении Витезовича «Возрожденная Хорватия» (1700 г.) [26], призванном обосновать территориальные притязания монархии Габсбургов при определении новой границы с Османской империей, автор снова обращается к готско-славянскому королевству, при этом уже не просто отождествляя его с Хорватией, но и используя его историю для обоснования государственной традиции Хорватии в ее «исторических» границах: основание Хорватского королевства Витезович связывает с правлением готского короля Остривоя (летописного Остроила). Витезович полностью интегрировал готские элементы в создаваемую им идеологическую концепцию Хорватского королевства (см. о ней: [6]), использовав этнические, географические и политические аспекты готской темы для ее проработки. Таким образом, можно заключить, что хорватский

готицизм отнюдь не являлся стабильной идеологической конструкцией. Вопреки распространенному в историографии представлению о том, что готицизм был призван, прежде всего, возвеличить народ или правящую династию, представление о связи хорватов и готов было более сложным и многомерным, питаясь разными мотивами, отнюдь не сводимыми к одной гlorификации. История готицизма в Хорватии началась с приписывания хорватам готского происхождения в романоязычной городской среде далматинского побережья. Это явление можно объяснить, если обратиться к основополагающим маркерам хорватской идентичности в представлении романоязычных жителей: подобно готам, хорваты осуществляли политический контроль в областях далматинского хинтерланда, говорили на варварском языке и имели варварские обычаи. В этом смысле образ готов был просто образом варваров – завоевателей внутренних областей Далмации. Произошедшее в позднее Средневековье усвоение готской традиции в Хорватском королевстве, очевидно, объяснялось необходимостью его политической легитимизации: готы, а точнее готские короли, рассматривались как основатели державы, причем их готское происхождение, судя по всему, не играло большой роли для данного политического дискурса. Наконец, в эпоху Ренессанса в функционировании готицизма происходит очередная перемена: готы были осмыслены и препрезентированы в категориях протонационального дискурса как народ, обладавший древней историей и государственностью. Именно в таком «этнополитическом» качестве, а не как варвары или завоеватели, готы оказались востребованы авторами, выстраивавшими дискурсивные образы славянской, «иллирской», а позднее собственно хорватской нации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в

России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

2 «...ut Libellum Gothorum quod latine Sclavorum dicitur regnum, quo omnia gesta ac bella eorum scripta sunt, ex sclavonica littera verterem in latinam...» [6, с. 292]. Если принять конъектуру К. Шегвича, заменив «regnum» на «regum», то перевод может быть и таким: «книгу готских, что полатыни означает “славянских”, королей». Такое чтение кажется логичным в свете слов летописца о том, что в книге описываются «их действия и войны» [22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. В. Летопись попа Дуклянина. Перевод и комментарий / С. В. Алексеев. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2015. – 288 с.
2. Летопись Попа Дуклянина / уредио Ф. Шишић. – Београд ; Загреб : Заклада тискаре Народних новина, 1928. – 480 с.
3. Орбини, М. Славянское царство. Происхождение славян и распространение их господства / М. Орбини ; пер. Ю. Куприкова. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 575 с.
4. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Фома Сплитский ; вступ. ст., пер., коммент. О. А. Акимовой. – М. : Индрик, 1997. – 320 с.
5. Blažević, Z. Ilirizam prije ilirizma / Z. Blažević. – Zagreb : Golden marketing – Tehnička knjiga, 2008. – 400 s.
6. Blažević, Z. Vitezovićeva Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652–1713) / Z. Blažević. – Zagreb : Barbat, 2002. – 279 s.
7. Cipek, T. Oblikovanje hrvatskog nacionalnog identiteta. Primordijalni identitetetski kod u ranoj hrvatskoj političkoj misli / T. Cipek // Dijalog povjesničara-istoričara / ur. I. Graovac, H.-G. Fleck. – Zagreb : Friedrich Naumann Stiftung, 2001. – S. 59–75.
8. Crijević Tuberon, L. Komentari o mojoj vremenu / L. Crijević Tuberon ; uvodna studija, prijevod latinskog izvornika i komentar V. Rezar. – Zagreb : Hrvatski institut za povijest, 2001. – 341 s.

9. *Documenta historiae chroatiae periodum antiquam illustrantia / collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački.* – Zagrabiae : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1877. – 544 p.
10. *Gunjača, S. Ispravci i dopune starijoj hrvatskoj historiji / S. Gunjača.* – Zagreb : Školska knjiga, 1973. – Kn. I. Izvori (Analiza i kritika). – 462 s.
11. *Homza, M. [et al.]. Svatopluk v europskom pisomnictve. Študie z dejin svatoplukovskej legendy / M. Homza [et al.].* – Bratislava : Post Scriptum, 2013. – 749 s.
12. *Jovanović, N. Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje / N. Jovanović // Marulić M. Latinska manja djela II.* – Split : Književni krug, 2011. – S. 125–168.
13. *Katičić, R. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae / R. Katičić // Starohrvatska prosvjeta. Ser. III. – 1987. – Sv. 17. – S. 17–51.*
14. *Madunić, D. Strategies of distinction in the work of Vinko Pribojević / D. Madunić // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in Early Modern East Central Europe / ed by B. Trencsényi, M. Zászkalickzy.* – Leiden ; Boston : Brill, 2010. – P. 177–202.
15. *Margetić, L. Historia Salonitana i Historia Salonitana Maior – neka pitanja / L. Margetić // Historijski zbornik.* – 1994. – God. XLVII (1). – S. 1–36.
16. *Marulić, M. Latinska manja djela II / M. Marulić.* – Split : Književni krug, 2011. – 308 s.
17. *Matijević Sokol, M. Toma Arhiđakon i njegovo djelo: rano doba hrvatske povijesti / M. Matijević Sokol.* – Jastrebarsko : Naklada Slap, 2002. – 385 s.
18. *Mužić, I. Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina / I. Mužić.* – Split : Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2011. – 343 s.
19. *Pribojević, V. O podrijetlu i slavi Slavena / V. Pribojević ; preveli V. Gortan, P. Knezović.* – Zagreb : Golden marketing : Narodne novine, 1997. – 211 s.
20. *Rattkay, J. Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / J. Rattkay ; preveli Z. Blažević, V.*

Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. – Zagreb : Hrvatski institut za povijest : Sveučilište u Zagrebu – Hrvatski studij, 2016. – 374 s.

21. Rus, J. Kralji dinastije Svevladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614 / J. Rus. – Ljubljana : Univerzitetna tiskarna J. Blasnika, 1931. – 208 s.

22. Šegvić, K. Hrvat, Got i Slav u djelu Tome Spilićanina / K. Šegvić // Hrvati i Goti / priredio R. Tafra. – Split : Iberia, 1996. – S. 193–198.

23. Šižgorić, J. O smještaju Ilirije i o gradu Šibeniku / J. Šižgorić ; priredio i preveo V. Gortan. – Šibenik : Muzej grada Šibenika, 1981. – 122 s.

24. Topić, M. Nacionalizam i ideologija. Pavao Ritter Vitezović kao nacionalni mislitelj i/ili ideolog / M. Topić // Zbornik Odsječka povijesnih znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. 2010. – Sv. 28. – S. 107–138.

25. Vitezović Ritter, P. Kronika aliti Spomen vsega sveta vikov: 1696 / P. Ritter Vitezović ; priredio A. Jembrih. – Zagreb : ArTresor naklada, 2015. – 626 s.

26. Vitezović Ritter, P. Oživljena Hrvatska / P. Ritter Vitezović ; prevela i priredila Z. Blažević. – Zagreb : Latina et Graeca : Hrvatski institut za povijest : Zavod za hrvatsku povijest Filozofskog fakulteta, 1997. – 173 s.

Источник: Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2017. – Т. 22, № 2. – С. 25–34.

Эмиль Хаймвег

УСТАШСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Усташство – хорватское националистическое движение – с 1929 г. по 1941 г. вело борьбу за создание независимого хорватского государства. В апреле 1941 г. усташа, воспользовавшись разгромом Королевства Югославии войсками гитлеровской Германии и ее союзников, провозгласили Независимое государство Хорватия (Nezavisna Država Hrvatska).

Появление Усташского движения стало закономерным следствием обострения в югославском государстве хорвато-сербских противоречий, обозначившихся в хорватских землях Австро-Венгрии ещё в последней трети XIX века. Создание югославского государства (с 1 декабря 1918 г. – Королевства сербов, хорватов, словенцев, с 1929 г. – Югославии) не только не способствовало снятию межнациональной напряжённости, существовавшей между сербским и хорватским народами, но до предела обострило старые противоречия. И сторонники «Великой Сербии», и сербские югослависты выступали за создание централизованного унитарного государства. В то же время для многих хорватских политических и общественных деятелей, даже югославистски ориентированных, создание такого государства казалось неприемлемым. Вместе с тем, восстановление собственно хорватского государства в 1918 г. было практически нереальным, зато объединение с Сербией и создание югославского государства давали возможность объединить практически все хорватские земли в рамках одного государства. Однако такое государство виделось хорватам в виде федерации или даже конфедерации. Создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (далее – Королевство СХС) – унитарного государства со столицей в Белграде, с сербской династией Карагеоргивичей во главе

и с относительным господством сербов в политической и военной элите – противоречило хорватским представлениям о югославском государстве.

Хорватская партия права (ХПП), объявлявшая себя наследницей Партии права, созданной в середине XIX в. отцом идеологии хорватского национализма А. Старчевичем, уже с декабря 1918 г. заняла резко враждебную позицию по отношению к югославскому государству. В 1919 г. ХПП приняла новую программу, в которой подчеркивалось, что целью партии является «сохранение национальной самобытности и государственной самостоятельности хорватского народа». Тогда же секретарем партии стал адвокат Анте Павелич. В 1920-е гг. ХПП была слабой, сравнительно немногочисленной партией, которая в отличие от Хорватской крестьянской партии (ХКП), аккумулировавшей большую часть хорватского избирателя, имела очень узкую социальную базу: ее поддерживали националистически настроенные хорватские интеллигенты и бывшие офицеры Австро-Венгерской армии, недовольные Белградским режимом.

В 1920-е гг. ХПП упорно отвергала югославизм и апеллировала к праву наций на самоопределение: «Хорватский народ не может отречься от своего естественного права на самоопределение, он никогда не отречется от национальной ... самобытности и своей тысячелетней государственности», – говорил Павелич в 1927 г. Создание югославского государства Павелич называл не иначе как началом «Голгофы хорватского народа».

20 июня 1928 г. в Скупщине был смертельно ранен лидер ХКП и признанный вождь хорватского народа Степан Радич. А. Павелич, в то время уже председатель ХПП и депутат Скупщины, попытался использовать поднявшуюся после гибели Радича волну хорватского шовинизма в своих интересах. Само убийство Павелич охарактеризовал как «одно из безчисленных преступлений, которые на протяжении десяти лет [то есть все время существования югославского государ-

ства – С.Б.] свершаются в отношении хорватского народа». В статье, опубликованной партийной газетой «Хрватско право» 24. 11. 1928 г., Павелич заявил, что решение «хорватского вопроса» возможно лишь «в свободной Хорватии», созданной на основе принципа хорватского государственного права. В этой «свободной Хорватии» власть будет принадлежать только хорватскому народу.

В декабре 1928 г. Павелич создал подпольную боевую организацию «Хрватски домобран», организовавшую (уже без участия Павелича, отъехавшего за рубеж) несколько террористических актов в 1929-1930 гг. В январе 1929 г., спустя несколько дней после введения королем Александром чрезвычайного положения, Павелич эмигрировал.

Сами усташа впоследствии считали точкой отсчета, с которой следует начинать историю собственно Усташского движения, введение королем Александром чрезвычайного положения 6 января 1929 г. и якобы состоявшееся 7 января 1929 г. собрание «усташей-основателей», на котором был принят «Устав усташской хорватской революционной организации». Однако исследователи ставят под сомнение этот факт, указывая на то, что само слово «усташа» применительно к организации Павелича возникло не ранее 1930 г., а создание «Устава» относят к 1932 г.

В апреле 1929 г. Анте Павелич и его соратник Густав Перчец (бывший секретарь ХПП) посетили Софию, где им торжественную встречу устроил Македонский национальный комитет (Комитет македонских эмигрантских организаций). Павелич и Перчец, с одной стороны, и представители комитета, с другой, заявили о готовности координировать свои силы в борьбе с Белградом. 21 апреля Павелич на пресс-конференции заявил о том, что в борьбе против «военной диктатуры» короля Александра и генерала Живковича, а также против совместной жизни с сербами в будущем «мы вынуждены взяться за все возможные», в том числе и «нелегальные» средства. Это заявление переполнило чашу тер-

пения Белграда. Павелич и Перчец были заочно приговорены судом к смертной казни.

Уже первые месяцы пребывания за рубежом Павеличу удалось наладить связь с существовавшими в Венгрии и Австрии группами хорватских эмигрантов-франковцев. Кроме того, А. Павелич достаточно быстро сумел зарекомендовать себя решительным и бескомпромиссным сторонником борьбы за независимость Хорватии, став признанным лидером для всех, кто был готов бороться с Белградом любыми средствами.

Не следует считать всю хорватскую политическую эмиграцию усташской. Как отмечает все тот же Е. Яреб, в 1929 г. хорватская эмиграция не была ни объединена, ни организована. Лишь постепенно «наиболее активная, динамичная, революционно настроенная» часть эмиграции стала собираться под руководством Павелича, в то время как менее воинственные, и пацифистски настроенные хорваты стали объединяться в эмигрантские организации ХКП под руководством Й. Крневича и А. Кошутича.

Ф. Елич-Бутич полагала, что оформление усташской организации в основном завершилось в 1-й половине 1932 г., когда был создан Главный усташский штаб и начала выходить газета «Усташа» (то есть «Повстанец»). Само официальное название «Усташа – хорватская революционная организация» впервые появилось в апрельском номере газеты «Ustaša» за 1932 г. Но уже в 1933 г. Павелич и его сторонники стали называть свою организацию «Хорватское революционное движение», а позднее «Хорватское освободительное движение», подчеркивая, что представляют не небольшую террористическую организацию.

В том же 1932 г. Павелич разработал «Устав» усташской организации, который был опубликован в 1932 г. в газете «Усташа». В соответствии с «Уставом» задачей усташей была борьба всеми средствами, в том числе и оружием, во имя «освобождения Хорватии из-под иноземного ярма и

создания полностью самостоятельного и независимого хорватского государства». В соответствии с этим «Уставом» и с созданным на его основе «Служебным уставом хорватской армии», главой усташской организации (движения) являлся поглавник, наделенный практически не ограниченной властью. Усташа, принесшие присягу, обязаны были беспрекословно повиноваться своим начальникам и лично поглавнику. В 1933 г. А. Павелич создал документ, озаглавленный «Принципы хорватского усташского движения», ставший «основным законом» усташей.

Важной проблемой усташей стал поиск страны, которая позволила бы разместить на своей территории усташские базы и, возможно, оказала бы им поддержку. Ни Австрия, куда первоначально бежал Павелич, ни Болгария не представили радикальным хорватским националистом политического убежища. В 1932 г. одним из центров усташской деятельности стала Германия. В его организации приняли участие ученый и публицист М. Лоркович, эмигрировавший в 1932 г. известный писатель Миле Будак, в 1929-1932 гг. замещавший Павелича на посту главы ХПП в Югославии, и вернувшийся из Южной Америки Бранимир Елич, один из наиболее видных организаторов усташства. В Аргентине он создал организацию «Хорватский домобран», служившую своеобразным усташским филиалом в Южной Америке. В Германии усташам удалось основать газеты «Croatia press» и «NDH», выходившие, соответственно, на немецком и хорватском языках. Усташа уже тогда стремились установить контакт с германским МИДом и с Абвером, но успеха здесь им достичь не удалось.

Зато в Италии и отчасти в Венгрии, имевших серьезные притязания на югославские земли, ему удалось получить поддержку. Так Муссолини рассчитывал использовать хорватских националистов как одно из средств давления на Белград и как возможного союзника в борьбе с Югославией. С его разрешения во второй половине 1931-1932 гг. в Италии

была создана целая сеть лагерей, где хорватские боевики стали проходить военно-политическую подготовку. Италия превратилась в главную базу подготовки боевиков для борьбы против югославского государства.

Вторым по значению (после Италии) усташским «плацдармом» для организации диверсий против Югославии стала Венгрия, где в 1932-1934 функционировал лагерь Янка-Пуста, ставший одним из основных центров для подготовки диверсий против Югославии.

Основным источником пополнения усташских рядов стали хорватские рабочие (выходцы как из рабочих, так и из крестьянских семей, а также из семей рыбаков и моряков), находившиеся в других странах на заработках. Важнейший центр вербовки хорватов для усташских военных лагерей находился в Бельгии, кроме того, усташские организации и вербовочные пункты были созданы в Уругвае, Аргентине, Бразилии, Боливии и США. Весьма показателен региональный состав усташей. По данным югославских спецслужб, в конце 1930-х три пятых усташей, находившихся в Италии, были уроженцами Герцеговины, Юго-западной Боснии и Далматинского Загорья. Все это были земли бедные, отсталые и к тому же полигэтнические, а в условиях параллельного развития националистических идеологий у сербов и хорватов полигэтнические районы стали и «кузницей кадров» для националистических движений, и ареной будущих межнациональных столкновений.

Уже в первые месяцы после эмиграции Павелича определились два основных направления усташской деятельности: легальное и нелегальное.

Устаси не оставляли попыток «интернационализировать» хорватский вопрос, привлечь к его решению мировое сообщество. 1 сентября 1929 г. Павелич направил меморандум Лиге наций. Павелич апеллировал к праву наций на самоопределение и указывал на то, что в 1918 г. хорватский народ был по существу этого права лишен, поскольку Сербия навязала ему

свою династию и свою гегемонию, поступив с Хорватией как с завоеванной страной. Павелич описывал страдания хорватского народа под властью Белграда и указывал на то, что терпение хорватов иссякает, а легальные средства борьбы уже исчерпаны. Спустя год хорватское эмигрантское издание «Grič», выходившее на немецком, опубликовало адресованные Лиге наций обращения хорватов-эмигрантов из Франции, Германии, Бельгии и Южной Америки. Цель этих публикаций была в том, чтобы раскрыть перед мировым сообществом сущность хорватского вопроса, обратить его внимание на страдания хорватского народа при режиме 6-го января 26. В 1931 г. на немецком вышла брошюра Анте Павелича, в которой он доказал существование непрерывной хорватской государственно-правовой традиции, утверждал, что хорватские земли были включены в югославское государство насильственно и обрисовывал бедственное положение хорватов под властью сербской династии Карагеоргивичей.

В 1932 г. в изданной на французском брошюре «Экономическое возрождение придунайских земель. Разоружение, Белград и Хорватия». Павелич вновь подверг резкой критике белградский режим, захвативший власть над обширными территориями, которые-де не принадлежат ему ни в этническом, ни в geopolитическом плане. Павелич доказывал, что югославское государство не только не является гарантом стабильности на Балканах, но и в силу национальных противоречий создает угрозу для мира в Юго-Восточной Европе. Хорватское государство, по мысли Павелича, напротив, стало бы гарантом мира и стабильности в регионе.

Убийство в феврале 1931 г. в Загребе хорватского историка и публициста Милана Шуффлай, организованное югославской полицией, вызвало острую реакцию. Группа хорватских общественных деятелей, в том числе эмигрантов-интеллигентов (среди них были и умеренные националисты, и будущие лидеры усташства, такие как Б. Елич и М. Лоркович) подписала Обращение к мировой цивилизации, где

осуждалось убийство, организованное сербской диктатурой. Обращение было издано в Берлине на английском, французском, немецком и итальянском языках. Год спустя аналогичный протест последовал за покушением на Миле Будака.

Но все попытки Павелича и его сторонников привлечь к решению хорватского вопроса Лигу наций и демократические государства результата не принесли. Лига наций, Франция, Великобритания и Веймарская Германия остались глухи к призывам Павелича, проигнорировав их, как игнорировали прежде меморандумы других хорватских политиков, тщетно пытавшихся «интернационализировать» хорватский вопрос – С. Радича, А. Трумбича и др. Поэтому на первый план в усташской деятельности все более стало выходить другое, нелегальное направление борьбы, хотя хорватская националистическая эмиграция в 1930-е гг. продолжала активно издававать брошюры, газеты, книги, в том числе и на европейских языках.

Уже в Софии в апреле 1929 г. Павелич, как мы видели, прямо указал на готовность прибегнуть к «нелегальным» средствам борьбы. Тогда же Павеличу удалось наладить деловые контакты с ВМРО, организацией, имевшей уже опыт террористической деятельности против Югославии. Терроризм постепенно превратился в основное средство усташской борьбы. С его помощью усташа надеялись дестабилизировать положение в стране и спровоцировать народное восстание.

«Устав Усташа – хорватской революционной организации» предусматривал использование «всех средств, включая и вооруженную силу» в борьбе за создание независимого хорватского государства. И «Устав», и «Служебный устав усташского войска» предусматривали создание военизированной организации, скрепленной железной дисциплиной, готовой к нелегальной деятельности и вооруженной борьбе. «Инструкция об усташской дисциплине» прямо говорила о том, что «святая усташская революционная борьба ведется с

оружием в руках. Именно силой оружия усташа должны добиваться своих целей. Усташская пропаганда все более энергично призывала вооруженной борьбе. Газета «Усташа» в феврале 1932 писала: «Революцией, кровью и оружием надо свергнуть иноземную тиранию и создать Независимое государство Хорватия ... Нож, револьвер, бомбы и адские машины... вернут крестьянину плоды его трудов, рабочему – хлеб, а Хорватии – свободу». В июньском номере той же газеты в 1932 г. говорилось: «Усташский долг – воздать [Белграду] за все сполна. Но не равной мерой. Усташа, запомните: за зуб – голову, за голову – десять голов. Так велит усташское Евангелие».

В усташской листовке 1937 г. говорилось о том, что цели (создания независимого хорватского государства) можно было достичь только вооруженной борьбой. Павелич впоследствии подчеркивал, что после убийства С. Радича и введения королем Александром чрезвычайного положения нельзя было вести борьбу за спасение хорватского народа ни с мандолиной, ни с молитвенником в руке. Все политические средства были исчерпаны.

Террористическая деятельность усташей продолжалась с 1929 г. по конец 1934 г. Боевики обычно перебрасывались из лагерей в Италии и Венгрии в Югославию, где устраивали взрывы в казармах и на железных дорогах, нападения на государственных чиновников и жандармов. 14 сентября 1932 г. усташа даже попытались поднять восстание в районе г. Госпич, но оно ограничилось неудачным нападением на жандармский пост. Крупнейшим успехом усташей стало организованное ими совместно с ВМРО убийство короля Александра 09 октября 1934 г., которое Павелич охарактеризовал как свержение Усташским движением кровавой белградской диктатуры. Но этот успех стоил усташам дорого. Под давлением международной общественности итальянские и венгерские власти закрыли усташские лагеря. Павелич и ряд его помощников оказались сначала за решеткой, а затем под до-

машним арестом. Деятельность усташских центров в других европейских странах была свернута. А. Павелич вплоть до января 1940 г. был фактически изолирован от своих соратников. Но организация не распалась. Когда (после провала переговоров с В. Мачеком, новым лидером ХКП) итальянский МИД вновь заинтересовался усташами, Павелич за 1940 г. воссоздал организацию, несмотря на отток многих усташей в Югославию после объявленной правительством Стоядиновича амнистии. Вновь был создан Главный усташский штаб, стали предприниматься попытки установить связи со сторонниками усташей в Югославии.

Период так называемого «молчания», с конца 1934 г. по осень 1940 г., стал временем, когда Павелич и его сторонники окончательно отказались от идеи привлечь к решению хорватского вопроса мировую общественность и сделали ставку на помощь Италии и, возможно, Германии, стран, начавших разрушать Версальскую систему. В октябре 1936 г. Павелич, пытаясь доказать, что разрушение Югославии и создание прогермански ориентированного хорватского государства будут в интересах Рейха, направляет в германский МИД меморандум под названием «Хорватский вопрос». Однако заинтересовать Германию хорватской проблемой тогда не удалось. Единственным государством, которое оказывало усташам хоть какую-то поддержку, оставалась Италия.

Разумеется, итальянцы были готовы помочь усташам только в обмен на помочь в осуществлении своих экспансионистских замыслов. Руководство фашистской Италии в обмен на финансирование усташей и на обещанную военно-политическую помощь в случае, если усташам удастся поднять в Югославии восстание, потребовало от усташей создания таможенного и валютного союза с Италией и личной унии Италии с Хорватией. По сути, Хорватия стала бы частью итальянской империи. Итальянский король Виктор-Эммануил стал бы и королем Хорватии. 23 января и 10 мая 1940 г. эти вопросы обсуждались между премьер-министром

Италии Г. Чиано и А. Павеличем. Итогом стало «джентльменское соглашение», удовлетворявшее основные требования итальянцев (от подписания каких-либо письменных обязательств Павеличу удалось уклониться). Позднее Муссолини предложил короновать хорватской короной одного из членов правящего в Италии Савойского дома. Выбор пал на герцога Сполетто, который, под именем Томислава II должен был стать хорватским королем...

Усташская организация во второй половине 1930-х гг. была слаба и немногочисленна, она насчитывала всего несколько сотен человек, разоруженных и даже изолированных от своих вождей. Однако усташская деятельность не прошла даром. В хорватских землях Югославии росла популярность усташей и А. Павелича, последний всё более и более превращался в символ безкомпромиссной борьбы за интересы хорватского народа. Павелич (наряду с покойным С. Радичем и В. Мачеком) стал для радикально настроенных хорватских националистов, даже никак не связанных с усташством, неким символом борьбы за независимость. Не случайно текст листовки, распространявшейся в 1937 г. от имени «хорватской молодёжи Лики», завершался лозунгами: «Да здравствует свободное и независимое хорватское государство! Да здравствует д-р Влатко Мачек! Да здравствует д-р Анте Павелич!».

Таким образом, усташство – хорватское националистическое движение, ставившее своей целью создание независимого хорватского государства, возникло в период обострения сербо-хорватского антагонизма после убийства С. Радича и введения королем Александром чрезвычайного положения. Усташская организация сформировалась за рубежом, основным источником для пополнения её личного состава служила хорватская диаспора в Европе, Северной и Южной Америке. Усташская организация была сравнительно слаба и немногочисленна, однако рост популярности идей хорватского этнического национализма в хорватских землях

Югославии 1930-х гг. создавал социальную базу будущего усташского режима, а Италия и позднее Германия, в свою очередь, предоставили им возможность для формирования хорватского государства.

Источники:

1 Батаковић Д., Протић М. Ст., Самарцић Н., Фотић А. Нова историја српског народа. Београд, 2002. С. 282. 2 Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Drzava Hrvatska. Zagreb, 1977. S. 14. 3 Анте Павелич (1889-1958) происходил из семьи мелкого железнодорожного служащего. Еще будучи студентом юридического факультета Загребского университета увлекся политикой. В 1912 г. впервые был арестован за националистическую пропаганду. Он отличался твёрдостью убеждений, красноречием, талантом публициста и хорошими организаторскими способностями. Все эти качества позволили ему выдвинуться в качестве лидера радикальных хорватских националистов. 4 Jelić-Butić F. Op.cit. S. 14. 5 Pavelić A. Putem hrvatskog državnog prava. Poglavnikovi govori, izjave i članci prije odlaska u tuđinu. Zagreb, 1942. S. 23. 6 Ibid. S. 32-33. 7 Ibid. S. 67. 8 Ibid. S. 68. 9 Ibid. S. 70. 10 Bzik M. Ustaška borba. Od prvih dana ustaškog rada do Poglavnikovog odlaska u emigraciju. Poćeci i bit Ustaškog pokreta. Zagreb (bez godine izdanja) // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu / Priredio P. Požar. Zagreb, 1995. S. 20. 11 Jareb J. Pola stoljeća hrvatske politike 1895-1945. Buenos Aires, 1960. S. 20-22. 12 Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 24-25. 13 Франковцы – так стали называть сначала сторонников Йосипа Франка, ставшего одним из лидеров хорватской националистической Партии права, а после ее раскола в 1895 создавшим Чистую партию права. Франк придал идеологии хорватского национализма выраженный шовинистический, сербофобский характер. После создания Королевства сербов, хорватов и словенцев часть старых франковцев, в том числе сын Франка Ивица Франк, эмигрировали в Австрию, Венгрию, Италию. В межвоенной

Югославии слово «франковец» стало синонимом хорватского шовиниста. 14 Jareb J. Pola stoljeća hrvatske politike. S. 42-43. 15 Jelić-Butić F. Op.cit. S. 21. 16 Ustav Ustaše, Hrvatske Revolucionarne organizacije // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 454. Практически идентичный текст опубликован в 1-м номере газеты «Усташа» за 1941, который вышел уже в НГХ. Однако в этом тексте говорится уже не о «революционной организации», а о «хорватском освободительном движении». См. Ustaša. 1941. Br. 1. S. 4. 17 Sluzbovnik ustaške vojske // Krizman B. Ante Pavelic i ustaše. Zagreb, 1978. S. 553-559. 18 Вена и Грац в 1920-е были важными центрами франковской эмиграции, игравшими в 1929—1931 гг. существенную роль в пропаганде идей радикального хорватского национализма. В Вене издавалась хорватская эмигрантская газета «Grič». Однако, создать на территории Австрии лагеря для подготовки террористов, наподобие тех, что были в Италии и Венгрии, австрийские власти не позволили. 18 Colić M. Takozvana Nezavisna Drzava Hrvatska. 1941. Zagreb, 1973. S. 29, 57, 68. В отличие от Италии, Германия в 1930-е поддерживала хорошие отношения с Белградом. Создание независимой (точнее, зависимой от Италии) Хорватии в планы Германии не входило. 19 Colić M. Op.cit. S. 29, 57, 68. В отличие от Италии, Германия в 1930-е поддерживала хорошие отношения с Белградом. Создание независимой (точнее, зависимой от Италии) Хорватии в планы Германии не входило. 20 Krizman B. Ante Pavelic i ustaše. S. 83; Colić M. Op.cit. S. 26-28. 21 Jelić-Butić F. Op.cit. S. 29. 22 Любовница Перчеца, Елка Погорелац оказалась агентом Белграда. В 1933 г. она бежала из Янка-Пуста и вскоре опубликовала в Югославии книгу, изобличавшую террористическую деятельность усташей. См.: Tajne emigrantsih zločinaca: Ispovijest Jelke Pogorelec o Gustau Perčecu i drugovima, koji u tuđoj službi rade protiv vlastite domovine grozote na Janka Pusti. Zagreb, 1933. 23 Colić M. Op.cit. S. 28-29, 49-50, 58. 24 Архив Србији и Црне Горе (далее – АСЦГ). Фонд 14 (Министарство унутарњих послова, Одељење за државну заштиту), фасц. 27. Л. 600-624; Colić M.

Op.cit. S. 50-51. 25 Цит. по: Krizman B. Ante Pavelic i ustaše. S. 75-76. 26 Jareb J. Publjkacije domobransko-ustaškog pokreta u izbeglištvu 1929-1944. Dio I // Časopis za savremenu povijest (далее – ČSP). 1994. № 2. S. 244-245. 27 Pavelić A. Aus dem Kampfe um den selbständigen Staat Kroatie: Einige Dokumente und Bilder. Wien, 1931. 28 Krizman B. Ante Pavelic i ustaše. S. 91-93. 29 Jareb J. Publjkacije domobransko-ustaškog pokreta u izbeglištvu 1929-1944. Dio I // ČSP. 1994. № 2. S. 254. 30 Protest i apel Hrvatskih književnika, umjetnika, kulturnih i drugih javnih radnika povodom atentata na život Mile Budaka, doktora prava i hrvatskog književnika // Hrvatska revija. 1975. Sv. 4. S. 665-671. 31 Подробнее об эмигрантских националистических изданиях см.: Jareb J. Publjkacije domobransko-ustaškog pokreta u izbeglištvu 1929-1944. Dio I // ČSP. 1994. № 2. S. 241-255; Jareb J. Publjkacije domobransko-ustaškog pokreta u izbeglištvu 1929-1944. Dio II // ČSP. 1994. № 3. S. 413-426. 32 О контактах усташей с ВМРО см.: Ristović M. Ivan-Vančo Mihailov između Nezavisne Drzave Hrvatske i Bugarske (1941-1944) // Istorija 20. veka. 1986. № 1-2. S. 139-152. 33 Ustaša. 1941. Br. 1. S. 4. 34 Ustaša. 1941. Br. 1. S. 4; Službovnik ustaške vojske // Krizman B. Ante Pavelić i ustaše. S. 533-554. 35 Propis o ustaškoj discipline // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 51. 36 Цит. по: Jelić-Butić F. Op. cit. S. 26. 37 Krizman B. Ante Pavelić i ustaše. S. 86. 38 АСЦГ. Фонд 37 (Фонд Милана Стојадиновића), фасц. 19. Л. 425. 39 Petnaestogodišnjica Hrvatskog ustaškog pokreta // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 327. 40 Colić M. Op.cit. S. 37. 41 Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 126. 42 Colić M. Op.cit. S. S.53-54. 43 Pavelić A. Hrvatsko pitanje // Doktor Pavelic rjesio Hrvatsko pitanje. Zagreb, 1942. S. 13-32. Важно отметить, что «Хорватский вопрос» в 1936 г. не был предназначен для «внутреннего употребления». Сам текст был составлен на немецком, и адресовался германскому МИДу, а не соратникам-усташам. Публикация же «Хорватского вопроса» на хорватском в 1942 г. относится уже к другому этапу развития усташской идеологии. 44 The Ciano Diaries. 1939-1943: The complete,

unabridged diaries of count Galeazzo Ciano, Italian minister for Foreign Affairs. 1936-1943 / Ed. by Hugh Gibson. Carden City, – New York, 1946. P. 39-40. Любомирова И. Национализъм и национална политика в Независимата Хърватска Държава в Независимата Хърватска Държава (1941- 1945). София, 2001. С. 400-405. 45 См. The Ciano Diaries. 1939-1943. Р. 348, 353, 358-359. 46 АСЦГ. Фонд 14 (Министарство унутарњих по-слова, Одељење за државну заштиту), фасц. 27. Л. 600-624. 47 АСЦГ. Фонд 74 (Канцеларија краља), фасц. 11. Л. 612-617; Архив Војно-историјског института (далее – АВИИ). Фонд бивше Југославске војске. Кут. 95. Фасц. 5. Бр. 48. Л. 1-2; Кут. 95. Фасц. 5. Бр. 30. Л. 1. 48 АВИИ. Фонд бивше Југославске војске. Кут. 95. фасц. 10. Бр. 45. Л. 5. 49 Novak V. Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, 1948. С. 536-537.

(<https://telegra.ph/USTASHSKOE-DVIZHENIE-V-MEZH-VOENNYJ-PERIOD-03-22>)

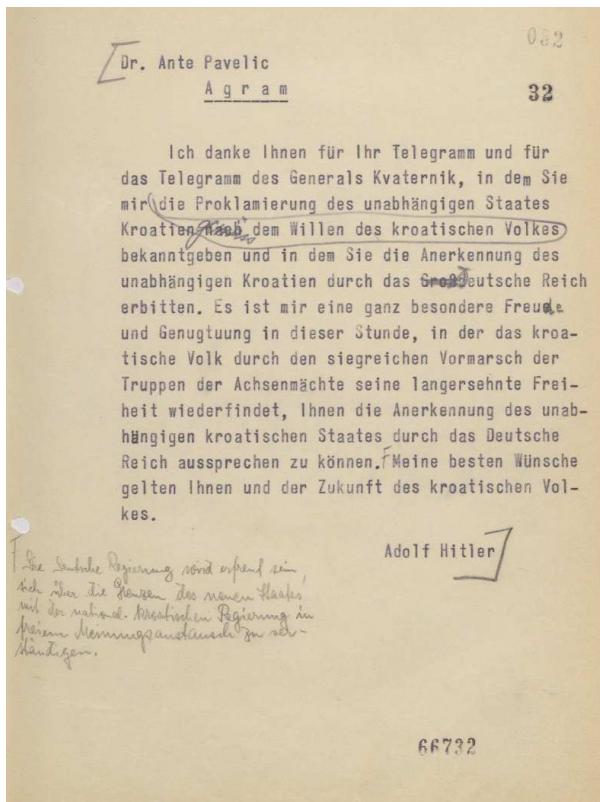

Фюрер Адольф Гитлер приветствует Анте Павелича,
9 июня 1941 г.

Анте Павеличу, в Аграм:

«Благодарю Вас [Анте Павелича] за Вашу телеграмму и телеграмму генерала Кватерника, в которой Вы сообщили мне о провозглашении независимого государства Хорватия в соответствии с волей хорватского народа и в которой Вы просите признать независимую Хорватию германским Рейхом. Для меня особая радость и удовлетворение выразить Вам признание независимого Хорватского государства германским Рейхом в то время, когда хорватский народ вновь обретает долгожданную свободу благодаря победоносному наступлению войск Оси. Мои наилучшие пожелания Вам и будущему хорватского народа»

Адольф Гитлер

АРИЙСКИЕ И РАСОВЫЕ ЗАКОНЫ В НЕЗАВИСИМОМ ГОСУДАРСТВЕ ХОРВАТИЯ

После оккупации Балканского полуострова совместно Германией и Италией, а позднее предоставления прогермански настроенным хорватским усташам независимого государства во главе с поглавником Анте Павеличем, последними была начата работа по перениманию ценного опыта немецкого национал-социализма, нашедшая отражение в том числе в законодательстве молодого славянского государства. На основе Нюрнбергских законов 1935-го года и других нормативно-правовых актов Третьего Рейха, регламентирующих вопрос гражданства и брачно-семейных отношений, в Независимом Государстве Хорватия были приняты аналогичные по содержанию расовые законы.

Примечательно, что данные действия были поровну инициативой хорватских усташей и настоинием Германии, которую заботила сохранность расовой чистоты своих европейских союзников. Согласно директивам держав Оси, власти усташей были обязаны привести всё законодательство в соответствие с немецким в областях, связанных с национальной и расовой исключительностью [1]. В этом смысле на НГХ возлагалась обязанность включить основные цели расовой политики с начала Первой мировой войны в правовую систему, которая в конечном итоге должна была привести к «чисто хорватскому жизненному пространству». [2]

Гражданство Независимого Государства Хорватия (далее НГХ) регулировалось законом «О гражданстве» от 30 апреля 1941 г., прописанном по предложению Министерства внутренних дел НГХ. Согласно букве закона, гражданином НГХ является лицо арийского происхождения (т.е. член «европейского расового общества»), доказавшее непричастность

к вредительской деятельности по отношению к освободительным устремлениям хорватского народа, а также готовое служить хорватскому народу и Независимому Государству Хорватия. В соответствии с положением закона, гражданин НГХ является полным обладателем политических прав.

Вопрос принадлежности к арийской расе и вытекающих отсюда правоотношений регламентировался вышедшими следом законами «О расовой принадлежности» (30 апр. 1941 г.), «О защите арийской крови и чести хорватского народа» (30 апр. 1941 г.) и «О защите народной и арийской культуры хорватского народа» (6 мая 1941 г.).

В газетном выпуске официального усташского издания «Хорватский народ» (хорв. «Hrvatski Narod») от 1 мая 1941 г. торжественно освещали данное событие: «Хорваты и хорватки! Ровно двадцать дней назад, 10 апреля, наши друзья Адольф Гитлер и Бенито Муссолини позволили нам создать независимое государство. Благодаря законам, которые мы принимаем сегодня, 30 апреля, это государство, наконец, будет только хорватским. На сегодняшний день евреи и цыгане, как неарийцы и представители низших рас, больше не будут иметь тех же прав, что и мы, хорваты. Я, как глава нового государства, уверен, что поколения хорватов оценят то, что мы делаем.

Даже спустя десятилетия после основания, хорватские политики будут указывать на то, что, несмотря на доброту наших союзников из Германии и Италии, НГХ было не только лишь формированием «квислинга», но и выражением стремлений хорватского народа к независимому государству. И что наше усташское приветствие «За Родину — готовы!» (хорв. Za dom spremni!) будет свободно выкрикиваться по всей Хорватии в грядущие века. Что даже после того, как нас больше не будет в хорватских церквях, мессы будут служить за мою душу, а в хорватских городах улицы будут названы в честь достойных усташей, таких как великий додглавник Майл Будак или добродетельный министр Юлий Маканац». Анте Павелич.

Было установлено, что «человеком арийского происхождения является лицо, которое происходит от предков, являющихся членами европейского расового общества или потомками этого общества за пределами Европы». Подробнее ознакомится с определением арийского происхождения, в том числе в Третьем Рейхе, можно здесь: <https://telegra.ph/Evropejskaya-rasovaya-obshchnost-i-chistota-krovi--iz-podnemetskoj-pressy-12-25>.

Неарийцами объявлялись прежде всего евреи и цыгане. Подробно о перечне неарийских народов, проживающих в пределах Европы, можно узнать из брошюры Главного управления СС «Расовая политика». В соответствии с этими законами, евреи и цыгане были исключены из общественной, культурной и политической жизни. Путём законодательного определения лица еврейского (неарийского) происхождения, проводилась физическая и визуальная сегрегация, чем стремились предупредить о присутствии еврейства в хорватском обществе. Все евреи старше 14 лет были обязаны публично носить специальный знак на левой стороне груди в виде круглой желтой таблички с большой чёрной буквой «Z».

Согласно расовому законодательству, браки между неарийцами и лицами «арийского» происхождения были строго запрещены. Категорически запрещалось «иметь половые отношения между евреем или другим лицом, не принадлежащим к арийской крови, и женщиной арийского происхождения». Если мужчина, не являющийся арийцем, нарушал этот запрет, он совершал «преступление осквернения расы», что каралось тюремным заключением. В особо тяжёлых случаях, в частности при изнасиловании невинной девушки, могла быть назначена смертная казнь. [2, с. 907]

Кроме того, запрещалось трудоустройство арийских женщин в возрасте до 45 лет в еврейских семьях (Порядок «О запрете на работу женщин в неарийских семьях» от 4 июня 1941 г.) Также было приказано, чтобы все, кто сменил фамилию после 1 декабря 1918 г., вернули свою первую фамилию. [3, с. 176]

Источники:

Bilandžić, Dušan, Hrvatska moderna povijest, Golden marketing, Zagreb, 1999

Blažević, Robert; Alijagić, Amina, "Antižidovstvo i rasno zakonodavstvo u fašističkoj Italiji, nacističkoj Njemačkoj i ustaškoj NDH", Zbornik Pravnog fakulteta Sveučilišta u Rijeci, ur. Nenad Hlača, Pravni fakultet Sveučilišta u Rijeci, Rijeka, 2010.

Matković, Hrvoje, Povijest Nezavisne Države Hrvatske, Naklada Pavičić, Zagreb, 2002.

Приложения:

Прилагаются переводы хорватских расовых законов. Источник и оригинал указаны в конце каждого акта.

Правовое положение о гражданстве**Пункт 1.**

Государственным поданным является лицо, находящееся под защитой Независимого Государства Хорватия. Государственная принадлежность предоставляется в соответствии с законодательством о государственной принадлежности.

Пункт 2.

Гражданин является государственным поданным арийского происхождения, который своим отношением доказал, что не работал против освободительных устремлений хорватского народа, готов добровольно и верно служить хорватскому народу и Независимому Государству Хорватия.

Пункт 3.

Гражданин является обладателем политических прав в соответствии с положением закона.

Пункт 4.

Министерство внутренних дел уполномочено издавать распоряжения, необходимые для реализации и дополнения этого правового положения.

Пункт 5.

Данное правовое положение вступает в силу со дня его опубликования в Народном вестнике (хорв. «Narodne novine» – официальная пресса Хорватии).

В Загребе, 30 апреля 1941 года.

Поглавник: Д-р. Анте Павелич.

Председатель Законодательного комитета

Д-р. Милован Занич.

Источник: Zgodovina Slovenije - SIstory Zakoni, zakonske odredbe, naredbe i t. d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Knjiga I (svezak 1. - 10.), ur. A. Mataić; Tisak i naklada St. Kugli, Zagreb; str. 107.-108

Правовое положение о расовой принадлежности

Пункт 1.

Человеком арийского происхождения является лицо, которое происходит от предков, являющихся членами европейского расового общества или потомками этого общества за пределами Европы. Поскольку нет других положений для определённых услуг, арийское происхождение подтверждается списком крещения (рождения) и брака предков первого и второго поколения (родителей, бабушек и дедушек). В отношении членов исламской религиозной общины, которые не могут предоставить указанные документы, требуются письменные показания двух заслуживающих доверия свидетелей, знавших своих предков, что среди них нет лиц неарийского происхождения. В сомнительных случаях решение принимает Министерство внутренних дел по предложению комиссии по расовой политике.

Пункт 2.

Лица, у которых, помимо предков арийцев, есть во втором поколении один предок еврей или другой европеец, не являющийся арийцем по расе, приравниваются в отношении получения гражданства к лицам арийского происхождения. Лица, имеющее во втором поколении двух предков евреев по расе, также могут быть приравнены к лицам арийского происхождения с точки зрения гражданства, если иное не указано в пункте 3.

Пункт 3.

К евреям в контексте этого положения закона относятся:

1. Лица, происходящие по крайней мере от трёх предков второго поколения (бабушки и дедушки), являющихся евреями по расе. Бабушка и дедушка считаются евреями, если они исповедуют веру Моисея или родились в этой вере.

2. Лица, у которых есть два предка во втором поколении, являющихся евреями по расе, в следующих случаях:

а) были ли они членами веры Моисея на момент 10 апреля 1941 г. или позже обратились в эту веру;

б) если у них есть супруг(а) еврейского происхождения в соответствии с п.1;

в) если после вступления в силу этого положения закона они вступили в брак с лицом, имеющим двух или более предков евреев по расе во втором поколении, и потомков от такого брака;

г) если внебрачные дети происходят от еврея в соответствии с п. 1 и родились после 31 января 1942 года;

д) если Министерство внутренних дел принимает решение по мотивированному предложению комиссии по расовой политике, они считаются евреями.

3. Лица, родившиеся за пределами территории Независимого Государства Хорватия от родителей, которые не являются выходцами из Независимого Государства Хорватия, если они исповедовали веру Моисея на момент 10 апреля 1941 года или имеют не менее двух предков во втором поколении евреев по расе, или считаются евреями в соответствии с законодательством страны, из которой они происходят.

4. Лица, которые после вступления в силу этого закона вступили в брак, нарушив положения закона о защите арийской крови, что также запрещено их потомкам.

5. Лица, являющиеся незаконнорожденными детьми евреев в соответствии с п. 1

Пункт 4.

Лицо, которое происходит от двух или более предков второго поколения, являющихся цыганами по расе, считается цыганом с точки зрения этого положения закона.

Пункт 5.

При министерстве внутренних дел создаётся расовая политическая комиссия, которая выносит заключения и предложения во всех сомнительных случаях расовой принадлежности. Окончательное решение по сомнительным делам о расовой принадлежности принимает Министерство внутренних дел. Положение об организации и объёме работы этой комиссии издается специальным приказом Министерство внутренних дел.

Пункт 6.

За лицами, до 10 апреля 1941 года доказавшими наличие заслуг перед хорватским народом, особенно в его освобождении, а также их супругами, с которыми они вступили в брак до вступления в силу этого законного положения, и потомками такого брака, к которым применим данный приказ, глава государства вне правил этого приказа может признать все права, принадлежащие лицам арийского происхождения.

Пункт 7.

Выполнение этого приказа возложено на министра внутренних дел.

Пункт 8.

Данное правовое положение вступает в силу со дня его опубликования в Народном вестнике (хорв. «Narodne novine» – официальная пресса Хорватии).*

В Загребе, 30 апреля 1941 года.

Поглавник: Д-р. Анте Павелич,

Председатель Законодательного комитета:

Д-р. Милован Занич.

Источник: Zgodovina Slovenije - SIstory Zakoni, zakonske odredbe, naredbe i t. d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Knjiga I (svezak 1. - 10.), ur. A. Mataić; Tisak i naklada St. Kugli, Zagreb; str. 109.-112

Правовое положение о защите арийской крови и чести хорватского народа

Пункт 1.

Брак евреев и других лиц неарийского происхождения с лицами арийского происхождения запрещён. Также запрещено вступать в брак с человеком, который, помимо арийских предков, имеет одного предка во втором поколении еврейской расы или другого европейского неарийца, с человеком, который имеет равное происхождение по расе. Какие лица считаются евреями или неарийцами, определяется правовым положением о расовой принадлежности.

Пункт 2.

Специальное разрешение на брак требуется в следующих случаях:

1. для брака лица, имеющего двух предков во втором поколении евреев по расе, с лицом, имеющим одного предка второго поколения европейского неарийца по расе, или с лицом арийского происхождения;

2. для брака лица, имеющего представителей других неевропейских рас, с лицами того же происхождения, или с лицом, имеющим одного или двух предков евреев по расе во втором поколении, или одного предка другого поколения цыгана по расе, или с лицом арийского происхождения;

3. для брака между гражданами и поданными других государств, если это не запрещено пунктом 1. * Разрешение на такой брак выдаётся Министерством внутренних дел после слушания комиссии по расовой политике.

Пункт 3.

Внебрачные половые связи еврея или другого лица, не принадлежащего к арийской крови, с женщиной арийского происхождения запрещены. Мужчина неарийского происхождения, который грешит против этого запрета, совершает преступление осквернения расы и наказывается лишением свободы в тюремном заключении. В особо тяжёлых случаях,

в частности при изнасиловании невинной девушки, может быть назначена смертная казнь.

Пункт 4.

Евреи или другие лица неарийского происхождения не могут нанимать в домашнее хозяйство женщину арийского происхождения в возрасте до 45 лет.

Пункт 5.

Неарийцам и поданным иных государств запрещается вывешивать хорватский государственный и национальный флаг, а также отображать хорватские национальные цвета и эмблемы. Все изменения еврейских фамилий, внесённые после 1 декабря 1918 г., выходят за рамки закона и должны быть заменены исходными фамилиями. Кто является евреем, определяется положением закона о расовой принадлежности.

Пункт 6.

Министр внутренних дел издаёт приказы о применении этого правового положения.

Пункт 7.

Данное правовое положение вступает в силу со дня его опубликования в Народном вестнике (хорв. «Narodne novine» – официальная пресса Хорватии).*

В Загребе, 30 апреля 1941 года.

Поглавник: Д-р. Анте Павелич,

Председатель Законодательного комитета

Д-р. Милован Занич.

Источник: Zgodovina Slovenije - SIstory Zakoni, zakonske odredbe, naredbe i t. d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Knjiga I (svezak 1. - 10.), ur. A. Mataić; Tisak i naklada St. Kugli, Zagreb; str. 113.-115

Правовое положение о защите народной и арийской культуры хорватского народа

§1.

Евреи по расе не должны каким-либо образом оказывать влияние на в создание народной и арийской культуры, поэто-

му им запрещается принимать участие в работе, организациях и учреждениях социальной, молодёжной, спортивной и культурной жизни хорватского народа в целом и особенно в литературе, журналистике, изобразительном искусстве и музыке, стиле, театре и кино.

§2.

Выполнение этого правового положения возложено на компетентные министерства культуры и образования, ассоциации и внутренних дел.

§3.

Данное правовое положение вступает в силу со дня его опубликования в Народном вестнике (хорв. «Narodne novine» – официальная пресса Хорватии).*

U Zagrebu, dne 4. lipnja 1941.

Poglavnik: Dr. Ante Pavelić, v. r.

Broj CXLVII-333-Z. p. — 1941.

(«Narodne novine», 4. lipnja 1941)

Источник: Zakoni, zakonske odredbe, naredbe itd. proglašene od 27. svibnja do 30. lipnja 1941.: (sv. 11.-20.)

ПОРЯДОК

о запрете на работу женщин в неарийских семьях

Пункт 1.

Женщины арийского происхождения в возрасте до 45 лет не могут работать в семьях евреев или других лиц неарийского происхождения, если мужчины неарийского происхождения старше 14 и моложе 65 лет проживают в этих домашних хозяйствах или если такие лица остаются в этих домашних хозяйствах на более длительный период.

Пункт 2.

Служанки арийского происхождения (домохозяйки, воспитатели, горничные, служанки, поварихи, кухарки и т. д.) в соответствии с положениями пункта 4 закона о защите арийской крови и чести хорватского народа должны оставить службу не позднее 1 сентября 1941 года. Глава семьи,

который по-прежнему будет напрямую или обходным путём нанимать в свой дом женщин арийского происхождения в возрасте до 45 лет, должен быть наказан лишением свободы на срок от 3 месяцев и 1 года и штрафом от 1000 до 100000 динаров.

Пункт 3.

Еврейские и другие неарийские семьи должны выплачивать выходное пособие женщинам арийского происхождения, которые будут уволены в соответствии с положениями этого приказа; лицам, проработавшим в этом домашнем хозяйстве менее 5 лет, в размере 3-х месячного вознаграждения (зарплата) в денежной и натуральной форме; тем, кто проработал минимум 5 и максимум 10 лет, выходное пособие в размере 6-месячного вознаграждения в денежной и натуральной форме; тем, кто проработал от 10 до 15 лет включительно, выходное пособие в виде годовой премии наличными и в натуральной форме, и, наконец, для тех, кто проработал более 15 лет, выходное пособие в сумме 2-летнего вознаграждения в денежной и натуральной форме. Стоимость премии в натуральном выражении (квартира и питание) рассчитывается в соответствии с местным классом дороговизны следующим образом: в I. классе с 900.— Din., Во II. классе с 700.— Дин. и в III. классе с 500.— Дин. в месяц.

Пункт 4.

Выходное пособие необходимо выплатить не позднее, чем за 10 дней до выхода из службы. Если глава семьи не выплачивает выходное пособие, предписанное этим приказом, лицо, покидающее службу, представляет отчёт в полицейский орган первой инстанции, который после предварительного слушания сторон определит и осуществит принудительное исполнение в отношении имущества главы семьи и членов семьи.

Пункт 5.

Еврейские религиозные общины будут созданы во всех городах и районах уездных округов за счёт взносов их чле-

нов фонда, из которых будет выплачиваться выходное пособие в соответствии со ст. 4. настоящего приказа, если исполнительное производство по пункту 4 настоящего приказа останется без успеха.

Пункт 6.

Если еврейские религиозные общины не выполняют свои обязанности по созданию денежных фондов, указанных в пункте 5 настоящего приказа, до 1 сентября 1941 г. или такие фонды не имеют достаточных средств, местные органы полиции (полиция и районные администрации) будут осуществлять страхование и выплату выходного пособия в рамках своей компетенции, чтобы, конфискуя и продавая с аукциона движимое или недвижимое имущество евреев в их районе, пропорционально их количеству и богатству, они собирали необходимые деньги.

Пункт 7.

Штрафы, указанные в п. 2 настоящего приказа, поступают в фонд помощи немощным домработникам, который будет создан при Министерстве здравоохранения.

Пункт 8.

Настоящий приказ вступает в силу после опубликования в «Народном вестнике» *

Загреб, 6 мая 1941 года.

№ 103-3. С. 1941.

Министр внутренних дел.

Доктор Артукович

Источник: Zgodovina Slovenije - SIstory Zakoni, zakonske odredbe, naredbe i t. d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Knjiga I (svezak 1. - 10.), ur. A. Mataić; Tisak i naklada St. Kugli, Zagreb; str. 161-163

(Источник: <https://telegra.ph/Arijskie-i-rasovye-zakony-v-Nezavisimom-Gosudarstve-Horvatiya-02-16>)

Златозар Зореславов

РУССКИЕ БЕЛОЭМИГРАНТЫ И УСТАШИ

«...будучи в Буэнос-Айресе, я... встречался с бывшим Главой Хорватской Республики президентом Анте Павеличем. ...Анте Павелич был безусловно интеллигентным человеком, хорошо разбирающимся в обстановке политиком, большим поклонником Гитлера, ярким анткоммунистом, но также исполненным ненависти к православным сербам». - Главнокомандующий 1-ой Русской Национальной Армией, ген. Б. А. Хольмстон-Смысловский

Среди довольно значительного количества русских правых бытует миф о негативном отношении усташей к русским и православию в целом, однако как это не парадоксально, но русские в Независимом Государстве Хорватии (1941-1945) чувствовали себя достаточно вольготно, и во многом даже лучше, чем в Сербии (1941-1944). В Сербии с весны 1942 года русских независимо от гражданства (РИ или КЮ) уволили со всех гос.должностей. Сербские власти мотивировали это наплывом сербских беженцев, которых надо было трудоустроить. Среди местного населения и переселенцев титовские пропагандисты стремились распространить антифашистские идеи, обвиняя русских эмигрантов в сотрудничестве с властью Недича. В связи с этим по всей стране уже летом 1941 года прокатилась волна убийств сербскими коммунистическими партизанами русских эмигрантов и их семей. В августе того же года, генерал-майор М. Ф. Скородумов выступил с инициативой организации русской военной части для защиты эмигрантского населения. 12 сентября 1941 года он отдал приказ о формировании абсолютно автономного От-

дельного Русского Корпуса, получив на это согласие немецких властей. В воинских частях сербских союзников Гитлера (государственная стража и добровольческий корпус) русских практически не было. Тогда как в Хорватии русских на военной службе было заметное число. Около 50 человек служило в Домобранстве (армии) на офицерских должностях. В усташских формированиях русских практически не было по религиозным обоснованиям (там служили только католики и мусульмане). Но вот на постах государственного чиновничества НГХ русские присутствовали. Русским был например главный редактор педагогического журнала, издававшегося министерством просвещения НГХ. Наконец русские офицеры и унтер-офицеры присутствовали в Хорватском 369 Verstärktes Infanterie-Regiment, воевавшем на Восточном Фронте. В боях под Сталинградом в составе этой хорватской части среди хорватских офицеров отличились и двое русских - Зубчевский и Коробкин.

Большинство русских офицеров и чиновников на службе в НГХ были женаты на хорватках. Те из них, кто хотел делать карьеру, переходили в католичество, хотя этим путём двигались отнюдь не все. И, кстати, Хорватскую Православную Церковь (созданную по инициативе немцев) также организовывали русские священники. Во главе ХПЦ стоял русский митрополит Гермоген (родом из донских казаков).

О положении русского населения в Независимой Державе Хорватской, о взглядах хорватских националистов на антибольшевицкую Россию и русских националистов на Хорватию, о местопребывании 1-ой Казачьей дивизии в пределах этой страны красочно рассказывает очерк профессора Гротова (Ростова) «В Новой Хорватии» из газеты белой эмиграции «Парижский Вестник», приводимый нами ниже.

Профессор Ростовского университета Сергей Викторович Гротов (псевдоним: Алексей Ростов) – один из самых интересных публицистов Русского Освободительного Движения 1941-1945 гг. Обладая гигантским для подсоветского чело-

века уровнем культуры и национального самосознания он сразу после занятия немецкими войсками Ростова-на-Дону включился в антикоммунистическую борьбу, начал редактировать местную газету. После эвакуации путь Гротова был тесно связан с казачьими частями германской армии. Гротов, ощущая себя гражданином старой России, не промедлил наладить контакты с русской эмиграцией, чьи кадры про никли на освобождённые территории с самого начала. Знание нескольких иностранных языков дало ему возможность организовать ряд поездок по Франции, Бельгии и Хорватии с лекциями об Освободительном движении русского народа. Среди личных знакомых Гротова значились валлонский фольксфюрер Леон Дегрель, поддерживавший Германию французский писатель Луи-Фердинанд Селин, один из лидеров французских националистов Марсель Деа и многие другие. После 1945 продолжал печататься для русской прессы, в частности для аргентинской газеты «Наша страна».

В новой Хорватии

Пробыв в Хорватии с 20-го марта по 9-ое мая с. г., я имел возможность наблюдать развитие этого молодого государства, справлявшего при мне 10-го апреля трёхлетие своего существования.

Во главе государства с первых дней стоит «Поглавник» Анте Павелич, вождь партии усташей, построивших своё міросозерцание на основах, близких национал-социализму, но с клерикально католической окраской.

Усташи — фанатические католики, но в вопросах политики они всецело следуют германскому национал-социализму. В рядах партии преобладает молодёжь. Среди руководителей я почти не встречал пожилых людей.

В самый день приезда я выступил на тему: «Советское студенчество после 25 лет большевизма», в набитом студентами актовом зале университета. После лекции руководители молодёжи пригласили меня на банкет, где до полуночи

беседовал я с вождём усташской молодежи — Кара Марко, руководительницей женской молодёжи Иваной Латкович и женской студенческой организацией Здравкой Мейер. Эта молодёжь охвачена глубоким патриотизмом и уважением к церкви. Искренние симпатии к национал-социализму и германской культуре наряду с сознательным антисемитизмом — её характерные черты.

21-го марта я выступал на многолюдном митинге усташей, после чего снова прошёл вечер, на этот раз среди областных руководителей партии во главе с «управителем» Иваном Музой. Здесь важно мне было рассеять нехорошее предубеждение моих собеседников. В виду того, что после провозглашения «Независимой Державы Хорватской» часть сербского населения ушла в партизанщину, у многих усташей создалось впечатление, что православные вообще склонны к большевизму; что марксизм встречает среди православного населения (русских или сербов) благоприятную почву в то время, как католические славяне (хорваты, поляки, словаки) совершенно не восприимчивы к большевицкой заразе. После жарких споров, десятками примеров и многими доводами я не только переубедил своих собеседников, но по их просьбе посвятил целый вечер 30-го марта выступлению перед 70-ю областными пропагандистами на тему: «Православие и большевизм», где показал, что большевизм был и остается лютым гонителем в первую очередь православия, что православные в России не приемлют большевизм, что в наши дни выразителями православных чаяний являются находящиеся в концлагерях исповедники, а не Сергей Старгородский и его современный преемник Алексий Симанский, именующий себя митрополитом ленинградским.

Те же доводы я проводил в беседе с министром пропаганды Иво Богданом, который согласится, что нельзя Православную Церковь считать проводницей безбожия, тем более имея союзниками православных Румынию и Болгарию.

24-го марта я выступал в живописном Сараеве среди по преимуществу мусульманской аудитории, — здесь я сделал упор на лютое гонение большевиками мусульманства.

На другой день меня тепло принимала небольшая русская колония в Сараеве во главе с Владимиром Ивановичем Огнёвым. Начал беседу с земляками в 4 часа дня, я покинул их безпрерывно вопрошившую меня аудиторию лишь в десять часов вечера и то из-за наступления «полицейского часа».

Мне довелось ещё много раз выступать на разные темы. «Колхозное рабство» в аграрном институте, «Стахановская кабала» — в управлении хорватской трудовой службы, «Политпропаганда в красной армии», — в офицерской школе Загреба, на курсах унтер-офицеров в Карловцах, несколько раз по радио в Сараеве и Загребе. Везде я находил одно и тоже настроение: молодой народ, его офицерство, его студенчество, рабочие команды молодёжи горды своей независимостью и непримиримо враждебны большевизму.

Однако, в стране имеется партизанщина — где её корни? Изображая усташей врагами сербов и православия, коминтерновская агентура поднимала православные сербские села за «родного» Сталина, изображая его защитником православия и сербской династии Карагеоргиевичей. Итальян. ген. Ротта и Амброзио, по тайной директиве Бадолио не разрешали усташам бороться против партизан, в Далмации и Боснии, а после измены в сентябре 1943 года прямо передали коммунистам своё боевое снаряжение, до артиллерии включительно. Открытая измена Италии выяснила положение: германские войска, устashi и боснийский мусульманский легион войск СС разоружили предателей — итальянцев, оккупировали всю страну до побережья и начали систематическую борьбу против партизан.

В этой борьбе с ноября 1943 года видное место заняла казачья дивизия. Большевицкая агентура встретила казаков помоями клеветы: «грабители», «насильники», «варвары». Не успели казаки вступить в деревни, как пошли рассказы об

изнасилованных женщинах (обязательно старухах или малолетних девочках), об отрезанных грудях и посаженных на пики младенцах. Местами население бежало в леса при вступлении казаков в деревни.

Не прошло и двух недель, как смрадный дым этой клеветы совершенно рассеялся. Население сразу убедилось, что казак грозен для врага, но прекрасный сожитель для мирного населения. Жители возвращались в дома, и между ними и казаками, завязывались быстро добрососедские отношения, чему способствовало родство языков.

Мне довелось объехать в апреле-мае с. г. до 20-ти различных деревень и городков, по которым расквартированы казаки. Здесь я жил большею частью в избах и наблюдал, как приветливо беседуют казаки с местными жителями, как хозяева упрашивают казаков сесть с ними за стол за ужином, как казаки в свободное время помогают хозяйкам по хозяйству: возят на поле навоз, работают на огородах.

В отдельных деревнях иногда возникает паника, когда проносится досужий слух об уходе казаков. Население привыкло видеть в них своих защитников и боится в случае их ухода новых налётов со стороны партизан, с которыми казаки расправляются успешнее усташей.

В результате боевых операций с декабря 1943 года по май с. г. партизанщина сходит на нет. Босния совершенно очищена от бандитов, окрестности Загреба тоже стали безопасными, что позволило усилить подвоз крестьянами продуктов на городские рынки. Постепенно исчезает партизанщина и в северо-восточной Хорватии, в чём я мог убедиться при моей поездке в Вараждин 5-7 апреля с. г.

Таким образом, несмотря на неизбежные трудности для молодого возникшего под грохот стрельбы государства, связанные с религиозной рознью и национальными раздорами между сербами и хорватами, жизнь постепенно налаживается. Вражеская агентура пускается на всевозможные хитрости, выкидывая, например, лозунг «безпартийных советов

трудящихся». С самолётов сбрасывают то английских офицеров, то большевицких комиссаров для руководства разлагающейся партизанщиной, но и это не помогает.

Энергичный Н. Богаевский в качестве уполномоченного хорватского министерства внутренних дел раскрыл и разгромил подпольные организации большевиков по хорватским городам, а в настоящее время назначен представителем хорватского правительства при казачьей дивизии, что значительно облегчает совместную борьбу усташей и казаков против большевицких насильников. Хорватское правительство несомненно проявило политический такт, назначив своим представителем при казачьих войсках племянника донского атамана 1919-го года. В беседах с Богаевским я почерпнул много интересных данных о методах большевицкой работы среди хорватского, а ещё более сербского населения.

Однако, безпристрастное наблюдение за жизнью в хорватских городах и деревнях позволяет делать вывод, что партизанщина, достигшая своего апогея в момент измени Бадолио, теперь несомненно идёт на убыль. Тысячи партизан, частично насилием завербованных душегубами среди крестьян, теперь являются добровольно с повинной.

История хорватской партизанщины сыграет очень мелкую роль в грандиозных событиях современной войны, но впишет славную страницу в боевую летопись возрождённого казачества.

В заключение мне хотелось бы отметить, что русская эмиграция играет в Хорватии немаловажную роль.

Оставив в стороне влиятельного Н. Богаевского, я хотел бы подчеркнуть, что в самых разнообразных сферах культурной и общественной жизни встречаешь родных земляков, покинувших с оружием в руках разорённую Родину четверть века тому назад.

Эмиграцию возглавляет, прежний русский генеральный консул Георгий Юльевич Ферхмин. Со своим постоянным помощником Николаем Александровичем Энгельгардтом

он добился легализации русск. эмигрантов, признания хорватским правительством в качестве их законного представителя и неизменно стоит на страже их правовых, культурных и хозяйственных интересов. В наших неоднократных беседах с Ферхминым и Энгельгардтом мне было отрадно установить полное единомыслие, в вопросах антибольшевицкой борьбы.

Маститый председатель Русского Красного Креста Пётр Михайлович Боярский открыл прекрасную библиотеку русских книг, которая является культурным очагом русских людей в далёкой Хорватии. Я был рад помочь этой библиотеке, пополнить её новыми произведениями, написанными за эти два года вырвавшимися из советской неволи авторами.

Среди хорватских журналистов заметную роль играет Николай Иванович Фёдоров. Среди профессуры пользуется престижем русский профессор геодезии Абакумов.

В Карловце моя лекция переводилась с русского языка на хорватский профессором Городецким.

Интересно отметить, что многие хорватские профессора, как Хекулич, Петанек и др., легко объяснялись со мною на русском языке.

Среди хорватских профессоров на меня произвела большое впечатление беседа с профессором судебной медицины Мирославичем, посетившим летом 1943 года Смоленск в качестве эксперта международной комиссии по расследованию Катынского злодействия. Его рассказы пополнили те сведения, которые я получил в Генте от бельгийского представителя той же комиссии профессора Спелерса.

При всей сложности положения Православной Церкви в Хорватии необходимо указать, что поглавник, не желая допускать в качестве главы православия серба, поставил во главе Церкви русского митрополита Гермогена, занимавшего в свое время архиепископскую кафедру в Новочеркасске. Это во всяком случае свидетельствует о благожелательном отношении хорватского правительства к русской эмиграции.

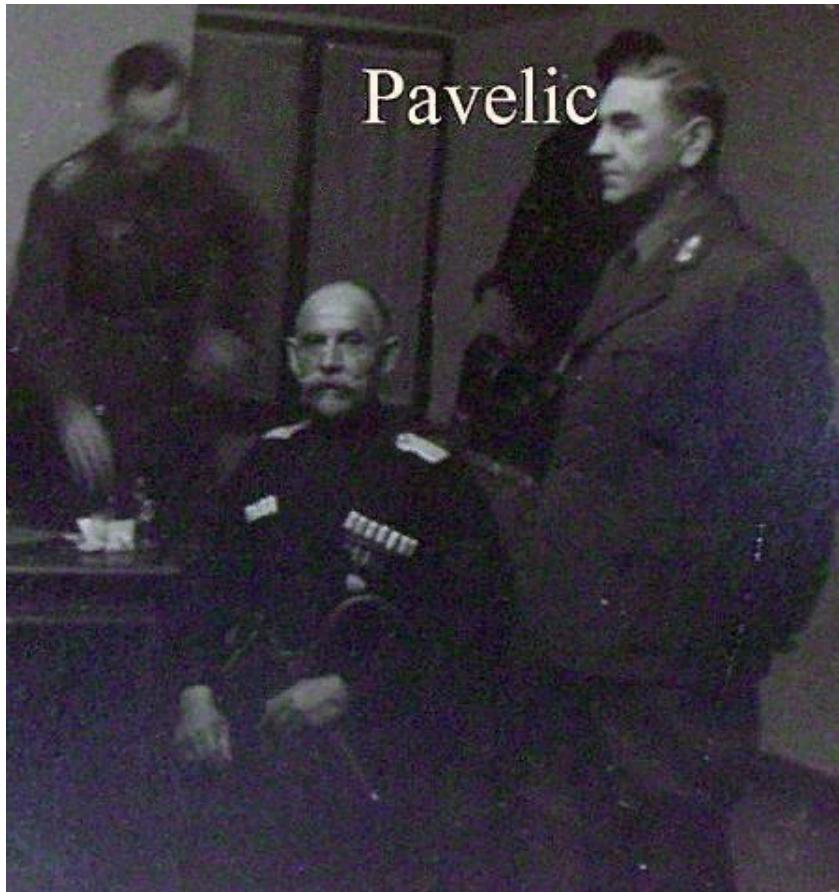
Казачья станица в Загребе, возглавляемая генералом Поляковым, поддерживает тесные отношения с казачьей дивизией, которые дают тепло оторванным от родных семей казакам. Моя лекция в казачьей станице 4-го апреля с. г. собрала всё эмигрантское казачество, проявившее огромный интерес к современным проблемам антибольшевицкой борьбы.

Среди своих многочисленных выступлений мне как то особенно памятно посещение мною 30 марта с. г. авторемонтных мастерских одной германской воинской части. Эта часть стояла в Ростове последние месяцы 1942 года. С нею покинули Ростов 35 русских слесарей и две кухарки, которые, поступив добровольно на работу в эту часть, не пожелали покинуть германскую армию. Они теперь находятся в Загребе, занимают прекрасный барак, развели целое подсобное хозяйство: кур, гусей, индюков и даже свиней, которых с гордостью показывали, живут дружно со своими германскими соратниками. Но конечно тоскуют по родине. Встретившись со мною в Загребе, их германский командир просил меня их навестить, что доставило огромное удовольствие как им, так и мне. Одна из этих русских женщин работала бухгалтером в Госбанке Ростова, но с приходом германских войск поступила кухаркой в эту часть. При отступлении она не пожелала ни в коем случае снова переживать всю мерзость большевизма. Тоску по семье заглушает в ней ненависть к поработителям России — большевикам и вера в нашу конечную победу. Лишь пережив аналогичную судьбу, можно понять эту скромную русскую женщину и проникнуться уважением к её бодрости.

Проф. С Гротов
«Парижский вестник», 1944 г., № 107

На фотографии: Поглавник НГХ д-р Анте Павелич во время пребывания в 1-й Казачьей кавалерийской дивизии стоит рядом с Походным атаманом Терского казачьего войска полковником Николаем Лазаревичем Кулаковым. «Насчёт рус-

ских могил на чужбине. В Загребе существует ухоженное военное кладбище, на котором находятся сотни русских могил. Большинство из дивизии Паннивица, но есть и РОК (в районе Загреба был лазарет РОК с конца 1944), бойцов армии Владисова и русские из «хиви» (проф. С.Гротов).

Михаил Шкаровский

**К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ХОРВАТИИ: СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ХОРВАТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Вскоре после разгрома и оккупации Югославии под эгидой Третьего рейха было создано так называемое Независимое государство Хорватия (НГХ). В это государственное образование были включены обширные области Боснии, Герцеговины и Санджаха, населенные преимущественно православными сербами и боснийскими мусульманами. Численность населения НГХ весной 1941 г., по германским сведениям, составила 6300 тыс. человек (около 40% от общего населения Югославии), из них 1925 тыс. были сербами (31% всего населения новой страны), 3300 тыс. - хорватами и 700 тыс. - боснийцами (1). По данным Сербской Православной Церкви, на территории НГХ оказались полностью или частично 8 епархий: Дабро-Боснийская, Захумско-Герцеговинская, Зворникско-Тузланская, Баня-Лукская, Горно-Карловацкая, Пакрацкая, Загребская и Белградско-Карловацкая митрополия с 2404 тыс. верующих (2).

К власти в НГХ пришли усташа (повстанцы), военно-политическая профашистская организация, созданная в 1929 г. секретарем Хорватской партии права Анте Павеличем. Для этой организации были характерны расистская идеология, предусматривавшая массовое уничтожение сербов, евреев и цыган, а также террористические методы. В 1934 г. усташа убили короля Югославии Александра I Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту, в дальнейшем они поддерживали тесные контакты с абвером (военная разведка Германии) и IV управлением Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА).

10 апреля 1941 г. немецкие войска заняли Загреб, и в тот же день было провозглашено создание НГХ (официально 12 апреля). Поглавником (вождем) этого государства был объявлен Павелич. 15 июня НГХ присоединилось к Тройственному пакту и стало военным союзником Германии. При этом немцы фактически хозяйничали в стране, оккупировав Загреб и другие наиболее развитые районы. Во 2-й половине 1941 г. Павелич даже отправил небольшие хорватские воинские части на советско-германский фронт (они воевали, например, в Крыму).

Сформированное усташами правительство, стремясь создать «этнически чистое государство», приняло антисербское законодательство, ориентированное на нацистскую политику в отношении евреев. 30 апреля был принят закон «О чистоте арийской крови и чести хорватского народа». Уже 24-25 апреля хорватские власти выпустили указы о запрещении употребления кириллического шрифта и обложении Сербской Патриархии особым налогом. 8-10 мая сербы в Загребе были выселены из центра города на окраины (в отведенные ранее евреям кварталы, т. е. в гетто), им запретили выходить из жилищ после 6 часов вечера.

3 июня были закрыты все православные школы и детские сады; 26 июня сербам приказали носить на рукаве разноцветные повязки с литерой «Р» (сокращенно от pravoslavac - православный); 18 июля термин «сербская православная вера» оказался запрещен и заменен на «греко-восточную веру»; 20 сентября 1941 г. была конфискована собственность православной Белградско-Карловацкой митрополии; 4 апреля 1942 г. всем православным запретили употреблять в церковной жизни юлианский календарь; сербские имена заменяли на хорватские и т. д. С целью разрушения единой церковной организации православным общинам еще летом 1941 г. запретили поддерживать связи с Сербской Патриархией (3).

25 февраля 1942 г. в своей программной речи на заседании Хорватского государственного собора (парламента) министр

юстиции и культов М. Пук заявил, что в стране официально признаются только 3 конфессии: католицизм западного или восточного (униаты) обряда, ислам и евангелическое вероисповедание. Существование православных в Хорватии министр прокомментировал следующим образом: «Что касается греко-православной Церкви, я разъясняю, что в Хорватии эта конфессия не преследуется, но Сербская Православная Церковь не может быть признана. Православная Церковь, вообще, известна только как орган соответствующих государственных властей без какой-либо свободы, таким образом, в ее организациях доминируют мирияне. Допущение существования Сербской Православной Церкви в стране означало бы предоставление правительству Сербии государственно-правовой базы на территории Хорватии, что государство не может разрешить. Относительно греко-православного населения известно, что оно появилось на территории Хорватии лишь после захвата власти турками. Часть католического населения, прежде всего в Юго-Восточной Герцеговине и в Южной Боснии, как и в других областях Боснии, Сирмии и Словении, в XVI-XVII вв. было перекрещено в результате террора греко-православных священников при под, держке турок, что признают и сербские историки. Поэтому хорватское правительство способствует возвращению этих греко-православных жителей к вере своих отцов, в результате чего будет восстановлено единство хорватского народа в той сфере, где оно было насильственно ослаблено. Кто не признает эту историческую данность, может покинуть территорию государства». Таким образом, хорватские власти, по мнению начальника германского отдела пропаганды «S» в Юго-Восточной Европе Липперта, фактически приравняли сербов к евреям, цыганам и коммунистам (4).

Католическая Церковь в НГХ получила ярко выраженное привилегированное положение, в связи с чем активно поддерживала установившийся в стране режим. Архиепископ Загребский Людовик (Алоизий) Степинац первоначально

считал неудачей связь НГХ с Третьим рейхом, к секулярному режиму которого он питал отвращение. Архиепископ также «оплакивал» отошедшую к Италии Далмацию, однако все же поздравил правительство усташей с созданием независимой НГХ и нанес официальный визит Павеличу. 28 апреля архиепископ выпустил воззвание, призывающее всех католических священников сотрудничать с правительством Павелича. 4 мая соответствующие обращения выпустили и все другие католические архиереи НГХ; некоторые из них, например архиепископ Сараевский Янко (Шарич), оказывали еще более активную, чем Степинац, поддержку усташам (5).

В мае 1941 г. Павелич в ходе частной аудиенции в Риме у папы Пия XII добился фактического признания Ватиканом НГХ. 13 июня папа назначил своим апостольским легатом в Хорватии доминиканца Иосипа Рамиро Марконеа, который с 5 августа 1941 г. до конца войны находился в Загребе. Архиепископ Степинац трижды удостаивался аудиенции папы - в 1941, в апреле 1942, и в мае 1943 г., а в начале 1942 г. Пий XII назначил его апостольским викарием в НГХ. Правда, формального признания независимости этой страны со стороны Ватикана так и не произошло (6).

Усташа начали истреблять и изгонять сербов фактически сразу же после прихода вермахта - с конца апреля 1941 г. Немецкие историки Л. Хори и М. Бросцат справедливо отмечают: «Вопреки пропагандистским заявлениям, что большая часть православного населения в НГХ является хорватами по национальности, оно в значительном количестве стало мишенью фанатичной мести. Захват власти усташами и создание усташских организаций в стране повсеместно приняло форму затяжного восстания против сербов, в котором выплеснулось чувство ненависти к православному сербскому «старшему брату», сложившееся у вождей нелегальных усташей до 1941 г. в югославских тюрьмах и эмиграции» (7).

Начало репрессий со стороны усташей получило полное одобрение нацистского руководства. 16 мая 1941 г. Гитлер

положительно отзывался о стремлении к «сокращению чрезвычайно сильного сербского меньшинства в Хорватии», указав министру иностранных дел Риббентропу на возможность вместо изгнанных сербов депортировать в НГХ около 200 тыс. словенцев из германизируемых Нижней Штирии и Южной Каринтии. 6 июня во время встречи с Павеличем в Бергхофе Гитлер рассказал об этом плане и дал рекомендацию: «Если Хорватское государство действительно хочет быть долговечным, оно должно в течение 50 лет проводить политику национальной нетерпимости». Таким образом, фюрер фактически санкционировал массовое уничтожение сербов (8). Вскоре после возвращения поглавника, 22 июня, хорватский министр образования Миле Будак (позднее посол в Берлине) заявил на публичном собрании, что третья часть сербов будет депортирована из страны, другая треть уничтожена, а оставшаяся конвертирована (обращена) в католичество (и этим «охорвачена»). При этом Будак подчеркнул, что «каждый хорват в первую очередь преданный верующий католик» (9).

Массовая депортация сербов началась вскоре после окончания 4 июня 1941 г. германско-хорватской конференции в Загребе. 26 сентября этого года шеф Главного управления имперской безопасности Гейдрих сообщил в телеграмме Риббентропу о том, что из Хорватии были депортированы в Сербию 118 000 человек. Кроме того, к осени 1941 г. 15 250 сербов были заключены в лагеря для последующей высылки. Насильственное выселение сербов продолжалось и в дальнейшем, хотя немцы после 31 октября 1941 г. пытались ограничить его масштабы. Так, когда начальник хорватской полевой комендатуры Загреба в середине августа 1942 г. попросил германскую администрацию о содействии высылке 12 тыс. человек, главным образом женщин и детей, в Сербию, немецкий командующий ответил отказом, ссылаясь на то, что в Сербии и так уже имеется 400 тыс. депортированных и беженцев из Хорватии и новых переселенцев негде разме-

щать. При этом командующий выразил готовность к приему единичных заявок (10).

Архиепископ Степинац, крайне негативно относясь к православию, активно способствовал переводу сербов в католичество и униатство. Еще до разгрома Югославии, 27-28 марта 1941 г. он записал в своем дневнике: «Дух Византии, т. е. Восточной Православной Церкви, это что-то такое ужасное, что лишь Всемогущий и Всеведущий Бог может терпеть это... Схизма Восточной Православной Церкви - величайшее проклятие Европы, почти что хуже протестантизма» (11). Эту позицию разделяли и некоторые другие католические архиереи Хорватии. Так, архиепископ Мостарский Милич в ноябре 1941 г. написал Степинацу, что при условии умелого проведения перехода к католицизму число католиков может вырасти как минимум на 600 тыс.; в частности, в Боснии и Герцеговине их количество нужно увеличить с 700 до 1300 тыс. человек. Католическая газета «Неделя» 6 июня 1941 г. писала: «Христос и усташа, Христос и хорваты маршируют вместе через историю... новые усташа-хорваты будут принадлежать Христу и нам, и больше никому». В докладе своему начальству о положении в НГХ от 26 апреля 1942 г. немецкий капитан в Загребе А. Хёффёр писал: «Носительница движения усташей в Боснии и Герцеговине исключительно католическая Церковь... Еще активнее, чем архиепископ Шарич в Сараево, в Боснии и Герцеговине действуют в качестве руководителей движения усташей священники и монахи францисканского ордена, которым вообще поручено там привлечение к католичеству населения» (12).

Хорватские власти всячески содействовали окатоличиванию православных. Специальную государственную комиссию, которая с ноября 1941 г. занималась проведением конвертирования, первоначально возглавлял личный капеллан Павелича францисканский священник Дионисий Юричев (до этого времени работавший в министерстве юстиции и культов), а после его смерти в 1943 г.- другой францисканский

священник (доверенное лицо поглавника, окормлявшее усташей), начальник отдела культов Радослав Главаш. В 1941 г. было перекрещено около 100 тыс. сербов (наиболее активно эти акции проводились в мае, сентябре). Временно затихнув в 1-й половине 1942 г., окатоличивание в дальнейшем вновь активизировалось. Согласно докладу немецкого посольства в Загребе от 26 октября 1942 г. своему начальству, в окрестностях Славонски-Брода в сентябре, октябре православное население принуждали к переходу в католичество, а сопротивлявшихся заключали в концлагеря с конфискацией имущества. В Босански-Броде 17 октября 1942 г. был издан приказ о смене веры православных жителей. В результате в местной католической церкви священник С. Кошич с помощью усташей совершил массовое перекрещивание сербов и т. д. (13) В другом докладе немецкого посольства от 22 октября 1942 г. говорилось о массовом участии низших членов хорватского католического клира, и особенно францисканцев, во враждебных православию акциях. При этом далеко не все выступали за перекрещивание, некоторые считали подобную практику вредной». Согласно докладу архиепископа Степинаца папе Римскому, на 8 мая 1944 г. перешли в католичество 240 тыс. сербов. Другие источники, в том числе Сербской Православной Церкви, говорят о примерно 350 тыс. конвертированных за весь период войны (после мая 1945 г. большинство из них вернулись в православие). Некоторые католические священники, желая спасти сербов от уничтожения, выдавали свидетельство о перекрещивании без совершения соответствующего таинства, однако таких случаев, вероятно, было немного (15).

Еще несколько тысяч сербов, желая избежать гибели, перешли в униатство, так как в НГХ существовала небольшая униатская Крижевецкая епархия с центром в Загребе и во главе с прогермански настроенным членом Хорватской народной партии епископом Янко Шимраком. В частности, в Сараево, где до войны проживали 15-20 семей униатов-

украинцев из Галиции, усташаи после убийства сербских священников кафедральный православный собор не разрушили, а передали специально для этого приехавшему в город униатскому священнику о. Биляку. Ватикан не одобрял насилия-стенного характера окатоличивания, но признавал его пользу для значительной части православного населения, так как переход в католичество предоставлял определенную защиту от гонений (16).

Мусульман правительство Павелича считало хорватами, принявшими ислам, т. е. «по крови хорватским народом». Усташаи их не преследовали, и в годы войны в Загребе была даже построена мечеть. Поэтому значительная часть мусульман помогала усташам в борьбе с сербами. Известны и отдельные факты убийства православных мусульманскими духовными лицами. В 1943 г. под руководством немцев была создана боснийско-мусульманская дивизия СС, но часть мусульман активно участвовала и в партизанском движении.

Массовые репрессии начались в июне 1941 г. Иногда православные храмы становились местом массовых расправ с сербским населением. Историк И. Вертц писал: «Во многих деревнях бойня проходила по следующему сценарию. Усташаи приходили и собирали всех сербов. Затем они приказывали им переходить в католичество. Тем, кто отказывался, а таковых бывало большинство, приказывали собраться в их местной приходской церкви. После этого они закрывали их в церкви и поджигали ее. Множество сербских православных мужчин, женщин и детей пострадали, таким образом, в сербских селениях» (17). В докладе германской службы безопасности (СД) от 25 июля 1941 г. приводится несколько характерных случаев с указанием, что иногда даже согласие на перекрещивание не спасало сербов от уничтожения. Так, например, в районе села Глина (Хорватия) усташаи обратились к разбежавшимся от них по лесам крестьянам с обещанием полной свободы тем, кто перейдет в католичество. Однако 250 человек, которые пришли в местную православную

церковь для перекрещивания, были приколоты заостренными палками к земле, а затем убиты. В окрестностях г. Добой (Босния) репрессии начались в конце июня с арестов и расстрелов православных священников. В окрестностях Плитвицких озер (Хорватия) уже в конце июня были разрушены православные храмы в 8 населенных пунктах. В Берниче, как и в Глине, сербская церковь стала использоваться в качестве тюрьмы и места казни и т. д. (18) О таких случаях писал и служивший в годы войны в Берлине архимандрит (будущий архиепископ Сан-Францисский Американской Православной Церкви) Иоанн (Шаховской): «Членом церковного совета моего Берлинского прихода была православная сербка Душанка Ш., жена профессора Берлинского университета. Отец ее, престарелый православный протоиерей, жил на покое в одном из городков Хорватии. Когда начался погром православных в этой стране, старцу-пастырю было предложено перейти в римо-католичество или лишиться всего имущества и быть изгнанным из своих родных мест и страны. Тысячи православных сербов в те дни были замучены, убиты. Много церквей разрушено. Многие тогда пополнили ряды коммунистов-партизан» (19). Вскоре даже в информационных сообщениях германских служб появилась критика подобной политики. Так, в докладе немецкого капитана в Загребе А. Хёффёра от 27 августа 1941 г. о политическом положении в Хорватии указывалось, что усташами уже убито 200 тыс. сербов и эта нереалистичная политика настраивает население против германского вермахта и увеличивает движение сопротивления сербов (20).

Всего за время войны, по данным Сербской Православной Церкви, усташа уничтожили в НГХ около 750 тыс. человек. Епископ Николай (Велимирович) вписал этих мучеников в церковный календарь под 31 августа, как «семьсот тысяч пострадавших за православную веру от рук римских крестоносцев и усташей во время II Мировой войны. Сии суть новые сербские мученики» (21). Правда, большинство современных

исследователей указывают на меньшее число убитых: хорватский ученый В. Зерьявич писал, что за весь период войны погибли 530 тыс. сербов, по мнению немецкого историка Л. Штайндорфа - 500 тыс., еще один хорватский исследователь Ю. Бателя писал о 488 тыс., сербский историк Б. Косович - о 487 тыс., а английский исследователь М. Альмонд указывал, что усташа убили около 325 тыс. сербов, в том числе 60 тыс. в печально известном концлагере Ясеновац (22). Следует отметить, что и в этом лагере сербов заставляли переходить в католичество, а отказавшихся убивали после жестоких мучений, например святого старца Вукашина (в Ясеноваце также погибли тысячи хорватов- антифашистов, евреев и цыган).

По данным Сербской Церкви, на территории НГХ из примерно 700 православных священников и монахов гонениям подверглись 577, из них были убиты 217, депортированы в Сербию 334, арестованы 3, 18 бежали от преследований и 5 умерли после издевательств. Погибли и почти все сербские архиереи: арестованного 12 мая митрополита Дабробосанского Петра (Зимонича) и схваченного 17 июля епископа Горно-Карловацкого Савву (Трлаича) усташа расстреляли летом 1941 г.; выпускник Московской Духовной академии епископ Баня-Лукский Платон (Йованович) был убит 25 мая 1941 г. после жестоких пыток (ему отрезали нос и уши, вырвали глаза, а на груди развели костер) (23). Выпускник Киевской Духовной академии митрополит Загребский Досифей (Васич) был заключен в тюрьму в Загребе, где подвергался жестоким избиениям. Затем в предсмертном состоянии его доставили во Введенский монастырь Белграда, где владыка, не приходя в сознание, скончался 13 января 1945 г. Епископа Зворникско-Тузланского Нектария (Круля) и епископа Захумско-Герцеговинского Николая (Йокановича) усташа изгнали из их епархий в Сербию, причем владыка Николай позднее скончался там от последствий побоев. На 1-й после начала войны конференции Сербского Синода осенью 1941 г. епископ Нектарий был назначен администратором 4 остав-

шихся без своих архиереев епархий: Дабро-Босанской, Баня-Лукской, Пакрацкой и Загребской (24). Почти все православные монастыри и большинство церквей были закрыты, 17 обителей и 255 храмов разрушены или серьезно повреждены, многие осквернены, переданы католикам и униатам. На территории Боснии и Герцеговины действовал особый отдел по разрушению сербских церквей. Весь период войны простоял закрытым и кафедральный православный собор в Загребе (25).

Некоторые подробности уничтожения усташами сербских святынь приводили в своих отчетах Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) воинские священники воевавшего на территории Югославии Русского корпуса. Так, иеромонах Викторин (Лябах) 25 февраля 1945 г. написал владыке, что в православной церкви с. Мирковцы (Хорватия) иконы были повреждены ударами, все облачения порваны в куски, церковные книги лежали «во дворе рваные и употреблялись на хозяйственные нужды», остальная утварь оказалась или уничтожена, или непригодна к употреблению; о священнике же местные жители не могли и мечтать. Подобным образом писал митрополиту Анастасию в 1945 г. иеромонах Никодим (Нагаев) о православном храме боснийского г. Жепче. Эта церковь стояла закрытой с весны 1941 г., сначала в ней располагалась казарма немецких солдат, затем кинотеатр и на, конец казарма усташей; «священник безследно пропал» и т. д. (26)

Сильно пострадал «сербский Сион» - знаменитая Фрушка-Гора с 12 монастырями и духовным центром Сербской Патриархии г. Сремски-Карловци. Еще до начала войны русский библиотекарь Патриаршей библиотеки (самой древней библиотеки Сербии, созданной в конце XVII в.) совместно с настоятелем монастыря Крушедол представил проект вывоза самых ценных книг и предметов церковного музея в Белград, однако Патриарх Гавриил и Синод, к сожалению, не приняли этого предложения, не веря, что германские войска мо-

гут захватить область Срема. В результате немцы и усташа разграбили уникальные церковные ценности, погиб музей в Крушедоле (где был похоронен сербский король Милан). Серьезно пострадала и Патриаршая библиотека, захватившие ее усташа хотели сжечь книги. Лишь благодаря заступничеству деятелей науки и культуры Загреба фонды библиотеки в основном были спасены и после окончания войны перевезены в Белград (27).

Основанный в XIV в. Введенский мужской монастырь в селе Завала был в 1941 г. разграблен усташами и пустовал до 1953 г. Весной 1941 г. прекратила существование известная Духовная семинария св. Саввы в Сремски-Карловци, где в 1920-х - начале 1940-х гг. читали лекции русские священники Иоанн Сокаль, Василий Виноградов, Тихон Троицкий, Борис Волобуев, Нил Софинский, Борис Селиванский, Нил Малахов, профессора и преподаватели Н. Г. Дориомедов, Ф. Ф. Балабанов, В. А. Розов и др. Здание семинарии 17 апреля заняли усташа, а затем в конце июня 1941 г. - немецкие войска, ее ректора тогда же выслали в Сербию. В Сараевской Духовной семинарии, где в то время преподавал священник Борис Селивановский, немецкая часть разместилась 16 апреля, с 23 июня там находился лагерь интернированных сербов, 20 июля ректора выслали в Сербию, а имущество и библиотеку разграбили усташа (28). 14 апреля 1942 г. из закрытых фрушкогорских монастырей перенесли в Белград моши святых князя Лазаря, царя Стефана Уроша и Стефана Щиляновича, деспота Сербского (из монастыря Шишатовац). После прибытия в Белград моши трижды обнесли вокруг кафедрального собора Св. архангела Михаила и затем поставили в нем на солее. На другой день заместитель Сербского Патриарха митрополит Иосиф в сослужении епископа Дамаскина и Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия совершил перед ними торжественное молебствие, на котором присутствовали члены сербского правительства во главе с М. Недичем и многочисленные богомольцы (29).

Как уже отмечалось, православные храмы часто служили местами кровавой расправы над верующими. По свидетельству епископа Григория (Граббе), «по судоходной реке Саве спускались трупы замученных сербов в таком количестве, что иногда судоходство останавливалось» (30). Трудно писать об этой поразительной жестокости. И с прискорбием следует констатировать, что в преследовании сербов активно участвовали католические священнослужители. В феврале 1942 г. бывший югославский министр католик П. Гризогоно написал протест архиепископу Степинацу: «Наша католическая Церковь двояко участвовала в этих, худших, чем у язычников, преступлениях; но что еще ужаснее, католические священники становились командирами лагерей и отдавали приказы или же не препятствовали совершать дикие пытки, убийства и зверства в отношении крещеных людей. Один католический священник перерезал горло православному сербскому священнику... Епископы дают свое согласие, по крайней мере своим невмешательством... Один епископ открыто поносил судьбу невинных сербских христиан, пострадавших больше, чем евреи в Германии. Я пишу это, чтобы спасти свою душу и предоставить вам искать способ спасти вашу» (31). Сам Степинац, по некоторым сведениям, пытался прекратить массовые убийства, понимая, что они дискредитируют процесс «добровольного» перехода сербов в католичество. Архиепископ неоднократно писал хорватским руководителям, выражая протест против уничтожения сербов, а в июне 1943 г. даже публично выступил против беззаконных преследований православных жителей НГХ (32). В отдельных случаях католические священники помогали православным спасти от гибели. В апреле 1942 г. папа Римский после доклада католического Белградского архиепископа отправил в Сербию 10 тыс. долларов для помощи православным беженцам из Хорватии. Однако в целом католическая Церковь так и не высказалась явно против геноцида сербов. По справедливому мнению немецкого ученого Т. Бремера, «очевид-

но, что для католической иерархии преимущества привилегированного положения Церкви в Независимом хорватском государстве перевешивали необходимость заступаться за некатолических граждан этого государства» (33).

Первоначально гонения коснулись и русских эмигрантов. Устали отождествляли сербов с православными; если под угрозой уничтожения те переходили в католическую или униатскую Церкви, то они больше не преследовались. Уже в апреле 1941 г. местные хорватские органы власти все ограничения, касающиеся сербов, распространили и на русских. Правда, 31 мая последовал указ МВД, разъяснявший, что, «хотя русские и православные, они не подлежат ограничениям, относящимся к сербам» (34). Но на практике эти преследования продолжались еще почти год. Некоторые русские церковные деятели подверглись арестам. Так, в апреле 1941 г. в Сремски-Карловци был арестован бывший секретарь Сербского Патриарха Варнавы, библиотекарь Патриаршей библиотеки, русский эмигрантский писатель В. А. Маевский. Он содержался в заключении несколько месяцев и был освобожден с требованием не покидать Сремски-Карловци и ежедневно являться в полицию для регистрации (вскоре Маевский тайно уехал в Белград). Настоятель загребской церкви священник Серафим Купчевский в 1941 г. окормлял свою паству из тюремной камеры, согласно указу сербского архиерейского наместника протопресвитера Н. Витковича (также находящегося в заключении). Священник Григорий Крыжановский, служивший в храме г. Баня-Лука, как нелояльно настроенный к католической Церкви и нежелавший переходить в нее, оказался интернирован и летом 1941 г. выслан в один из сербских городов и т. д. (35)

На территориях, отошедших к НГХ, функционировали 5 русских приходов (в Загребе, Земуне, Сремски-Карловци, Сараево и Црквенице), несколько общин при часовнях, домовых храмах в учебных заведениях и благотворительных учреждениях, 2 русских монастыря (в Милькове и Хопове).

Значительное количество русских иноков пребывало в сербских обителях Беочин, Врдник, Язак, Гретег и др.

Общежительный Введенский монастырь в Милькове в 1926 г. был передан русским монахам во главе с архимандритом Амвросием (Кургановым). За короткий срок о. Амвросий превратил обитель в центр русской духовной жизни, хотя формально она находилась в ведении Сербской Патриархии. Он не без успеха стремился возвратить дух Оптиной пустыни за пределами России. В 1930-х гг. в Мильковском монастыре проживали около 25 насельников, в основном выпускников богословского факультета Белградского университета.

Многие из них в дальнейшем стали известными деятелями РПЦЗ: архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Максимович), архиепископы Антоний (Бартошевич), Антоний (Синькович), Никодим (Нечаев), Антоний (Медведев), епископы Леонтий (Бартошевич), Филипп (Гарднер), архимандриты Киприан (Керн), Савва (Струве) и др. После смерти 30 мая 1933 г. о. Амвросия настоятелем монастыря стал его ученик игумен Лука (Родионов). О. Лука не только возглавлял Мильковскую обитель, но был духовником женской общины Святого Креста и обновил преимущественно сербский женский монастырь Нимник (36). Ко времени появления русских иноков в Югославии многие монастыри там пустовали или имели 2-3 насельников, поэтому принимавшие сербов русские обители стали важным фактором развития монашества.

Главной русской обителью в Югославии был широко известный в России Свято-Богородицкий Леснинский женский монастырь. В августе 1920 г. он переехал из занятой румынами Бессарабии, где тогда находился, в Сербию. 70 монахинь во главе с игуменией Екатериной (Ефимовской), которую после ее смерти в 1925 г. сменила игумения Нина (Косаковская), поселились в предоставленном им в ноябре 1920 г. сербском монастыре Хопово на Фрушка-Горе, основанном в конце XVI в. В этом монастыре хранились мощи вмч. Феодора Тирона. Иночихи привезли в Хопово чудотворную

Леснинскую икону Божией Матери и часть мощей прп. Афанасия Брестского (XVIII в.). На попечении сестер находился большой детский приют, где к 1941 г. воспитывалось 35 детей от 3 до 10 лет. Всего за 20 с лишним лет через приют прошло около 1500 сирот, многие из которых были русскими. Настоятелем старинного монастырского храма свт. Николая Чудотворца (XVI в.) служил один из самых выдающихся пастырей русского зарубежья протоиерей Алексий Нелюбов, духовниками - русский афонский старец архимандрит Кирик (специально приглашенный Сербским Патриархом Варнавой с Афона), изгнанные с Валаама в 1926 г. за приверженность к юлианскому календарю иеромонахи Никандр (Беляков) и Тимолай (Пастухов); сербским наместником обители был о. Паисий. Хоповский монастырь находился в ведении сербского викарного епископа, но сестры сохранили традиции Леснинской обители. Они содействовали возрождению женского православного монашества в Югославии, почти исчезнувшего к началу века. Во многом благодаря прибытию из России изгнанных из своих обителей насельниц в Югославии со временем появились 32 женских монастыря. В частности, в октябре 1923 г. из Хопова в обитель Кувеждин переселились около 10 русских монахинь, которые вместе с сербскими сестрами во главе с игуменией Меланией возродили этот монастырь (37).

Весной-летом 1941 г. все мужские монастыри, где жили русские монахи, были закрыты. При этом будущий известный архиерей РПЦЗ Леонтий (Бартошевич) успел летом 1941 г. принять монашеский постриг в монастыре Туман до его ликвидации. Проживавший в сербском монастыре Гретег вблизи Сремски-Карловци член Архиерейского Синода РПЦЗ архиепископ Екатеринославский и Новомосковский Ермоген (Максимов) в апреле в Сремски-Карловци подвергся кратковременному аресту усташами, затем был вынужден переехать в Хопово. Другой известный владыка, член-секретарь Архиерейского Синода архиепископ Курский и

Обоянский Феофан (Гаврилов), вывезший из своей епархии за границу главную святыню русского зарубежья - чудотворную Курскую Коренную икону Божией Матери, до войны жил в монастыре Раковица, но осенью 1941 г. также был вынужден поселиться в Хоповском монастыре.

Туда же переселились 8 монахов из Милькове. Один из этих монахов, будущий архиепископ Антоний (Медведев), позднее вспоминал: «Наше монашеское братство перевели из Милькова в другой монастырь. Среди сербских партизан были разные группы: кроме православных, которые воевали против захватчиков фашистов, были и коммунисты, представлявшие угрозу и для нас. Наш настоятель собрал нас и сказал, что мы в случае чего должны защищаться с оружием в руках. А я, о. Феофан и о. Серафим, будущий подвижник на Каруле (Афон), были иеромонахами. Настоятель сказал, что кто не согласен с этим решением, может покинуть монастырь по его благословению. Мы с о. Серафимом Карульским сказали, что мы не согласны и, таким образом, с благословения настоятеля уехали из монастыря в Белград и оказались у Первовиархра РПЦЗ митрополита Анастасия» (38).

В результате непрекращающихся преследований не только некоторые мильковские ионики, но и сестры из Нимниковского монастыря во главе с игуменией Параскевой перебрались в Белград (ионики поселились в одном из домов на берегу реки Савы). Около года остававшуюся в Хопове часть мильковских монахов в 1942 г. приютил у себя дома в Земуне известный русский врач С. К. Софтеров. Здесь возникло русское иноческое братство Святого Креста, настоятелем которого в годы войны был бывший настоятель Мильковского монастыря игумен Лука (Родионов), а наместником - иеромонах Феофан (Шишманов) (39).

Хоповская обитель осенью 1941 г. осталась единственной действующей из 12 православных монастырей на Фрушка-Горе и, по сообщениям германских органов, также находилась на грани закрытия: «Главная церковь [с находившейся

там Леснинской иконой Божией Матери.- М. Ш.]... уже опечатана. Монахов принуждают очистить монастырь и где-нибудь искать себе прибежище». Детский приют обители был закрыт еще летом и т. д. (40)

В газете «Православная Русь» от 25 сентября 1941 г. говорилось: «Все православные в Хорватии одно время должны были носить на руке белую повязку. До сего даже Ярославский [председатель Союза воинствующих безбожников в СССР.- М. Ш.] не додумался. Теперь, кажется, это постановление отменено. Все эти меры остирем своим были направлены против православных сербов в Хорватии, но рикошетом задели и русских, которые никогда хорватам ничего плохого не сделали. Все это очень печально, ибо терпеть притеснения от братьев-христиан тяжелее, чем от безбожников-коммунистов» (41). Чтобы ситуация действительно начала меняться, понадобилась активная заступническая деятельность митрополита Анастасия. 4 декабря 1941 г. в НГХ был принят закон о том, что все церковные праздники могут отмечаться только по григорианскому календарю. Об этом власти специально сообщили и русским эмигрантам, угрожая карой за невыполнение. Глава РПЦЗ сразу же обратился к уполномоченному МИД Бенцлеру с просьбой сделать исключение для русских приходов, 8 января 1942 г. владыка информировал об этом деле и германского евангелического епископа Хеккеля. В результате, по сообщению германского посольства в Загребе от 26 марта 1942 г., местный русский священник получил разрешение праздновать по юлианскому календарю, но посещение таких богослужений было позволено только эмигрантам. В указанном сообщении далее говорилось, что «приказ о разрушении греко-православной церкви в Крижевцах в последний момент был отменен. При этом монахини Хоповского монастыря вблизи Ириги получили разрешение и дальше оставаться там. Это стало первыми признаками более мягкой позиции в церковном вопросе, однако речь идет только о русских эмигрантах» (42).

Дальнейшая судьба сестер Хоповского монастыря оказалась очень сложной. Обитель занял отряд усташей. Назначенный хорватами управитель монастыря с женой-баптистской «разнуданно вели себя с сестрами, пытались поработить их, отнимая скарб», и заставляли работать на себя. Укрывавшиеся за монастырскими стенами усташа вели боевые действия с занимавшими окрестные леса сербскими партизанами, при этом были ранены несколько работавших на огородах насельниц. Накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы (в октябре 1942 г.) местные хорватские власти приказали под угрозой расстрела выгнать сестер (их осталось около 40) по обвинению в сношениях с партизанами, разрешив взять лишь ручную кладь. Монахини просили отложить высылку в Сербию, но приехавший уездный начальник грубо заявил: «Достаточно уже мы вас кормили, дармоедок, вы никому не нужны. Кому нужна ваша жизнь, старух? Не противитесь, а то расстреляем».

Всю ночь сестры молились перед чудотворным образом Божией Матери. Утром часть инокинь отвезли на железнодорожную станцию Рума для переброски в Сербию, но одной из сестер удалось связаться с руководителем местной русской колонии, а тот сообщил о произволе немецкому командованию. В результате вмешательства немцев монахинь вернули в их обитель, где они прожили зиму (43). Опасаясь повторения попыток выселения, инокиня Зоя (Шингель) 21 декабря 1942 г. в отчаянии написала православному митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде), прося содействовать в заступничестве немецких властей перед хорватами: «Единственная наша защита и поддержка - это немцы, которые к нам искренне хорошо относятся. Мы это просто чувствуем при всякой встрече с ними. Но они деликатно стараются не вмешиваться во внутренние распоряжения хорватской власти, которая совсем неделикатно старается нас выбросить подальше. Мы убеждены в том, что маленькое вмешательство германских властей в нашу несчастную судьбу послу-

жит нам якорем спасения, явится благим пред Господом делом защиты слабых». Инокиня отмечала, что сестры хотели бы оставаться в Хопове до появления «реальной возможности вернуться в Россию» (44).

Надежды монахинь оказались напрасными. В середине апреля 1943 г. партизаны, коммунисты ночью ограбили обитель, заявив: «Мы еще ничего, а вот придут те, московские, так живыми вам не бывать». На Страстной неделе (22 ап, реля) партизаны подожгли монастырь. Сестры самоотверженно тушили здания обители, но удалось отстоять от огня только храм, 4 кельи, помещение приюта, иконы и священные книги. Вторую половину весны погорельцы прожили в приютивших их семьях сербов из соседнего городка Ирига, понемногу восстанавливая свою обитель. Однако в мае 1943 г. немецкие оккупационные власти все-таки распорядились выслать инокинь в Сербию. Монахиням вместе с их духовниками иеромонахами Тимолаем (Пастуховым) и Никандром (Беляковым) пришлось переехать в Белград и поселиться в общежитии для престарелых. 4 июня Архиерейский Синод РПЦЗ выделил 6 тыс. динар для оказания материальной помощи сестрам. Оставшуюся главную церковь Хоповского монастыря части вермахта взорвали при отступлении в конце 1944 г. Монахини же оставались в Белграде до 1950 г., а затем переехали во Францию (сначала в Фурке, а затем в Провемон, где обитель находится и в настоящее время) (45).

Заявляли русские священнослужители и о необходимости прекратить истребление сербов. Архимандрит Иоанн (Шаховской) позднее вспоминал: «Была также попытка с моей стороны во время войны осведомить Ватикан через баварского кардинала Фаульхабера о начавшемся гонении на православную Церковь в Хорватии и мученичестве православных сербов... Я имел достоверные сведения о совершившемся в нововозникшем Хорватском государстве погроме православных священников и церквей. Православных сербов хорваты убивали и изгоняли из родных селений, причем усташам Па-

велича в этом деле помогала - говорим это со скорбью - и часть римо-католического клира в Хорватии... В начале этого похода против православия я поехал в Мюнхен и через одну немецкую семью, близкую к кардиналу Фаульхаберу, передал ему все, что знал о положении в Хорватии, за достоверность чего ручался, и просил его без промедления сообщить это в Рим. Просил передать, что Римская Церковь имеет силу и призвана возвысить свое слово. И если она не остановит своих пастырей и мирян, обезумевших от безчеловечия, - следствия этого будут тяжки и для самой Римской Церкви» (46).

Югославское правительство в изгнании, архиереи Сербской Православной Церкви также обращались с протестами к Ватикану и иностранным католическим кругам. Подобные заявления делали, конечно, и представители других православных Церквей, в том числе союзных Третьему рейху Болгарии и Румынии. Так, 10 декабря 1941 г. международная служба Германской Евангелической Церкви сообщила в свой МИД, что к ней обратился крупнейший болгарский теолог профессор протоиерей Стефан Цанков с протестом от имени всего православного мира против «жестокого преследования православной Церкви в Хорватии» и просьбой оказать помощь. Международная служба поддержала эту просьбу. МИД, понимая, что дальнейшее невмешательство в акции усташей сильно подрывает германский престиж в православном мире, был вынужден отреагировать. Кроме того, немцы хотели скорейшего «замирения» населения Хорватии, что позволило бы им перебросить свои войска из этой страны на фронт.

Третьей причиной реакции германских властей было нежелание дальнейшего резкого усиления позиции католической Церкви в Хорватии. Еще на проходившем 22-23 сентября 1941 г. в Берлине под председательством шефа гестапо Мюллера совещании разработчиков церковной проблематики подразделений РСХА в докладеunterштурмбанфюрер-

ра СС Вандеслебена «Проблематика восточных Церквей и служебно-информационные выводы» говорилось о необходимости поддерживать православных «в качестве противовеса» католикам в Хорватии: «Там по побуждению Римской Церкви был убит ряд православных священников. Это проишествие необходимо использовать, чтобы настраивать различные группы друг против друга. В данном случае со стороны полиции безопасности оказывается поддержка православным, так как римо-католики постоянно расширяют область своего влияния и захватывают ведущие позиции, в то время как православные находятся в меньшинстве» (47). Еще ярче негативная позиция нацистского руководства в отношении католицизма в Хорватии проявилась в докладе шефа полиции безопасности и СД Гейдриха рейхсфюреру СС Гиммлеру от 17 февраля 1942 г. Гейдрих писал в нем об убийстве «садистскими методами» около 300 тыс. православных и резко критиковал насильтвенное окатоличевание, которое усиливает католическую Церковь (48).

2 декабря 1941 г. немецкий посол в Загребе Зигфрид Каше в своем сообщении в Берлин впервые упомянул об идее создания Хорватской Православной Церкви. В начале 1942 г. германское посольство уже получило задание оказать давление на главу Хорватии Павелича. 7 февраля Каше встретился с поглавником и в ходе беседы о путях скорейшего замирения населения страны предложил основать самостоятельную Хорватскую Православную Церковь. В тот же день посол телеграфировал в Берлин о том, что имел длительный разговор с Павеличем и тот пошел на некоторые изменения своей позиции: «Поглавник разрешит православную Церковь в Хорватии... Первые шаги он предпримет в скором времени. По этому вопросу он выскажет свою точку зрения перед собирающимся в середине февраля собором. Относительно безчинств усташей и полиции он тем временем предпринял дальнейшие меры для их прекращения» (49). Первым точку зрения о том, что идея создания Хорватской Православной

Церкви в годы Второй мировой войны имела немецкое происхождение, высказал в 1978 г. историк Ф. Йелич-Бутич (50). Хотя при этом стоит отметить, что о необходимости образования подобной Церкви еще в 1861 г. впервые заявил хорватский политик Евгений Кватерник (1825-1871 гг.) 51. Фактическим руководителем «проекта» создания Хорватской Православной Церкви был начальник германской службы безопасности (СД) в Хорватии Ганс Хелм. В реализации замысла также активно участвовали уполномоченный 6-го отделения СД в Хорватии А. Кунгел и немецкий специалист по русской эмиграции М. Шумахер. Последний вел переговоры со многими русскими эмигрантами, из которых особенным сторонником создания Хорватской Церкви проявил себя протодиакон Алексий Борисов (52).

Уступки православной Церкви в НГХ были вызваны не только давлением германских ведомств, но и невозможностью полностью решить проблему 2 млн сербов - всех убить, изгнать или заставить перейти в католичество. Один из ведущих современных историков Хорватии Юре Кришто спрашивали отмечал: «Главной причиной создания Хорватской Православной Церкви была международная политическая ситуация. Политикой репрессий и гонений не удалось достичь многоного в решении «сербского вопроса» в Хорватии» (53). Непреодолимым препятствием оказалось мужественное сопротивление сербского народа, разгоравшаяся партизанская борьба (с 1942 г. в ней участвовало довольно много хорват). При этом основные цели Сербской Православной Церкви здесь совпадали с устремлениями партизан: освобождение Хорватии от господства усташей, итальянцев, немцев и окончание этнических гонений.

Кроме того, коммунистическое партизанское движение на большей части Хорватии было единственной политической силой, которая могла обеспечить безопасность православного клира (монархически ориентированные четники Д. Михайловича действовали главным образом на территории

Сербии). Уже в 1941 г. партизаны умело использовали свое влияние на часть духовенства и даже расширили его. Группа православных священников вступила в партизанские отряды, например известный протоиерей Милан Смилянич. В конце 1942 г. в партизанском движении на территории НГХ имелись так называемые религиозные референты: 7 православных и 2 мусульманских (но ни одного католического). В то же время эти священники не смогли воспрепятствовать постепенной эволюции партизан в направлении ко все более жёсткому следованию коммунистической идеологии (54).

Таким образом, основание автокефальной Хорватской Православной Церкви со стороны Павелича было, как признавал и германский МИД, только вынужденным политическим маневром. Впервые о необходимости создания такой Церкви поглавник заявил на заключительном заседании Хорватского государственного собора 28 февраля 1942 г., из 205 депутатов которого только 3 были православными. Он отметил: «Православная Церковь во всем мире православная Церковь. Она станет пользоваться полной свободой и в Хорватии, если будет находиться под контролем Хорватского государства и его органов, однако зависимую от Сербии православную Церковь не допустят. Переход из православия в католичество не будет принудительным. Известно, что в этом вопросе имели место эксцессы, которые, однако, были отвергнуты и осуждены правительством» (55). Интересно прокомментировал новую ситуацию немецкий генерал в Хорватии Г. Хорстенау в своем докладе в ОКВ от 25 февраля 1942 г.

Он указал, что хорватское правительство теперь хочет «искать выход» (из внутреннего кризиса страны) не в принудительном католичевании, а в восстановлении православной Церкви во главе с собственным Патриархом, полностью отделенной от Сербского Патриархата, которая долгое время будет испытывать недостаток в священниках (большей частью убитых) и в храмах (в основном разрушенных). Коман-

дующий хорватскими войсками маршал Славко Кватерник категорично высказался за это решение. Другие члены правительства еще, правда, надеются на унию православных с Римом, над достижением которой Ватикан уже давно работает. Неблагоприятное правовое положение православных пока не улучшилось, за 4 недели до Рождества (по юлианскому календарю) им запретили вход в немногие еще остававшиеся церкви. Усташа, активными соратниками которых являются католические капелланы, также не прекратили грабежи и убийства. Не проходит недели, которая бы не сопровождалась «очистительными акциями», по возможности скрытыми от немецких глаз.

При этом, по свидетельству генерала, усташа изображали расправы над женщинами и детьми победными военными операциями против партизан (56). В другом докладе Хорстенау от 19 мая 1942 г. приводились новые подробности возникшей противоречивой ситуации: некоторые хорватские руководители, но отнюдь не все, считают, что первоначально выбранный курс, нацеленный на уничтожение сербской части населения, был неудачен. При этом создание по немецкой инициативе и в соответствии с призывом сербских депутатов Хорватского Собора самостоятельной Хорватской Православной Церкви подействовало в основном на хорватскую армию, прекратившую репрессии против сербов. Однако усташа все еще перечеркивают усилия по облегчению возвращения сербских националистов домой из лесов и гор. Уничтожение до сих пор насчитывающего свыше полутора миллионов сербского элемента по-прежнему остается целью руководителей усташей, как минимум среднего и низшего звена (57).

Вскоре после февральского выступления Павелича российский священник (грузинского происхождения) Василий (Васо) Шурлан из Земуна и православный чиновник Петр Лазич из Загреба подали прошение об основании Хорватской Православной Церкви. Оно было рассмотрено прави-

тельством, и 3 апреля министр юстиции и культов М. Пук разрешил регистрацию православной церковной общины в Загребе, председателем которой стал П. Лазич. Общине передали закрытую ранее Спасо-Преображенскую Церковь (58). Создание автокефальной Хорватской Православной Церкви предусматривалось законом от 3 апреля 1942 г. В нем говорилось, что устройство и деятельность новой Церкви будут регулироваться уставом, который утвердит поглавник, а непосредственное ведать ее делами поручалось Министерству юстиции и культов (59). 8 апреля Павелич принял делегацию представителей православной общины в составе о. В. Шурлана, чиновников П. Лазича, Т. Вукадиновича и депутата Д. Якича. Они подали ходатайство о принятии устава Хорватской Православной Церкви, в ходе беседы поглавник выразил согласие с необходимостью проведения организации церковной жизни по всей стране. 11 апреля на богослужении в православном Спасо-Преображенском храме демонстративно присутствовали представители хорватского правительства, усташей и государственного собора. Богослужение совершил о. В. Шурлан, во время службы пел русский церковный хор под управлением регента Александра Ромсаевского (60).

При создании новой автокефальной Церкви в первую очередь возникли сложности с выбором кандидатов на пост ее будущего главы. Все сербские епископы к тому времени оказались убиты или изгнаны из страны. 20 апреля в Загреб приехал из Белграда бывший секретарь епархиального управления в Сремски-Карловци и служащий канцелярии (юридический советник) Сербского Синода Милош Обркнежевич, и в тот же день священник Василий Шурлан пригласил его на прием к Павеличу для беседы о возможных способах создания Хорватской Православной Церкви. В ходе разговора о. В. Шурлан предложил создать православное ведомство под контролем Министерства юстиции и культов. По свидетельству Обркнежевича, он заявил о необходимости вступить в

контакт с Сербской Церковью, но поглавник ответил, что с Сербским Патриархатом вместе ничего обсуждать не хочет и ничего делать не будет. После обсуждения ситуации было решено, что в НГХ создадут 2 архиепископства: в Загребе и Сремски-Карловци; митрополита назначат только в случае подбора подходящей кандидатуры, а до этого времени руководство Церковью возглавит администратор; будет принят устав в духе законов НГХ; всякий сербский священник, желавший вернуться в Хорватию, получит на это согласие, причем ему возвратят все конфискованное имущество, и поглавник лично гарантирует безопасность таким возвращенцам. Разъясняять этот указ и набирать духовенство было поручено П. Лазичу, комиссию по подготовке устава возглавил Обркнежевич (61).

Следует отметить, что при разработке проекта создания Хорватской Православной Церкви немцы рассчитывали на вынужденное признание её Сербской Православной Церковью, планировалось даже санкционировать переезд некоторых сербских архиереев в Загреб для участия в организации Хорватской Церкви. Видимо, оказывалось давление на сербское правительство Недича, так как, когда 22 апреля епископы Нектарий и Вениамин посетили министра образования, чтобы сообщить о негативном отношении Сербского Синода к возможному созданию Хорватской Православной Церкви, министр неожиданно заявил: «Я считаю лучшим выходом, если один из сербских епископов пожертвует собой и поедет в Хорватию, чтобы спасти местный сербский народ».

Министр, в частности, предложил поехать епископу Зворникско-Тузланскому Нектарию, так как его епархия находилась на территории НГХ. Однако владыка ответил категорическим отказом, дав понять, что он не меняет своих убеждений в соответствии с коньюнктурой (62). 30 апреля Священный Архиерейский Синод Сербской Православной Церкви принял определение о непризнании образования неканоничной Хорватской Православной Церкви, о чём из-

вестил всех сербских архиереев, М. Недича, сербского министра образования и Архиерейский Синод РПЦЗ. Однако это постановление оказалось невозможno отправить, как планировалось, в Константинополь (Стамбул), Румынию и Грецию. Немецкие военные власти потребовали полностью удалить часть текста, в которой говорилось о преследованиx Сербской Православной Церкви и сербского народа, на что Синод не согласился. Он не смог даже опубликовать постановление в своем печатном органе «Гласнике» в связи с запретом немецкой цензуры (63).

3 мая 1942 г. в Белград приехали М. Обркнежевич, П. Лазич и священник из Земуна Борислав Деянович для вербовки православных священнослужителей, в том числе епископов, желавших поехать в Хорватию. 4 мая Обркнежевич, используя свои старые связи, встретился в Сербской Патриархии с главным секретарем Священного Синода протоиереем Николаем Алагичем и передал ему список из 20 русских и 42 сербских священнослужителей (в том числе 29 священников, 11 монахов и 2 преподавателей богословия), которые пожелали служить в Хорватской Православной Церкви. Обркнежевич заявил, что он пошел на сотрудничество с хорватскими властями, чтобы спасти сербские церкви, монастыри, верующих, и выразил желание встретиться с заместителем Патриарха митрополитом Иосифом, однако владыка его не принял. Сербские архиереи, по словам митрополита Иосифа, «отвергли всякое общение с такими перебежчиками» (64). После провала поездки Обркнежевича в Белград была предпринята неудачная попытка создать Синод Хорватской Православной Церкви во главе с администратором священником Василием Шурланом, который официально стал советником Министерства юстиции и культа (65).

Между тем на территории НГХ в монастыре Хопово проживали 2 православных архиерея - русские архиепископы Феофан (Гаврилов) и Ермоген (Максимов). На тревожный запрос митрополита Анастасия об их возможном участии в

создании неканоничной Хорватской Православной Церкви владыка Ермоген в ответном письме от 29 апреля просил успокоить заместителя Сербского Патриарха митрополита Иосифа, указав, что «мы, ценя услуги Сербской Патриархии для Церкви нашей заграничной, не сделаем ничего для подобного» (см. приложение, документ 1). В заключение архиепископ отметил, что это возможно лишь по указанию Архиерейского Синода РПЦЗ и с согласия Сербской Церкви. 25 мая митрополит Анастасий сообщил об ответе владык в Сербский Синод (66).

Первоиерарх РПЦЗ еще с начала апреля добивался разрешения на поездку архиепископов Феофана и Ермогена в Белград для участия в заседании Архиерейского Синода по поводу образования Среднеевропейского митрополичьего округа, но хорватские власти, преследуя свои цели, этому всячески препятствовали. В результате владыка Анастасий был вынужден 13-16 мая письменно обратиться к архиепископам с просьбой изложить их мнение о создании митрополичьего округа письмом. 26 мая архиепископы Ермоген и Феофан написали в Синод о своем положительном отношении к решению этого вопроса. В конце концов даже германский МИД, признавший необходимость образования митрополичьего округа, 5 июня 1942 г. отправил телеграмму в Загреб о своем согласии с поездкой архиепископов из Хопова в Белград (67).

Однако события к тому времени приняли новый неожиданный оборот, резко изменивший ситуацию: 81-летний архиепископ Ермоген стал главой Хорватской Православной Церкви. В переговорах с ним главную роль сыграл Обркнежевич, которого владыка лично хорошо знал по Сремски-Карловци. Ещё в апреле 1942 г. после разговора в Загребе с Хелмом и Кунгелем Обркнежевич приехал в Хопово для беседы с архиепископом. Однако во время первой встречи владыка заявил, что возглавит Хорватскую Церковь только в случае его избрания Собором и получения согласия Серб-

ской Церкви-Матери, фактически выгнав посетителя (68). Состоявшееся через несколько недель второе посещение Обркнежевичем архиепископа Ермогена было более успешным. Как позднее писал Обркнежевич в своей книге «Развитие православия в Хорватии и Хорватская Православная Церковь», интернированный немцами в монастыре Войловица Сербский Патриарх Гавриил негласно одобрил выбор владыки Ермогена главой Хорватской Церкви и лишь категорически высказался против его титулования Патриархом, кроме того, Первосвятитель Гавриил якобы написал своему заместителю митрополиту Иосифу о необходимости в свете новых обстоятельств сделать всё возможное для благоустройства православия в Хорватском государстве (69).

Однако найти соответствующие документы не удалось. Сам Патриарх Гавриил в разговоре в феврале 1945 г. в Зальцбурге с одним из румынских митрополитов осудил его помощь Хорватской Православной Церкви: «Не было никакого оправдания участия в этом Румынской Церкви и помощи усташам в насилии. По моему мнению, Румынская Церковь согрешила в своей христианской любви» (70). Выслушав заверения Обркнежевича о согласии Патриарха Гавриила, владыка Ермоген был удовлетворен этим и только тогда решился принять предложение хорватского правительства. Архиепископу были переданы письмо начальника отдела культов Радослава Главаша и устные поздравления Павелича и министра юстиции и культов М. Пука. Владыке обещали зарплату 15 тыс. кун и дополнительную выплату 20 тыс. кун на представительские нужды ежемесячно. Кроме того, Обркнежевич сказал архиепископу, что его зовут русские общины в Загребе и Осиеке и, вероятно, появившаяся в Хорватии казацкая дивизия, а на случай отказа владыки есть второй, якобы уже выразивший согласие кандидат на пост главы Хорватской Церкви - румынский митрополит Виссарион (Пуи) (71).

Архивные документы свидетельствуют, что владыка Ермоген уступил давлению немцев и хорватских властей, шан-

тажиуемый угрозой дальнейших жесточайших преследований сербов. В сообщении германского посольства из Загреба от 26 июня 1942 г. говорилось: «Ему дали понять, что православным придется плохо, если он не примет должности» (72). В другом сообщении посольства от 28 июля подчеркивалось, что архиепископ Ермоген принял службу «только под давлением и чтобы, насколько возможно, избавить православное население от дальнейших жестоких преследований» (73). Оригинальное объяснение поступку владыки Ермогена дал главный редактор выходившего в Белграде русского журнала «Церковное обозрение» Е. И. Махарабидзе. Он написал, что архиепископ возглавил Хорватскую Церковь как «специалист по церковным канонам, всегда идущий навстречу образованию самостоятельных Церквей» (74). Обркнежевич же в своей упоминавшейся книге отметил: «Необходимо подчеркнуть, что владыка Гермоген годами монашествовал и не был честолюбивым, обладал он общеизвестной высокой моральной и духовной чистотой. Его согласие возглавить Хорватскую Православную Церковь представляло огромную жертву. Сделал он этот выбор, побуждаемый христианскими и гуманными началами» (75).

29 мая архиепископ Ермоген в сопровождении о. В. Шурлана, благочинного игумена Мирона (Федерера), П. Лазича, советников Обркнежевича и Д. Мирковича встретился с Павеличем в его резиденции. Они обсудили будущую организацию православной Церкви, причем владыка говорил о необходимости открытия храмов (76). 5 июня 1942 г. поглавник утвердил устав Церкви из 123 статей и назначил владыку Ермогена митрополитом Загребским и всей Хорватской Православной Церкви. В соответствии с уставом новая автокефальная Церковь должна была состоять из 4 епархий - Загребской митрополии с кафедрой в Загребе (включала 6 благочиний) и 3 епископств: Сараевского с кафедрой в Сараево (4 благочиния), Петровацкого с центром в Босански-Петроваце (7 благочиний) и Бродского с кафедрой в Босански, Броде (3

благочиния), а также архиерейских наместничеств и приходов. Предусматривались выборы Патриарха, но первых епископов и первого Патриарха должен был назначать лично Павелич. Верховной властью в Хорватской Церкви формально считались Патриарх и Архиерейский Собор. Учреждение Патриаршества было отложено до получения признания Всеянского Патриарха и проведения в мирное время Собора. Согласно уставу, Собору вменялась в обязанность забота о сближении и соединении христианских Церквей (здесь, вероятно, имелась в виду будущая уния с католической Церковью). По свидетельству написавшего этот устав Обркнежевича, он взял за основу устав Сербской Православной Церкви с учетом хорватских законов (77).

7 июня состоялась торжественная интронизация митрополита Ермогена в Свято-Преображенской церкви Загреба (в этот сан владыку ввел не архиерей, а настоятель храма священник Серафим Купчевский), а 8 июня владыка в присутствии представителей хорватского правительства и делегации православного духовенства принёс перед Павеличем присягу в верности хорватскому государству, его главе и законам. Церемония отличалась подчеркнутой помпезностью. Перед резиденцией поглавника был выстроен почётный караул его личной стражи, который отдал митрополиту воинские почести (78). 7 июля митрополит Ермоген в сопровождении своего секретаря Обркнежевича и иеромонаха Вениамина (Павловского) посетил Хорватский государственный собор, где имел продолжительную беседу с его председателем Марко Дошеном. Интересно, что Г. Хелм в донесении своему начальству от 9 июня 1942 г. весьма сдержанно отозвался о владыке Ермогене в качестве митрополита Загребского, отметив возможные негативные последствия, так как «он - эмигрант из России с панславянской ориентацией» (79).

Ближайшими помощниками митрополита Ермогена стали в основном русские священники. Ввиду отсутствия епископов владыка в мае 1942 г. на, значил 4 архиерейских намест-

ников (все они были русскими эмигрантами): священника Серафима Купчевского - в Загреб, архимандрита Николая (Руж, нецова) - в Сараево, священника Анатолия Парадиева - в Зеницу иproto, иерея Василия Юрченко - в Шид. Секретарем владыки был Обркнежевич, референтом церковных дел - протоиерей Иосиф (Йоцо) Цвиянович, а священнослужителями при митрополите - Вениамин Романов и Алексий Борисов (80).

Первыми признали новый титул владыки Ермогена, помимо загребского прихода, русская община и казачий атаман в Сараеве. Митрополита поддержали и отдельные (далеко не все) деятели четников, особенно активно командир отряда «Кочич» У. Дренович. Сербское же духовенство и міряне на территории Хорватии в основной массе создание новой Церкви отвергло. Так, например, в Зворникско-Тузланской епархии её признали лишь 7 священников. В середине ноября 1942 г. состоявшееся в боснийском городке Српска Ясеница (совр. Ясеница) собрание помогавших партизанам православных священнослужителей постановило, что они остаются верными Сербской Церкви и единогласно осуждают Хорватскую Церковь как порождение усташей и инструмент денационализации. Собравшиеся также высказались против “белогвардейского беглеца, самозваного митрополита Ермогена”, назначение которого Павеличем главой Хорватской Церкви является “снобом и унижением для православия”. Подобным образом выразился и ЦК Коммунистической партии Хорватии: Хорватская Православная Церковь является обманом, призвавшие её священники - “предателями” (81).

Сербская Церковь реагировала на преследования православных и создание Хорватской Православной Церкви неоднократными протестами и обращениями к сербскому премьер-министру М. Недичу и немецкому командованию в Сербии. Так, в конце мая 1942 г. Патриархия направила в правительство Сербии протест в связи с грабительским захватом Хорватским государством собственности Сербской Церкви.

8 июня министр образования поддержал этот протест и переслал его в штаб командующего немецкими войсками в стране. После этого уполномоченный германского МИДа в Белграде Бенцлер встретился с епископом Зворникско-Тузланским Нектарием и выяснил, что Сербская Церковь после распада Югославии считает себя хранительницей единства страны, не признаёт и в ближайшем будущем не признает Хорватской Православной Церкви, которой передана собственность Сербской Церкви в НГХ.

В своем докладе в МИД от 9 ноября 1942 г. Бенцлер полагал, что сейчас не следует заниматься этим вопросом. Шеф полиции безопасности и СД 31 декабря на соответствующий запрос также ответил, что внесение ясности в данное дело в настоящее время представляется нецелесообразным. В результате германский МИД 13 января 1943 г. указал Бенцлеру в подходящей форме отклонить ходатайство Министерства образования Сербии (82). 4 августа 1942 г. Сербский Синод принял новое постановление по делу создания автокефальной Православной Церкви в Хорватии: 1. Подтвердить решение от 30 апреля о непризнании Хорватской Православной Церкви, как неканоничной и основанной вопреки желанию местного сербского населения и архиереев. 2. Рассматривать запрещающее архиепископа Ермогена определение Синода Русской Православной Церкви как свое собственное, просить митрополита Анастасия продолжить судебный процесс над архиепископом, вынести решение и передать соответствующие документы Сербскому Синоду. 3. Разослать это постановление всем сербским архиереям с рекомендацией, чтобы архипастыри довели его до сведения всех священников, а те, в свою очередь, - верующих. Следует отметить, что, добыв протокол этого заседания Синода, германский МИД переслал его в СД (83).

Немецкое посольство в Загребе неоднократно извещало свое начальство о деструктивной деятельности Сербской Церкви в НГХ. 11 июня 1942 г. посол писал, что отношение

хорватского правительства к образованию самостоятельной Хорватской Церкви удовлетворительное, но эти устремления наносят вред Сербской Православной Церкви и сербскому населению. Поэтому надо учитывать, что из-за сопротивления с сербской стороны мероприятиям хорватского правительства по всем направлениям примирения двух стран пока не будет. В связи с этим посол предлагал унифицировать германское отношение к православным Церквам в Сербии, НГХ и других балканских странах и согласовать данную позицию с общей политикой в регионе, прогнозируя в противном случае неудачу религиозной политики (84). 22 октября посольство сообщало в германский МИД об опасности устремлений Сербской Церкви охватывать всё православное население на отошедших от Сербии территориях.

Оно отмечало, что с учётом национальной роли Сербской Церкви подобные требования представляют попытку приобрести политическое влияние на указанное население. Наконец, в декабре 1942 г. посольство писало, что Сербский Синод, как и раньше, стремится сделать германское правительство ответственным за преследование православных сербов в НГХ или как минимум отвести ему роль третейского судьи. Поэтому всякое дальнейшее преследование сербского элемента в НГХ будет истолковано Сербской Православной Церковью как нежелание или неспособность немецкого правительства вмешиваться в это дело. С другой стороны, стремление правительства Германии использовать Сербскую Церковь для замирения занятых территорий не увенчается значительными успехами, пока будет существовать впечатление, что правительство не хочет серьёзно заниматься её частично обоснованными жалобами (85). Это противоречие германские власти так и не смогли преодолеть.

Все возможные препятствия деятельности Хорватской Православной Церкви чинили и сербские архиереи за границей. Так, проживавший в США епископ Дионисий 18 октября 1942 г. написал и отправил государственному секретарю ме-

морандум “Квислингское порождение - Хорватская Православная Церковь”, в котором писал о преследованиях сербов и подчёркивал, что “православных хорватов не существует” (86). Хотя немцы имели своих осведомителей в руководящих органах Сербской и Русской зарубежной Церквей, они не ожидали их резко негативной реакции на создание Хорватской Православной Церкви.

Председатель Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Анастасий категорически не признал образования неканонической Церкви и ещё до официального вступления архиепископа Ермогена в новую должность запретил его в священнослужении. После воскресного богослужения в белградской Свято-Троицкой церкви митрополит с амвона сообщил прихожанам о решении Архиерейского Синода от 6 июня исключить архиепископа Ермогена из состава Синода и духовенства РПЦЗ, запретить в священнослужении и при первой возможности (наличии полагающегося состава епископов) предать его церковному суду. В тот же день в Свято-Троицкой церкви владыка Анастасий, по свидетельству прихожан, “весьма резко осудил и само государство Хорватию с его жестокими гонениями православных сербов, за что сам подвергся преследованию со стороны гестапо, как за явное возбуждение общественного мнения против союзного Германии государства” (87).

6 июня митрополит Анастасий письменно известили о решении Архиерейского Синода заместителя Сербского Патриарха митрополита Иосифа, отметив, что он был очень удивлён поступком архиепископа Ермогена. 9 июня Первовиерарх РПЦЗ написал о случившихся событиях в Софию русскому архиепископу Серафиму (Соболеву), попросил известить о них Болгарскую Православную Церковь и отметил, объясняя запрещение архиепископа Ермогена тем, что “необходимость принять срочные меры для предотвращения дальнейшего соблазна и сохранения братских отношений с Сербской Церковью” (см. приложение, документ 2). Через 2

дня Первоиерарх РПЦЗ написал об этом Епископскому совету при Управляющем русскими православными общинами в бывшей Югославии (см. приложение, документ 3).

Напечатать или объявить о решении Архиерейского Синода где-либо кроме русских церквей немецкие власти не разрешили. Так, в телеграмме представителя германского МИДа в Белграде Бенцлера своему начальству в Берлин от 16 июня 1942 г. говорилось о просьбе посольства в Загребе помешать митрополиту публично выступить против православной Церкви в НГХ. Бенцлер сообщил, что по его настоянию цензура воспрепятствовала публичному выражению мнения митрополита Анастасия, а митрополиту дали знать о желательности его отказа от всякого высказывания позиции против Хорватской Православной Церкви в проповедях и т. п. (см. приложение, документ 4). Немцы несколько раз безрезультатно пытались воздействовать на главу РПЦЗ, чтобы тот отменил свои прещения. После разговора с Павеличем владыка Ермоген по совету Г. Хелма обратился в Архиерейский Синод с просьбой признать его и не наказывать за самовольные действия, но митрополит Анастасий лишь известил об этом письме Сербский Синод.

Первоиерарх РПЦЗ вызвал митрополита Ермогена в Белград, надеясь при личной встрече “вразумить” его, но последний от этого уклонился, считая, что “переговоры не приведут к позитивным результатам, так как Анастасий был односторонне проинформирован со стороны православного сербского митрополита” (88). В свою очередь, хорватские власти просили германское правительство предпринять необходимые шаги для организации поездки митрополита Анастасия в Загреб с целью урегулировать отношения с митрополитом Ермогеном, однако из этого также ничего не вышло (89).

Верность главы РПЦЗ Сербской Церкви оказалась сильнее давления оккупационных властей. Архимандрит Иоанн (Шаховской) так охарактеризовал действия владыки Ермогена: “Удар для православной Церкви Сербии, сильно пострадав-

шей во время войны. И это после того, как Сербская Церковь великодушно приняла под свое покровительство епископов Карловацкого синода” (90). Следует отметить, что к сотрудничеству с Хорватской Церковью не удалось склонить архиепископа Феофана, которому почти год препятствовали покидать монастырь Хопово и даже предлагали пост митрополита. 17 августа 1942 г. германский МИД, учитя ходатайство митрополита Анастасия, просил своё посольство в Загребе получить разрешение на поездку архиепископа Феофана в Белград. Однако 27 августа немецкое посольство ответило, что эта поездка представляется руководству НГХ нежелательной. Владыка Феофан смог осуществить переезд только 15 октября 1942 г. (91)

В дальнейшем между Архиерейским Синодом и митрополитом Ермогеном произошли 2 острых конфликта. Первый из них касался русских церквей в Сараеве, Земуне и Црквенице, находившихся под юрисдикцией РПЦЗ. Митрополит Ермоген потребовал от этих приходов поминать за богослужением его и Павелича, угрожая полицейскими акциями. Рассмотрев этот вопрос 14 декабря 1943 г., Архиерейский Синод РПЦЗ решил установить в надлежащих местах богослужения по форме: “Независимую державу Хорватскую и поглавника ея”, поминование же митрополита Ермогена, как не находящегося в молитвенном общении с Русской Православной Церковью за границей, признать невозможным (92).

Синодальная канцелярия обратилась 29 декабря 1943 г. к уполномоченному германского МИДа по Юго-Востоку Нойбахеру, прося защитить религиозную свободу русских приходов от притязаний и притеснений хорватского правительства. Управляющий канцелярией Г. Граббе отмечал, что в Сербии положение русских общин совсем другое, чем в НГХ: на основе межцерковного соглашения в русских храмах Сербии кроме собственных архиереев поминают и сербских епархиальных епископов. 31 декабря Нойбахер сообщил об этом ходатайстве в МИД, рекомендовав воспрепятствовать

требованиям митрополита Ермогена, “учитывая культурно-политически очень благопристойную позицию Патриарха Анастасия в Белграде”. Согласившись с этим предложением, германский МИД 7 февраля 1944 г. указал посольству в Загребе воздействовать на митрополита Ермогена. 24 февраля посольство ответило, что в хорватском правительстве к требованиям митрополита относятся пассивно и не будут применять принудительные меры, а начальник отдела культов сообщил о терпимом положении русских церквей в НГХ.

В свою очередь, имеются основания подозревать русского священника в Сараево в вербовке прихожан для своего храма среди членов Хорватской Православной Церкви. Воздействие же на митрополита Ермогена в смысле принуждения его отказаться от требований невозможно, правда, он не имеет средств, чтобы эти намерения осуществить (93). Такой ответ не устроил МИД, и 10 марта он повторно рекомендовал посольству в форме, которая не повредила бы немецким связям с митрополитом Ермогеном, воздействовать на архиерея, так как русским церквам в НГХ угрожают закрытием, если в них не станут поминать митрополита (поминование поглавника в этих храмах к тому времени уже было введено). Повторное требование подействовало, и 6 апреля 1944 г. посольство сообщило в МИД, что оно рекомендовало митрополиту Ермогену не выдвигать дело на передний план. Митрополит выразил согласие, поскольку русские священники и так уже имеют его предписания. К тому же хорватское правительство по-прежнему относится к этому делу пассивно (94).

Таким образом, Архиерейский Синод отстоял свои церкви в НГХ. Правда, из прежних 5 русских приходов, оказавшихся на территории этой страны, под юрисдикцией РПЦЗ осталось только 3: сараевский св. князя Александра Невского во главе с настоятелемprotoиереем Алексием Крыжко, земунский св. архангелов Михаила и Гавриила с настоятелемprotoиереем Виталием Лепоринским и црквеницкий (приход в Сремски-Карловци фактически перестал существовать,

а загребский перешел под юрисдикцию Хорватской Церкви). Кроме того, часть новосадского прихода, проживавшая в г. Петроварадине, оказалась на территории НГХ отрезанной от своего храма. Хорватские власти осенью 1941 г. предоставили русской общине в Петроварадине для проведения богослужений бывшую сербскую военную церковь. Самым значительным из указанных приходов являлся сараевский. В этом городе в 1920-1929 гг. находился русский кадетский корпус, для которого в марте 1921 г. была устроена домовая церковь во имя св. князя Александра Невского, вскоре появился русский участок на военном кладбище. После того как корпус покинул 5 сентября 1929 г. Сараево, закрылась и церковь, но уже в 1930 г. в городскую больницу был назначен протоиерей А. Крыжко, который возродил русский приход. В 1932 г. приход снял помещение бывшей мастерской на ул. Деспича, д. 6, где и устроил новую домовую церковь. В это время в Сараеве проживали 616 русских, но в приходе состояли около 100 семей. В 1934 г. при храме открылась воскресная школа, в создании которой главную роль сыграло сестричество во главе с Е. Н. Пелипец, регентом прекрасного церковного хора была К. П. Камат, казначеем - А. Н. Богатырев, а церковным старостой - Б. П. Викентьев.

В сентябре 1933 г. русский храм посетил Сербский Патриарх Варнава, а летом 1938 г. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий. В связи с убийством в 1934 г. югославского короля Александра I Карагеоргиевича в церкви был устроен киот, увенчанный гербами России, Югославии и вензелем короля (в период оккупации югославский герб и вензель укрыли за широкой траурной чёрной тесьмой). После закрытия в 1941 г. почти всех православных храмов Сараева многие сербы ходили молиться в русскую церковь. При этом о. А. Крыжко тайно совершал богослужения в лесу для четников, без страшно исповедовал и причащал борцов против нацистов и усташей (95). В г. Земун, как уже говорилось, в годы войны существовало оставшееся под юрисдикцией РПЦЗ русское

иноческое братство Святого Креста, настоятелем которого служил игумен Лука (Родионов). Даже служивший регентом в русской церкви Земуна сын владыки Ермогена С. Г. Максимов не последовал за своим отцом, остался верным РПЦЗ и в дальнейшем, до конца войны, был псаломщиком при походной церкви Русского корпуса в Югославии.

Связь русских общин НГХ с Белградом или Нови-Садом из-за необходимости получения виз была крайне затруднена. Так, когда в августе 1942 г. митрополит Анастасий назначил в Земун диакона Михаила Толмачева, тот не смог выехать туда из Венгрии. В 1941 г. священники из Нови-Сада ещё могли приезжать для совершения богослужений в Петровградин, однако затем им перестали выдавать хорватские визы. Даже летом 1944 г. приходы РПЦЗ в НГХ всё ещё не перечисляли Архиерейскому Синоду обязательные 10% от церковного дохода. Общая численность прихожан РПЦЗ в НГХ в то время составляла около 6 тыс. человек, которых окормляли 4 священника. При этом хорватские власти официально не признавали Зарубежную Русскую Церковь и лишь терпели её (96).

На территории НГХ действовали части 1-й казачьей дивизии (преобразованной со временем в 15-й кавалерийский казачий корпус) и Русского корпуса, имевших военное духовенство под юрисдикцией РПЦЗ, эти священнослужители нередко совершали богослужения не только для солдат своих частей, но и в православных храмах для русских и сербских прихожан. В частности, корпусной священник Русского корпуса игумен Никон (Рклицкий) 25 января 1945 г. написал митрополиту Анастасию, что он по приглашению настоятеля участвовал в совершении рождественских богослужений и произнесении проповедей в русской церкви Сараева. В этом письме отец Никон дал самую высокую оценку общине и её настоятелю: “Местный русский приход во главе с протоиереем о. А. Крыжко при самых неблагоприятных обстоятельствах сохранил полную каноническую чистоту, чему способ-

ствовала твёрдость настоятеля, неоднократно подвергавшего свою жизнь опасности... Приходская церковь в г. Сараево производит очень благоприятное впечатление по своему благолепию, и чинности, и красоте богослужений. Проживая несколько дней в г. Сараево, я имел возможность убедиться, что протоиерей о. Алексий Крыжко пользуется любовью, уважением и добрым влиянием не только среди своей паствы, но и среди местного населения, как православного, так и не-православного, о чём мне приходилось слышать в трамваях и на улицах от людей, обращавшихся ко мне с вопросами о моём пребывании в г. Сараево" (97).

Ещё один конфликт Хорватской Православной Церкви с РПЦЗ, возникший летом 1944 г., был связан именно с деятельностью духовенства русских частей на территории НГХ. Митрополит Ермоген обратился к командованию 1-й казачьей дивизии с призывом подчинить воинских священников его юрисдикции, перейти при богослужениях на григорианский календарь и возносить молитвы за него и Павелича. Митрополиту Анастасию пришлось снова обращаться к немецким властям, которые помогли отклонить притязания Загребского митрополита (98). В целом же германские ведомства старались поддерживать владыку Ермогена. Впервые его приняли в посольстве в Загребе 10 июля 1942 г. и обещали всячески помогать в "тяжёлой работе". В дальнейшем такие визиты стали регулярными. 17 июля 1942 г. немецкий посол Каше даже сам посетил митрополита Ермогена, упомянув в беседе, что, "как и прежде, охотно готов его поддерживать любым образом" (см. приложение, документ 5).

Владыке уже вскоре после вступления в должность удалось несколько улучшить положение православных в НГХ. В июне 1942 г. во время своей поездки в Сирмиум (Сремска-Митровица) он открыл несколько закрытых там ранее храмов. 28 июня церковный староста села Рогожа написал митрополиту Ермогену о закрытии храма, насилиственном перекрещевании и желании прихожан открыть церковь. В

дальнейшем его ходатайство было удовлетворено. В конце июля 1942 г. благодаря усилиям митрополита вышло распоряжение министра юстиции и культов о выплате государственных пособий, назначении жалованья или пенсии, в соответствии с законом о чиновниках, священникам Хорватской Православной Церкви, их вдовам и сиротам. Причём право на получение пособий получили и жившие в стране жёны священнослужителей, находившихся в безвестном отсутствии, высланных или самостоятельно уехавших из НГХ. В конце 1943 г. подобная помощь оказывалась 81 вдове, 42 жёнам священников Сербской Церкви и 38 сиротам (99).

Живший в годы войны в Загребе и хорошо знавший владельцу Ермогена генерал И. А. Поляков 9 марта 1951 г. писал в его защиту епископу Флоридскому Никону (Рклицкому): “По всей Хорватии шло гонение на православных: сжигались церкви, арестовывались пастыри, часть иногда расстреливалась, нередко страдали и русские священнослужители. Единственная сербская церковь в Загребе, ставшая как бы русской, была закрыта. Вступая в управление Хорватской Православной Церковью, архиепископ Гермоген поставил одно условие - прекращение гонений на православную Церковь и других безобразий. Бывший тогда во главе Хорватии доктор А. Павелич эти условия принял и отдал соответствующие распоряжения. Гонения почти сразу утихли, стали открываться церкви и приводиться в порядок, получили и мы, загребчане, нашу церковь назад. Вскоре архиепископ Гермоген становится ходатаем за всех русских, которые новой хорватской властью временно арестовывались не только в одиночку, но и большими партиями и обычно без всяких с их стороны проступков. Таким образом, двери поглавника (доктор Павелич) были всегда для архиепископа Гермогена открыты, он шёл к нему, и его просьбы хорватское правительство, хотя и скрипя сердцем, но всё же выполняло.

Посещая архиепископа Гермогена несколько раз в неделю и часто обсуждая с ним положение и разные вопросы, выдви-

нутые жизнью того времени, я встречал у него много посетителей, осаждавших его разнообразными просьбами. В числе последних нередко были даже русские военные, служившие в войсках доктора Павелича. Владыко во всем старался пойти навстречу, всем старался помочь. Следовательно, принятием возглавления Хорватской Православной Церкви архиепископ Гермоген сделал большое русское дело и спас многих и многих от преследования, тюрьмы, а иногда и смерти” (100). Необходимо отметить, что владыка заступался не только за русских, но и за всех православных, прежде всего за сербов. Обркнежевич об этом писал так: “Как участник основания Хорватской Православной Церкви я глубоко убеждён, что, принимая во внимание тогдашние военно-политические обстоятельства страны, существование этой Церкви оказалось благоприятным для сербов, хорватов и других национальностей на территории Хорватии как в плане религиозно-духовном, так и в общечеловеческом. Наступило общее примирение хорватско-сербского конфликта, и во многих областях переговоры заключались во взаимном признании и национальной терпимости. Хорватская Православная Церковь, возглавляемая владыкой Гермогеном, оказалась защитницей сербов в Хорватии и временным решением в рамках тоталитарного строя, не терпящего Сербскую Церковь как исключительную господствующую организацию соседней Сербской державы” (101).

При этом митрополит был вынужден демонстрировать лояльность к хорватским властям, в полной финансовой зависимости от которых находилась возглавляемая им Церковь. В многочисленных посланиях по случаю церковных праздников, дней создания НГХ, именин Павелича и т. д. митрополит Ермоген призывал православное население страны к повиновению правительству. Так, например, в связи с празднованием в НГХ 15-16 августа 1942 г. дня жатвы в православных храмах страны в праздник Успения Божией Матери (15 августа по новому стилю) были совершены богослужения

с благодарственными молебствиями. Митрополит Ермоген выступил по случаю праздника с посланием: “В этот день все мы вознесём свои тёплые молитвы Творцу Вседержителю за счастье и лучшее будущее нашего народа, нашего дорогого Отечества Хорватского и за здоровье и долголетие нашего державного главы государства - поглавника”. 3 октября владыка Ермоген совершил в загребском храме молебен в связи с восшествием на престол болгарского царя Бориса, а 13 декабря 1942 г.- благодарственный молебен по случаю дня ангела “вождя” украинского националистического движения в НГХ полковника Андрея Мельника (102). В сентябре 1943 г. митрополит Ермоген высказался против состоявшегося в Москве избрания Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского) (103).

С самого начала Хорватская Православная Церковь испытывала нехватку священнослужителей. Первым из них фактически стал земунский священник Василий Шурлан, который ещё в марте 1942 г. подал властям прошение о создании новой Церкви. Согласно же документам Загребской митрополии первым 25 июня 1942 г. на приход в Копривнице был поставлен священник Владимир Соколов, назначение которого утвердило и Министерство юстиции и культов. Именно отдел культов этого министерства принимал окончательные решения о поставлении духовенства, направляя их затем в Загребскую митрополию. Однако порой митрополит Ермоген проявлял самостоятельность и издавал свои распоряжения о назначении священников, расходящиеся с министерскими. Административная деятельность владыки отличалась многообразием: он объезжал приходы, освещал открываемые церкви и т. д. При этом митрополит Ермоген достаточно критически относился к деятельности усташей (их надзорная служба тайно за ним следила).

Реальная власть митрополита оказалась небольшой, обо всех уступках в пользу православных он был вынужден ходатайствовать перед германскими и хорватскими властями.

Так, в 1942 г. владыка просил немецкого посла Каше помочь Хоповскому женскому монастырю. Служебный автомобиль митрополиту Ермогену предоставили только в 1944 г., что не свидетельствует об особом благоволении к нему хорватских властей. 20 июля 1944 г. немецкое посольство в своем обзоре отмечало, что Хорватская Православная Церковь ведёт себя осторожно и митрополит Ермоген полностью зависит от Министерства юстиции и культов. Некоторые верующие писали владыке: “Вы, преосвященный, обычная фигура, которой власти помыкают, как хотят” (104).

Это было не совсем так, митрополиту Ермогену всё таки удавалось добиваться заметных уступок. С осени 1942 г. православные священники начали преподавать Закон Божий в некоторых хорватских школах; начал издаваться составленный по григорианскому стилю православный календарь “Огниште” (Огнище). В первом календаре на 1943 г. были помещены фотографии и цитаты из выступлений Павелича, в календаре на 1944 г. выделялась антибольшевистская статья “Православная Церковь в СССР”. В октябре 1944 г. был издан последний календарь на 1945 г. В нём опубликовали произведение одного из известных православных богословов, бывшего епископа Далматинского Никодима (Милаша), однако в обширной вступительной статье редактора календаря С. Стедимлии говорилось о смысле и значении “светосавия” и негативной политической роли Сербской Православной Церкви в прошлом и настоящем (105). С начала апреля 1944 г. в Загребе 2 раза в месяц выходила газета “Глас Православия”, которая была задумана для содействия объединению православного населения (последний, 14-й номер появился 15 апреля 1945 г.). 13 октября 1943 г. хорватский премьер-министр Н. Мандич впервые ввёл в правительство православного министра (без портфеля), адвоката из Сараева доктора наук С. Бесаровича. Продолжалось восстановление закрытых и частично разрушенных в 1941 г. православных храмов. 6 июля 1943 г. в селе Релево вблизи Сараева была

открыта церковь во имя свт. Николая Чудотворца. Освящение и торжественное богослужение в храме в присутствии начальника местного гражданского управления совершил иеромонах В. Радованович.

Митрополит Ермоген безуспешно пытался добиться признания Хорватской Церкви со стороны Поместных православных Церквей. Первоначально владыка обратился к Константинопольскому Патриарху, однако добиться признания у него не помогла даже активная помощь Министерства иностранных дел НГХ. Затем митрополит написал главам Болгарской и Элладской Церквей. Единственный положительный комментарий о реакции в православном міре прозвучал в хорватской прессе относительно Болгарского Синода, который якобы “с радостью приветствовал основание Хорватской Православной Церкви” (106). 27 июля 1942 г. митрополит Ермоген сообщил служившему в Стамбуле настоятелем прихода при русском подворье Афонского скита св. пророка Илии архимандриту Серафиму (Палайде) о создании Хорватской Православной Церкви и предложил о. Серафиму пост епископа в ней. Владыка Ермоген просил архимандрита в случае принятия этого предложения получить разрешение на поездку в НГХ и хиротонию у Константинопольского Патриарха. Однако о. Серафим ответил отказом (107).

14 ноября 1942 г. митрополит отправил письмо новому Румынскому Патриарху Никодиму, указав в нем: “Волею Божией моё смирение было призвано возглавить Хорватскую Православную Церковь. Во время великих искушений, ниспосланных на часть святого православия, мне было суждено оставить тишину монастырского уединения, занять эту должность, которую ныне выполняю, взять кормило православной Церкви и собирать чад ея в одно стадо, по словам Первоначальника Господа Иисуса Христа, восстановить покой и благочестие, любовь и правоверие православия в Хорватии, где вихрь міровой войны восколебал и смутил православие, вызвал расстройство, растление и полное безумие”.

Владыка Ермоген надеялся “на моральную поддержку, братское отношение, родственную любовь и одобрение”. Ответ Румынского Патриарха Никодима через хорватское посольство в Бухаресте последовал только 23 апреля 1942 г. В нем говорилось о решении Румынской Православной Церкви официально не признавать Хорватскую Церковь со ссылкой на позицию Константинопольского Патриарха, однако содержалось обещание оказать моральную помощь и принять для обучения в высших духовных школах Румынии молодых хорватских клириков (108). Следует отметить, что, по сообщению хорватского посланника в Риме М. Лорковича, Ватикан положительно отреагировал на появление автокефальной Хорватской Православной Церкви, расценив её создание в качестве этапа на пути к возможной унии с католической Церковью (109).

Со стороны официальных хорватских властей преследование православных сербов приостановилось, но со стороны военизованных формирований усташей оно продолжалось. Так, например, в докладе немецкого посольства в Загребе от 26 октября 1942 г. отмечалось, что 11 октября всё до того времени мирно жившее 2-тысячное православное население села Кукуевич было убито или заключено в концлагерь; в середине октября усташа провели насильственное удаление населения в районе Босанска-Дубица - Ясеновац, что вызвало рост повстанческого движения. На заседании Сербского Синода 15 января 1943 г. обсуждалось разрушение усташами часовни в Славонски-Броде и церковного кладбища, причём было решено восстановить их, если появится возможность (110). Факт продолжения усташами репрессий германский МИД в своей аналитической записке от 15 июня 1944 г. считал одной из основных причин малого успеха деятельности Хорватской Православной Церкви (многие усташа по-прежнему называли всех православных сербами и поэтому их убивали). В качестве другой причины указывалась личность “царского эмигранта” митрополита Ермогена. Кроме

того, “банды Тито” по приказу Сталина пересмотрели прежнюю коммунистическую враждебность к религии и, чтобы “поддержать сталинский религиозный маневр”, “ведут с собой перешедших к ним православных попов” (111).

Численность Хорватской Православной Церкви весь период существования оставалась небольшой. За 1942 г. (с 25 июня по 27 декабря) официально были назначены 70 священнослужителей, к концу года имелось 42 прихода. В феврале 1943 г. в списке платящих налоги священников значились 73 человека. Однако в дальнейшем их число снижалось: в мае 1943 г. 65 священников окормляли 55 постоянных и 19 временных общин. В январе 1944 г. в Хорватской Церкви имелось 57 священнослужителей, но в конце этого года из неё в результате резкого осложнения военной ситуации вышли 20-25 клириков, и в дальнейшем митрополиту Ермогену подчинялись около 30 священников. Приходы Церкви имелись только в тех районах НГХ, которые прочно контролировались правительством (112). Острая нехватка духовенства и необходимых средств для ремонта храмов и совершения богослужений ощущалась постоянно, при этом святое миро получали из Болгарии и Румынии.

Несмотря на то что митрополит ещё в июле 1942 г. говорил в германском посольстве о возможности назначить трёх епископов - одного русского и двух сербов, - через 2 года из-за административных сложностей и недостатка кандидатов создание задуманных диоцезов ещё не осуществилось. Нехватку духовенства пытались решить различными способами. В июле 1943 г. Хорватская Православная Церковь направила своего представителя в Болгарию. Ему удалось установить официальные контакты с Болгарским Священным Синодом. В результате этой поездки 22 августа было заключено соглашение между Хорватской и Болгарской Церквами о принятии для учёбы в Богословский институт при болгарском Чепелишком монастыре 30 хорватских подданных - будущих священников. В дальнейшем планировалось их обучение в

Софийской и Пловдивской Духовных семинариях. Однако для учёбы в Болгарию поехали лишь 9 человек (113).

“Разношерстная” Хорватская Церковь хотя бы в том шатком виде, в котором она существовала, в значительной степени держалась благодаря личности митрополита Ермогена. Внук протоиерея Серафима Купчевского М. А. Шардт-Купчевский, несколько идеализируя владыку, в основном справедливо писал: “Владыка Ермоген своей благодатной мудростью сумел удержать вокруг себя разнородные элементы. Новая Церковь стала многонациональной. Кроме сербов и хорватов её членами были черногорцы, македонцы, болгары, румыны, цыгане, албанцы, русские, русины, украинцы и возвратившиеся в православие униаты. Владыка Ермоген сразу снискал любовь и уважение всей своей паствы, которая нашла в нем не только духовного руководителя, но заботливого сердечного отца, советника и защитника... Отличаясь редким талантом проповедования, владыка Ермоген обращался к своей пастве, призывая всех стремиться ко Христу Спасителю и искать Его в своей жизни, воспламеняя сердца колеблющихся и своим примером смирял ропотников” (114).

Последние церковные награды митрополит Ермоген вручил в конце марта - начале февраля 1944 г. 34 священнослужителям, в том числе 11 русским: архимандриту Николаю (Ружнецову), иеромонаху Лукиану (Андреевскому), протоиераям Петру Попову, Михаилу Милоградскому, Сергию Селивановскому, священникам Василию Добронравову, Вениамину Романову, Михаилу Песоцкому, Ивану Мрачковскому, Серафиму Купчевскому и Василию Юрченко. Из других русских священнослужителей, входивших в Хорватскую Православную Церковь, можно назвать иеромонаха Платона (Бондаря), протоиереев Димитрия Извольского, Димитрия Кутенко, Димитрия Мрихина, священника Евгения Погорецкого, протодиаконов Алексия Борисова и Алексия Ежисова (115).

Единственный православный епископ Спиридон (Мифка) был назначен по предложению министра юстиции и культов указом Павелича от 8 августа 1944 г. в Сараево. О. Спиридон перешел в православие из католичества в 1927 г., окончил Духовную семинарию в Сремски-Карловци, принял монашеский постриг в 1941 г., затем он уехал в Германию, где около 6 месяцев жил в Дортмунде, и лишь в 1943 г. был назначен настоятелем прихода в НГХ. По свидетельству немецкого посла Каше, митрополит Ермоген не вполне был согласен с назначением епископа Спиридона из-за моральных качеств последнего (116). Поскольку для канонического совершения епископской хиротонии требовались как минимум 2 архиерея, хорватские власти ещё до указа поглавника через свое посольство в Бухаресте и румынский МИД обратились за помощью к Румынскому Патриарху Никодиму. В послании от 4 августа Патриарх ответил согласием и направил в Загреб делегацию из 3 священнослужителей, в том числе митрополита Виссариона (Пую). Хотя немецкий посол в Загребе в своем донесении начальству от 12 августа пытался представить это послание как признание Хорватской Православной Церкви со стороны Румынской, на самом деле в нём не было об этом ни одного слова.

Патриарх писал лишь о том, что передаёт Хорватской Церкви “наилучшие пожелания на будущее и поздравления с хиротонией нового епископа” (117). 13 августа митрополит Виссарион приехал в Загреб и 15 августа вместе с митрополитом Ермогеном совершил в Спасо-Преображенском храме хиротонию епископа Спиридона, которой хорватские власти придавали большое пропагандистское значение. После хиротонии состоялись торжественные приёмы в румынском посольстве и в резиденции министра юстиции и культов П. Цанки. 16 августа владыку Виссариона принял Павелич, наградивший митрополита орденом (118). Синод Сербской Православной Церкви 11 сентября 1944 г. послал Румынскому Патриарху протест, указав в нём, что Спиридон (Мифка)

ранее служил священником Сербской Церкви, но 28 ноября 1936 г. был лишён священного сана. Кроме того, он женат и имеет троих детей (в действительности о. Спиридон к 1941 г. овдовел, после чего и принял монашеский постриг) (119). В октябре 1944 г. митрополит Виссарион, узнав о запрещении Архиерейским Синодом РПЦЗ митрополита Ермогена, посетил в Вене Первоеиарх РПЦЗ митрополита Анастасия и выразил сожаление о том, что “по неосведомленности” относительно канонического положения Хорватской Православной Церкви и запрещения владыки Ермогена принял участие в хиротонии епископа Спиридона (120).

Согласно докладу Каше в германский МИД от 17 августа 1944 г., епископ Спиридон был выбран хорватскими властями в качестве “наследника” митрополита Ермогена, положение которого “поколебалось”. Немецкий посол отмечал, что “Мифка полностью находится под влиянием правительства и... не может исполнять свои обязанности без согласия министерства”. Однако авторитет епископа Спиридона был очень низким. Он должен был приступить к службе 3 сентября, но, поскольку православное население Сараева отнеслось к назначению епископа неблагоприятно и выражало возмущение в связи с недавним уголовным делом в отношении злоупотреблявших служебной властью священников, епископ занял должность только 1 октября. В этот день он устроил приём в своем дворце, где присутствовал немецкий консул в Сараеве (121). В своём докладе митрополиту Анастасию от 25 января 1945 г. священник Русского корпуса игумен Никон (Рклицкий) описал неожиданное посещение его первой литургии в русской церкви Сараева епископом Спиридоном: “Он около 40-летнего возраста и производит впечатление человека доброжелательного и мягкого. Я совершил проскомидию. Поздоровавшись со мной по-светски, он не чинил препятствий к совершению мною литургии в установленном для Зарубежной Церкви порядке. С протоиереем о. А. Крыжко он также сохраняет

добрые отношения, не предъявляя ему затруднительных, как священнику Зарубежной Церкви, требований” (122).

Расценив участие митрополита Виссариона в хиротонии епископа Спиридона как признание Хорватской Православной Церкви со стороны Румынского Патриархата, хорватская пресса выражала надежду на то, что вскоре последует признание других православных Церквей. Однако этого, естественно, не произошло. Даже Церкви союзных Германии Румынии и Болгарии официально так и не признали её. Вскоре режим Павелича рухнул. Югославская армия заняла Сараево, и епископ Спиридон переехал в Загреб. 11 апреля 1945 г. в Спасо-Преображенской церкви состоялось последнее торжественное архиерейское богослужение владык Ермогена и Спиридона в присутствии представителей хорватского правительства, руководства усташей и немецкого посольства (123). Последним обращением митрополита Ермогена к своей пастве стало пасхальное послание, в котором владыка, как и раньше, предупреждал об опасности, грозящей миру в лице безбожного коммунизма: “Берегитесь, чада мои духовные, тех, которые в священных ризах обращаются к вам вместо креста с кровавым ножом и оружием в руках, ибо они не воинствуют за Христа, но за нечестивого, стремящиеся прельстить вас и отравить души ваши! Берегитесь всех тех, которые говорят о свободе под красной звездой, ибо там нету свободы, там только бедствие и несчастье. В их временном царствии владеет только одна свобода - хула на Бога Вседержителя, Его Воскресшего Сына и Духа Святаго. В христианской любви и братском прощении, возлюбленные братья и чада наши духовные, поздравим друг друга радостным Пасхальным приветствием - Христос Воскресе!” (124).

8 мая Загреб был взят югославской армией. В этот день перестала существовать Хорватская Православная Церковь. Уже 10 июня в Спасо-Преображенском храме Загреба стал служить сербский священник. Павелич бежал в Австрию, затем скрывался в Италии, Аргентине, Испании, где и скончал-

ся в 1959 г. По некоторым сведениям, перед отъездом из Загреба поглавник предложил митрополиту Ермогену (вместе с клиром) уехать с ним в Австрию, но владыка отказался, как и всё загребское православное духовенство. По словам Шардт-Купчевского, митрополит Ермоген заявил: “Нас здесь мало, но у нас есть епископство и духовенство православное, и совесть наша спокойна. В эти скорбные времена мы сохранили православие от растления. Мы готовы дать отчёт во всех своих действиях за время нашего служения перед свободно созванным Собором братской Сербской Церкви с участием архиереев Русской зарубежной Церкви” (125).

По свидетельству В. А. Маевского, митрополит “подвигнически нёс взятый на себя крест и мужественно защищал вверенную ему русскую (а также запуганную и провоцируемую сербскую) паству, оставаясь с ней до последнего момента. Когда же советские войска приблизились к Загребу, то митрополит Ермоген, уступая настойчивым просьбам своей паствы, согласился покинуть город. Но его автомобиль был захвачен партизанами, и старца владыку вместе с сопровождавшим его регентом Космаенко зверски убили” (126). Маевский не вполне точен. Владыка Ермоген был арестован югославскими коммунистами 8 мая вместе с протодиаконом Алексием Борисовым, при этом, по воспоминаниям свидетелей, над престарелым митрополитом издевались, водя его раздетым по улицам, но в день ареста не убили.

Епископа Спиридона, который успел скрыться из Загреба, арестовали 22 мая. Регент хора Спасо-Преображенской церкви А. Космаенко и некоторые другие церковнослужители пропали без вести, вероятно, были убиты коммунистами. По указанию правительства И. Броз Тито 29 июня 1945 г. состоялся суд Военного трибунала при коменданте Загреба над 23 священнослужителями различных конфессий, в том числе 6 православными. Фактически это оказался не суд, а расправа, так как он проходил без заслушивания показаний свидетелей и выступлений защитников обвиняемых. Митро-

полит Ермоген (Максимов), епископ Спиридон (Мифка), протоиереи Серафим Купчевский, Иосиф Цвиянович, Дмитрий Мрихин, протодиакон Алексий Борисов, а также некоторые священнослужители других конфессий и начальник отдела культов Радослав Главаш были приговорены судом к смерти и вскоре расстреляны (127).

При этом новый режим далеко не так жёстко подошел к католической Церкви, хотя первоначально пытался приравнять антикоммунистически настроенных католических архиереев к усташам и сделать их ответственными за преступления НГХ против сербов. Однако уже в 1945 г., выступая перед католическими епископами, Тито заявил, что он говорит как “хорват и католик” (128). В 1946 г. архиепископ Алоизий Степинац был признан виновным в государственной измене, убийствах сербов и приговорён к 5 годам тюрьмы, из которых отсидел лишь 2, а после освобождения был возведён папой Римским в сан кардинала. В 1998 г. он был беатифицирован, т. е. причислен к лику блаженных. Следует отметить, что ясного выражения позиции католической Церкви Хорватии относительно её поведения во время Второй мировой войны до настоящего времени не последовало.

27 марта 1946 г. Синод Сербской Православной Церкви принял определение о запрещении в священнослужении всех рукоположенных митрополитом Ермогеном и епископом Спиридоном священников, однако на Архиерейском Соборе вопрос существования Хорватской Православной Церкви не рассматривался (129). В РПЦЗ Архиерейского суда над владыкой Ермогеном никогда не было, но негативное отношение к нему сохранялось длительное время. Когда в 1955 г. сын владыки С. Максимов обратился к митрополиту Анастасию с просьбой разрешить отпевание отца, Первоиерарх разрешил отпеть, но “потише”, без публичного афиширования этого события. Даже в конце 1990-х гг. на заседании Архиерейского Синода РПЦЗ отдельные его члены резко осудили деятельность митрополита Ермогена в годы Второй мировой войны.

В то же время некоторые священнослужители и міряне РПЦЗ считают владыку Ермогена и расстрелянных вместе с ним пастырей мучениками, память о которых должна быть восстановлена. В частности, Шардт-Купчевский писал в 2000 г.: “Исполнилось уже 55 лет со дня кончины наших русских мучеников, духовенства и мірян, и вот их прах до сих пор покоится где-то в лесу, в месте массовых расстрелов - без захоронения, без отпевания. Только некоторых христиан, избранников Своих, Господь сподобляет великой чести пролить кровь свою и пострадать за Него, чтобы быть увенчанным венцом мученическим и приобщиться Вечной Пасхе Христовой. Кто имеет право судить их, кроме Того, Кто послал им столь великие очистительные испытания? Долгие годы мы замалчивали это чудовищное преступление. Наступило время совершить акт христианской справедливости к невинно убиенным жертвам. Мы должны сделать это во имя ныне живущих потомков и грядущих поколений, во имя нашей Святой Церкви! Да завершим этот век крови и насилия покаянием перед жертвами ненависти, умученными за веру Христову” (130).

Примечания

1. Institut fur Zeitgeschichte Munchen (далее - IfZ), Fb 87/2. Bl. 153350.
2. Ђурић В. Б. Усташе и Православље: Хрватска Православна Црква. Београд, 1989. С. 249.
3. Buchenau K. Kampfende Kirchen: Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006. S. 68; Маевский В. Русские в Югославии: 1920-1945 гг. В 2 т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 268.
4. IfZ, Fb 87/9. Bl. 6-7, MA 511. Bl. 814.
5. Buchenau K. Op. cit. S. 65.
6. Радић Р. Држава и верске заједнице: 1945-1970. Д. 1. Београд, 2002. С. 92-93,101.

7. Hory L., BroszatM. Der kroatische Ustascha-Staat 1941-1945. Stuttgart, 1964. S. 96.
8. Ebenda. S. 97.
9. IfZ, Fa 502, Bd. 1. Bl. 164; Buchenau K. Op. cit. S. 67.
10. IfZ, Fb 87/1. Bl. 153664, Fb 87/4. Bl. 161536.
11. МоссB. Православная Церковь на перепутье: (1917-1999). СПб., 2001. С. 242.
12. IfZ, MA 516. Bl. 259.
13. Ebenda, Bl. 1262,1268.
14. Politisches Archiv des Auswartigen Amtes Bonn (далее - AA), Inland I-D, 4741.
15. Bremer T. Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg; Basel; Wien, 2003.
S. 32; Buchenau K. Op. cit. S. 69-70.
16. Hory L., Broszat M. Op. cit. S. 65; Полчанинов Р. Русский православный приход в Сараево // Православная Русь. 2002. N 20. С. 7.
17. Wertz I. On the Serbian Orthodox Martyrs of the Second World War // Orthodox Life.
1983. N 1. P. 15-26.
18. Hory L., Broszat M. Op. cit. S. 101.
19. Иоанн (Шаховской), архиеп. Избранное: Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Нижний Новгород, 2002. С. 163.
20. IfZ, MA 516. Bl. 286.
21. Мосс B. Указ. соч. С. 240-241.
22. KosovicB. Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije. London, 1985. S. 102,174,182; Zerja-vic V. Gubici stanovnistva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989. S. 61, 82; AlmondM. Europe's Backyard War. London, 1994. P. 137; Bateljaju. Crna knjiga o grozo-vitostima komunistickie vladavine u Hrvatskoj. Zagreb, 2000. S. 61; SteindorfL. Kroaten: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. Munchen, 2001.
23. Прийма И. Голоса Сербии. СПб., 1993. С. 94; Новопрочиавшие святые земли Сербской // Православная Русь. 1999. N 7. С. 3-5.

24. Радић Р. Указ. соч. С. 61.
25. Bundesarchiv Berlin (далее - ВА), R 901/69301. Bl. 259, 275; Русская жизнь. 1946. 25 сентября.
26. Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее - С А), д. 51/44.
27. Маевский В. Указ. соч. Т. 2. С. 273.
28. Радић Р. Указ. соч. С. 62.
29. Церковная жизнь. 1942. N5. С. 79.
30. Григорий (Граббе), еп. Завет святого Патриарха. М., 1996. С. 332.
31. Мосс В. Указ. соч. С. 242; Stepinac's Hat is Blood, Red // The Christian Century. 1953.
 - 14 January. P. 42,43.
 - 32. Кира. 1943.1.07.
 - 33. Bremer T. Op. cit. S. 34.
 - 34. ВА, R 901/69301. Bl. 128.
35. Косик В. И. Русская Церковь в Югославии: (20-40-е гг. XX века). М., 2000. С. 242; Маевский В. Указ. соч. Т. 2. С. 301.
36. Косик В. И. Указ. соч. С. 83-84.
37. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973. С. 50-58; Арсеньев А. Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 77.
38. Торжество в Свято-Троицкой обители // Православная Русь. 1997. N 7. С. 8-9.
39. Косик В. И. Указ. соч. С. 143.
40. ВА, R 901/69300. Bl. 288, 62Di 1/85. Bl. 32,36.
41. Православная Русь. 1941. N 17-18. С. 7.
42. ВА, R 901/69301. Bl.126-128, 251.
43. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. С. 59.
44. Российский государственный военный архив, ф. 500, оп. 3, д. 36, л. 93-95.
45. Никон, еп. Леснинский женский монастырь. 1885-1955. Нью-Йорк, 1955. С. 3-8; В., монахиня. На развалинах Хоповской обители в Сербии // Православная Русь. 1947. N

9. С. 9-11; Черкасов-Георгиевский В. Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 155-156.
46. Иоанн (Шаховской), архиеп. Указ. соч. Т. 2. С. 162-163.
47. BA,R 58/218. Bl. 31-32.
48. Hory L., Broszat M. Op. cit. S. 120.
49. BA, R 901/69301. Bl. 77-81; KristoJ. *Sukob simbola: Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj*. Zagreb, 2001. S. 247.
50. Jelic-ButicF. *Ustase i nezavisna drsava Hrvatska: 1941-1945*. Zagreb, 1978. S. 176.
51. Pozar?. *Hrvatska Pravoslavna Crkva u prolosti i buducnosti*. Zagreb, 1996. S. 103.
52. Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 149.
53. KristoJ. *Sukob simbola...* S. 250.
54. См.: Bremer T. Op. cit. S. 36; Matic B. Prota: *Krst i petokraka prote Milana Smiljanica*. Beograd, 1985.
55. IfZ, MA 1039. Bl. 472,473; Pavelic A. *Hrvatska Pravoslavna Crkva: Akta 1941-1945*. Madrid, 1984. S. 7-9.
56. IfZ, MA 1039. Bl. 477-491.
57. Ebenda, MA515.Bl. 1038.
58. Радић Р. Указ. соч. С. 99.
59. PozarP. Op. cit. S. 136.
60. Pavelic A. Op. cit. S. 18.
61. AA, Inland I,D, 4743.
62. Ebenda.
63. Ebenda; Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 252.
64. AA, Inland I-D, 4743; Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 163.
65. Православная Русь. 1942. N 9-10. С. 8.
66. СА, д. 23/40.
67. AA, Inland I-D, 4798; СА, д. Об учреждении в Германской епархии 2,го викариатства, л. 15, д. 24/42.
68. Pozar?. Op. cit. S. 142-143.
69. Obrknezevic M. *Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj i Hrvatska Pravoslavna Crkva*. Munchen; Barcelona, 1979. S. 251, 253.

70. Гаврило (Дожић). Мемоари патријарха српског Гаврила. Paris, 1988. S. 90.
71. Pozar?. Op. cit. S. 146-147.
72. В А, R 901/69670. Bl. 32.
73. AA, Inland I-D, 4740.
74. Церковное обозрение. 1942. N 4-6. С. 11.
75. Obrknezevic M. Op. cit. S. 253-254.
76. PavelicA. Op. cit. S. 19.
77. Церковное обозрение. 1942. N 7-8. С. 6; *Nedjeljne vijesti*. 1942. 6. 06; KristoJ. Sukob simbola... S. 253-254.
78. Nedjeljne vijesti. 1942.8. 06
79. KristoJ. Sukob simbola... S. 249.
80. Ђурић В. Б. Op. cit. С. 194.
81. Там же. С. 170-171; KristoJ. Sukob simbola... S. 261.
82. AA, Inland I-D, 4794.
83. Ebenda, 4743.
84. Ebenda, 4742.
85. Ebenda, 4741,4742.
86. KristoJ. Sukob simbola... S. 261-262.
87. СА, д. 23/40; Россия. 1948.14 июля; Новое русское слово. 1948.1 апреля.
88. ВА, R 901/69670. Bl.15,33.
89. Ebenda, Bl. 7-8.
90. Поспеловский Д. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995. С. 219.
91. AA, Inland I-D, 4798.
92. СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28 ноября 1940 - 18 сентября 1946 гг.
93. AA, Inland I-D, 4742.
94. Ebenda.
95. Полчанинов Р. Указ. соч. С. 5-7.
96. СА, д. 18/41; AA, Inland I-D, 4740.
97. СА, д. 51/44.
98. Ebenda; СА, д. 15/41, л. 1.

99. Церковное обозрение. 1943. N 1. C. 8; KristoJ. Sukob simbola... S. 261.
100. СА, д. 23/40.
101. Шардт-Купчевский М. А. Архиепископ Гермоген Екатеринославский и Новомосковский // Православная Русь. 2002. N 6. C. 6-7.
102. Церковное обозрение. 1942. N 11-12. C. 5,12.
103. Deutsche Zeitung im Ostland. 1943. 22 Oktober.
104. AA, Inland I-D, 4740; Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 200-203, 208-209.
105. Hrvatski narod. 1944. 31.10; PavelicA. Op. cit. S. 102.
106. Hrvatski narod. 1942. 16. 06.
107. Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 194.
108. KristoJ. Sukob simbola... S. 255-258.
109. Ibid. S. 259.
110. AA, Inland I-D, 4795; IfZ, MA 516. Bl. 1255,1262.
111. AA, Inland I-D, 4781.
112. KristoJ. Katolicka crkva i Nezavisna Drsava Hrvatska: 1941-1945. Dokumenti. Knj. 2. Zagreb, 1998. S. 272; ?uric V. Ustase i pravoslavlje: Hrvatska Pravoslavna Crkva. Beograd, 1989; Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 209-220.
113. Церковное обозрение. 1943. N 8. C. 4; Das Evangelische Deutschland. 1943.1 August. S. 121; Za Dom (Kroatische Korrespondenz, Zagreb). 1943. 2 September. S. 8.
114. Шардт-Купчевский М. А. Указ. соч. С. 6-7.
115. СА, д. 17/41.
116. AA, Inland I-D, 4743.
117. Ebenda.
118. BA, R 901/69670. Bl.15, 20, 40; AA, Inland I-D, 4740, 4781; Pavelic A. Op. cit. S. 97-98; ozarP. Op. cit. S. 199.
119. Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 254.
120. СА, д. 3/50.
121. AA, Inland I-D, 4742.
122. СА, д. 51/44.
123. Hrvatski narod. 1945. 12.04; Pavelic A. Op. cit. S. 102.

124. Шардт-Купчевский М. А. Указ. соч. С. 7.
125. Там же.
126. Маевский В. Указ. соч. С. 300-303.
127. PozarP.Op. cit. S. 339-340.
128. KristoJ. Katolicka crkva... S. 372.
129. Ђурић В. Б. Указ. соч. С. 256.
130. Шардт-Купчевский М. А. Указ. соч. С. 7.

Приложения

N1 (1)

29 апреля 1942 г. Хопово.- Письмо архиепископа Ермогена (Максимова) митрополиту Анастасию (Грибановскому)

Вы совершенно правы, когда пишете, что среди наших епископов не найдётся ни одного, кто решился бы возглавить православную Церковь в Хорватии без надлежащего благословения со стороны русской церковной власти, а равным образом со стороны Сербской Церкви, ибо по церковным канонам такое действие недопустимо, ибо таковой епископ навлек бы на себя не только нравственную, но и каноническую ответственность. Я хорошо помню, Св[ятейший] Патриарх Московский совершенно отрицательно высказался против автокефалии Польской Православной Церкви, когда при таких же условиях возникла автокефалия Польской Православной Церкви.

Доселе предложения об учреждении автокефалии от подлежащего правительства к нам не поступало, а если бы такое поступило, тогда мы сочли бы себя обязанными обратиться за разрешением и благословением к русскому Заграниценному синоду и лишь по его указанию могли бы принять соответствующие меры. Правда, частно нам известно было, что означенное предложение ожидается, но и только, и на извещение из Карловцев по этому делу я запросил сообщить мне подробности, чтобы затем дождожить Синоду. Ответа на мою просьбу ещё не получено, а когда получится, немедленно буду писать Вам.

Во всяком случае, успокойте м[итрополита] Иосифа, что мы (2), ценя услуги Сербской Патриархии для Церкви нашей Заграничной, не сделаем ничего для него обидного. Прошу Ваших св[ятых] молитв, с глубоким почтением и братскою любовию остаюсь усердным Вашим слугою.

Архиепископ Гермоген (3).

N2 (4)

9 июня 1942 г. Белград.- Письмо митрополита Анастасия (Грибановского) архиепископу Богучарскому Серафиму (Соболеву)

Ваше Высокопреосвященство, милостивый архипастырь!

Из прилагаемых при сем документов (5) Вы усмотрите, какое новое испытание постигло нашу Церковь вследствие антиканонического поступка Высокопреосвященного архиепископа Гермогена. Необходимость принять срочные меры для предотвращения дальнейшего соблазна и сохранения братских отношений с Сербской Церковью вынудила меня принять решение, изложенное в моей резолюции от 24 мая / 6 июня с. г. (6)

О всём прошедшем я прошу Вас поставить в известность Св. Синод Болгарской Православной Церкви, а также высказать мне своё суждение, а также сообщить мне, не представится ли Вам возможность получить разрешение на проезд сюда для участия в заседании Синода.

[Митрополит Анастасий] (7).

N3 (8)

11 июня 1942 г. Белград.- Отношение митрополита Анастасия (Грибановского) Епископскому совету при Управляющем русскими православными общинами в бывшей Югославии

По полученным сведениям, в Хорватии образована автокефальная Церковь без согласия Церкви-Матери. Во главе этой новой Церкви, вопреки священным правилам, встал ар-

хиепископ Екатеринославский и Новомосковский Гермоген. Ввиду нарушения им целого ряда священных правил и выхода из подчинения своей канонической власти в лице Архиерейского Синода, мною резолюцией от 24 мая/6 июня с. г. наложены на него прещения. Вследствие сего русскому духовенству, находящемуся в Хорватии, должно воздерживаться от всякого молитвенного канонического общения с ним, о чём Епископский совет даст сему духовенству соответствующие указания.

[Митрополит Анастасий].

N4 (9)

16 июня 1942 г. Белград.- Телеграмма представителя германского МИДа в Сербии своему начальству о непризнании митрополитом Анастасием Хорватской Православной Церкви.

ДНБ в Загребе 6 [июня] сообщило об учреждении Хорватской Православной Церкви, первым митрополитом которой поглавник назначил русского архиепископа Гермогена. Прошу телеграфных указаний, какую позицию занять нам по отношению к этому событию. Дипломатическая миссия в Аграме уже просила меня помешать Анастасию, Патриарху местной Русской Церкви (10), который не признаёт основания новой Церкви в Хорватии, публично выступить против неё. В связи с этим известно, что Патриарх Анастасий сообщил временно исполняющему обязанности председателя Синода Сербской Православной Церкви о непризнании им новой Хорватской Церкви, несогласии с назначением митрополита Гермогена, отстранении его от должности и возбуждении против него в соответствии с каноническим правом судебного разбирательства. До выяснения нашей позиции [я] заботился о том, чтобы цензура препятствовала возможному публичному высказыванию мнения Патриархом Анастасием, и ему конфиденциально дали знать о желательности его отказа от всякого публичного высказывания мнения в проповедях и т. п. против новой Православной Хорватской Церкви.

ви. Он согласился с этим, настаивая, однако, на точке зрения, что создание Церкви и занятие поста её главы Гермогеном по каноническому плану недопустимо и легализация произошедшего возможна только с согласия Сербской Православной Церкви. Бенцлер.

N5 (11)

17 июля 1942 г. Загреб.- Сообщение немецкого посланника в Хорватии в свой МИД о переговорах с главой Хорватской Православной Церкви митрополитом Ермогеном.

При моем ответном посещении митрополита Гермогена было упомянуто о его планируемой поездке в Белград. Гермоген считает, что, хотя он имеет намерение послушаться вызова митрополита Анастасия, но опасается, что переговоры не приведут к позитивным результатам, так как Анастасий был односторонне проинформирован со стороны православного сербского митрополита. Если бы он [митрополит Ермоген.- М. Ш.] имел гарантию, что митр[ополит] Анастасий правильно информирован и имеются перспективы для хоть какой-нибудь совместной работы, он был бы готов немедленно отправиться в поездку. На это высказывание я не сделал ему никаких обещаний, однако упомянул в общем, что, как и прежде, охотно готов его поддерживать любым образом.

Митрополит Гермоген также сказал, что его работа здесь развивается благоприятно. Из планируемых в будущем трёх епископов - один русский и два серба. Таким образом, кажется, не удалось найти на пост епископа как минимум одного хорвата. Остается оговоренным дальнейший доклад.

Каше.

N6 (12)

25 мая 1944 г. Хорватия.- Рапорт дивизионного священника кавалерийской казачьей дивизии в Хорватии протоиерея Евгения Яржемского митрополиту Анастасию (Грибановскому)

Считаю своей обязанностью донести Вашему Высокопреосвященству, что 16 мая я был приглашён в штаб дивизии, где мне было предложено на прочтение письмо арх[иепископа] Гермогена, в котором он пишет, что ему стало известно, что в дивизии есть священники, которые обслуживаются дивизией. Он требует, чтобы все эти священники подали прошение на его имя для утверждения их в должности, а до утверждения их они должны совершать богослужения по новому стилю, во время богослужения поминать его и поглавника; в случае неисполнения этих его требований он предпримет меры к выполнению его требований. Прочитав письмо, я заявил, что эти требования невыполнимы, и в случае, если бы немецкое командование настаивало на исполнении этих требований, я принужден уйти из дивизии, и, думаю, так же поступят и остальные священники.

Тон письма настолько груб и вызывающий, что буквально всех чинов дивизии, читавших письмо, возмутил. Письмо было датировано 14 апреля, а здесь принято 13 мая. Вчера, 24 мая, меня пригласил к себе майор Эльс, докладчик по этому делу. Он подробно интересовался этим делом, отношением к этому вопросу православных Церквей и пришёл к выводу, что требования арх[иепископа] Гермогена незаконны. На его письмо решено ответить, что ввиду того что армия немецкая экстерриториальная, то ничьё вмешательство в её дела недопустимо. По-видимому, этот инцидент на этом и закончится.

Испрашиваю Вашего Святительского благословения смиренный послушник протоиерей Евгений Яржемский.

Примечания к Приложениям

1. Синодальный архив Русской православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее - СА), д. 23/40, б/л. Подлинник.

2. Имеется в виду живший в то время в монастыре Хопово вместе с архиепископом Ермогеном архиепископ Курский и Обоянский Феофан.

3. 25 мая 1942 г. митрополит Анастасий сообщил о письме архиепископа Ермогена в Сербский Синод.

4. СА, д. 23/40, б/л. Копия.

5. В деле упомянутые документы отсутствуют.

6. Этой резолюцией владыка Ермоген был запрещён в священнослужении и отдан под духовный суд архиереев РПЦЗ.

7. Ответное письмо архиепископа Серафима отсутствует.

8. СА, д. 23/40, б/л. Копия.

9. Bundesarchiv Berlin (далее - В А), R 901/69670, Bl. 52.

Телеграфный бланк.

10. Митрополит Анастасий (Грибановский) никогда не имел титула Патриарха.

11. ВА, R 901/69670, Bl.15. Подлинник.

12. С А, д. 41/43, б/л. Копия.

(Об авторе: М. В. Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, еретик-сергиянин, что важно учитывать при ознакомлении с его работами. Источник: Вестник Церковной истории. Москва. 2006 г. N4 с.221-262)

Патриах Гермоген с клиром Хорватской Православной Церкви

д-р Виктор Косик

К ПОРТРЕТУ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ ХОРВАТСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МИТРОПОЛИТА ГЕРМОГЕНА

Будущий глава Хорватской православной церкви владыка Гермоген (Григорий Иванович Максимов) родился 10 января 1861 г. в священнической семье в донской станице Нагавской. По завершении местной школы продолжил учёбу в Новочеркасской духовной семинарии (1879-1882). Для блестяще закончившего семинарию выпускника стали открыты двери Киевской духовной академии, которую он в 1886 г. окончил. 4 декабря 1887 г. Максимов был рукоположен в священнический сан. Первым местом назначения стала Новочеркасская епархия. Там о. Григорий вначале служил в старой столице Дона — Старочеркасске, потом получил место священника в Новочеркасске в церкви Св. Троицы. Затем семь лет о. Григорий служил в кафедральном храме Св. Вознесения. В 1902 г. по приглашению епископа Вениамина он уехал на Кавказ, где стал настоятелем кафедрального собора во Владикавказе. В революционном 1905 году о. Григорий делает всё, чтобы население осталось «верным Царю и Отечеству». Его деятельность была успешной, но в тот же год умерла его жена, оставив ему шестерых детей — от одного года до шестнадцати. Он сумел вырастить детей, дать им образование, а сам в 1909 г. принял монашество с именем Гермоген (1). В 1906 г. он был назначен ректором Саратовской духовной семинарии. Спустя несколько лет, 9 мая 1910 г., Гермоген был хиротонисан во епископа Аксайского, стал викарием Донской епархии и архипастырем Всевеликого войска Донского.

Здесь его возвышение по церковной лестнице иерархии остановилось. В 1919 г. на церковном соборе в Екатеринодаре владыка поставил вопрос о своём назначении главой Ро-

стовской епархии, хотя эту кафедру уже более года занимал епископ Арсений. Свои права на ростовскую кафедру владыка обосновывал тем, что ему «четыре года тому назад обещана была эта епархия», что целых четыре года он ждал её. Однако его слова были оставлены без внимания.

С саном владыки также было непросто. У генерала П. Н. Краснова в его книге «Всевеликое войско Донское» владыка вплоть до эвакуации из Крыма именуется архиепископом Аксайским (2). У Георгия Граббе в его «Страницах из дневника (1917-1920)», относящихся к «Лемносскому сидению», Гермоген упоминается в сане епископа, викария Новочеркасского (3).

Вероятно, в 1920 г. он оставил Россию. Ждал следующего витка судьбы вместе со своими казаками на печально известном острове Лемнос. Сохранено свидетельство о том, что владыка отказался служить панихиду по Царю. Её провел протопресвитер Георгий Шавельский, но уже как по гражданину Романову (4).

И в то же время в его воззвании к донским казакам от 1 января 1922 г., написанным на Афоне были такие строки: «.когда сорганизуется новая Донская Армия. тогда дайте мне знать, и где бы я ни был, я, ваш Архипастырь, готов идти с вами. Я пойду впереди вас с животворящим Крестом в руках и буду благословлять ваше победное шествие. На помощь России восстановить Престол Царский, вернуть Народу Русскому его Законного Царя. И пусть на знаменах ваших крупными огненными, как меч Херувима, словами будет написано «БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ»» (5).

И здесь остаётся только недоумевать.

После Афонской Горы, куда он прибыл в августе 1920 г., было Королевство сербов, хорватов и словенцев и жительство в Белграде. В июне 1922 г. последовало назначение Гермогена на должность управителя русских церковных общин в Королевстве Греции. Уже будучи членом Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), он получил в том же

году долгожданный сан архиепископа Екатеринославского и Новомосковского (6).

Но в книге «Казачий словарь-справочник» приведен другой год, а именно 1935 (7).

И ёщё немного о титулатуре. В 1938 г. на Архиерейском соборе РПЦЗ владыка поставил вопрос о награждении его саном митрополита. В протоколах Архиерейского синода содержится следующая запись: «Зачитываются приговоры и ходатайства казачьих организаций о награждении преосвященного Гермогена к предстоящему юбилею 50-летия священства «митрополитом казачьих войск в рассеянии сущих». При обмене мнениями выясняется, что по вошедшему в силу Врем[енному] положению, звание митрополита есть не награда, а должность, что возведение в сан «митрополита всех казачьих войск» может привести ко многим недоразумениям в епархиях, в которых проживают казаки, между епархиальными архиереями и «митрополитом всех казачьих войск».

Постановили: к 50-летнему юбилею наградить преосвященного Гермогена, архиепископа Екатеринославского и Новомосковского, очередной наградой — бриллиантовым крестом на клубку, с препроводительной юбилейной грамотой» (8).

В итоге, в положении владыки ничего не изменилось: как и другие русские архипастыри, жившие в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, он был епископом без епархии. И местом жительства для него были югославские монастыри: вначале Джаковац, потом Гретек, а с 1941 г. обретался в расположеннном на территории созданной после развала королевской Югославии Независимой державы Хорватии Хоповском женском монастыре, в котором в своё время нашли пристанище русские монахини из Леснинской обители.

Казалось, что бушевавшая в Европе война не нарушит мирное и уединенное житие владыки, перешагнувшего восьмидесятилетний рубеж, и Гермоген так и останется в истории как один из иерархов, незаметно окончивших свои дни

в изгнании. Но именно в это грозное время он стал митрополитом и даже был назначен в 1945 г. Патриархом Хорватской православной церкви.

Об этом и пойдёт речь. Но вначале немного истории. Идея создания Хорватской православной церкви (ХПЦ) пульсировала в умах ещё в XIX в., в частности у Е. Кватерника. Да и в начале XX в. мысль о формировании отдельной православной церкви для Хорватии продолжала жить (9). Однако начавшаяся первая мировая война и последующее образование Королевства сербов, хорватов и словенцев, возглавляемого сербской династией Карагеоргиевичей, надолго заморозило появление подобных проектов.

Реальность возникновения ХПЦ резко возросла после разгрома Королевства Югославии и образования Независимой Державы Хорватии (НДХ) 10 апреля 1941 г. и упразднения действия Сербской православной церкви на своей территории. Хорватский историк Ю. Кришто в книге «Столкновение символов» перечисляет несколько причин создания Хорватской православной церкви. Здесь, в частности, «антикатолические побуждения» поглавника (вождя) Анте Павелича, стремившегося учреждением ХПЦ «смягчить» главу Хорватской католической церкви А. Степинца. Тут и свидетельство о том, что сам А. Степинац предлагал основание ХПЦ. Имеются сведения, что на её формирование повлияла католическая церковь внутри Хорватии и за её границами. Упоминается и германская разведслужба, «детищем» которой явилась православная церковь в Хорватии. В «отцах-основателях» числятся и итальянцы, и даже сама Сербская Православная церковь. По свидетельству двух активных деятелей ХПЦ, Милоша Оберкнежевича и Петра Лазича, Сербская церковь видела в её создании временное решение для спасения сербства (10). Оберкнежевич далее утверждал, что через митрополита Иосифа, который был близким сотрудником предстоятеля Сербской церкви, «патриарх им поручил в новой ситуации сделать всё, чтобы уладить и нормализовать дело

православия в новом хорватском государстве» (11). Хотя, надо сказать, эта информация, как подчёркивает Ю. Кришто, подвергается сомнению сербским историком Церкви Дж. Слепчевичем. Пожалуй, самое простое объяснение возникновения ХПЦ дал П. Лазич. Он утверждал, что переименование церкви в НДХ связано не с национальностью, как это было с православной церковью в Королевстве Югославии, а только с названием государства, где она действует (12).

По мнению Ю. Кришто, политика репрессий и преследований православных сербов не принесла особых результатов, и Павеличу требовались «свежие идеи» для решения «сербского вопроса». Такой и посчитали идею об основании автокефальной православной церкви в Хорватии (13). В своей речи на заседании сабора 26 февраля 1942 г. Павелич информировал собравшихся о своем предложении, обсуждение которого перешло в комитет по правосудию и богословию при Хорватском государственном собрании (11 марта 1942 г.). Был основан соответствующий комитет православных представителей во главе с П. Лазичем. Именно им предстояло запросить власти об учреждении ХПЦ.

В итоге 3 апреля 1942 г. Павелич издал распоряжение, имевшее силу закона, об основании Хорватской православной церкви, имевшей статус патриархии с центром в Загребе. Теперь оставалось найти кандидата, который бы дал согласие возглавить новую церковь.

Поставление серба во главе церкви в Хорватии могло вызвать определённые трудности, поэтому было решено привлечь русских иерархов, возраст которых позволял надеяться, что с ними не будет больших проблем.

Первым кандидатом стал архиепископ Гермоген. На допросе коммунистическим следователем в Загребе 26 мая 1945 г. Гермоген показал: «В начале весны 1942 г. ко мне в монастырь Хопово приехал Милош Оберкнежевич с предложением от Павелича, чтобы я и епископ Феофан (Гаврилов. — В. К.) учредили и организовали новую православную хор-

ватскую церковь. Он тогда сказал, что в Хорватии имеется два миллиона православных, но нет священников, поэтому было бы нужным самим заняться организацией церкви и поставлением священников, так как без священников нет ни крещения детей, ни венчания, ни похорон. Мы двое согласились принять сделанное предложение. После нашего согласия Милош Оберкнежевич отбыл в Загреб докладывать Павеличу. В мае того же года он вновь вернулся в Хопово и предложил мне стать во главе всей Хорватской православной церкви с титулом митрополита. Епископу Феофану было предложено принять пост сараевского епископа, но он отказался от этого предложения из-за того, что рефлектировал, что я буду глава православной церкви в Хорватии. Вскоре после моего отъезда он уехал в Белград, где умер 2 июня 1945 г. [...] После моего прибытия в Загреб был принят на аудиенции Павеличем. Он мне сказал, что я назначен главой Хорватской православной церкви и чтобы я как можно скорее занялся её организацией. Тогда он мне сказал, что нужно взять в нашу церковь новый календарь, так как это будет лучше для школы и праздников. 7 июня было моё торжественное появление митрополитом, которое происходило в Преображенской церкви. Там присутствовали священники, участвовавшие в богослужении: Евгений Ержемский, иеромонах Платон, Серафим Купчевский, иеромонах Вениамин Романов, Йоцо Цвеянович, Васо Шурлан, из Земуна был приглашен протодиакон Алексей Борисов. На чине поставления присутствовали Павелич и министры. Перед богослужением мне был прочитан декрет, который прочитал министр богословия Думанджич, которым я ставился митрополитом хорватской православной церкви» (14).

По уставу ХПЦ Гермоген должен был быть в сане патриарха. Этого хотел и сам Павелич. Тем не менее, владыка на допросе от 20 июня 1945 г. говорил, что решил отказаться от сделанного предложения, так как по церковным канонам для

этого нужно было согласие вселенского патриарха в Царьграде, связи с которым не было в Загребе (15).

В то же время Гермоген направил через посольство Румынии в НДХ письмо-оповещение о своём поставлении главой ХПЦ патриарху Румынской Православной церкви, который, как утверждал владыка, признал владыку митрополитом ХПЦ (16). Однако Гермогену здесь, видимо, изменила память. Румынский патриарх Никодим не признал ХПЦ, подчеркнув, что такое право имеет только Вселенский Патриарх. Правда, 4 августа 1944 г., по утверждению Ю. Кришто, из Румынии было получено письмо, в котором румынский представитель от имени синода косвенно признал ХПЦ (17). По-другому, более чётко, пишет об этом П. Пожар. Он считает, что командированием своего митрополита Виссариона для епископской хиротонии Спиридона Мифки Румынская церковь признала ХПЦ (18). Позиция Ю. Кришто представляется более взвешенной, так как в письме румынского патриарха не было ни слова о признании ХПЦ.

Иначе обстояло дело с Софией. Владыка несколько путанно показывал на допросе, что болгарский синод его признал, но вследствие ведения войны не желает входить в большие разногласия с Вселенским патриархом (19).

Относительно позиции Белграда есть сведения о том, что Патриарх Гаврила, находившийся в заточении, дал своё согласие на выбор Гермогена, но был настроен против привозглашения его патриархом (20). Есть сведения о том, что Гермоген хотел получить признание ХПЦ и от синода СПЦ и даже был готов ехать в Белград для исходатайствования желаемого, но поездка не удалась. Не увенчались успехом и старания Оберкнежевича в этом направлении (21).

Вопрос о патриаршестве Гермоген решил отложить до мирных времён (22). Да и само письмо владыки в Константинополь, в патриархию, осталось без ответа (23). Там сочли за лучшее оставить извещение Гермогена без внимания.

Кстати, глагол «решить» к фигуре Гермогена мало подходит: он, как показало дальнейшее время, немного мог делать самостоятельно, но в этом вопросе, в начале 1942 г., владыка мог настоять на своём.

Здесь нужно отметить, что сам Павелич, в случае отказа Гермогена, мог предложить возглавить ХПЦ «епископу из Болгарии или Румынии, к тому же и епископ молдавский Виссарион соглашался стать патриархом православной церкви» в НДХ (24). Но это уже другой сюжет.

Возвращаясь к новому главе ХПЦ, отмечу ещё раз, что без благословения вышестоящей церковной власти его поставление не считалось каноничным. Сам митрополит Гермоген на допросе 26 мая 1945 г. показал, что его принятие должности главы ХПЦ не «противоречило канонам православной церкви, так как по канонам каждый епископ должен получить разрешение от своей церкви, чтобы мог стать во главе епархии или целой церкви. Согласно этому, — продолжал владыка, — я мог просить разрешение только в русской церкви в Москве, так как принадлежал ей, и мне не нужно было разрешение сербско-православной и русско-беженской, так как русская беженская церковь не была признана русской церковью в Москве, поэтому митрополиту Анастасию было запрещено священнослужение московским патриархом» (25). Замечу, что ещё ранее, 6 июня 1942 г., в синоде РПЦЗ во главе с владыкой Анастасием было принято решение об исключении архиепископа Гермогена из состава синода, запрещении в священнослужении и при первой возможности предании его церковному суду (26).

Здесь у Гермогена оставался единственный путь, и он им воспользовался.

На допросе 23 мая 1945 г. Гермоген заявлял, что попросил благословения русского московского патриарха Сергия через русского священника из окрестностей Вены Михаила Виноградова, который известил, что ему «патриарх дает

своё согласие» и он может принять место митрополита хорватского (27).

Однако эти слова внушают определённые сомнения уже потому, что в условиях военного времени связаться из Вены с Москвой было весьма трудно.

Протоколы допросов владыки Гермогена отчётливо показывают, что его власть была весьма призрачной. «Мое отношение к властям НДХ, — говорил владыка следователю 26 мая 1945 г., — за всё время было лояльным, и я все их распоряжения выполнял и приказывал подчинённым проводить их в жизнь. Также и хорватская православная церковь во всём покорялась приказам и пожеланиям власти. Если когда я и воспротивился желанию власти, а это относилось к делам, которые противоречили церковным фундаментальным установлениям, то в конце концов принимал их требования» (28).

Только несколько примеров.

Первый. В 1942 г. он подписал листовку, в которой партизаны призывались вернуться в свои дома, считая, что семьи пропадут без своих лучших работников. Но он никогда не составлял и не подписывал листовки, направленные против участников освободительного движения, хотя там и была его подпись, поставленная без ведома владыки (29).

Второй. Епископская хиротония Спиридона Мифки, находившегося под церковным следствием, была совершена им только под нажимом властей (30).

Третий. Когда в феврале 1945-го на патриарший престол вступил Алексий I, то митрополит Гермоген подписал заготовленный в министерстве правосудия и богословия текст протеста от имени священства и верующих под угрозой лагеря (31).

Четвёртый. При Гермогене секретарем, согласно приказу Павелича от 8 сентября 1942 г., служил некий Цвеянович. Судя по одному из немецких источников, он был скорее всего поставлен усташами для контроля деятельности Церкви и делал всё против воли Гермогена, который ничего не мог

предпринять против Цвеяновича без разрешения правительства (32). Хотя сам Гермоген на одном из допросов показал, что Цвеянович был самым его деятельным и близким сотрудником (33).

Пятый. Владыка отчётливо сознавал, что возглавляемая им Церковь находится в неравноправном положении с католической. Так, можно было переходить в католичество, но нельзя возвращаться в православную. Созданный при ХПЦ церковный комитет, состоявший из двух католиков и двух православных, одним из которых был Цвеянович, должен был проводить в практику те меры, которые предпринимали сами центральные власти (34).

Шестой. Сами успехи Гермогена в устройстве ХПЦ были весьма спорными. С одной стороны, наблюдался очевидный рост священнослужителей: от 40 священников, вступивших в ХПЦ в начале её организации, до сотни к марта 1943 г. (35) С другой стороны, судя по донесению от 29 января 1943 г. начальника службы безопасности в Хорватии Ханса Хелма, существовала оппозиция против него как русского по происхождению, да и против его русских помощников (36). При этом к оппозиции примыкали и сербские пастыри, не вступившие в ХПЦ и выступавшие против русских священников (37).

И в то же время Гермоген, судя по донесению Хелма от 10 марта 1943 г., был доволен в общем своим положением и убеждён, что государство помогает в его работе, но не видел, как подчёркивал Хелм, что именно оно намеревается парализовать его усилия (38), чему уже были неоднократные свидетельства.

Тем не менее, владыка делал всё, чтобы помочь православным, как русским, жившим в НДХ, так и сербам, спасая от преследований, тюрьмы и даже гибели (39). С осени 1942 г. священники начали преподавать Закон Божий в ряде хорватских школ. С апреля 1944 г. был налажен выпуск газеты «Глас православия». 13 октября 1943 г. в правительство был введён православный министр (без портфеля), доктор наук

С. Бесарович, сараевский адвокат. Шло восстановление закрытых и порушенных частично церквей (40).

Близился конец войны. Красная Армия взяла Берлин. А в Загребе 6 мая 1945 г. произошло поставление митрополита Гермогена в Патриарха, и в связи с торжественным событием был дан торжественный обед (41).

Как показывал сам владыка на допросе 26 мая 1945 г., он вначале отказывался от предложения правительства быть наименованным патриархом хорватской православной церкви в НДХ, но ему было сказано, что по уставу он должен принять эту должность и титул патриарха. На это требование одного из представителей власти, а именно, высокого функционера из министерства правосудия и богословия Р. Главаша, он согласился, и правительство назначило его патриархом (42).

Всё вышесказанное ещё раз подтверждает показания Гермогена о том, что он во всём слушался властей. Видимо, здесь надо учитывать и возраст владыки, и соответствующее состояние здоровья, которое один из близко знавших его людей охарактеризовал как «старческое изнеможение» (43).

Но владыке нельзя отказать и в храбрости. На допросе 26 мая 1945 г. Гермоген показал, что он мог бы покинуть Загреб: ему предоставлялась машина, которая должна была доставить его к поезду. Однако он «решился остаться, так как не чувствовал себя виноватым» (44).

8 мая Загреб был взят частями Югославской Народной армии, а сам Гермоген был арестован. Судьба его была предрешена, для новой власти владыка, русский эмигрант, стал «врагом народа». Обвинения не заставили себя ждать.

29 июня 1945 г. военный суд комендатуры города Загреба «во имя народа Югославии» вынес приговор большой группе лиц, в том числе и обвиняемому Гермогену Максимову.

Гермоген Максимов был признан виновным и приговорен к расстрелу за то, что «принял положение, имя и титул митрополита загребского, а позже и патриарха т. н. хорватской

православной церкви, которая была создана по (желанию. — В. К) злодея Павелича, чтобы как можно легче осуществилась оккупация Югославии, и чтобы единство сербского народа в Хорватии было расколото, что обусловило братоубийственную войну. С целью послужить захватчику как можно легче поработить народы Югославии, и как можно лучше скрыть усташские злодеяния, совершённые над невинным населением. На своем посту он по приказу Павелича и на службе иностранного завоевателя насилино переводил и загонял сербов в так наз. хорватскую православную церковь и таким способом скрыл смерть тысяч сербов, которые во время этих переводов массами были убиты. по приказу и на службе оккупатора он разжигал национальную, расовую и религиозную ненависть. Поддерживал тесные политические и дружеские связи с верховными функционерами оккупантов. ставя себя в полную службу оккупатора» (45). Спустя несколько дней закончилась земная жизнь владыки (46), так много потрудившегося для своей паствы и считавшего, что он ничего не сделал такого, за что его можно было бы осудить.

Сейчас ХПЦ вновь возрождается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1.Pozar P. *Hrvatska Pravoslavna crkva u proslosti I buducnosti*. Zagreb, 1996. S. 177-180.
- 2.Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское // http://old.fstanitsa.ru/2/41_16shtml.
- 3.http://www.portal_credo.ru/site/?akt=lib@id=836.
- 4.Русский вестник. 2003. № 24. С. 12-13.
- 5..Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов. М., 2000. С. 705.
- 6.http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_236.
- 7.Казачий словарь-справочник / Сост. Г. В. Губарев. Сан-Ансельмо. Калифорния, 1968. Т. 2. С. 156. Репринт: М., 1992.
- 8.ГАРФ. Ф. 6343. Д. 15. Оп. 1. Л. 29 об.-30.

- 9..Kristo J. **Sukob simbola. Politika vjere i ideologije u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj.** Zagreb, 2001. S. 247.
- 10 Ibid. S. 248-249.
- 11 Цит. по: Kristo J. **Sukob simbola.** S. 249.
- 12 Ibid. S. 250.
- 13 Ibid.
- 14 HDA. Republicki sekretarijat za unutrasnje poslove sluzbe bezbednosti. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 39.
- 15 Ibid. L. 45-46.
- 16 Ibid.
- 17 Kristo J. **Sukob simbola...** S. 257-258.
- 18 Pozar P. **Hrvatska Pravoslavna crkva.** S. 199.
- 19.HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 45-46.
- 20 Kristo J. **Sukob simbola...** S. 254.
- 21 Ibid. S. 258
- 22 Ibid. S. 254.
- 23 Ibid. S. 255.
- 24 HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 42.
- 25 Ibid. L. 44.
- 26 Шкаровский М. В. К истории Православной церкви в Хорватии (комментарий в свете веры) // www.sedmitza.ru/text/413678.html
- 27 HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 29.
- 28 Ibid. L. 42.
- 29 Ibid. L. 44.
- 30 Ibid. L. 41.
- 31 Ibid. L. 43.
- 32 Ibid. L. 101.
- 33 Ibid. L. 46.
- 34 Ibid. L. 101-102.
- 35 Ibid. L. 102.
- 36 Ibid. L. 96.
- 37 Ibid. L. 97.
- 38 Ibid. L. 104.

39 Шкаровский М. В. К истории Православной церкви в Хорватии.

40 Там же.

41 HDA. F. 1561. Kutija 002. № 7. L. 70.

42 Ibid. L. 43.

43 Ibid. L. 100.

44 Ibid. L. 43.

45 Ibid. L. 57.

46 PozarP. Hrvatska Pravoslavna crkva... S. 362.

(Источник: журнал «Славянский альманах», 2011)

На фото: Поглавник НГХ с Патриархом ХПЦ Гермогеном

Вук Вукович

**ОУН И УСТАШИ
(«АРАБЕСКИ» ИСТОРИИ)**

Во времена WWII украинцы нашли больше всего поддержки для своего национального дела среди стран Оси, где кроме Берлина и Рима, следует назвать Загреб. После ПВЗ (укр. Перші визвольні змагання) многие украинцы оседают в землях Югославии, но отношения с местной властью сразу становятся прохладными, так как последние поддерживают представителей русского Белого Движения и разделяют взгляды о «единой неделимой» России. В межвоенный период среди украинцев Королевства СХС наибольшую популярность получают ОУН и УНАКОТО (Украинское народное казачье общество, созданное в 1923 году Иваном Полтавцем-Остряницей). Эти организации, в противовес сербам, устанавливают тесную связь с хорватами, с которыми будут во многих вопросах выступать единым фронтом. Во время похода армий Новой Европы в югославское королевство, украинцы массово отзываются на приказ Пропаганда ОУН и дезертируют из армии, саботируют приказы, связь, инфраструктуру и любым способом пытаются содействовать общему делу. Позже ОУН по согласию с усташами, создаст украинской легион, основой которого будут составлять бывшие украинцы армии Королевства СХС и члены организации. Легион отметится яростной борьбой на Балканах с монархистами-четниками и с титовской красной партизанщиной. Ниже публикуем призыв проводника ОУН в Югославии - Василия Войтановского:

Українці! Здійснився давній сон братнього і приятельського хорватського народу. Гегемонія сербського угнітання зломана - воскресла Хорватія! Ми, що боремося, під проводом Андрія Мельника за суверенну, свободну Україну - схоплюємо

найкраще успішно настрої хорватських братів, долучаємося до їх радості й висловлюємо наші братні по бажання. Нашу заяву сьогодні висловив я панові Славкові Кватернікові, заступників поглавніка д-ра Анте Павеліча, прохаючи його, щоби взяв вас, українські поселенці, під свою опіку. Пан Генерал запевнив мене, що ваша лояльність до хорватської нації, як і наші українські визвольні змагання йому добре відомі, та підкresлив, що буде вас хоронити - як і хорватів. Але домагається, щоби й ви виконали свою повинність су-проти Хорватської Держави. Доручення пана Генерала подаю вам до відома, і як уповноважений Організації Українських Націоналістів приказую всім українським націоналістичним одиницям на терені Хорватської Держави таке:

1. Українці, жовніри в сербському війську, мають з місця залишити його ряди й перейти в ряди хорватського усташського війська.
2. Скласти присягу вірності Хорватській Державі й її Вождеві д-рові Анто Павелочеві.
3. В Боснії, якщо вже нема хорватського усташського війська, при готовити все для приходу союзного і хорватського війська.
4. Повинуватися і бути помічним хорватським властям. Не забувайте, що кожний українець буде мати в Хорватській Державі такі права, які будуть вислідом його активного співділання у визвольній боротьбі хорватського народу.

Українці!

Осуществился давний сон братского и дружественного хорватского народа. Гегемония сербского угнетения сломана - воскресла Хорватия! Мы, те кто борется, под предводительством Андрея Мельника за суверенную, свободную Украину - понимаем лучше всего настроения хорватских братьев, присоединяясь к их радости и выражаем наши братские пожелания. Наше заявление сегодня передал я господину Славко Кватернику, заместителю Поглавника д-ра Анте Павелича, выразив просьбу, чтобы он принял вас, украинские

поселенцы, под свою опеку. Господин Генерал заверил меня, что ваша лояльность к хорватской нации, как и наши украинская освободительная борьба ему хорошо известны, и подчеркнул, что будет вас опекать – равно как и хорватов. Но желает при том, чтобы и вы исполнили свой долг в отношении хорватского государства. Поручение господина Генерала подаю вам к сведению, и как уполномоченный Организации Украинских Националистов приказываю всем украинским националистическим единицам на землях хорватского государства следующее:

1. украинцы, солдаты в сербской армии, должны немедленно оставить его ряды и перейти в ряды хорватского усташского войска.

2. принести присягу верности хорватскому государству и его вождю д-ру Анте Павеличу.

3. в Боснии, если нет в наличии хорватского усташского войска, предпринять все усилия для прихода союзного и хорватского войска.

4. повиноваться и быть помощником хорватским властям. Не забывайте, что каждый украинец будет иметь в хорватском государстве такие права, которые будут следствием его активного соучастия в освободительной борьбе хорватского народа.

(https://t.me/united_in_blood).

Юрий Ковальчук

Как украинцы вместе с усташами за фюрера воевали

Сегодня на Украине не только предпочитают избегать воспоминаний о коллаборационистах, но и называют их «обманутыми патриотами», которые «ради борьбы с большевиками временно встали на сторону Гитлера». Более того, по версии некоторых современных украинских историков, Украинская повстанческая армия якобы одновременно воевала и с СССР, и с Вермахтом. Однако попытки оправдать коллаборационизм ненавистью к Советам несостоятельны хотя бы в

связи с фактом участия членов украинской диаспоры в войне на стороне режима Анте Павелича — хорватского диктатора, главы фашистского марионеточного Независимого Государства Хорватия (НГХ). Они не только воевали вместе с усташами в составе отдельного воинского подразделения, но и принимали активное участие в их зверствах.

В своей книге «За Фюрера и Поглавника» историк Олег Романько рассказывает, что украинская диасpora в Хорватии сама проявила инициативу и поддержала хорватских националистов.

«Летом 1941 года православный священник Василий Стрильчык обратился с письмом к немецкому уполномоченному генералу в Хорватии Эдмунду Гляйзе фон Хорстенау, в котором предложил ему сформировать из украинской молодёжи национальный легион, чтобы затем отправить его на Восточный фронт... Вскоре об его инициативе стало известно в украинских кругах Загреба. Местные украинские деятели решили поторопить это дело и обратились к командованию Домобрана (вооруженные силы НГХ). Вскоре войсковода (командующий) Кватерник дал своё согласие на создание Украинского легиона», — пишет Романько.

В июне 1941 г. среди украинских студентов Загребского университета было создано первое отделение будущего Украинского легиона. Активисты планировали собрать дивизию и отправиться на Восточный фронт, «чтобы освобождать Украину вместе с союзным Вермахтом». Однако немцы, в отличие от усташей, относились к украинцам с недоверием и предпочли использовать их для борьбы с четниками (сербскими монархистами) и расправ над местным населением. И хотя изначально Украинский легион создавался как часть 369-го полка, предназначенного для боёв на Восточном фронте, германское командование настояло на том, чтобы украинцы остались на Балканах.

Примечательно, что в ряды Украинского легиона вступали исключительно добровольно. За неполный месяц в его ряды

изъявило желание вступить около полутора тысяч человек (по другим данным, отбор прошли всего 505 добровольцев). На самом деле, в таком энтузиазме нет ничего особенно удивительного, так как после окончательного разгрома Украинской народной республики (1918–1920) на Балканах осело немало её сторонников. Именно им была поручена задача подготовить Украинский легион к будущим боевым действиям.

«Между усташами и ОУН (Организацией украинских националистов) ещё с довоенных времен установились, по их собственному определению, „сердечные отношения“. Лидера ОУН Андрея Мельника и главу усташей Анте Павелича связывала личная дружба. После провозглашения НГХ в Загребе легально действовало представительство ОУН(м) во главе с Василем Войтановским. Галичанин по рождению, он во времена Габсбургов проходил службу в австро-венгерской армии в главном городе Хорватии. В 20-е годы вернулся и здесь женился на хорватке. В межвоенный период, действуя нелегально, координировал деятельность студентов-ОУНовцев с высшим руководством организации. А когда гитлеровцы напали на СССР, распространял среди сторонников украинского национализма в Хорватии письмо руководителя ОУН полковника А. Мельника с призывом принять активное участие в вооружённой „борьбе против большевистской оккупации“ Украины. К тому времени ранее единая ОУН уже раскололась на две враждующие фракции – мельниковскую и бандеровскую. Но на призыв создавать собственные вооружённые формирования в Хорватии откликнулись представители обеих фракций», — указывает в статье «Югославские русины и украинцы во Второй мировой» исследователь Игорь Буркут.

Примечательно также, что украинских националистов в Хорватии поддерживали некоторые эмигрировавшие на Балканы белогвардейцы.

«Так, в 1941 году ОУНовцам из фракции Мельника предложили сотрудничество русские белогвардейцы, которые

пребывали в эмиграции на Балканах. Бывший командир Донской Армии В. Сидорин в письме к Андрею Мельнику от 27 июня 1941 года размышлял о создании казачьих частей донцов-эмигрантов в случае формирования мельниковцами Украинской Армии с целью освобождения СССР от "большевицко-жидовской тирании". 6 июня 1941 года генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска Андрей Шкуро уверял руководителя ОУН, что готов "стать под флаги Организованного Украинского Национализма" под эгидой "украинской самостоятельной формации", а если это невозможно, то в составе "немецкого или хорватского войска", — пишет в книге «Русские и украинцы в вооружённых силах Независимой державы Хорватия» Андрей Самцевич.

К формированию и подготовке Украинского легиона также приложил руку Александр Бандера — родной брат агента Вермахта Степана Бандеры. Бывший член 2-го пластового куреня УСП (Уклада Старших Пластунов), отряда «Красная Калина», в 1933 году решением ОУН был отправлен в Италию, где представлял украинских националистов. После оккупации гитлеровцами УССР он вернулся в родной Львов, но фашисты сочли его неблагонадёжным. Александра Бандеру арестовало Гестапо, 22 июля 1942 г. он попал в Освенцим, где и был забит насмерть.

Расквартированный в Вараждине Украинский легион тренировали около полугода, после чего ему было дано название 1-й роты украинских легионеров (1ša satnija Ukrainska Legionara). Весной 1942 года подразделение было переброшено в район Прнявор—Дервента—Козара и передано в Усташскую войницу (нерегулярные вооружённые формирования в НГХ). Во время наступления на горную гряду Козар, находившуюся под контролем четников, «легионеры» приняли активное участие в геноциде мирного населения, в ходе которого погибло более 30 тыс. (по другим данным — 70 тыс.)

мирных жителей; десятки тысяч сербов, цыган и евреев были отправлены в Ясеновац.

Но ожесточённый натиск четников и общее падение боевого духа, вызванное неудачами вермахта на Восточном фронте, спровоцировали в рядах Украинского легиона массовое дезертирство. 16 января 1943 года, во время атаки сербов на Прнявор, украинцы бежали со своих позиций при первых выстрелах. В результате четники зашли усташам в тыл: из 350 военнослужащих гарнизона из окружения вышло всего 69. Некоторые исследователи утверждают, что в 1943-м из Украинского батальона дезертировали сотни «легионеров».

Воевали украинские националисты не слишком умело, в связи с чем несли тяжёлые потери. Из-за дезертирства и потерю уже к концу 1943 года из всего личного состава в строю осталось всего около 50 человек. Да и те в 1945-м, — отступая вместе с усташами в Австрию, чтобы сдаться англичанам, — попали в руки людей Иосипа Броз Тито и, скорее всего, были расстреляны вместе с усташами.

Любопытная деталь: с 1943 года и до самого разгрома Украинским легионом командовал экс-инженер из Коломыи Владимир Панькив, которого впоследствии в кругах украинских националистов неоднократно называли «предателем» и «агентом НКВД», сделавшим всё возможное для уничтожения подразделения. Действительно, тому есть немало свидетельств. В частности, командование усташей обвиняло Панькива в переговорах с четниками, а исследователь Андрей Самцевич утверждает, что попав в руки советской разведки, Владимир Панькив сдержался в комфортабельном гостиничном номере, его кормили едой из ресторана, а затем выслали в другую часть страны. Считается, что командир Украинского легиона, отравившийся в Загребе в октябре 1947 году, выдал множество ушедших в подполье видных фашистов и усташей.

[\(https://balkanist.ru/kak-ukraintsy-vmeste-s-ustashami-zafyurera-voevali/\)](https://balkanist.ru/kak-ukraintsy-vmeste-s-ustashami-zafyurera-voevali/)

И ещё один любопытный исторический сюжет:
Улицы и площади Киева во время немецкого присутствия и коммунистической оккупации

Советская пропаганда утверждает, что с приходом немцев все улицы переименовывали во всевозможные «Фюрерштрассе» и тому подобные. Конечно, многие улицы были названы в честь вождей 3 Райха и их союзников (примечательно, что в освобождённом от жио-большевиков Киеве был «бульвар Анте Павелича!»), но как показывают факты, большинство получили исторические названия, а больше всего было названо в честь украинских героев. Для сравнения ниже приводятся названий улиц города Киева: переименованные украинской управой при немцах и большевиками. Пусть каждый сравнит сам.

Новые имена-старые имена:

1. Майдан Адольфа Гітлера – Майдан 3-го Інтернаціоналу;
2. Алея Беніто Муссоліні – Петровська алея;
3. Вул. Германа Герінга – Карла Лібкнехта;
4. Вул. ген.-фельдмаршала Райхенау -- Рози Люксембург;
5. Вул. ген.-фельдмаршала Браухича – Садова;
6. Бульвар Анте Павелича – Кловський бульвар;
7. Міллера – Пугачова (Макарівська);
8. Запорізька площа – Червона площа;
9. Гайдамацьке шосе – Шосе Героїв стратосфери;
10. Карпатської Січі – Декабристів;
11. Майдан імені 19-го вересня – пл. Калініна;
12. Вул. князя Романа – Тетянівська;
13. Узвіз князя Острозького – Узвіз Є. Бош;
14. Вул. Гетьмана Івана Мазепи – Кірова;
15. Вул. Гетьмана Петра Дорошенка – Щорса;
16. Вул. Петра Сагайдачного – Урбановича;
17. Вул. Івана Вишенського - Січневого повстання;
18. Вул. Володимира Антоновича – Борохова;

19. Вул. М. Максимовича – Бєлінського;
20. Вул. Михайла Драгоманова – Жаданівського;
21. Вул. Михайла Грушевського – Чудновського;
22. Вул. Симона Петлюри – Леніна;
23. Вул. Василя Тютюнника – Котовського;
24. Вул. Євгена Коновальця – Комінтерну;
25. Вул. Миколи Костомарова – Ботанічна;
26. Вул. Григорія Сковороди – К. Маркса;
27. Вул. Гулака-Артемовського – Дарвіна;
28. Вул. Івана Котляревського – Горького;
29. Вул. Нечуя-Левицького – Пушкінська;
30. Вул. Марка Вовчка — Аїстова (кол. Іпсилантьєвська);
31. Вул. М. Старицького – Мечникова;
32. Вул. Івана Карпенка-Карого – Ульянових;
33. Вул. Лесі Українки – 25-го жовтня;
34. Вул. Миколи Хвильового – Воровського;
35. Вул. Бориса Грінченка – Тургеневська;
36. Вул. Костя Гордієнка – Чекістів4
37. Вул. Грицька Косинки – Заливчого (кол. Совська);
38. Вул. Юрія Нарбута – Сурикова;
39. Вул. Василя Стефаника - Менжинського (кол. Дмитрівська);
40. Вул. Стеценка – Мельника;
41. Вул. Пилипа Орлика – Шмідта (кол. Дяківська);
42. Вул. Кониського – Чкалова;
43. Вул. Грицька Чупринки – Зарудного (кол. Поліцейська);
44. Вул. Олекси Довбуша – Червоних командирів;
45. Вул. Євгена Плужника – Чехівський завулок;
46. Вул. Олекси Влизька – Бочковського (кол. Ділова);
47. Вул. Панька Куліша – Степана Халтуріна (кол. Паньківська);
48. Вул. Юрія Федъковича – Володарського;
49. Вул. Павла Полуботка – Комуністична;
50. Вул. Кармалюка – Урицького;

51. Майдан жертв Базара – Майдан Революції;
52. Вул. Крутянських героїв – Л. Толстого.

В сетевом национал-трудовом журнале «Страйк» в 2009 г. была опубликована следующая любопытная заметка:

Антон Порубежный
Ustaše - «Хорватия или смерть!»

В VI В. от Р. Х. многочисленное славянское племя хорватов, проживавшее в Подгорье украинских Карпат, разделилось на две части. Часть, оставшаяся на старом месте, известная под названием „Белые хорваты”, была одним из тех славянских племён, вокруг которых сформировалась украинская нация. Остальная часть поселилась у подножия Балканских гор и стала основой хорватской нации. С тех пор хорваты имеют свою особую историю.

В 925г. было создано королевство Хорватия, просуществовавшее до XIII в., когда Хорватия была завоевана Венгрией, хоть и сохранила определённые автономные права.

После распада Австро-Венгрии на её бывшей территории, которая была заселена южными славянами, было провозглашено государство словенцев, хорватов и сербов. Но Италия имела претензии на часть Словении, что была обещана ей Антантою. С другой стороны, Сербия претендовала на объединение южных славян под руководством сербской династии Карагеоргиевичей. Не имея собственных вооружённых сил, государство словенцев, хорватов и сербов поддавалось на шантаж Сербии и пошло с ней на сделку. 1 декабря 1918г. было подписано соглашение о создании Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (Королевства СХС) во главе с сербским королём. На все высокие посты были назначены только сербы. Проводилась великосербская политика. Парламентскую борьбу за хорватскую автономию вела хорватская Республикаанская крестьянская партия (ХРСП) с лидером С. Радичем. Но 20 июня 1928 года в Скупщине (парламенте) С. Радич был ранен, а двое его помощников убиты. 6 января 1929г. король Александр ликвидировал парламент и без того призрачную автономию, изменил название Королевство СХС на Королевство Югославия.

В таких условиях возникло массовое хорватское националистическое движение Усташа (Ustaše), что в переводе означает „повстанцы” или „восставшие”. Как и ОУН в Украине, усташа прибегли к террористическим актам против сербских оккупационных властей. Сербский террор вынудил руководство усташей уехать из Хорватии в соседние государства: в первую очередь Италию, Венгрию и Германию. Там же оказалось большое количество членов. Усташа имели связи со многими националистическими организациями, действовавшими в Европе, и среди них с Организацией украинских националистов. Самой известной террористической акцией усташей было убийство сербского короля Александра в Марселе в октябре 1934 года. Акцией непосредственно руководил вождь хорватских националистов-усташей Анте Павелич. В конце 1940 — начале 1941 годов в эмиграции были сформи-

рованы первые части хорватской армии, нога которых ступила вместе с немецкими, итальянскими и венгерскими войсками на землю Хорватии 6 апреля 1941 года. 10 апреля был освобождён Загреб и провозглашено независимое хорватское государство. Впервые со времён потери независимости Королевством Хорватия хорватский народ получил право на государственную независимость. Главой государства стал вождь хорватских националистов Анте Павелич.

Но перед молодым государством стала угроза - красные сербские партизаны т. н. „народно — освободительная армия Югославии” (НВАЮ) во главе с этническим хорватом-сербским запроданцем И. Броз Тито грозила вновь затащить нацию в красное ярмо. Усташа прибегли к решительным мерам для спасения свободы и независимости своей Родины, однако уже в первой половине 1945г. НВАЮ вместе с советской армией окончательно оккупировала Хорватию. Несколько тысяч усташей пытались сдаться английским войскам, но Великобритания сдала их москалям и сербам, и все они (часть — после пыток) были расстреляны. Ещё около тысячи предпочло застрелиться, чем попасть в плен врагу. И всё же многим усташам удалось проникнуть в Австрию и Италию, откуда с помощью духовенства их переправили в Аргентину, где они основали большое количество хорватских колоний.

В эмиграции усташа за короткое время создали определённое количество боевых групп, из которых в 1956г. Павелич сформировал „движение За освобождение Хорватии” (ХОП) со штаб-квартирой в Буэнос-Айресе. Впоследствии ХОП вступает в ВАКЛ (Всемирная антикоммунистическая лига), где вместе с другими порабощёнными народами борется с большевизмом. Анте Павелич умер в 1959 году. После смерти А. Павелича организацию возглавил Стефан Хефер. Хефер видел и осознавал измену т. н. “западной демократией” делу порабощённых большевизмом народов: ”великие западные державы предпочли борьбу с идеями национализма

из-за своих эгоистических интересов, приравняв хорватское революционное движение усташей к нацизму”.

Кроме того, действовала более радикальная группировка: „революционное братство хорватов”, находившееся в Австрии и организовавшее несколько диверсий на оккупированных сербами территориях Хорватии.

В самой Хорватии, тогда входившей в состав Югославии, велась Интернациональная пропаганда, направленная на денационализацию хорватов, превращение их в безликих югославов. Многие хорваты поддались на эту пропаганду, но в конце 80-х произошел прорыв — родилась молодёжь, которую вновь начали захватывать лозунги усташей. На стенах домов появились надписи: “Бог и Хорватия!”, “Хорватия или смерть!”, “Мы не “югославы”, мы хорваты!”, “Усташа-опять в бою!” Появились молодёжные клубы, военно-спортивные организации, которые не скрывали своих симпатий к усташам. 22 апреля 1990г. на выборах победил хорватский Демократический союз (что-то вроде нашего РУХа). Его лидер Франьо Туджман стал Президентом страны. Его поддержала также националистическая молодёжь. Начались нападения молодых праворадикалов на части югославской армии. 25 июня 1991г. Хорватия провозгласила независимость. Югославская армия начала боевые действия. “Новые усташа „(как начали звать молодёжные националистические кружки) действительно откликнулись на призыв правительства защитить свою независимость, С ”новыми усташами” связано формирование частей хорватской армии. Именно их рекомендовали в командиры. Чуть ли не в каждой воинской части можно было встретить молодых людей в чёрной форме — традиционной форме усташей. Хорватские войска шли в бой под пение маршей времён своих предшественников. Лидер хорватских националистов Доброслав Парага организовал несколько десятков тысяч бойцов, которые вели боевые действия на оккупированной врагами территории.

Но после союза с мусульманами в Боснии и Герцеговине отношение официальных властей к националистам ухудшилось: новые усташа не скрывали своего враждебного отношения к мусульманам. Босния и Герцеговина — историческая часть королевства Хорватия и Независимого Хорватского государства (мусульмане как нация впервые определяются уже при коммунистической Югославии). “В результате этого союза Хорватия не получила ни метра своей исторической территории”, - говорят они.

В одной коммунисто-советской газете усташей и бандеровцев определяли как „Руки-Близнецы”, и такое определение видимо правильно, поскольку эти руки встали на защиту свободы своей Родины тогда, когда другие „партии” по-страусиному прятали головы в песок.

(<https://web.archive.org/web/2012032323359/http://ntz.org.ua/?p=679>)

Перевод здесь и выше – Роман Раскольников

УСТАШИ. ХОРВАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

Предварение публикации: На сайте «Козацьке братство боевого Звичаю Спас «Сокіл»» был помещен любопытный очерк истории движения Усташей. Данный очерк написан с про-украинских позиций и интересен в т.ч. сравнением хорватского и украинского национальных движений. Дата публикации - 8.8.2012., поэтому ряд событий, упоминаемых там как «современные», ныне уже тоже «стали историей». Издатели не располагают сведениями, что представляет собою глаголемое «Козацьке братство» (желающие могут «покопаться» в Архиве Сайта), но на главную страницу вынесено такое любопытное уведомление: «Казацкое братство боевого обычая Спас «Сокол» не сотрудничает и не имеет никакого отношения к ВОО «Всеукраинская федерация «Спас» « «Братства казацкого боевого обычая Спас», партии «Социал-патриотическая ассамблея славян (СПАС)», « Специальной прикладной армейской системы « - С. П. А. С.(Россия) и российской террористической группировки «Спас», ответственной за взрыв на Черкизовском рынке г. Москвы».

Исторические судьбы народов, попадавших в колониальную зависимость, обычно очень похожи. Мы уже обращали на это внимание публикацией статьи об Ирландии. Ещё более похожими и связанными между собой являются судьбы украинцев и хорватов. Особые черты эта связь приобретает, если учесть то, что прикарпатское племя белых хорватов стало одной из составляющих украинского этноса. Наша статья посвящена истории хорватского национально-освободительного движения, опыта которого является без сомнения поучительным.

Историческая ретроспектива

Балканы издавна были территорией, за которую боролись разные народы. В древние времена автохтонные племена иллирийцев были завоёваны Римской империей. А в VI-VII веках н. э. на Балканы приходят славянские племена, которые оттесняют остатки иллирийцев на юг, на территорию современной Албании. Но славянское господство не было слишком долгим. Права на балканские земли заявляла Византия, и удерживала власть на некоторых территориях до конца XII века.

Хорватское королевство просуществовало с X по XIII века и было захвачено Венгрией, а в дальнейшем Австро-Венгерской империей.

С XV века на Балканах начинается неустанная борьба против Османской империи, которой удалось захватить земли Боснии и Герцеговины и Сербии. В Хорватии ожесточённая борьба с турками развернулась в Далмации, бывшей провинции Римской империи на побережье Адриатического моря. Там местные алькары, воины-всадники, вели священную войну с османами, как и запорожские казаки.

В результате долгого турецкого господства на территории Боснии и Герцеговины появилось большое количество мусульман-потурченцев – славян, которые ради преференций турецкого правительства приняли ислам. Этот фактор создал дополнительную напряжённость в регионе, и без того полном национальных и религиозных противоречий.

В конце XIX столетия Османская империя утратила контроль над Балканами, и в результате в 1882 году возникло королевство Сербия, а Босния и Герцеговина отошли к Австро-Венгерской империи..

В XIX веке на Балканах, как и во всей Европе начались активные процессы нациотворения, т. н. «Весна народов». Появилось множество политических теорий и организаций, которые жаждали воплощения своих взглядов в жизнь. Именно тогда при активном участии Российской империи

распространилось т. н. «славянофильство», центральной идеей которого было «собирание» всех славянских народов под властью одного государства, которым Россия видела конечно же себя. Этой идеей прониклась и Сербия, которая во всём подражала Российской империи, и видела себя «собирательницей» южнославянских земель. Таким образом, Сербия, претендуя на Боснию и Герцеговину, вступила в конфликт с Австро-Венгрией, которая в свою очередь посягала на суверенитет Сербии. Это стало началом Первой мировой войны.

Балканы в двадцатом веке

В результате поражения Австро-Венгрии и Германии в Первой мировой войне, 1 декабря 1918 года было создано Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС), куда хорватов и словенцев вместе с Боснией и Герцеговиной втянули под угрозой итальянской оккупации. Так была создана сербская империя, где под обманными обещаниями равенства и братства скрывался великосербский шовинизм.

Когда хорваты и словенцы поняли, что в новом Славянском государстве они имеют меньше прав чем в Австро-Венгерской империи, начался новый этап борьбы уже против «братского народа».

Ещё в 1861 году в Хорватии появилась партия права, созданная Евгением Кватерником (1825-1871) и Анте Старчевичем (1823-1896), которая впервые выступила с идеей создания хорватского независимого национального государства в сочетании с борьбой за широкие демократические преобразования. Партия сочетала методы просветительско-политической деятельности с подпольными революционными методами. Благодаря этому появилось название “усташи”, повстанцы в переводе с хорватского. Первой крупной революционной акцией усташей было пограничное восстание 1871 года под предводительством Евгения Кватерника. Границары-иррегулярные австро-венгерские воинские формирования из хорватов и сербов, охранявших границу с

Османской империей. Несколько сотен граничар выступили под хорватскими флагами, и захватив город Раковице, провозгласили создание Временного народного хорватского правительства. Восстание было подавлено австро-венгерскими войсками, но первый опыт вооружённой борьбы против империи был получен.

Две самые влиятельные хорватские партии - Партия права и Хорватская объединённая крестьянская партия с самого начала выступали против вхождения Хорватии в КСХС, и продолжили в дальнейшем политическую борьбу, которая обострилась после принятия в 1921 году новой конституции, предложенной королем Александром I Карагеоргиевичем, которая централизовала власть в Белграде и отменяла внутренние границы в Королевстве.

Наибольшее обострение политический конфликт получил 20 июня 1928 года, когда председатель хорватской объединённой крестьянской партии Степан Радич и четверо его соратников были застрелены во время острого конфликта в парламенте депутатом от правящей Сербской народной Радикальной партии Пунишем Рачичем (двоих погибли на месте, Радич через полтора месяца скончался от ран, двое были ранены). В Загребе начались массовые акции протеста, под лозунгом: «непоколебимо стоять на защите самостоятельного хорватского государства». Белград задействовал жандармерию для разгона демонстраций, а сербские шовинисты ответили убийствами нескольких хорватских политических и культурных деятелей. Тогда хорваты начали стихийно формировать “хорватскую самооборону” (Hrvatski domobran), ставившую целью защиту участников акций протеста от правительственные сил правопорядка и формирований сербских националистов. Возглавил новую организацию депутат от партии права Анте Павелич - хорватский националист и активный борец против сербского шовинизма.

Уже тогда он сформулировал основные принципы, которые легли в основу движения усташей: невозможность

компромисса с сербскими захватчиками; естественными союзниками в борьбе за независимость Хорватии являются все силы и государства, пострадавшие от «Версальского мира»; хорватство и католицизм являются высшими ценностями в борьбе за государственность, а чужеродное присутствие в Хорватии – основной опасностью; территориальная целостность вторична по отношению к государственной независимости, немецко-швабские, венгерские и итальянские территориальные претензии могут быть признаны в случае признания этими силами государственного права Хорватии; либерализм, антиклерикализм, германо- и мадьярофобия, присущие хорватскому освободительному движению, оказались непродуктивными. Залогом успеха должны стать жёсткая иерархия и дисциплина, безкомпромиссность и верный выбор союзников.

6 января 1929 года король Александр I совершил государственный переворот, распустил парламент, запретил деятельность политических партий, отменил конституцию и установил жёсткий полицейский режим. КСХС сменило название на Королевство Югославия, и взяло курс на «югославский унитаризм»: создание новой нации югославов, местный вариант советских людей. Конечно же, крупнейшими югославами были сербы, а другие народы пока лишь готовились ими стать.

7 января 1929 года на конспиративной квартире в Загребе во время собрания руководителей «Домобрана» было принято решение о его трансформации в хорватскую революционную организацию «Усташа» (Ustasa - Hrvatska revolucionarna organizacija). Это означало окончательный переход хорватских националистов к насильтвенным методам борьбы.

Организация формировалась по территориальному принципу. Базовым подразделением в отдельно взятом населённом пункте был «рой» («roj») во главе с «ройником», и далее, по мере роста территориальной административной единицы рои объединялись в «tabor», «logor», «stozer», возглавляемые со-

ответствующими начальниками. Главный штаб организации назывался “главным усташским сословием” (Glavni Ustaski Stan). “Усташский стан «возглавлял» поглавник «(poglavnik), избиравшийся усташами-основателями” и имевший в организации практически неограниченные властные полномочия. Он имел право назначать и смещать членов “усташского стана”» 12 «доглавников» (doglavnike) и 7 «помощников» (pobočnike); издавать «Усташскому сословию» приказы о назначении местных начальников и лиц, наделённых «специальными полномочиями», включая судебные; принимать практически полный спектр решений, касающихся деятельности организации. Фактически это была организация во-ждистского типа.

Анте Павелич был единогласно избран поглавником.

Украинцы в Югославии

В том же 1929 году создаётся ОУН, которая имела своё представительство и в Хорватии, поскольку и там оказалось в вынужденной эмиграции много украинцев, участвовавших в освободительной борьбе и революционной деятельности 20-х годов.

Стоит отметить, что в 1930-х годах усташа и ОУН очень тесно и плодотворно сотрудничали. В частности, лично дружили один из руководителей Провода ОУН Андрей Мельник и вождь усташей Анте Павелич. В дальнейшем, мельниковцы пытались идти по пути, проложенному усташами, но этот путь тогда был далёк от украинских реалий.

Украинцы на Балканах появились ещё в середине XVIII в. в 1746 г. переселенцы из Прешивщины, Лемковщины и Закарпатья основали первую украинскую колонию – Русский Керестур.

Перед Первой мировой войной украинцев-русинов в балканских владениях Австро-Венгрии насчитывалось более 30 тысяч человек, из того 10 тысяч в Боснии и 5 тысяч в Словении.

К сожалению, отношение сербов, как господствующего народа Югославии, к украинцам ничем не отличалось от российского.

В королевской Югославии (1918-1941гг.) сербские власти пытались выселить украинцев (и поляков) из Боснии в Македонию или вытурить их за границы государства. Сербы принутили к выселению почти всю украинскую интеллигенцию по обвинению в австрофильстве. Во время первых освободительных соревнований (1917-1920-е гг.) и развития восстановленного украинского государства, в Королевстве сербов-хорватов-словенцев был запрещён ввоз украинской прессы.

В 1919 году председатель Сербской Королевской Академии Наук Йован Жуйович ещё заявил: «Мы, сербы, считаем, что неоправданным является стремление некоторых малороссиян, чтобы из Украины создать государство совершенно автономное, без каких-либо связей с Россией ... Причиной главной является то, во – первых, что этот развод не был бы в интересах народа малороссийского, второе-что это было бы против интереса крупнейшего славянского государства России, и нашего сербо-хорватско-словенского государства и всего славянства».

В начале 1920-х годов на Балканы переселяется новая волна украинцев-эмигрантов из нескольких тысяч кубанских казаков и украинцев – жителей преимущественно центральных и восточных земель Украины. Образуется большая община украинских студентов. Сначала эти студенты, прибыв в только что образованный КСХС, поселились преимущественно в Сербии.

Учитывая, мягко говоря, неблагосклонное отношение сербских властей, центр организованной украинской жизни переместился в Хорватию и Словению, где были созданы разнообразные культурные, просветительные, и религиозные организации украинцев, из которых особенно активными были «Просвита» и студенческие объединения. Однако часто препятствием становилась общегосударственная вели-

косербская политика. Сербские власти препятствовали основанию украинских культурных организаций по всей Югославии: у украинских студентов, которые были национально сознательными, отбирали стипендии, выговаривали их за границы государства. Украинские дети в Югославии должны были ходить в русские школы, ведь украинских нельзя было основывать. Кубанские казаки, оказавшиеся в Сербии, когда сербское правительство приняло примерно 70000 эмигрантов из бывшей Российской Империи, преимущественно бывших воинов из белых армий Деникина и Врангеля, не смели приобщаться к украинской национальной жизни, ведь сразу теряли материальную и социальную поддержку. В Белграде проводилась агитация против общества Просвещения, в конечном итоге оно было запрещено по обвинению в сотрудничестве и получении финансов от немцев и большевиков (!). Банская управа Вербасской Бановины 15 ноября 1937 года запретила деятельность филиалов «Просвіти» на своей территории, где больше всего были сосредоточены украинцы в Боснии. 14 апреля 1940 года, когда начались переговоры об установлении дипломатических отношений между Югославией и СССР, советская сторона, как можно узнать из сербской литературы, потребовала прекращения антисоветской деятельности на территории Югославии. В результате в апреле-мае сербские власти арестовали большое количество ведущих украинских деятелей и руководителей украинских организаций в Королевстве Югославия. Их держали под следствием несколько месяцев в злославной белградской тюрьме Главнячи.

В 1938 году председатель белградской «общины» писал: «с уверенностью можно сказать, что ни в одном государстве в Европе украинская организация не подвергается таким препятствиям и ограничениям, как в Югославии».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что украинцы активно присоединились к борьбе за освобождение хорватского народа от сербского империализма.

Начало революционной борьбы усташей

Усташи, сразу после создания организации были вынуждены эмигрировать и продолжить свою деятельность за рубежом. Весной 1929 года они прибыли в Болгарию, где наладили контакты с лидерами македонских национальных революционеров (Вътрешная македонска революционна организация, ВМРО). Македонцы, которые с 70-х годов XIX века вели отчаянную борьбу за освобождение своей Родины сначала от Османской империи, затем – от Королевства Югославии и Греции, имели на Балканах репутацию «экспертов» в проведении диверсий и вооружённых восстаний.

Под руководством опытных македонских боевиков усташи летом-осенью 1929 года прошли «курс молодого бойца» и получили возможность даже принять участие в нескольких дерзких набегах рейдовых групп (чот) ВМРО на югославскую территорию. В результате королевское правительство Югославии вынуждено было официально признать существование новой организации хорватских националистов. 17 августа 1929 года Чрезвычайный «суд по защите государства» в Белграде заочно приговорил Анте Павелича и его главного военного советника Густава Перчеца к смертной казни «за организацию вооружённого мятежа против престола и югославской государственности».

Одновременно с подпольной деятельностью «Усташи» продолжал функционировать также и «Хорватский домобран», явившийся её легальным крылом. Соотношение между этими двумя организациями наиболее уместно сравнить с системой Ирландской республиканской армии и организации «Шинн Фейн» у ирландских повстанцев. «Домобран» имел в Югославии сеть подпольных ячеек, которые занимались преимущественно пропагандистской работой среди хорватского населения; со временем их планировалось развернуть в боевые организации «Усташи». Кроме того, опираясь на многочисленную хорватскую диаспору в Европе и в Новом Свете, активисты «Домобрана» занимались попу-

ляризацией идей хорватской национально-освободительной борьбы и разоблачением террора короля Александра Карагеоргиевича и великосербских шовинистов среди мирового сообщества. «Усташа» при этом рассматривалась как наиболее законспирированная, «посвящённая» часть организации, выполняющая ответственную и опасную миссию. При этом верховное руководство «хорватским домобраном» также принадлежало Анте Павеличу, который в 1931 г. возглавил коллегиальный управляющий орган (Vrhovno starjesinstvo Hrvatskog domobrana). Такая двойственность организации привела к появлению для её определения в исторической науке термина «усташско-домобранское движение» (Ustasko-domobrasnki pokret).

В 1932-33 годах усташам удалось договориться о поддержке с правительствами Италии и Венгрии, которые враждовали с Королевством Югославия. Было создано несколько тренировочных лагерей и улучшилось материальное обеспечение. Повстанческое движение начало набирать обороты. Несколько покушений на наиболее жестоких в «хорватском вопросе» сербских националистов, а также демонстративные (без человеческих жертв) взрывы югославских дипломатических вагонов в экспрессах «Белград-Вена» и «Белград-София» в 1933-34 гг. значительно повысили авторитет усташей в общественном сознании хорватов.

Однако наибольшим боевым успехом усташей стало удачное покушение 9 октября 1934 года во французском городе Марсель на своего главного врага – короля Югославии Александра I Карагеоргиевича.

Ячейку “атентаторов «из числа диаспорских хорватов - студентов и рабочих марсельской фабрики» Вальте э ФИС « - возглавил молодой перспективный агент» усташа «Евгений» Дидо Кватерник (1913-1962), потомок легендарного революционера. Акцию усташа провели вместе с македонцами, и исполнителем атентата в Марселе стал безстрашный и фанатичный Македонский революционер Владо Чернозем-

ский (настоящее имя - Величко Георгиев), известный своим искусством в стрельбе по-македонски (с двух рук по двум движущимся мишеням одновременно). На случай его неудачи одна хорватская боевая группа ждала короля в Марселе, а другая - в Париже.

9 октября 1934 года король Александр Карагеоргиевич прибыл в Марсель на югославском эсминце «Дубровник» и в сопровождении министра иностранных дел Франции Луи Барту на автомобиле отправился на вокзал. Французы безответственно отнеслись к мерам безопасности: кортеж сопровождали верховые драгуны с незаряженными карабинами, а оцепление вдоль улиц осуществляли обычные полицейские, которые стояли через каждые 10-15 метров. Владо Черноземский с маузером, спрятанным в огромном букете цветов, выскочил из толпы зевак, запрыгнул на подножку автомобиля и смертельно ранил короля Александра и министра Барту. Тяжело ранен был также сопровождающий короля французский генерал Жорж. Сам Владо был застрелен полицейскими, но дело было сделано.

Акция получила огромный резонанс, но здесь «мировое сообщество» как всегда показало своё лицемерие: критикуя при жизни короля Александра и его тираническую политику, после убийства европейцы набросились на «террористов». Правительство Муссолини разорвало отношения с усташами и провело на территории Италии массовые аресты среди хорватских революционеров. В конце октября 1934 года итальянская полиция арестовала Анте Павелича, Евгения «Дидо» Кватерника и ещё более 150 усташей по обвинениям в причастности к марсельскому убийству, незаконном хранении оружия и тому подобное.

Однако в самой Югославии акция вызвала положительные изменения. После гибели короля, проводившего жёсткую национальную политику внутри страны, правительство Югославии попыталось урегулировать сербско-хорватский конфликт. В 1939 году был подписан договор о создании

хорватской бановины: фактически предоставлял Хорватии автономию внутри Югославии. По этому договору, Герцеговина и Посавина (северная область Боснии) вошли в состав Хорватии. В хорватских националистических кругах уже тогда сложилось представление, что вся территория Боснии и Герцеговины является “исконно” хорватской, а славяне-мусульмане - это хорваты, принявшие ислам. Надо сказать, идея объединения с хорватами в одну нацию находила отклик у мусульманской боснийской элиты.

С 1935 г. Центром усташско-домобранского движения становится сама территория Хорватии, а основным направлениями деятельности - пропагандистская работа с массами и создание централизованной подпольной сети. Важную роль в Усташе «начинают играть законспирированные лидеры, в первую очередь - полковник Славко Кватерник (1876-1947), бывший австро-венгерский офицер и дворянин (vitez), отец молодого Евгения «Дидо», возглавлявшего загребскую подпольную сеть.

В то же время сближение нового югославского правительства с нацистской Германией в марте 1937 г. проявилось в том, что при посредничестве последней был временно урегулирован итало-югославский конфликт. Согласно пакету двусторонних соглашений, Муссолини, в частности, обязывался объявить вне закона деятельность на территории Италии организации «Усташа». Освобождённый в конце 1936 года из тюрьмы, Анте Павелич продолжал находиться под пристальным наблюдением итальянских спецслужб в поселении в Сиене.

Хорватия во Второй мировой войне

Муссолини решил вновь воспользоваться услугами усташей уже в ходе Второй мировой войны, в которую он поспешил вступить в июне 1940 г., чтобы успеть к началу Гитлером «разделу европейского пирога». В свои грандиозные планы по возрождению Римской империи дуче включил ок-

купацию Греции и расчленение Югославии. Нацистская Германия вовсе не стремилась поддержать итальянских фашистов в этой авантюре, рассчитывая на вовлечение Белграда в союзники. А Югославия проводила политику, которая не мешала немцам. Более того, 25 марта 1941 года Королевство Югославия присоединилось к Антикоминтерновскому пакту, став союзником стран оси.

Осенью 1940 г., в канун начала итальянской агрессии против Греции, отношение Дуче к усташам претерпело кардинальные изменения. Уголовное преследование было прекращено, а все соратники Павелича вышли из заключения (некоторые из них без суда провели в нём по шесть лет). “Усташа” сначала получила статус объединения политических эмигрантов, а затем была признана как «политическая организация хорватской нации».

Но хорваты, наученные уже итальянским вероломством, прохладно отнеслись к попыткам восстановить дружбу на прошлом уровне. С октября 1940 по март 1941 гг. они злорадно наблюдали за унизительными поражениями итальянской армии в войне с Грецией.

27 марта 1941 года в Белграде группа старших офицеров во главе с генералом Д. Симовичем совершила государственный переворот. Пробритански и просоветски настроенная часть югославской политической элиты выступила под широким поддержанным сербами лозунгом «Лучше война, чем пакт» против союза с нацистской Германией. Чтобы не допустить вовлечения крупнейшей балканской страны в орбиту влияния своих противников, Гитлер был вынужден форсировать переброску немецких войск на Балканы и начало агрессии против Югославии и Греции.

Таким образом, Муссолини, войска которого увязли в тяжёлых позиционных боях с греками в Албании, получил желанную поддержку всех своих балканских планов. Уже 28 марта Дуче известил Гитлера, что поддерживает идею о разделе Югославии и о создании независимой Хорватии. После

этого итальянский диктатор лично пригласил Анте Павелича в Рим для «консультаций». Через несколько дней, все проживающие в Италии усташа были мобилизованы организацией. Были восстановлены тренировочные лагеря в Фонтенчио и Сан-Деметрио; в распоряжение усташей поступила партия вооружения (250 карабинов «Кракау» TS, 18 пистолет-пулеметов «Берета» и 5 легких пулеметов «Брэда») и снаряжения для боевой подготовки.

5 апреля, накануне вторжения гитлеровских войск в Югославию, Анте Павелич по радио обратился к «братьям-хорватам и сёстрам-хорваткам» с призывом к всеобщему восстанию и созданию независимого государства Хорватия (Nezavisna drzava Hrvatska, НДХ).

Одновременно в Загребе с усташским подпольем связались представители немецкого консульства: резидент службы безопасности (СД) Р. Коб, военный атташе Г. Пребст, полицейский атташе Р. Блум, а также особый уполномоченный немецкого МИД штандартенфюрер СС д-р Э. Веезенмайер. Они заверили руководителя «усташ» в Хорватии полковника Славка Кватерника в своей полной поддержке курса усташей на провозглашение независимости. Конечно же, от Хорватии требовалось принять протекторат Германии и Италии, и удовлетворить их территориальные претензии. За это Хорватия получала под своё управление Боснию и Герцеговину.

6 апреля 1941 года войска нацистской Германии начали вторжение в Югославию, действуя с территории Австрии, Болгарии, Венгрии и Румынии. В последующие дни развернули наступление союзные им итальянские и венгерские войска, а болгарская армия начала сосредотачиваться на исходных рубежах для вступления в Македонию. Югославская монархия, раздираемая изнутри национальными и общественными противоречиями, оказалась неспособной противостоять удару и рухнула подобно карточному домику. Правительство потеряло контроль над страной, командование - над войсками. Армия Югославии, считавшаяся самой

мощной на Балканах, в считанные дни перестала существовать как организованная сила.

Солдаты и офицеры хорватского, македонского и словенского происхождения массами дезертировали или переходили к врагу, военнослужащие-сербы также расходились по домам или самоорганизовывались в иррегулярные отряды как для продолжения борьбы с захватчиками, так и для простого разбоя. Более 6 тыс. югославских офицеров, 45 генералов и 340 тыс. нижних чинов сдались в плен. 17 апреля представители югославского командования в Белграде подписали акт о безоговорочной капитуляции. Ещё до этого король Петр II и члены его правительства бросили страну на произвол судьбы и, прихватив большую часть золотого запаса, на самолете бежали в Грецию под защиту англичан.

На территории Хорватии крупномасштабных боевых действий не велось. Немецкие войска повсеместно встречали поддержку самых широких слоёв хорватского населения, рассматривавших нацистскую агрессию как возможность для создания собственного государства. Благодаря объявленной в Югославии 7 апреля мобилизации в дислоцированные в хорватской бановине части IV армии влилось огромное количество солдат-хорватов, большинство из которых не желали сражаться за Югославию или даже были готовы повернуть оружие против неё. Уже 8 апреля офицеры и младшие командиры 108-го пехотного и 40-го резервного полков, входивших в усташские подпольные ячейки в армии, организовали мятеж среди солдат своих частей (*Vjelovarski ustanač*). Подняв самодельные хорватские флаги, они внезапным ударом захватили город Беловар, где дислоцировался штаб IV югославской армии, арестовали штабных офицеров и перерезали коммуникации. Это стало сигналом для националистически настроенных военнослужащих других частей армии, и они стали в массовом порядке покидать позиции и двигаться в Беловар, где вскоре сконцентрировалось более 7 тыс. хорватских солдат и офицеров. В ближайшие дни с помощью

местных организаций «усташ» и стихийно возникающих крестьянских формирований самообороны (Hrvatska seljackska zastita) им удалось очистить от югославских властей значительную часть хорватской территории.

Организацию временных органов власти на местах практически сразу брали в свои руки члены «усташ», оказавшиеся среди восставших наиболее организованной силой, вокруг которой группировались другие.

10 апреля, с подходом к Загребу Авангардов Вермахта, 4 тыс. членов «усташ», практически не встретив сопротивления, взяли столицу Хорватии под свой контроль. Славко Кватерник прибыл в городскую ратушу и зачитал по радио текст Декларации о провозглашении независимого государства Хорватия (НДХ).

Это событие принесло радость всему хорватскому обществу. Председатель местной «Просвity» и краевой Проводник ОУН в Югославии Василий Войтановский в тот же день поздравил от имени украинцев через загребское радио провозглашение независимого государства Хорватия.

К сожалению, национальная проблема была не единственной в Королевстве Югославия. Хорватии достались по наследству и другие проблемы. Страна находилась в тяжёлом экономическом положении. В армии была серьёзная нехватка транспорта, отсутствие бронетехники и современных самолетов. Стрелковое оружие и снаряжение не имели единого стандарта и были в значительной степени устаревшими.

Хорваты были вынуждены «на ходу» решать все проблемы, и в первую очередь военные, потому что война не давала времени на размышления.

Но главной проблемой оставалась проблема национальная. Согласно официальным данным Загреба, новое хорватское государство заняло 115 133 кв. км., а его население составило 6 966 729 чел. из этого числа «чистых хорватов» было 4,817 млн. чел. (включая и босняков-мусульман), «этнических сербов» - 1,848 млн. чел., «фольксдойче» - 145 тыс.

чел., венгров - около 70 тыс. чел., словенцев - 37 тыс. чел., словаков и Чехов - 44 267 чел. за пределами НГХ проживало 1 727 548 хорватов. Сербы, которые были враждебно настроены к хорватскому государству составляли 26% населения.

Второй проблемой были коммунисты, начавшие партизанскую войну против НДХ и ее союзников.

Жестокие расправы усташей над сербами в 1941 г. начались с первых дней существования НДХ. Разгулу насилия способствовали сведения о том, что националистически настроенные сербские военнослужащие и резервисты, объединившиеся в иррегулярные вооружённые формирования («четники»), на сербо-хорватской границе и в Боснии расстреливали этнических хорватов, возвращавшихся домой из частей развалившейся югославской армии. Среди погибших был международно известный парашютист-спортсмен капитан югославских ВВС Феликс Доминиканич, вместе с несколькими лётчиками и авиатехниками-хорватами убитый сербскими жандармами близ Сараевского аэродрома 15 апреля. Ненависть к сербам, накапливавшаяся десятилетиями, нашла себе выход. Уже к концу июня 1941 года тысячи сербов были уничтожены, несмотря на пол и возраст.

В то же время необходимо отметить, что к сербам, находившимся за пределами НДХ, усташа относились вполне нейтрально. С весны 1942 года режим Анте Павелича поддерживал дипломатические отношения с коллаборационистским сербским правительством генерала Недича, и их вооружённые силы даже проводили совместные операции против партизан.

Большинство сербов в НДХ проживали в Боснии и на старой границе между Боснией и Хорватией. Именно Босния стала местом подавляющего большинства боевых действий. Сербы массово вступали в отряды монархистов-четников, под командованием Драголюба Михайловича и коммунистов-партизан, под командированием Генерального секретаря югославской Компартии Йосипа Броза Тито.

Сначала коммунисты и монархисты действовали вместе, но дальнейшие события привели к вражде между ними.

В Сербии коммунистические партизаны оказались в трудных условиях: им противостояла не новообразованная, неопытная и плохо вооружённая армия Хорватии, а немецкие войска вместе с сербской армией и четниками, да и территория была малопригодной к партизанским действиям. Поэтому сербские коммунисты потерпели поражение и были вынуждены переместить свои войска на территорию Боснии, которая благодаря большим площадям горных массивов была идеальной для ведения партизанской войны.

До перехода сербских партизан в Боснию местным четникам и коммунистам удалось провести несколько удачных операций и взять под контроль значительные районы Восточной Боснии, где они провели массовые убийства мусульман и хорватов, а коммунисты впервые получили шанс убивать и классовых врагов.

Но после резкого увеличения количества коммунистических партизан зимой 1941 года, ими был осуществлён захват управления восстанием в свои руки. После этого четники начали вести вооружённую борьбу и против партизан.

Хорватские вооружённые силы были разделены на части «домобрана» (Народная самооборона) и части «усташа» (элитные части вроде СС из членов Революционной организации и опытных военных). Самым боеспособным и известным формированием усташей был «Чёрный легион» под командованием майора Йоре Францетича, сформированный из боснийских хорватов, который в первые годы войны нанёс сербам ощутимые потери.

В хорватской армии были и национальные подразделения, например из этнических немцев. К сентябрю 1942 года существовало четыре немецких батальона: «Принц Ойген», «Людвиг фон Баден», «Генерал Лаудон» и «Эмануэль фон Байерн». Были также отдельные подразделения боснийских мусульман, которые имели свою форму и носили турецкие

фески с кисточками в качестве военных головных уборов.

В 1941 г. представительство ОУН в НДХ принимает меры по организации Украинской добровольческой части. Украинские националисты (из обеих фракций ОУН) под руководством Василия Войтановского вместе формируют в Загребе студенческий военный отдел им. Головинского во главе с Антоном Иванюком.

С началом общеевропейского Крестового похода против Красной большевистской чумы на основе этого отдела был создан Украинский легион (1 Sat Ukrajinska Legionara, словно 1-ый батальон украинских легионеров), в который записалось 505 украинских добровольцев – преимущественно переселенцы из Боснии и загребские студенты.

Существует версия о том, что ОУН вела в Загребе переговоры с казачьим генералом Андреем Шкуро о сотрудничестве.

Предполагалось, что Украинский легион в НДХ вместе с казачьей дивизией (20000 казаков) будет отправлен на Восточный Фронт для борьбы против большевистской оккупации Украины. Организацию добровольных украинских военных формаций очень поддерживали власти НДХ -хорватские националисты верили, что когда возникнет независимое национальное украинское государство, то позиции Хорватии на Балканах станут лучше по отношению к Сербии, ведь в этом случае влияния России будут слабее.

Украинский легион считался частью “домобрана”, его воины носили хорватскую военную форму, основанную на немецких образцах. Украинские добровольцы имели жёлто-голубые повязки и нарукавные нашивки в форме белого щита с чёрным трезубцем.

Украинским легионерам обещали, что их часть перебросят в Украину, где они получат после войны землю, дома, хорошие должности в новой администрации. Однако из-за событий вокруг провозглашения 30 июня 1941 г. во Львове украинского государства, немецкие власти запретили от-

правку украинских добровольцев в Украину. Украинский легион как отдельная часть хорватского войска был отправлен в Боснию на борьбу с сербскими коммунистическими партизанами Иосифа Броза Тито, что вызвало резкое недовольство добровольцев. Казачья дивизия отошла в подчинение германского военного командования и была переброшена в район магистрали Загреб-Белград-Ниш-Сальоники, где несла охранную службу.

Поэтому Проводник ОУН (М) Андрей Мельник, заявивший прогерманскую позицию, обратился с письмом к легионерам 20 ноября 1941 г., в котором, в частности, сказал: «... Сегодня, когда решается судьба Украины на долгие годы, на каждом месте, где только не жили бы украинцы, мы обязаны всюду вложить свою лепту до великого общего дела. Ибо тем больший вес набирает ваше служение, когда вы свою жертву крови для Родины готовы принести на чужбине... Я знаю, что сердца ваши рвутся на Украину. Наша Борьба, однако ещё не кончена, враг ещё не уничтожен. Будьте внимательны и терпеливы. Придёт подходящее время и для вас. Перед нами – великое поприще борьбы, поэтому каждый украинский патриот будет иметь возможность уплатить долг своей Родине на родной земле».

30 ноября, после прочтения обращения полковника Андрея Мельника, Украинский легион присягнул на верность Украине в селе Пищавица возле Бани Луки. По воспоминаниям современников, добровольцы проявили храбрость и высокий боевой дух в боях с коммунистическими партизанами. Главнокомандующий Вооружёнными силами независимого государства Хорватии, Поглавник Анте Павелич отметил малой серебряной медалью следующих украинских добровольцев: сотника Дмитрия Луценко, хорунжего Петра Бучко и Стрелка Михаила Малярчука. Все они из первой сотни Украинского легиона. Бронзовой медалью За храбрость в боях отметили также: стрелка Петра Василика, булавного Олексу Никитишина, десятника Михаила Матвейкива

и Стрелка Михаила Мерловича. Однако вскоре хорватская контрразведка разоблачила переговоры одной из сотен Легиона с титовскими партизанами, что под влиянием коммунистической пропаганды намеревалась перейти на сторону последних. Вся сотня (150 человек) была арестована, а затем и весь Украинский легион был расформирован в 1942 году как неблагонадёжный.

Часть легионеров вернулись домой, другие продолжили службу в разных частях хорватской армии. Например известно о награждении летом 1942-го за храбрость и отвагу в боях на Восточном фронте бывшего легионера Антона Тишковича (по другим данным Тимкевича) бронзовой медалью. Значительная часть бывших бойцов Украинского легиона стала воинами усташевских боевок. После войны все, кто принадлежал к активу украинских организаций, прежде всего члены ОУН и «Просвity», воины Украинского легиона, сотрудники украинского представительства в НДХ были репрессированы в уже коммунистической Югославии. В частности, в 1945 г. казнили Василия Войтановского, его жену (хорватку по национальности) и сына. Кстати, малоизвестным фактом остается пребывание весной 1945 года в Боснии и Словении подразделений 14-й гренадерской дивизии Ваффен-СС «Галичина» (1-й Украинской), направленных сюда для борьбы с коммунистическими партизанами.

Были украинцы и по другую сторону фронта: около 1500 украинцев, поверивших в коммунизм, воевали в партизанских отрядах под предводительством Иосифа Броза Тито. Особенно отличились Иван Сеник - командир 12-й славонской бригады и Владимир Чордан - командир ударной вуковарской группы. Отдельных украинских подразделений в Титовской партизанщине не создавали.

Большинство боснийских украинцев за поддержку НДХ уничтожалось четниками и партизанами наряду с мусульманами и хорватами.

Понимая, что быстрой военной победы над врагом достичь не удастся, хорватское руководство решило пойти на некоторые уступки: «...всем, кто искренне признаёт Государство Хорватия, хорватское правительство гарантирует равенство перед законом независимо от национальности и вероисповедания и обеспечит защиту жизни и имущества», - говорилось в тексте амнистии, контроль за соблюдением которой брало на себя командование немецкими войсками на территории НГХ. Более того, безкомпромиссные до того в религиозном вопросе усташа, понимая то, что оно стало вопросом политических спекуляций, решили выбить этот козырь из рук сербов, и объявили о создании хорватской Православной Церкви.

В своей речи в парламенте 28 февраля 1942 года поглавник Анте Павелич отметил: «Господа! Никто не трогает Православие, но в государстве Хорватия места сербской ПЦ нет. Я повторяю: это не может быть Сербская, не может быть Греческая Церковь. Почему? Потому что везде в мире православные церкви - церкви национальные.

Сербская ПЦ - часть сербского государства. Иерархия Сербской ПЦ управляетя сербским государством. Представители этого государства назначают Патриарха, или по крайней мере, участвуют в его избрании, и вся иерархия зависит от него, от епископа до священника. Все они зависят от сербских правящих кругов. Так есть в Сербии, так было в несчастной Югославии, но так не может быть и не будет в хорватском государстве.

Но если церковь не Всемирная, тогда она может быть только хорватской национальной церковью, она может быть только церковью, которая имеет полную свободу в духовной сфере и свободу совести, но во всех деловых вопросах должна находиться под контролем хорватского государства».

23 марта 1942 года было объявлено официальное уведомление об основании хорватской Православной Церкви, вступившее в силу 3 апреля. Показательно, что основу ХПЦ со-

ставили бывшие священники Русской Православной Церкви, а митрополитом стал бывший архиепископ Екатеринославский Гермоген (Максимов).

Церковное учение в точности соответствовало другим православным поместным церквям, но использовался хорватский алфавит, язык и красно-сине-белые цвета на флаге. Новые требники были опубликованы с единственным изменением - использовалась латиница вместо кириллицы.

Церковный устав вступил в силу 5 июня 1942 года. Через два дня Гермоген был возведён в сан в загребской церкви Преображения Господня. Глава хорватского парламента Марко Досен вместе с несколькими министрами присутствовали, чтобы выразить своё уважение. Министр Йосо Думанджич зачитал указ о назначении Гермогена. Он провозгласил, что хорватская Православная Церковь будет основана на национальном лозунге: «дорог брат, а не его вера».

Одновременно усташское руководство начало искать путей заключения перемирия со своими бывшими заклятыми врагами - четниками. При посредничестве сербского правительства и генерала Недича в Белграде весной 1941 г. эмиссарам НДХ удалось установить непосредственный контакт с представителем Драгомира Михайловича в Боснии майором Ездимиром Дангичем. Подчёркивая смертельную опасность от общего врага - коммунистов, хорватские националисты призвали сербов объединить свои усилия в борьбе против него. Сам руководитель четнического движения "Драже" Михайлович всегда отрицал какой-либо «преступный союз с кровавыми усташами», но майор Дангич, pragmatичный командир, придерживался другого мнения. В обмен на прекращение репрессий против сербского населения НДХ и наказание виновных усташских функционеров, он был готов на «некоторые частные соглашения о совместных действиях против красных». В результате в апреле 1942 г. в Баня-Луке был подписан договор, которым фиксировалось, что «участники четнических формирований признают независимое го-

сударство Хорватию. .. а потому прекращают все враждебные действия против военных и гражданских властей НДХ. Четнические части совместно с вооружёнными силами НДХ добровольно будут способствовать разгрому и уничтожению коммунистически-большевистских банд под общим руководством командующего всеми вооружёнными силами полковника НДХ, командиры же четнических частей (воеводы) будут сами руководить своими операциями ... ».

Новая политика усташей вскоре принесла свои плоды. Даже коммунистические историки Югославии признавали, что весной-летом 1942 г. сербское население НДХ в массовом порядке отвернулось от партизан Тито. Своими жестокими реквизициями продовольствия и скота, убийствами «классовых врагов» и насаждением идеалов социализма, коммунисты оказались глубоко чуждыми мелкобуржуазному сознанию сербского крестьянина. В то же время четники, оперировавшие постулатами «веры, короля и Отечества», представлялись ему «своим войском».

Соглашение четнических воевод с усташами, вопреки усилиям партизанских пропагандистов, было воспринято сербским населением НГХ как победа, потому что узаконивало все завоевания восстания лета-осени 1941 г. начался массовый переход в лагерь четников бойцов, «унаследованных» партизанами от сербского восстания. Так, только за последнюю неделю апреля 1942 г. в Восточной Боснии на сторону четников перешли четыре партизанских батальона - Мокраньский, Черновирхский, Ниничкий и Варешский в полном составе и во главе со своими командирами (политкомиссары при этом были убиты).

Несмотря на то, что силы партизанской Народно-освободительной армии Югославии (Народнуслободилака vojska Jugoslavije, НОАЮ) в 1942 году были примерно равны хорватским вооружённым силам, этот год был отмечен для югославских коммунистов самыми тяжелыми поражениями на территории НДХ. В Восточной Боснии четники и

усташско-домобранские части упорно теснили партизан, сократив контролируемые ими районы до масштаба незначительных анклавов. Тяжёлое поражение потерпели партизаны в июне-июле 1942 г. на плоскогорье Козара, где 21-тысячный ударный корпус войск НДХ при поддержке 3 тыс. четников и 9 тыс. гитлеровских и венгерских военных за считанные дни разгромил дислоцированную там сильную группировку НОАЮ (Bitka za Kozaru).

Оказавшись в тяжелом положении, Иосип Броз Тито и командование НОАЯ сумели, тем не менее, продемонстрировать смелое стратегическое мышление и умелое тактическое руководство своими войсками. Осенью 1942 г. ими была начата скрытная передислокация всех боеспособных партизанских сил на территории НДХ в страну - преимущественно горный район на боснийско-хорватской границе. Несмотря на тяжёлые условия, партизанам удалось сконцентрироваться в заданных районах. 2-4 ноября 8 отборных партизанских бригад, усиленных артиллерией, внезапно развили мощное наступление на крупный районный центр Бихач (Bihacka operacija). Несмотря на отчаянное сопротивление 4-й усташской бригады и 12-го пехотного полка НДХ, партизаны успешно овладели городом.

Воспользовавшись замешательством в Загребе, главным силам НОАЯ в ноябре-декабре 1942 г. удалось подтянуться в район операции и установить контроль над большими территориями страны (более 40 тыс. кв. км.), Создав так называемую «бихачскую республику» (Bihacka republika). Под защитой оборонительных рубежей на труднопроходимых горных перевалах, партизаны использовали её как плацдарм для наращивания сил.

Поспешно организованные попытки хорватских войск ликвидировать «коммунистическое царство» потерпели неудачу: усташское руководство явно запаниковало и бросало свои силы в бой по частям прямо «с колёс» без должной подготовки.

Дальнейшие боевые действия велись с переменным успехом, но общий ход войны сказался и в Хорватии.

Переход Италии на сторону западных союзников в сентябре 1943 г., успешное наступление Красной Армии в Юго-Восточной Европе, неумолимо приближающей её к Балканам, а также начало в апреле 1944 г. англо-американской стратегической авиацией бомбардировок военных объектов и крупных городов НДХ и сброса военных грузов партизанам НОАЯ, не оставляли у усташского руководства сомнений, что ход Второй мировой войны складывается явно не в пользу его союзников.

В то же время в стране начал резко проявляться экономический кризис. Ссылаясь на условия военного времени, на большинстве промышленных предприятий Хорватии в 1943 г. владельцы ввели 6-дневную рабочую неделю и 10-12-часовой рабочий день; активно использовался труд женщин и подростков. Подавляющее большинство предпринимателей отказывались при этом повышать зарплату, а, наоборот, активно срезали страховые и другие выплаты и практиковали драконовскую систему штрафов за реальные и мнимые нарушения трудовой дисциплины и случаи производства брака. В ответ на это начались социальные волнения.

С переходом на сторону союзников Румынии и Болгарии, где под влиянием успешного наступления Красной армии произошли государственные перевороты и к власти пришли просоветские правительства, Восточный фронт Второй мировой войны докатился до границ бывшей Югославии. 5 июля 1944 года лидер югославских коммунистов Иосип Броз Тито обратился к Сталину с просьбой о «наибольшей помощи» и вступлении войск Красной армии на территорию Югославии, предупреждая, что только так возможно будет избежать влияния западных союзников и сторонников королевского правительства в изгнании (прежде всего - четников). 28 сентября 1944 года, действуя с территории Румынии и Болгарии, в Югославию вступили советские войска 2-го и

3-го Украинских фронтов (46-я и 57-я армии, 4-й гвардейский межкорпус и Дунайская речная флотилия), а также вооруженные силы прокоммунистического Отечественного фронта Болгарии (11 дивизий и 2 бригады). К этому времени по инициативе Тито был создан подконтрольный ему альтернативный правительственный орган Хорватии - единый народно-освободительный фронт (*Jedini narodnooslobodilacki front*), « первую скрипку » в котором играли местные коммунисты. Смертный приговор НДХ был вынесен.

При поддержке Красной Армии и болгарских войск, части НОАЯ, насчитывавшие до 650 тыс. бойцов и владевшие переданными СССР и США боевой авиацией и бронетехникой, развернули успешное наступление против гитлеровцев и их союзников в Сербии, Македонии и Черногории. 20 октября после ожесточённых боев ими был взят Белград. Повсеместно продвижение партизанской армии Тито сопровождалось массовыми репрессиями против всех подозреваемых в «пособничестве оккупантам», а также против «классово чужих элементов» и идеологических противников коммунизма. Только в Белграде за несколько дней после захвата города партизанами были безжалостно истреблены более 30 тыс. немецких и сербских военнопленных, а также жителей сербской столицы. Дороги, ведущие в Боснию и Хорватию, были заполнены десятками тысяч беженцев, спасавшихся от властей Тито.

Несмотря на такое, казалось бы, безвыходное положение, хорваты смогли перегруппировать силы, провести последнюю армейскую реформу, объединявшую части «домобрана» и «усташа» в единые хорватские вооружённые силы, и выступить против коммунистической Орды. На территории НДХ собрались остатки всех противников коммунистов: немецкие части численностью до 200 тыс. чел., около 190 тыс. войск НДХ, словенские вооружённые формирования и сербские четники. Несмотря на превосходящие силы противника и плохое снабжение, антикоммунистические силы

сражались настолько яростно, что смогли остановить наступление врага.

В ноябре-декабре 1944 г. наступление НОАЯ и частей Красной Армии, сопровождавшееся большими потерями (особенно пострадали в боях за хорватский город Осиек югославский 1-й Пролетарский и советский 68-й стрелковый корпуса), исчерпало свой потенциал. На сремском фронте гитлеровцы и хорваты сумели в целом удержать позиции на границах НГХ. Хотя большая часть Боснии была захвачена, её столица Сараево продолжала удерживаться немецко-хорватскими войсками. На Динарском фронте, наступающие из Черногории и Герцеговины югославские партизаны при поддержке Британского флота и новозеландской дивизии овладели значительной частью хорватского Поморья с городами Дубровник, Сплит и Задар, однако затем были остановлены хорватскими, немецкими, словенскими и четническими частями (в НДХ динарский фронт имел жаргонное название «антикоммунистический интернационал»).

Однако, к этому времени коммунистическая армия Тито получила от СССР достаточную военную и материальную поддержку для преобразования в регулярную оперативную силу: около 140 тыс. единиц стрелкового оружия, 6368 пулеметов, 2165 орудий и минометов, 130 танков, 36 бронемашин, 386 боевых самолетов, около 2 600 автомашин, а также средства связи, инженерное и медицинское снаряжение и тому подобное. Всё это позволило югославским коммунистам в 1945 г. развернуть свои вооружённые силы до 800 тыс. чел. НОАЮ была официально переименована в Югославскую народную армию (*Jugoslovenska narodna vojska*, ЮНА), состоявшую из сухопутных сил, ВВС и ВМС. 7 марта 1945 года Иосипом Броз Тито было сформировано Временное народное правительство демократической федеративной Югославии, официально признанное Союзниками единственной законной властью в стране. Вариант сохранения независимой Хорватии после окончания войны не рассматривался.

Весной войско Тито, имея огромное преимущество над обезкровленными силами противника в человеческой силе и технике, смогло таки переломить сопротивление, и прорвав линию сремского фронта, начало наступление на Загреб. Хорватия была обречена.

7 мая 1945 года Анте Павелич и правительство НДХ покинули Загреб.

Поглавник назначил командующим отступлением хорватских вооруженных сил и беженцев начальника службы усташской защиты Векослава «Макса» Любурича, отдав ему приказ «любой ценой» вывести войска и гражданских в зону ответственности наступающей с запада британской 8-й армии и избежать плена ЮНА.

Большинству хорватских чиновников удалось нелегально эмигрировать в Италию. Судьба же десятков тысяч простых граждан и защитников НДХ оказалась трагической. После падения 8 мая 1945 года столицы НДХ Загреба и капитуляции 9 мая немецких войск, поток хорватских беженцев, численность которого исчислялась шестизначными цифрами, двигался в направлении австрийской и итальянской границы. Прикрывая гражданских лиц, обозы с ранеными и окончательно деморализованные воинские части, в арьергарде шли, отражая атаки наседающих частей ЮНА, Корпус лейб-гвардии поглавника, 1-я и 18-я штурмовые дивизии и 16-я усташская резервная дивизия - последние соединения НДХ, сохранившие боеспособность. Болгарские войска, занимавшие демаркационную линию с британцами на границе согласились пропустить хорватов и словенцев безпрепятственно. 12 мая беженцы (около 300 тыс. чел.) начали переходить на территорию Австрии, подконтрольную 5-му британскому корпусу. За ними последовали 95 тыс. военнослужащих хорватских вооружённых сил - усташей и домобранов. К 15 мая к ним присоединились словенские воинские части (отступавшие со своей родины, где они дали последний бой коммунистам), десятки тысяч словенских беженцев, сербские четни-

ки и националисты, а также казаки из 15-го кавалерийского корпуса СС со своими семьями. Хорватские генералы Иво Херенчич и Векослав Серватци, а также профессор Даниэль Црльен, представлявший гражданских беженцев, начали переговоры о сдаче с британскими войсками.

В австрийском городке Бляйбург были начаты хорватско-британские и британо-югославские переговоры о прекращении огня, результатом которых стало согласие командования войск НДХ и её союзников сложить оружие и сдаться в плен английской армии. При этом генерал Робертс пообещал хорватскому генералу Херенчичу, что «ни одно военное или гражданское лицо не будет возвращено в Югославию против своей воли». Министр авиации Макмиллан в то же время гарантировал представителям Иосипа Броз Тито, что «все военнопленные и граждане, принадлежащие к югославским национальностям, в течение 24 часов будут переданы властям Югославии».

Так англичане, нарушая все соглашения с беженцами, подло сдали хорватов и словенцев войскам Тито, а казаков и бывших граждан Российской империи – советским войскам.

15-17 мая 1945 года вблизи австрийского города Бляйбург развернулась очередная ужасная страница истории НДХ. Под видом вывоза в Италию, британцы начали собирать хорватских военных и отвозить их к границе с Югославией. Югославы решили не усложнять свое дело, и начали расстрелы прямо на месте. Все находившиеся в лагере услышали выстрелы и поняли, что британцы их предали. В лагере началась паника. Многие пленные покончили с жизнью, чтобы не попасть в руки врагов живыми. Генерал Херенчич, отдавший приказ сложить оружие, проклял британцев и застрелился. Образовав живую цепь вокруг беженцев, оставшихся в лагере, усташа и домобраны оказывали британцам отчаянное сопротивление, не позволяя забирать людей для выдачи. Тогда генерал Робертс отдал приказ открыть по безоружным людям огонь и двинуть на них бронетехнику. И тем не менее, к

тому времени, когда войскам 5-го британского корпуса был доведен приказ фельдмаршала Александера о прекращении выдач, в лагере под Бляйбургом ещё «держали оборону» несколько тысяч человек. Их поспешили отправить в концентрационный лагерь Викtring, откуда выдачи в Югославию уже не проводились. Эти люди, пережившие бойню под Бляйбургом и оставшиеся на Западе, в последующие годы первыми рассказали миру о коварстве британцев и зверствах коммунистов.

Судьба попавших в руки коммунистов была незавидной: военные, интеллигенция, духовенство и раненые были расстреляны на месте. Других ждали многокилометровые “марши смерти”, избиения, суды-тройки и расстрелы.

В 20-х числах мая приговоры «троек» смягчились. В руководстве КПЮ, вероятно, поняли, что, если перебить всех пленных, некому будет работать на особо тяжких работах и вредных производствах в «народном хозяйстве».

Тем не менее, даже в таких ужасных условиях усташа проявили настоящую стойкость и доблесть.

“Не помню, чтобы хоть один усташ, даже самые желтогорлые юнцы или девицы, просил пощады, - вспоминал присутствовавший на «суде» в Мариборе функционер КПЮ Родолюб Чолакович. - У этих отъявленных фашистских мерзавцев не отнять одного: умирать они умели... ».

Усташа после войны

После войны многие хорватские беженцы оказались в Западной Европе, Америке и Австралии. В адрес Павелича и бывшего руководства НДХ со стороны эмигрантов было много обвинений. Появились новые националистические организации, не связанные с руководством НДХ.

Анте Павелич, проживавший в Аргентине под защитой знаменитого диктатора Хуана Перона, всеми силами пытался восстановить своё влияние среди хорватской политической эмиграции. Он активно встречался с представителями как её националистического, так и либерального крыла, занимался

публицистикой, литературной деятельностью и благотворительностью, однако без особого успеха. Хорваты так и не смогли простить ему то, что в 1945 г. он не разделил судьбу своих солдат в Бляйбурге.

10 апреля 1957 года, когда хорватская диаспора в Буэнос-Айресе отмечала годовщину провозглашения НДХ, двое бывших четников - Благое Йовович и Мило Кривокапич - подстерегли прибывшего на запад на омнибусе Анте Павелича, и открыли по нему огонь из пистолетов. Не растерявшись, лидер «усташ» стал уворачиваться от выстрелов, с необычайной для его возраста ловкостью прыгая из стороны в сторону, однако всё-таки был поражен двумя пулями в руку и в плечо.

После покушения Павелич с помощью бывших усташей перебрался с семьёй в Испанию. 27 ноября 1957 года он прибыл в Мадрид, где вёл скромную частную жизнь. Здоровье экс-поглавника, подорванное ранением и застарелым сахарным диабетом, быстро ухудшалось. В ноябре 1959 года он был помещён в мадридскую клинику немецкого профессора Рудольфа Сеиза, который намеревался снова прооперировать ранения Павелича, однако состояние пациента этого не позволило и 28 декабря Анте Павелич скончался.

Усташское движение в самой Хорватии не прекратило существование с победой Иосипа Броз Тито. Военнослужащие хорватских вооружённых сил, сумевшие избежать плена или гибели, в большинстве своём - усташи, однако также и представители других структур (домобраны, жандармы и т.д.), развернули в горных районах Хорватии и Герцеговины партизанскую борьбу. Их отряды поддерживали связь с за-конспирированными усташскими ячейками в городах, а также, в ряде случаев, с эмиграцией. Участники этих формирований получили в народе название “крестоносцев” (krizari). Действуя крайне жестокими методами, и умело скрываясь от преследования, они нападали на местных коммунистических функционеров и сотрудников югославских структур

безопасности (считается, что ими были убиты более 2 тыс. сторонников Тито). Попытку организовать разрозненные группы “крестоносцев» «в единое движение предпринял из эмиграции бывший начальник усташской службы защиты Векослав «Макс» Любурич, однако проникший в подполье агент югославских спецслужб сумел убить его. Отряды “крестоносцев”, не имевшие никакой положительной программы и державшиеся только местью и ненавистью, никогда не пользовались широкой поддержкой среди населения, хотя и стали впоследствии романтическими героями для поколений хорватской молодёжи, не принимавшей коммунистических реалий Югославии. К 1950 году большинство групп крестоносцев были уничтожены югославскими силами безопасности или изгнаны из страны. Тем не менее, вплоть до обретения Хорватией государственной независимости 25 июня 1991 года многие подпольные антикоммунистические группы, возникавшие в стране, брали себе название «усташей», которая стала для многих националистически настроенных хорватов символом борьбы за независимость.

Распад Югославии

После войны в Социалистической Федеративной Республике Югославии, установился относительно мягкий (по сравнению с режимом в СССР и его сателлитами) коммунистический режим. Стремясь смягчить сепаратистские тенденции, вновь возникшие в 60-е годы среди хорватов, руководство СФРЮ шло на предоставление республикам всё большей административной и экономической самостоятельности. Апогеем этого процесса стала Конституция 1974 года, по которой Югославия практически превращалась в конфедерацию. Новая Конституция по-югославски «развязала» давнюю дилемму босняков-мусульман: за ними закреплялось имя «мусульмане», в качестве этнонима.

Основывая новые “нации”, давая большие полномочия республикам, Тито (который сам был этническим хорватом) на-

деялся примирить и сплотить народы Югославии. Эти шаги были частью концепции “Братства и единства”, однако, она, как оказалось, была единственной лишь при жизни Тито. После его смерти в 1980 году,” Братство и единство “ народов СФРЮ продержались всего 10 лет.

В 1989 году президентом Республики Сербия был избран председатель Союза коммунистов Югославии Слободан Милошевич, который был не столько коммунистом, сколь великосербским шовинистом. Он сразу начал урезать автономию Косово, что вызвало волну протеста. Тогда по приказу Милошевича в Косово были введены войска.

В 1990 году, в ответ на события в странах «соцлагеря», Коммунистическая партия Югославии приняла решение ввести в стране многопартийность. В выборах 1990 года социалистическая (бывшая Коммунистическая) партия Милошевича набрала большое количество голосов во многих регионах, но решительной победы добилась лишь в Сербии и Черногории. В Боснии и Герцеговине и Македонии социалисты не смогли получить большинства. А в Словении и Хорватии к власти пришли националисты.

13 мая 1990 года в Загребе состоялся так называемый «матч ненависти» - футбольный матч между загребским клубом «Динамо» и белградской «Црвеной Звездой», который перерос в массовую драку футбольных фанатов обоих клубов и полиции. Этот матч в дальнейшем стали считать символическим началом сербо-хорватской войны.

Самым большим ударом по Югославии стал референдум в декабре 1990 года, на котором 90% словенцев проголосовали за независимость. 19 мая 1991 года Хорватия также провела референдум по вопросу независимости государства. В Хорватии процент тех, кто поддержал независимость был впечатляющим - 91,7%, против высказались преимущественно представители сербского меньшинства.

25 июня 1991 года парламент Хорватии – Сабор, в котором большинство имела хорватская демократическая партия

во главе с Франьо Туджманом, который через год станет первым президентом страны, провозгласил независимость страны, а 8 сентября – принял решение об окончательном разрыве с Социалистической Федеративной Республикой Югославия.

Проблемы хорватской независимости были связаны не только с позицией Сербской Республики, которая всеми силами пыталась сохранить Югославию и свою гегемонию над её народами. Во времена правления коммунистов во всех югославских республиках были созданы “районы нестабильности”, которые должны были помешать титульным нациям бороться за независимость от Югославии. Юмор Тито заключался в том, что Сербия тоже имела такой район – Косово, населённый преимущественно албанцами.

Задолго до провозглашения независимости Хорватии местные сербы, которые в основном компактно жили в краю на границе с Боснией, начали совместные действия по отделению края от Хорватии. 30 мая 1990 года сербская демократическая партия во главе с Йованом Рашковичем разорвала все связи с хорватским парламентом. В июле сербы в Хорватии создали сербский национальный совет, для координации противодействия независимости Хорватии. Их позиция заключалась в том, что если Хорватия может отделиться от Югославии, то сербы могут отделиться от Хорватии. В августе 1990 года сербы начали “революцию брёвен”, во время которой баррикады бревен были размещены на дорогах по всему югу страны как выражение сербского отделения от Хорватии.

21 декабря 1990 года было объявлено о создании Сербской автономной области Краина (САО Краина). 16 марта 1991, состоялся референдум, с вопросом Ты за присоединение САО Краины к Республике Сербия и пребывание в Югославии, где Сербия, Черногория и т.д., пытаются сохранить Югославию?”. С 99,8% голосующих “за”, референдум был проведён и ассамблея страны заявила, что “территория

Сербской Крайны является составной частью единой государственной территории Республики Сербия". 1 апреля 1991, Крайна заявила, что выходит из состава Хорватии. Другие сербские общины в восточной части Хорватии объявили, что они также присоединяются к Краине, перестали платить налоги Загреба, и начали создание своей валютной системы, армии и почты.

Война за независимость Хорватии

Сразу после провозглашения независимости Хорватии, начались столкновения хорватских вооруженных частей с подразделениями Югославской народной армии (ЮНА), которая начала играть роль сербской армии.

Чтобы взять Хорватию под контроль, сербы планировали силами ЮНА и своей «пятой колонны» из страны отрезать Далмацию - юго-западные территории Хорватии, которые находятся вдоль морского побережья, от остальной территории страны. Таким образом основная территория Хорватии теряла выход к морю, а Далмация – поддержку из центра. В то же время планировалось военное вторжение частей ЮНА с территории Сербии, которые должны были соединиться с сербскими силами в Хорватии и оккупировать всю её территорию.

25 августа 1991 года сербские войска атаковали приграничный хорватский город Вуковар. Так началось одно из ключевых сражений всех югославских войн и одно из крупнейших сражений XX века — битва за Вуковар, в ходе которой небольшой хорватский гарнизон (около 2000 чел.), практически не имевший тяжёлого вооружения, почти три месяца держался в осаде, нанося большие потери значительно превосходящим сербским силам (в зависимости от фазы битвы от 30 000 до 80 000 военных), которые имели на вооружении около 1 500 танков, почти тысячу единиц артиллерии и много другой военной техники.

Успешная оборона Вуковара сыграла ключевую роль в дальнейшем развитии боевых действий. Вынужденные со-

средоточить большие вооружённые силы для штурма Вуковара сербы упустили возможность быстрого захвата Хорватии; напротив хорваты выиграли время для создания собственной регулярной армии и не позволили сербским сепаратистам полностью отсечь Далмацию. Битва за Вуковар вызвала безprecedентный патриотический подъём в Хорватии и способствовала хорватской общенациональной мобилизации и единению. Войну за независимость в Хорватии назвали *Domovinski rat*, что можно перевести как Отечественная война, а Вуковар называли «хорватским Сталинградом». В конце концов взять город сербам удалось, лишь почти полностью его разрушив.

19 декабря 1991 года в городе Книн была провозглашена независимая от Хорватии Республика Сербская Краина (РСК), в состав которой кроме собственно краины вошли Западная и Восточная Славония. РСК занимала треть территории Хорватии, а сербы составляли 12% от общей численности населения Хорватии.

Хорваты, вдохновлённые удачным для себя развитием боевых действий в Вуковаре и Далмации, продолжили свои военные успехи — им удалось не только остановить сербов почти на всех направлениях, но и начать собственное контрнаступление. Однако в разгар боевых действий в ход войны вмешалось “международное сообщество”. Под давлением ООН и других международных организаций в январе 1992 года было заключено соглашение о прекращении огня.

Сложившаяся в Хорватии ситуация не могла устроить хорватское правительство: 30% территории находились под контролем сербов, мирное хорватское население было уничтожено или вытеснено с этих территорий, южная часть Далмации была практически отрезана от остальной части страны.

Относительное перемирие сохранялось до 1995 года. Исключением были лишь три операции 1992-93 гг., в результате которых Хорватия прорвала сухопутную блокаду Южной

Далмации и отбила у сербской страны стратегически важные участки территории. Всё это время в соседней Боснии и Герцеговине шла война, поэтому сербы не имели никакой возможности продолжать интервенцию в Хорватию, но враждебные отношения с Сербской Краиной не улучшились.

Изменения произошли весной 1995 года после конфликта на шоссе на границе Западной Славонии, когда несколько гражданских хорватов были убиты и взяты в плен. Этот конфликт стал формальным поводом для продолжения хорватскими войсками боевых действий. 1-2 мая состоялась операция “молния”, в результате которой хорватские войска захватили часть Западной Славонии, входившую в Республику Сербская Краина.

Президент Сербской Краины Милан Мартич приказал на нести ответный удар 262-мм ракетами “Оркан” по Загребу, что и было сделано 2 и 3 мая. В результате обстрела погибло 6 загребчан, 180 получили ранения различной тяжести, однако, это лишь разозлило хорватов.

После падения Западной Славонии, боснийские сербы пытались провести операцию по уничтожению хорватского анклава Орашье, но хорваты выдержали удар. Боевые действия на боснийской границе с Хорватией (фактически с Сербской Краиной) продолжились с новой силой. Боснийские и краинские сербы, понимая, что от скорого поражения их спасёт лишь объединение, направили все усилия на разгром 5-го армейского корпуса Боснии и Герцеговины, который создавал преграду для соединения сербских сил и угрожал с боснийской территории войскам Сербской Краины.

Понимающие опасность соединения сербских сепаратистов Хорватии и Боснии в один анклав, хорватские войска провели операцию «Лето-95», целью которой было создание угрозы городу Книн – столице Сербской Краины, что должно было отвлечь значительные силы сербов от атаки на 5-й боснийский корпус. 28 июля, за три дня, операция “Лето-95” достигла своего результата: был захвачен город Грахо-

во – стратегически важный пункт, открывавший хорватам возможность создания плацдарма для нападения на Книн. Сербы вынуждены были отменить свои планы и перегруппироваться.

Стоит отметить, что за пять лет конфликта хорватская армия превратилась в современную военную силу, действующую по стандартам НАТО. Ради этого были наняты американские военные специалисты, и проведена огромная работа. Кроме того был значительно повышен уровень вооружения и материального обеспечения войск. Поэтому неудивительно, что хорваты начали выигрывать у сербов битву за битвой.

В июле-августе 1995 года шли бесплодные обсуждения плана мирного урегулирования конфликта “Z-4”, по которому РСК входила в состав Хорватии как культурная автономия сербов. Последний раз стороны собрались в Женеве 3 августа. Однако, сербы отказались от подписания договора. Это была последняя попытка мирного решения проблемы.

4 августа хорватские войска начали масштабную операцию “Буря”, результатом которой должен был стать полный разгром войск Республики Сербская Краина. На проведение операции отводилось 4-5 дней, любая затяжка могла привести к негативной реакции “мирового сообщества”. Уже утром 5 мая хорватскими войсками была занята столица РСК Книн. К 7 августа все сербские войска на территории РСК были разбиты. Республика Сербская Краина перестала существовать.

Последствия войны в Хорватии сами по себе были ужасными – разрушенные города и сёла, бегство или принудительное выселение почти 150 тысяч сербов, десятки тысяч убитых, нескрываемая взаимная ненависть хорватов и сербов, в дальнейшем – крайне напряжённые отношения между Союзной Республикой Югославия и Хорватской Республикой. Тем не менее хорватский народ получил главное – свободу, получил право быть свободным хозяином на своей земле.

Судьба новых усташей

Необходимо вспомнить о появлении “новых усташей” - хорватских националистов, первыми вступивших в бой с сербами. В 1990 году хорватский националист и диссидент Доброслав Парага восстановил и возглавил хорватскую партию Права, то есть историческую партию усташей. Боевым крылом этой партии стала организация ХОС (хорватские оборонительные силы - *Hrvatske obrambene snage*).

Идеологически Хорватская партия Права опиралась на движение усташей. Её идеалом было независимое государство Хорватия (1941-45 гг.), и основывая боевое крыло своей партии, Парага дал ему название последней армии Хорватии, в которой в 1944 г. обычные войска (Домобраны), были объединены с формированиями усташей. ХОС начала 90-х восприняли от ХОС-а 40-х девиз “*Za dom spremni!*”, чёрную форму, флаг и эмблемы. Это были прямые продолжатели дела усташей. И они первые, за фактическим отсутствием государственных вооружённых сил, встали на защиту Родины от вторжения сербов.

Правящая партия Хорватский Демократический союз во главе с бывшим коммунистом и югославским офицером, а ныне президентом Туджманом, была не против, когда ХОС остановил наступление сербов в Восточной Славонии. Но боясь растущей популярности Хорватской партии Права и обвинений в возрождении фашизма со стороны «мирового сообщества», хорватские власти начали целую кампанию по уничтожению ХПП и ХОС.

Уже с сентября 1991 года против руководства ХПП начинается настоящий террор с убийствами, взрывами и арестами без каких-либо доказательств. Главу ХПП Доброслава Парагу обвиняют в организации незаконного вооружённого формирования, подготовке свержения правительства и клевете на представителей власти. Все обвинения с Параги были сняты, но из-за судебных дел он был исключён из избира-

тельного процесса, и не смог принять участие в президентских выборах.

30 сентября 1992 года прокурор направил в Конституционный суд ходатайство о запрете ХПП. 8 ноября 1992 года Военный трибунал в Загребе инициировал расследование деятельности ХПП на предмет сговора с целью свержения правительства. 4 ноября 1993 года военный трибунал снял с партии все обвинения.

28 сентября 1993 года регистрационное ведомство лишило Доброслава Парагу права представлять ХПП, передав партию в руки правительственные агентов. ХПП стала марионеточной проправительственной партией. Все жалобы в регистрационный и Конституционный суды были отклонены. Новые усташы были вытеснены из политики так называемыми «демократами» и либералами.

Хорватия после войны

После войны к власти в Хорватии пришли лево-либеральные силы, которые были готовы ради вступления в ЕС и получения денежной помощи от Запада пойти на любые уступки «мировому сообществу», которое для начала требовало от страны выдать в международный военный суд в Гааге командующих хорватской армии времён 1995 года. Таким образом руководство ЕС одновременно признало правомерность ведения хорватами войны против сепаратистов и неправомерность победы над сепаратистами, поскольку она повлекла за собой массовый побег сербов из страны.

После ареста и суда над тремя бывшими хорватскими генералами, которых обвиняют в совершении военных преступлений: Анте Готовины, Ивана Чермака и Младена Маркача, в Хорватии начались массовые протесты. Анте Готовина - генерал-полковник хорватской армии, командовавший операциями «Лето-95» и «Буря», считается в Хорватии национальным героем. Абсолютное большинство хорватов было против выдачи Готовины, и развернуло активную кампанию

в поддержку генерала. Вся страна покрылась плакатами, биллбордами, граффити, основным лейтмотивом которых были лозунги: *Heroj ne zlocinac!* - герой не может быть преступником!, *Mozemo li Gotovinom platiti dostojanstvo?* - можем Готовиной платить за благосостояние?, *Gotovina ili EU?* - Готовина или ЕС?

Ситуация с выдачей Готовины и других героев освободительной войны негативно сказалась на отношении хорватов к Европейскому Союзу. Несмотря на то, что на референдуме за вступление в ЕС большинство якобы поддержало евроинтеграцию, эксперты отмечают, что в референдуме приняло участие всего 44% избирателей, и по приблизительным оценкам против выступает от 35% до 50% населения страны. И это не только молодые патриоты, не только военные, участники войны, но и те же фермеры, которых после вступления в ЕС ждёт снижение спроса на сельскохозяйственную продукцию. По стране массово проходят акции против вступления в ЕС – видимо ни в одной другой стране Европы такую картину не приходится наблюдать!

Как ни старались хорватские власти лавировать между национальными интересами, мнением общественности и планами своих внешнеполитических партнёров, сотрудничество с ведущими международными организациями сводится к выполнению многочисленных условий и постоянной критике со стороны последних. Не выдержав постоянного давления, в 2009 году ушёл в отставку премьер-министр Хорватии Иво Санадер. Он публично признался, что проводимая им внутренняя и внешняя политика осуществлялась под сильным давлением Запада. При этом Санадер публично раскаялся в том, что способствовал вступлению Хорватии в НАТО, выполнял требования Гаагского трибунала, выдавая своих военных, спешивших признать Косово.

Ядранка Косор, сменившая И. Санадера, его соратница по партии, взяла на себя обязательство привести Хорватию в Европейский союз, выполнив все требования, которые вы-

двинуло «международное сообщество». Однако за прошедшие полтора года уровень безработицы в стране только увеличился, коррупционные скандалы продолжаются, а решительных шагов здесь власть не предпринимает, потому что в них замешаны члены правящей партии.

Хорватская нация имеет очень высокий уровень чувства национального достоинства и гордости за собственное прошлое. Они выиграли кровавую войну, но жизнь после войны ставит очередные вызовы, которые могут быть сложнее даже военных. Остается лишь пожелать хорватам предпринять верные шаги, которые не приведут к потерям того, что было завоёвано кровью хорватских героев.

Выводы

В начале нашей статьи мы отметили, что опыт хорватского национально-освободительного движения является без сомнения поучительным для нас - украинцев.

Конечно, хорватские повстанцы совершили много ошибок, возможно их методы были слишком жестокими, но независимость Хорватии была завоёвана. И если прислушаться к обвинениям, которыми просто осыпают «старых» и «новых» усташей их враги и «международное сообщество», можно легко понять мотивы этих критиков.

“Премьер-министр даже призвал сербов вернуться назад, пообещав им равноправие. Но бежавшие сербы воевали за право самоопределения, за возможность молиться в православных храмах, использовать кириллицу. А что они найдут в Хорватии сегодня? Враждебность соседей? Руины церквей? И потому-то, несмотря на все призывы Сербской Православной Церкви и патриарха Павла не покидать землю предков, практически всё население считало бегство лучше хорватской оккупации» ... - это всё выглядит не иначе как плач оккупантов по потерянной колонии и возможности презирать другой народ, живя на его же территории. Аргументы о земле предков похожи на аргументы о «русском Крыме».

Как могут одновременно вестись разговоры о массовых уничтожениях и изгнании сербов из Хорватии во время Второй мировой войны, и о массовом же нахождении сербов в послевоенной Хорватии. Легко напрашивается вывод о том, что после войны Тито искусственно создал наплыв сербов в Хорватию для создания того самого «района нестабильности». Таким же образом действовал Сталин, переселениями целых народов создавая на Кавказе предпосылки для будущих кровавых конфликтов.

Главными аргументами противников усташей являются обвинения в нечеловеческой жестокости и т. н. «этнических чистках». Если внимательно рассмотреть историю войн в Югославии, то не найдётся ни одной стороны многочисленных конфликтов, которая бы не проявляла нечеловеческой жестокости. За время своего господства, сербы создали атмосферу такой лютой ненависти, что это не могло пройти безследно. Такие правила установили все стороны конфликта.

Понятие “этнические чистки” вообще стало одним из символов современного лицемерия. Можно наблюдать тенденцию к подмене понятий в пользу империалистов-захватчиков: партизанская борьба против оккупантов называется «терроризмом», изгнание и уничтожение вражеских колонистов – «этническими чистками», а желание народа быть хозяином своей земли – «фашизмом». Коренные народы уничтожаются в империях, и исчезают навсегда, но никто не говорит о геноциде и «этнических чистках», потому что некому говорить.

В любом конфликте надо искать суть, а не детали. Империалисты же всегда стараются от сути перевести внимание на детали, потому что по сути они не правы. Они приходят забрать чужое, а когда им это не удаётся или у них чужое отвоёвывают обратно, начинается плач о «нечеловеческих зверствах» и «этнических чистках».

Хорваты не имели никакого другого выбора: треть их страны была захвачена врагом, который не собирался при-

знавать хорватское государство, постоянно пытался рассечь территорию пополам, перекрывал пути государственного значения, и не шёл ни на какие компромиссы и мирные соглашения. Если бы в 1995 году сербский анклав не был уничтожен, вражда и внутренний конфликт затянулись бы на долгие годы, как это было в Косово. Только полный разгром сербов заставил их отказаться от продолжения давления на Хорватию. И требования ЕС к Хорватии о возвращении всех сербов обратно просто невозможно выполнить. Сербы не хотят сами возвращаться, потому что как говорилось в приведённой выше цитате, они не привыкли жить на равных с другими народами, им нужен особый статус, кириллица и Сербская Православная Церковь. Они, как и все остальные империалисты, никогда не признают себя агрессорами и оккупантами, а будут посреди чужой земли разговаривать о «земле предков».

Пока не исчезнут все империи, в *мире* будут продолжаться жестокие конфликты типа войны в Югославии, ибо ненависть между народами может жить и накапливаться очень долго, и через поколение вырвется наружу кровавым восстанием.

Заканчивая нашу статью, стоит сделать ещё один вывод: схожи не только исторические судьбы народов, попавших в колониальную зависимость, схожи и судьбы их оккупантов. И судьба сербов должна стать предостережением для других любителей собирания земель и народов.

Дополнение (21.12.12):

16 ноября 2012 года произошло событие, которое органично продолжило тему нашей статьи: Международный военный суд ООН в Гааге признал невиновными в военных преступлениях арестованных ранее хорватских генералов Анте Готовину и Младена Маркача. Генерал-полковник Анте Готовина, непосредственно руководивший операцией «Буря», принесшей хорватам молниеносную победу над сербскими

сепаратистами, был арестован в 2005 году и приговорён к 24 годам заключения. Выдача генералов, руководивших последними военными операциями в сербо-хорватской войне, была одним из условий для вступления Хорватии в ЕС. Такая постановка вопроса вызвала массовые протесты среди хорватов, которые не желали расплачиваться за вступление в ЕС свободой своих героев. Результатом ареста генералов и других политических требований стал фактический провал референдума по вступлению Хорватии в ЕС. Таким образом, запланированное на лето 2013 года вступление Хорватии в ЕС оказалось под угрозой срыва.

Ключевым аргументом обвинения Гаагского суда против хорватских генералов было утверждение, что артиллерийские снаряды попадали дальше чем в 220 метрах от военных объектов в городах, занятых сербами, это давало основания говорить об атаках на мирное население. 16 ноября суд признал, что это утверждение не соответствует действительности, как и существование «организованной преступной группировки, целью которой было перманентное насилиственное удаление сербских мирных жителей из района страны». Напомним, что по этим обвинениям генерал Готовина уже отсидел в тюрьме ООН 7 лет.

После таких судебных решений у многих возникло ощущение, что суд ООН используется Евросоюзом в политических целях. Арест, обвинения и оправдания были просто элементами «политической игры» с Хорватией. Поскольку хорваты проявили твёрдость и не отреклись от своих героев, Евросоюз был вынужден пойти на уступки. Отказ Хорватии от вступления в ЕС стал бы негативным прецедентом, который серьёзно ударил бы по имиджу Евросоюза.

Хорватия одержала очередную победу благодаря национальному достоинству хорватского народа и отказу от компромисса с совестью. В свете последних событий, таких как позорная поправка к резолюции Европарламента относительно ВО «Свобода», позиция хорватов должна стать примером

для украинцев. Потому что за всеми разговорами о европейских ценностях стоит банальная политическая и экономическая борьба базирующаяся на Праве Силы, и только сильные государства смогут выжить в этой борьбе.

Источники:

Украинцы, хорваты, сербы. Межнациональные отношения в 20 веке.

http://rid.org.ua/ukr/index.php?option=com_content&task=view&id=395&Itemid=1

Сборник решений комитета по правам человека в соответствии с Факультативным протоколом

том 7, 66-74 сессии, (июль 1999 г.-март 2002 г.)

<http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-croat.html>

<http://avenire.livejournal.com/6125.html>

Ионов Александр Алексеевич «Очерки военной истории конфликта в Югославии (1991-1995)».

Сергей Пархоменко “ хорватские патриоты: Za dom spremni!»

«Югославия на пути к катастрофе (религиозный аспект)»

<http://vojnik.org/religion/2>

Михаил Кожемякин «Хорватские усташа»

<http://m1kozhemyakin.livejournal.com>

The Telegraph

<https://web.archive.org/web/20150402131607/http://www.spas.net.ua/index.php/library/article/737>

Текст клятвы, которую приносил каждый вступающий в ряды хорватского движения усташей:

«Клянусь Богом всемогущим и всем, что мне свято, что буду следовать усташеским идеям и законам, безусловно исполнять все приказы поглавника, что всякую поверенную мне тайну буду строжайше соблюдать и никому ничего не выдам.

Клянусь, что буду бороться в усташеских рядах за завоевание независимости хорватского государства и сделаю всё, что мне прикажет поглавник.

Если я нарушу эту клятву..., пусть меня по усташеским законам настигнет смертная кара. Помоги мне Бог! Аминь!».

Символические предметы присяги усташей:
распятие, нож, пистолет и граната.

д-р Рори Йомэнс

МОДЕРНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ГЕНОЦИД: ПРАВЛЕНИЕ УСТАШЕЙ В ФАШИСТСКОЙ ХОРВАТИИ (1941—1945)

На выставке, организованной в апреле 1942 г. по случаю празднования первой годовщины «независимого государства Хорватия», в помещении, где демонстрировались достижения Министерства транспорта и общественных работ, возвышались две электрифицированные колонны. На одной из них стоял ус, подсвеченный неоновыми огнями, изображавшим пламя, а ниже помещался лозунг короля Звонимира «Справедливость, право, труд». Другая колонна была украшена лозунгом усташей: «Плотиной и плугом Хорватия себя кормит, а усташа её защищают». Этот лозунг повторялся на сотнях плакатов [1]. Станко Виткович был поражён увиденным. В рецензии на выставку в журнале «Хрватска смотра» он писал, что представленные на ней экспонаты свидетельствуют, что целью государства усташей является не только «грандиозность территории», но и «величие», обусловленное «физическими и духовным здоровьем нового поколения и его этическими принципами». В подтверждение этого он подчеркнул, что государство усташей предоставляет работникам физического труда не только «права и человеческое достоинство», но и обеспечивает их «чистым, современным и удобным» жильём, что является «безспорным и неопровергнутым свидетельством [его] заботы ... о рабочих» [2].

В этом же журнале появилась информация и о другой выставке — «Евреи», — организованной директором государственного бюро по расследованиям и пропаганде Вилко Ригером 1 мая 1942 г. Её основная цель состояла в том, чтобы показать «развитие еврейства и его разрушительную деятельность в независимом государстве Хорватии до апре-

ля 1941 г.». Во вступительной речи Ригер подчеркнул, что государство не случайно организовало эту выставку в том же здании, где месяцем раньше праздновались успехи первой годовщины функционирования государства усташей. Обе выставки неразрывно связаны между собой: «Влияние евреев в Хорватии было столь пагубным, наносило такой ущерб, что было необходимо срочно раскрыть перед народом Хорватии их разрушительную деятельность». Он отмечал: если на выставке «Первая годовщина независимого государства Хорватия» можно увидеть основные достижения государства, то выставка «Евреи» продемонстрирует, «как движение усташей окончательно отомстило еврейской гидре». Неучастие в «борьбе против евреев», по утверждению Ригера, обрекло бы нацию на «крах и уничтожение» [3]. Томислав Церовац в своём обзоре этой выставки с ненавистью констатировал, что «евреи были перемещены в сборный лагерь в Ясеновац, для обработки полей Лоньоско», и добавлял, что материалы выставки непременно убедят посетителей в том, что «жесточайшие меры против угнетателей нашего отечества», принятые в государстве усташей, не были «мимолётной модой». К тому же, писал он, антисемитские законы призваны гарантировать «процветание в будущем». «То, к чему мы так долго шли и никак не могли сделать, мы достигли в Хорватии „Вождя“: мы решили еврейский вопрос и определили степень влияния евреев на нашу культурную, политическую и экономическую жизнь» [4].

Обе данные выставки были весьма символичны для государства усташей.

С одной стороны, ставилась цель использовать террор для начала «революции крови», основная задача которой заключалась в построении однородного государства Великой Хорватии. При помощи террора усташа хотели очистить отчество от сербов, евреев и других «нежелательных элементов». С другой стороны, утверждалось, что, исходя из этого, общество и граждане будут нуждаться в перестройке. Эта цель

должна была быть достигнута в результате второй революции — «революции души». Фашизм начался как реакция на классовые и социальные конфликты, как реакция на кризис политических институтов и «современность». В этой перспективе как «революция крови», так и «революция души», по словам Зигмунта Баумана, были «целевым геноцидом», «социальной инженерий» и шагом по пути, ведущему к созданию «совершенного общества», каким оно представлялось идеологам усташей. Бауман утверждал, что нацию следует рассматривать как «сад», а группы, которые должны были быть уничтожены, — как засоряющие его «сорняки». Если «сад» нельзя отделить от «сорняков» или воспрепятствовать распространению последних, то их следует уничтожить. Марко Ламезиц, региональный партийный босс в Пригорье, на народный сход в июне 1942 г. хвастался, что движение вырвало с корнем «всю иностранную отраву из души хорватской нации» [5].

Идеологи государства — специалисты в области расовой и социальной теории — настаивали на том, что выкорчёвывание предположительно «опасных» и «чуждых» меньшинств есть предварительное условие для разработки программы национального возрождения. Они заявляли, что «вторая революция» приведет к созданию «новых мужчин и женщин» с привитыми ценностями усташей, к формированию общества, модифицированного путём культурного просвещения и образования, к «корпоративной социалистической экономике», работающей на благо «национального сообщества» во главе с фабричными рабочими и крестьянами, к выкорчевыванию безнравственности в общественной и частной жизни.

Различие между двумя революциями, конечно, было не таким чётким. На вершине «революции крови» многие черты «второй революции» были использованы государственными пропагандистскими агентствами и идеологами усташей для обоснования необходимости уничтожения сербов и евреев не только потому, что последние, по их терминологии, были

«классовыми врагами» и «эксплуататорами», стоявшими «на пути социальной справедливости и экономического процветания», но и потому, что они «отравляли» культуру и частную жизнь в Хорватии «безнравственностью и пороком». Кампания депортации, массовых убийств и последующей ликвидации в концлагерях могла быть проведена затем как часть более обширного процесса «национального обновления». Хотя мероприятия «второй революции» системно проводились лишь после того, как государство заявило о своей «победе» в решении «проблемы сербов и евреев», обе революции рассматривались теоретиками усташей как существенные этапы на пути к «современности» и прогрессу.

Возникновение движения усташей

Движение усташей, согласно его собственной мифологии, сложилось как армия борцов, призванных освободить из «тюрьмы Югославии» угнетённую хорватскую нацию. Сформировано оно было в 1929 г. из студенческих обществ, действовавших в университете Загреба, и старшеклассников, сгруппировавшихся вокруг Анте Павелича и Густава Персеча. Главной целью движения было создание государства Великой Хорватии, в состав которого вошли бы не только Хорватия, но и Босния, которую предполагалось очистить, если необходимо, то и силой, от расово «чуждых» элементов, в основном, от сербов. Антисемитизм первоначально не находился в центре внимания усташского движения. Однако уже в 1930-е гг. под влиянием германского национал-социализма ситуация начала меняться.

Идеологическим вопросам ядро усташей не придавало большого значения. Основополагающий идеологический трактат движения — «Принципы усташей», опубликованный в 1930-е гг., сводился лишь к семнадцати пунктам. Наиболее важные из них содержали призыв к образованию независимого государства, основанного на принципах крестьянского образа жизни, «базиса и источника» нации, воспевали тради-

циональные католические семейные ценности и требовали «сбалансированного воспитания» в духе евгеники и в интересах создания расово чистой нации.

Краткость этого документа не оставляет возможности в полной мере уяснить всю совокупность идеологии усташей, хотя интеллектуалы этого движения впоследствии нередко пытались придать ему значимость «священного манускрипта». Принципы не обновлялись и вряд ли в полной мере отражали идеалы основного массива правых радикалов, навязавших возникшему затем государству усташей свои социальные и культурные установки [6].

Вскоре после формирования движения усташей Павелич и его сторонники покинули Югославию. В Италии и Венгрии ими была создана сеть тренировочных лагерей, в которых готовились безжалостные террористы родом не только из Хорватии, но и из других стран Европы. В Берлине Павеличем был также основан Центр пропаганды, который возглавили два молодых интеллектуала: Бранимир Джелич и Младен Лоркович. Главная штаб-квартира усташей (GUS) была размещена в одном из тренировочных лагерей. Оттуда поступали распоряжения и приказы, там печатались пропагандистские листовки и газеты, разрабатывались планы операций.

В лагерях был установлен строгий военный порядок. Прибывавшие рекруты принимали клятву верности движению и его вождю. Нарушение этой клятвы каралось смертью. Не просто складывались и отношения между самими рекрутами. Нередко в их среде возникали конфликты, результатами которых были инвалидность, убийства и самоубийства [7].

Среди волонтёров, пополнявших зарубежные лагеря усташей, доминировал простой люд. И, напротив, для сторонников и активистов движения, находившихся в самой Хорватии (так называемых «домашних усташей»), был характерен сравнительно более высокий уровень образованности. В их числе было немало интеллектуалов, в том числе писателей. При всей ожесточённой политической конфронтации, ха-

рактерной для тогдашней Югославии, «домашние усташа» воспринимались югославскими спецслужбами как менее опасные, чем их единомышленники-эмигранты. Последние, в свою очередь, пренебрежительно относились к «домашним усташам» насмешливо, именуя их джентльменами-дилетантами из метрополии.

Хорватский сепаратизм и его социальные утопии

К концу 1930-х гг. национализм и сепаратизм находились в этом регионе на подъёме. Это относилось как к Югославии в целом, так и к Хорватии в частности. В 1939 г. в рамках страны была образована автономная Хорватская Бановина, в которую вошли Хорватия и часть Боснии. Источником этого акта было соглашение между премьер-министром Югославии Драгишой Цветковичем и лидером Крестьянской партии Хорватии Владко Мачеком. Предполагалось, что создание Бановины снизит уровень националистических настроений, характерных для хорватов, и поможет выжить единому югославскому государству. В действительности же реальным следствием этого акта стало появление авторитарно управляемого сепаратистского территориального образования, в котором всё более заметную роль стали приобретать идеи и риторика правых радикалов. Крестьянская партия хорватов приобрела в Бановине характер государственной политической структуры, целеустремлённо утверждавшей культ своего руководителя Мачека. Даже мягкая его критика или несогласие с политикой Крестьянской партии то и дело клеймились как измена, предательство всей хорватской нации. Утвердившаяся в Бановине идеология была открыто враждебной не только весомому сербскому меньшинству, но также и тем хорватам, которые считали себя югославами. Вскоре с ними стали обращаться как с гражданами второго сорта, а в отдельных случаях даже подвергать преследованиям.

Кампанию против так называемых «предателей нации» открыто вела ведущая газета Хорватии «Хорватский днев-

ник», угрожавшая, в частности, что власти Бановины откажутся платить заработную плату тем, «чьё поведение вызывает недоверие хорватской нации». А когда команда пловцов из Бановины проплыла на соревнованиях не под хорватским, а под югославским флагом, то по возвращении на родину подверглась шельмованию. Неистовавшие средства массовой информации требовали, чтобы тем спортсменам, «кто ест хорватский хлеб и наслаждается продуктами хорватской культурной среды», за их неблагодарность навсегда запретили участвовать в состязаниях [8]. Примерно в то же время президент Федерации футбола Хорватии Иво Кральевич публично провозгласил необходимость борьбы против «тех, кто осознанно или неосознанно служат иностранцам», кто «лжёт и препятствует хорватизации» спортивной среды Бановины [9].

При всём этом создание Бановины не удовлетворило правых радикалов. Они продолжали требовать провозглашения полностью независимой Великой Хорватии.

В 1930-е гг. в авангарде сепаратистского движения в Хорватии продолжали пребывать радикальные студенческие общества Университета Загреба. Они открыто и шумно поддерживали движение усташей, проводили забастовки, организовывали националистические концерты, выпускали многочисленные сепаратистские подпольные и легальные издания. Многие из них своими названиями напоминали о различных аспектах сельской жизни, подчёркивая тем самым важность крестьянского быта и свою веру в то, что «аутентичные» национальные ценности следует искать в деревне.

Стремление «возвратиться в деревню» и, таким образом, найти дорогу в прошлое, в подлинную Хорватию было постоянной темой студенческой поэзии. В 1934 г. Миле Старцевич опубликовал её антологию, посвященную деревне. Молодое поколение, писал один из спонсоров этого движения Камило Крижанич, хотело подражать желаниям, выраженным поэтом Дуро Арнольдом в одном из своих самых известных сти-

хоторений. Сопротивление иностранным культурным идеям и создание новой литературы на основе жизни в деревне вместе с крестьянами было предметом желаний студентов, писал он. Отсюда в заглавие их культурной программы был вынесен лозунг: «В деревню!» [10].

Подобно многим интеллектуалам-националистам, эти студенты полагали, что крестьянская жизнь должна лежать в основе будущего хорватского государства. В студенческом журнале 1938 г. Звонимир Топали утверждал, что в основу независимой Хорватии надлежит положить крестьянские принципы, которые он определял как справедливость, свободу и человеколюбие. Деревня, считал он, образует «органическое единство» в противовес «органическому членению» города. Топали выражал надежду на то, что в будущей Хорватии крестьяне и интеллигенты станут сотрудничать так, чтобы город начал копировать органическое единство деревни. Именно на этой основе и будут складываться гармонизированные взаимоотношения между городом и деревней.

Правда, сторонники этих взглядов время от времени признавали и наличие проблем сельской жизни. Выступая в том же журнале, Эмиль Лажич отмечал, в частности, что одними из основных приоритетов крестьянского государства должны стать улучшение прискорбного состояния гигиены в сельских поселениях и повышение грамотности [11].

Некоторые сторонники этих взглядов размышляли и о государстве без капитализма. Для Збилинко Маркса капитализм слыл не только антисоциальным, поскольку эксплуатировал и порабощал рабочих, но и антинациональным: «Капитал, — писал он, — не признает отечества, не принимает во внимание те факторы, которые создали нацию. Капитализм интернационален и является антинациональным». Для хорватского рабочего и крестьянина, убеждал он, и «семитский» капитализм, и коммунизм являются чуждыми концепциями. Это так, потому что «наш человек, крестьянин и рабочий, не материалист, а идеалист». Жизнь крестьянина в общинном

кооперативе сделала его коллективистом. Те, кто импортировал эти идеи, наоборот, были «иностранными аристократами и национальной буржуазией» [12].

Эти идеи совпали с возникновением в конце 1930-х гг. ряда социальных и экономических институтов, вдохновленных фашистскими корпоративистскими идеями. Эрнест Маркс, теоретик Союза Хорватских рабочих (HRS), основал Хорватский Социальный Институт — исследовательский центр, связанный с Институтом Германского Рабочего Фронта, возглавляемого Робертом Леем [13]. Институт посвятил себя изучению «социальной политики», а также антимарксистской, антикапиталистической экономики и теории общества, которая рассматривает личность в связи с органическим сообществом, образуемым семьёй, профессиями и крестьянскими кооперативами. Его деятели исходили из того, что прогресс личности связан с судьбой национального сообщества. Поэтому «ништу рабочих или крестьян надлежит воспринимать как нечто, мешающее им выполнять свой долг перед национальным сообществом» [14].

Другие теоретики трудовых отношений, принадлежавшие этому лагерю, иногда утверждали, что в новой Хорватии промышленные рабочие и работники офисов будут руководить новой экономической политикой, и даже предсказывали, что в обществе будущего основной валютой станет труд, а не деньги. «Труд, особенно физический, который в течение столетий порабощался и не признавался в обществе, будет основным показателем социального достоинства и чести». «Труд будет освобождён от денег и фондовой биржи. Золото и бумажные деньги, чья ценность сомнительна и нестабильна, не будут эквивалентом труда» [15]. Аналогичных высказываний можно привести немало. В свою очередь, «Хорватский радник» — газета для рабочих, издаваемая HRS, — публиковала множество сообщений о плохом обращении с рабочими иностранных «спекулянтов». После публикации одного из возмутительных случаев в мае 1939

г., когда хорватского рабочего, избитого своим работодателем, пришлось отправить в госпиталь, «Хорватский радник» угрожающе предостерегал, что в «будущем освобождённом хорватском государстве» будут «радикально вычищены все те, кто пьёт кровь хорватских рабочих и строит за их спинами своё богатство» [16].

К концу 1930-х гг. сторонники усташей стали проникать во многие национальные и культурные институты и устанавливать контроль над ними. Кроме хорватского культурного общества «Матика Хрватска», сторонники усташей приобрели влиятельные позиции в полувоенных организациях Хорватской Крестьянской партии: в Хорватской Крестьянской Защите и Хорватском подразделении Гражданской Защиты, использовавшихся властями Бановины в качестве инструмента принуждения и террора.

В 1940 г. в конфиденциальном полицейском отчёте отмечалось, что в деревнях «растёт влияние радикальных политических групп». В нем же констатировалось, что поддержка сепаратизма широко распространена среди студенческих клубов Загреба и Сараево, в рядах консервативной интеллигенции, низшего духовенства и учащихся старших классов. Фиксировались также возрастание численности как насилистенных атак против оппонентов, так и террористических актов, распространение «безчисленных» листовок, осуждающих предательскую роль лидеров Хорватской Крестьянской партии и призывающих граждан «агgressивно противостоять им при любой возможности». По оценке властей, «самыми сильными и наиболее активными» из всех политических организаций, имевших опорные пункты в крупных городах, следовало считать Коммунистическую партию и сепаратистские объединения. Эти выводы были подтверждены во внутреннем отчёте Хорватской Коммунистической партии [17]. В местных офисах полиции Бановины скопилась уйма отчётов о старшеклассниках, участвовавших в публичных митингах движения усташей. Возросло также число уголовных

дел в отношении радикальных студенческих активистов за владение оружием и бомбами, «по-видимому, в предвидении планируемого националистического восстания» [18].

Усташа и «Национальная революция»

Провозглашение Независимого Государства Хорватии, произошедшее 10 апреля 1941 г., было продуктом вторжения войск фашистской коалиции в Югославию. Это, однако, не означало, что новое государство не располагало народной поддержкой. В своих мемуарах лидер Хорватской Крестьянской партии Владко Мачек признавал, что «волна энтузиазма охватила в то время Загреб, это было похоже на ту, которая залила город в 1918 г., когда были разорваны связи Хорватии с Венгрией» [19]. Это же констатировали и издания тогдашних вечерних газет. «Хорватский народ» сообщала о толпах незнакомцев, целовавших друг друга, о студентах, участвовавших в триумфальных процессиях, о хорватских солдатах, срывающих с себя форму югославской армии [20].

Разумеется, в эйфории пребывали далеко не все. Многие из тех, кто поддерживал идею югославизма и, более того, прежний югославский режим, испытывали чувство тревоги, не без оснований предвидя судьбу, которая их ожидала. Некоторые уезжали, кое-кто, как, например, писатель Иван Мажуранич и журналист Иван Невистич, кончали жизнь самоубийством.

Власть в новом государстве была теоретически сосредоточена в Загребе. Основной контроль над решениями вроде бы осуществлял «Вождь» (или верховный лидер) — титул, который присвоил себе Павелич после того, как его движение пришло к власти. Однако практически на региональном уровне и в коммунах безраздельно хозяйничали местные партийные боссы.

Хотя движение провозгласило своей целью внедрение нового общехорватского сознания, которое сметёт национальное, региональное и социальное деления, в реальной жизни

структуре государства в значительной степени отражала региональные различия. В столице центром власти был GUS, состоявший из семи заместителей начальника штаба, а также руководителей службы адъютантов и специальных уполномоченных. Властные функции подразделялись на три ветви. Гражданская регулировала деятельность самого движения усташей. Взрослые мужчины — усташа были объединены в Движении освобождения, женщины состояли в организации «Лоза Женщин усташей», лица моложе 21 г. — в движении «Молодёжь усташей». Главный союз профессиональных и иных синдикатов (GSS), руководимый Александром Зейцем, формировал отношения между рабочими и государством. Вторая — военная ветвь включала в свой состав Корпус усташей, такие элитные полувоенные подразделения, как Чёрный Легион полковника Джуре Францетича, Охрану Вождя, и хорватскую армию, которой командовал полковник Славко Кватерник. Третья ветвь — служба безопасности — состояла из Службы наблюдения усташей (UNS) и Управления Безопасности и общественного порядка (RAVSIGUR). Обе возглавлялись грозным Диодо Кватерником. В UNS было четыре главных бюро: по сербским и еврейским делам, делам политических противников, концлагерям и секретной полиции [21].

Важная роль была отведена так называемым «культурным институтам». Одним из них считалось Государственное управление национального просвещения (NARPROS), контролировавшее, в частности, участие народа в массовой культуре. Входило в их число и Министерство национального образования, в котором стал со временем функционировать обширный департамент пропаганды. Одновременно действовало Главное управление пропаганды. Оно не только наблюдало за изготовлением пропагандистских материалов, но и занималось цензурой в газетах и журналах.

Организационная структура движения усташей во многом воспроизвела структуру государства в провинциях, райо-

нах, коммунах, городских кварталах, деревнях. Основным подразделением на местах были «стай». Их контролировали «центры», власть которых распространялась на целые города и регионы. Структура была призвана обеспечить присутствие активистов усташей в каждом доме, каждом населённом пункте, и их надзор за обществом сверху донизу. Гражданам, не присоединившимся к движению, внушалось, что, во-первых, оно неотъемлемый продукт хорватской нации, и, во-вторых, никто и никогда не в силах избежать надзора партии — государства.

Сразу же после установления власти усташей в их движение устремились толпы желающих стать его членами. Уже к концу 1941 г. в него вступило более 150 000 новых членов. Летом 1941 г. о своей верности усташскому движению заявили местные отделения Крестьянской партии и профсоюзные организации, а в августе 1941 г. к режиму усташей официально присоединилось её правое крыло. Подобный ход событий породил недовольство сторонников жёсткой линии, которые стали выражать опасения, что чрезмерный приток буржуазных политиков и «оппортунистов» размоет идеологические основы движения. В свою очередь более умеренные фракции движения сочли массовое вступление в его ряды новых членов желательным средством трансформации движения, его превращения из экстремистского в подлинно национальное. Тем самым стали закладываться предпосылки будущей борьбы в рамках режима между умеренными и сторонниками жёсткой линии [22].

«Национальная революция» как окончательное решение

Что означала в этом контексте «национальная революция»? Для теоретиков расовой теории она представлялась окончательным решением «проблемы» чуждого населения, без перемещения которого не могло состояться национальное возрождение». В рамках «национальной революции»,

«освободившей» Хорватию, службы государственной безопасности, военизированные формирования и Министерство внутренних дел начали то, что партийный журнал «Усташа» откровенно называл «кровавой революцией», нацеленной на принудительное уничтожение «иностранных» групп и «ненежелательных элементов», проживающих в «жизненном пространстве» Хорватии [23].

Расовые теоретики усташей, пользовавшиеся поддержкой большинства хорватских правых радикалов, придерживались следующей градации населения. «Наиболее чистыми в расовом отношении» хорватами они считали мусульман Боснии. «Наиболее чуждыми» были провозглашены евреи и сербы, от которых надлежало навечно очистить национальную почву, прибегая к запугиванию, депортации и массовым убийствам.

Почти сразу после прихода усташей к власти Министерство внутренних дел Хорватии инициировало принятие серии законов, служивших правовой базой для такого уничтожения. В мае 1941 г. вступил в силу закон «О защите нации и государства», который позволял государственным органам преследовать любого, «кто оскорбил честь и жизненные интересы хорватского народа или в любой форме навредил существованию независимого государства Хорватии или полномочиям государства поступком или попыткой поступка» [24]. 24 июня 1941 г. вступил в силу закон, устанавливавший специализированные «чрезвычайные» суды для лиц, обвиненных в нарушении названного выше закона, и для других внутренних врагов. В случае признания обвиняемого виновным он должен был приговариваться к смертной казни.

Само судопроизводство было упрощено до предела. Судьи, председательствовавшие при рассмотрении обвинения, были в большинстве случаев сторонниками или членами усташского движения. Особую известность в этом качестве приобрел фанатик Иво Вигневич. Защита сводилась к зачтению адвокатом краткого опровержения обвинительного акта.

Свидетели защиты не приглашались. Апелляция на приговор исключалась. На его приведение в исполнение отводилось не более трёх часов [25].

В июне и июле 1941 г. были дополнительно сформированы суды чрезвычайного положения — постоянные и передвижные. На них рассматривались дела по обвинению в таких преступлениях, как «распространение фальшивых обвинений, содержащих клевету или осмеяние государственной конституции и общественной организации или угрожающих общественному правопорядку». Судам чрезвычайного положения также было предоставлено право выносить смертные приговоры или же, в лучшем случае, приговаривать обвиняемых к «принудительному труду» в одном из концлагерей, самым крупным и наиболее печально известным из которых был Ясеновац [26].

Все эти законы были сформулированы столь обще, что могли быть применены к любому гражданину Хорватии, даже вполне лояльному власти. Эта возможность была осознано подкреплена Дополнительным законом от 10 июля, который предполагал, что недобросовестство в полицию о новом арендаторе жилища могло рассматриваться как основание для вынесения смертного приговора [27].

Параллельно государственными министерствами и агентствами безопасности была осуществлена серия мер по изоляции сербов и евреев от хорватского общества. Были, например, приняты законы, запрещавшие сербам и евреям работать в государственных учреждениях, предусматривавшие принудительное закрытие их культурных и общинных организаций и «национализацию» сербского и еврейского бизнеса. За соблюдением исполнения этих законов наблюдали специальные усташские комиссары и советы доверенных лиц. В крупных городах полиция усташей и службы безопасности переселяли евреев и сербов из их прежних жилищ в гетто, где ограничивалась свобода передвижения и был введён строгий комендантский час. В менее крупных населённых пунктах

сербам и евреям было предписано зарегистрироваться в полиции, что могло, естественно, рассматриваться как предвестие грядущих арестов [28]. Было также ограничено посещение ими магазинов. Муниципальные власти повсеместно запрещали сербам и евреям ходить в кинотеатры, парки, кафе, рестораны, бассейны и принимать участие в любых публичных акциях, а также покупать пищу на рынках [29]. В некоторые муниципалитеты им не только запрещали иметь радиоприёмники, но и делиться с хорватами радионовостями. Иногда дело доходило до прямого запрета сербам и евреям посещать дома хорватов [30].

Согласно законам, определявшим «расовую принадлежность», евреям и цыганам запрещалось вступать в брак с «арийцами»-хорватами. Евреям было вменено в обязанность носить на спине и груди опознавательный знак «2» (Ж). В некоторых городах опознавательные знаки «Р» (П — православный) были введены и для сербов.

Наращивая усилия этого рода, Министерство национального образования создало политический комиссариат по вопросам расы. Перед ним была поставлена задача проследить за соответствием законов принципам расовой политики. Комиссариат выступал в роли арбитра в случае возникновения спора о расовой принадлежности отдельных лиц. Это обеспечило ему полную занятость, поскольку Министерство внутренних дел требовало от всех государственных предприятий, организаций и институтов своевременно представлять официальные свидетельства расового происхождения их служащих.

Любителям «расовой чистоты» были широко открыты и другие возможности проявления инициативы. Например, в городе Винковцы местный совет вынудил евреев дробить скалы. Этот физически тяжелый труд реализовался в обстановке глумления горожан, в том числе соседей и знакомых. В некоторых городах власти заставляли евреев участвовать в разрушении собственных синагог. В других местах советы

усташей закрывали или разрушали сербские православные храмы и передавали их имущество католической церкви или государственным институтам [31].

Несмотря на изначально похожее обращение с сербами и евреями, их судьбы разнились. К лету 1942 г. абсолютное большинство евреев было либо казнено, либо депортировано в концлагерный комплекс Ясеновац или же в нацистские лагеря смерти.

Министерство внутренних дел делало единственное исключение для небольшой категории евреев, которые классифицировались в законе о расовой принадлежности как «почётные арийцы». Теоретически это предоставляло возможность любому еврею, который мог доказать «свою службу делу хорватской нации, особенно её освобождению», подать ходатайство в еврейскую секцию полиции о предоставлении ему статуса «почетного арийца». Это означало бы, что он не будет подлежать контролю, осуществляемому в соответствии с антисемитскими законами, и пользоваться «всеми правами лиц арийского происхождения» [32].

На практике же дело обстояло следующим образом. В полицию поступали сотни тысяч заявлений, однако подавляющему большинству заявителей было отказано в их просьбе. На положительные решения могли рассчитывать лишь родственники высокопоставленных чиновников усташей и немногие известные еврейские активисты и идеологи их движения, а также члены их семей.

Труднее оказалось разрешить «проблему» сербов. На протяжении всей весны 1941 г. чиновники-усташи объезжали все хорватские регионы, произнося зажигательные речи, в которых призывали граждан к ликвидации сербов как народа. Например, в речи на митингах усташей 29 мая партийный босс восточной Боснии Виктор Гутич говорил своим сторонникам: «Я опубликовал радикальные законы, ставящие своей целью полное экономическое разорение сербов. За ними последуют новые законодательные акты, рассчитанные на их

полное уничтожение. Не будьте щедрыми по отношению к любому из них. Имейте в виду, что они всегда были нашими могильщиками и истребляйте их, где бы они не находились. Вождь и я благословят вас» [33].

Подобные же заявления делали министры в речах и на митинге в начале лета. Правда, в отличие от евреев и цыган, сербы не определялись законом как «расово нечистые». Тем не менее расовые теоретики усташей и многие высокопоставленные чиновники настойчиво внушали публике тезис о расовом вырождении живущих в Хорватии сербов. В ход были пущены и демографические аргументы. Так, Милован Жанич неоднократно утверждал, что высокая рождаемость, характерная для сербов, «угрожает самому выживанию хорватской нации». По его словам, сербы, поселившись в Хорватии, размножились как «ежи». Поэтому, до тех пор, пока «проблема сербов не решена, наше государство будет нестабильным» [34].

В свою очередь, Миле Будак, романист и министр образования, в речи в Вараждине называл сербов «мусором Балкан», принесенным в Хорватию с востока турками, «которые использовали их в качестве рабов и слуг, водоносов и нищих. Потом они напали на покинутые очаги хорватов как саранча». Будак поклялся, что «Влахи-сербы» будут вытеснены из государства силой, поскольку это необходимо для защиты «самых чистых» регионов Хорватии [35].

На протяжении всего лета 1941 г. милиция усташей и их эскадроны смерти носились по сельской местности, сжигая целые деревни. Вооружённые топорами, ножами и молотками, они зверски убивали сербов — мужчин, женщин и детей. Их рубили, бросали заживо в шахты и на дно ущелий, сжигали в запертых церквях [36]. Одновременно началось осуществление программы депортации 200 000 более-менее состоятельных сербов и присвоения их собственности.

Сама депортация проводилась в крайне жёсткой форме. Многие депортируемые умирали по дороге или в лагерях,

возведённых для их временного размещения. Официальным обоснованием кампании принудительной депортации нередко служила ссылка на то, что имущество состоятельных сербов будет передано хорватским крестьянам, находящимся в затруднительном положении, а также тем хорватам, которые были вынуждены эмигрировать в 1920—1930-е гг., но сейчас возвратился, чтобы помочь строить новое государство. На самом деле большинство имущества было либо использовано для пополнения казначейства, либо продано по низким ценам активистам усташей со связями в высших сферах. Многие конфискованные предметы домашнего обихода и одежды оказались в магазинах или были распроданы на открытых аукционах [37]. Аналогичным образом распоряжались усташами и имуществом ликвидируемых евреев.

Оценки численности уничтоженных в это время сербов разнятся. Наиболее приемлемые из них свидетельствуют, что из довоенного населения в 1,9 млн человек 400 000, скорее всего, были уничтожены эскадронами смерти усташей либо погибли в Ясеноваце и других концлагерях [38].

Между тем принудительная депортация, массовый террор и убийства обернулись крупными восстаниями сербов в сельской глубинке. К июлю 1941 г. значительные территории Хорватии охватили вооружённые мятежи. Следуя указаниям немецких оккупационных сил, заинтересованных в «наведении порядка» на оккупированных территориях, усташский режим был вынужден ослабить свое кровавое давление на сербов и выработать другие подходы к решению «сербской проблемы».

Были приняты на вооружение две иные линии поведения. Во-первых, предпринята попытка насилием ассимилировать сербов, добившись их массового перехода в католицизм, что должно было превратить сербов в хорватов [39]. Сопровождавшая эту кампанию пропаганда внушала жившим на территории Хорватии сербам, что они первоначально были католиками, но затем, под давлением кампании, про-

водимой сербской православной церковью, оказались перед необходимостью принять православие и обрести, тем самым, сербскую псевдоидентичность.

В процессе планируемого массового обращения сербов в католицизм главенствующую роль играли молодые католические священники. Действуя под наблюдением вооружённой милиции усташей, они возвращали сербов, как вешал заголовок одной из брошюр, «к вере предков». Между тем рядовые сербы, если и шли на это, то только потому, что пытались избежать смерти от рук усташской милиции или местных советов усташей [40].

Вскоре, однако, сербам стало ясно, что переход в католицизм далеко не всегда спасает от усташских палачей, и они стали игнорировать эту процедуру. В связи с этим в феврале 1942 г. данной практике был положен конец. Вместо неё Министерство внутренних дел объявило об образовании Хорватской Православной Церкви. Примкнувшие к ней сербы перестали рассматриваться как «расово чуждые иммигранты». Их стали именовать «православными хорватами».

Руководство усташей ссыпалось на этот «новый подход» как на доказательство того, что террор против сербов пришёл к концу и что усташа привержены теперь политике социальной реинтеграции сербского меньшинства. На самом же деле имелось в виду применить альтернативные средства разрушения исходной сербской идентичности. Делать эту политику постоянной не предполагалось. Она рассматривалась как временная мера, пригодная лишь до того, как будет найдено «окончательное решение» сербской проблемы.

Доказательств этого немало. Несмотря на прекращение систематических массовых убийств, датируемое серединой 1942 г., милиция усташей, используя разнообразные предлоги, ещё долго продолжала «незапланированные» массовые убийства. В качестве одного из примеров этого можно назвать массовые казни образованных сербов Земуна, осуществлённые в июле 1942 г. полицейскими подразделениями

Виктора Томича. Другой пример — состоявшиеся месяцем раньше массовые убийства сербских крестьян в Козаре элитным милицейским «Чёрным легионом». Более того, предполагаемый период «ослабления насилия» совпал с осуществлением проекта «окончательного решения» еврейского и цыганского вопроса [41].

В то же время внезапное внесение некоторых корректив в политику по отношению к сербам, вне зависимости от того, было оно случайным или условным, имело немаловажные последствия.

Во-первых, после прекращения систематического террора против сербов и осуществления «окончательного решения» вопроса с евреями и цыганами режим усташей получил возможность торжественно заявить, что инициированная им «кровавая революция» закончена. Кампания по обращению сербов в католицизм и превращение их в хорватов, а также образование Хорватской Православной Церкви создали новую обстановку. Поскольку сербы теперь трансформированы в хорватов, следовательно, уже сложилось государство-нация, состоящее из хорватских граждан, готовых превратиться в верных подданных усташского государства.

Во-вторых, выявившаяся несостоятельность кампании террора против сербов побудила германские власти потребовать от усташского режима усмирить наиболее явных сторонников чрезмерно жёсткой линии, которые были главными вдохновителями этих действий. «Вождь» не мог не считаться с этим. Некоторые из наиболее фанатичных чиновников и военных были смещены со своих постов в ходе широкой чистки, проведённой осенью 1942 г.

В то же время в высшем руководстве усташей продолжала зреть идея «второй революции», осуществлению которой должны были в решающей степени способствовать укоренившиеся в различных институтах государства-партии честолюбивые молодые технократы, экономисты и специалисты по социальным проблемам. В своём большинстве эти молодые

люди были националистами и правыми радикалами. Вместе с тем они были достаточно образованы, чтобы отдавать себе отчёт в несостоятельности примитивных, чрезмерно грубых силовых приёмов, на которых настаивали сторонники жёсткой линии. При этом, чтобы компенсировать потери антиинтеллигентских фракций, озлобленных не только падением своего влияния, но и возвышением роли образованных интеллектуалов, многие из которых на ранних этапах не были не только членами, но даже сторонниками движения усташей, одним из ключевых аспектов новой «революции» было заявлено культурное и социальное возвышение роли рабочих и крестьян, и, прежде всего, тех, кто состоял в членах движения усташей [42].

«Вторая революция» и перезапуск исходного проекта

После прекращения «кровавой революции» призывы идеологов усташей ко «второй внутренней революции», призванной добиться окончательного превращения обычных хорватов в активных подданных, стали звучать всё громче и громче. Весьма активно выступал в этом плане такой теоретик, как Вилко Ригер. Согласно его взглядам, социальный и экономический прогресс были связаны с национальной революцией. Движение, объяснял он на митинге летом 1942 г., боролось за политическое освобождение, потому что «только таким образом мы могли освободить себя в социально-экономическом смысле». Хотя движение усташей разрушило «тюрьму народов» Югославии и добилось того, чтобы она не могла быть построена вновь, предстояло ещё много работы. «Мы должны переделать наше государство изнутри», — заявлял он [43].

Внутренняя трансформация поведения, привычек и позиций обычных граждан, которую интеллектуалы-усташи определяли как «вторую революцию» или «революцию души», должна была преобразовать все слои общества, превратив его граждан в «новых» «мужчин и женщин» с вновь

привитыми ценностями в области морали, бдительности, жертвенности во имя нации, социальной справедливости и культурного просвещения. Хотя считалось, что некоторые из этих идей уже присутствуют в культурной и социальной политике с момента утверждения государства усташей, истинное системное внедрение многих из них датировалось серединой 1942 г. как результат чистки фракции сторонников жёсткой линии.

Важной частью «второй революции», считали эти интеллектуалы, будет развитие антикапиталистической корпоративистской экономики, которую некоторые из них называли «хорватским социализмом». Это должна быть органическая теория экономической организации. Экономика станет воплощением национального сообщества, в котором каждый гражданин, вне зависимости от класса, будет оцениваться как работник и в котором главными будут права промышленных рабочих и крестьян [44].

Другим элементом «хорватской социалистической теории» была объявлена необходимость улучшения условий труда и жизни крестьян и фабричных рабочих. Специалисты по планированию городов, здравоохранению и социологии общественных работ, как и сотрудники Министерства социальной защиты, намечали проведение ряда мер, направленных на модернизацию сельскохозяйственных земель, фабрик и домов. В числе этих мер были электрификация деревень, строительство рабочих поселений, ирригационные проекты и осуществление широких мер по защите здоровья и социального благосостояния [45].

Первоначально в некоторых подпольных изданиях правых радикалов утверждалось, что победу принципов усташей будет символизировать предстоящая отмена денег. В другом месте местные активисты усташей требовали, чтобы богатые граждане городов в обязательном порядке отдавали свои состояния на благо трудившихся на них бедняков-рабочих [46]. Некоторые предложения нередко имели расовый оттенок.

Идеологи усташей, рассматривавшие социальную революцию как национальную, обычно поясняли, что трудящиеся получат власть только после того, как сербы и евреи, олицетворяющие паразитические классы, и представители иностранного капитала будут истреблены, а их имущество изъято. Выступая в радиожурнале «Хорватски круговал» в связи с открытием специальной программы для рабочих, Мирослав Галл, спортсмен и усташский активист, утверждал, что в результате изгнания сербов и евреев из «национальной экономики» хорватский рабочий «движется семимильными шагами и счастлив» [47]. Однако и государственные министерства и учреждения, настойчиво утверждая, что они «решили» сербскую и еврейскую «проблемы», могли бы, по его мнению, уделять больше внимания социальному обеспечению, модернизации и трансформации коллективного своеобразия отдельно от кампаний национального «очищения».

Важным аспектом «второй революции» было также создание новой национальной культуры, доступной всем общественным классам и основанной на ценностях усташей. С этой целью провозглашалась необходимость осуществления ряда честолюбивых образовательных проектов с целью окультуриивания и образования рядовых граждан. В их числе называлась программа массовой ликвидации неграмотности рабочих, крестьян и солдат. Государственные культурные и образовательные учреждения инициировали кампании, призванные побудить рядовых рабочих и крестьян посещать культурные мероприятия: театральные постановки, демонстрации кинофильмов и выставки. Мобильные подразделения Управления кинематографии ездили в труднодоступные сельские районы для демонстрации крестьянам фильмов. Актеры из Национального театра, такие как Бранко Гавела, исполняли Шекспира в небольших сёлах. Проводились концерты для рабочих на открытых площадках.

Рабочих и крестьян призывали стать активными деятелями культуры. Например, Миле Старцевич, будучи главой

NAPROS, организовывал открытые конкурсы новых сценариев для радио и театра, предназначенных для рядовой публики. NAPROS стимулировал деятельность молодых романистов, художников и драматургов, выходцев из простых семей. Издаваемый усташским движением журнал «Усташа» участвовал в организации различных литературных конкурсов и призывал своих рядовых читателей присыпать для возможной публикации собственные рассказы, стихотворения и статьи. Целью всех этих усилий было не столько стремление поднять уровень образования населения, значительная часть которого была попросту неграмотным, но, в первую очередь, внедрить в толщу масс ценности усташского движения.

Имелось в виду также навязать «новые культурные нормы» писателям и другим деятелям культуры с тем, чтобы побудить их «говорить, писать и действовать как усташи». Получалось это плохо, поскольку усташей поддержали лишь очень немногие деятели культуры.

Большие надежды возлагались на привлечение в лагерь усташей молодёжи. Она должна была стать главным кадровым ресурсом для будущей элиты усташского государства. Отсюда постоянные призывы к ней присоединяться к деятельности местных молодёжных организаций и использовать возможности, которые они открывают не только для политической подготовки, а также путешествий и приключений, но и для совершенствования художественных и иных культурных талантов и подготовки к участию в спортивных событиях, включая международные [48].

Стремясь подкрепить свои призывы действиями, молодёжное руководство движения усташей организовало в 1942 г. первую из запланированных молодёжных художественных школ в Загребе. Там членам усташской организации молодёжи предоставлялась возможность овладеть музыкальным и балетным искусством, познать основы актерского мастерства, приобщиться к писательскому творчеству и т. д. под

руководством ряда ведущих актеров, музыкантов и танцоров страны [49].

«Революция души» опиралась на доминирующее влияние, которым располагали в это время молодые технократы и умеренная фракция, утвердившие свои позиции после чистки 1942 г. Однако всё это продолжалось всего лишь два года. В сентябре 1944 г., когда усташа уже не контролировали большинство страны, а сторонники жёсткой линии, сохранившие свои позиции в руководстве движения усташей, требовали действий, «Вождь» в очередной раз изменил свою ориентацию. Как это обычно бывает при диктатурах, он неожиданно приказал арестовать двух высокопоставленных представителей умеренной фракции: министра иностранных дел Младена Лорковича и командующего хорватскими вооружёнными силами Анте Вокича. Их обвинили в сговоре с Соединёнными Штатами и Великобританией, а также в подготовке вооружённого переворота, направленного против государства и партии. За этим последовал шквал обвинений в средствах массовой информации по адресу «пораженцев и пятой колонны». Одновременно были арестованы многие технократы и умеренные деятели режима, часть которых судили и казнили.

Результатом очередной «большой чистки» стало очередное существенное возрастание влияния сторонников жёсткой линии и новый запуск «кровавой революции». Но на этот раз она оказалась направленной не только против сербов, евреев и внутренних врагов, но и против обычных хорватских граждан, вне зависимости от того, стали ли они верными подданными усташской власти. Тысячи таких граждан были публично повешены в центре Сараево и других городах. Оставшиеся в живых заключённые концлагеря Ясеновац были уничтожены, а сам комплекс сожжён. Отступая в Австрию, войска усташей безпощадно убивали всех, кто не хотел уходить. В мае 1945 г. государство усташей, последнее

и самое жестокое из сателлитов нацистов, развалилось и партизанские соединения вошли в почти пустой Загреб.

Примечания:

1. Velicanstva izlozba jednogodisnjeg rada u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj u priredbi Drzavnog izvjestajnog i promicbenog ureda // Nova Hrvatska. — 1942. — 19. travnja.
2. Vitkovic, S. Izlozba 'Godinu dana rada Nezavisne Dr-zave Hrvatske, 1941—1945' // Hrvatska smotra. — 1942. — V. 10, No. 6. — S. 366.
3. Dokumentarna otkrica o djelovanju Zidova proizvela su nadubli dojam // Hrvatski narod. — 1941. — 2. svibnja.
4. Cerovac, T. Izlozba 'Zidovi' // Hrvatska smotra. — 1942. — V. 10, No. 6. — S. 368.
5. Bauman, Z. Modernity and the Holocaust. — Cambridge, 1989. — P. 91—92.
6. Шестнадцать пунктов подробно рассмотрены в: Crljen, D. Nacela hrvatskog Ustaskog pokreta. — Zagreb, 1942.
7. См.: Pogorelec, J. Tajne emigrantskih zločinaca: o Gu-stavu Percecu i drugovima koji u tutoj službi rade protiv vlastite domovine grozote na Janka Puszti. — Zagreb, 1933. — esp. P. 25—30.
8. Kurir, I. Ugled hrvatskog sporta trazi primjenu egzemplarne kazne protiv nedisciplinarnih plivaca // Hrvatski dnevnik. — 1940. — Sep., 20; Hrvatski dnevnik // Hrvatski dnevnik. — 1941. — Aug., 29.
9. Kraljevic, I. Hrvatski sport mora napredovati // Hrvatski dnevnik. — 1940. — Sep., 24.
10. Krizanic, K. Prva riječ // Lirika gruda / Ed. by M. Starcevic. — Zagreb, 1934. — P. 3—7.
11. Lasic, E. Nase suprotnosti // Zbornik hrvatske omladine Herceg-Bosne. — 1938. — P. 7—9; Topali, Z. Oprav-danje seljacke drzave // Zbornik hrvatske omladine Herceg-Bosne. — 1938. — P. 10—15.
12. Marks, Z. Rad i radnici // Hrvatska smotra. — 1935. — Vol. 3, No. 5—6. — P. 291—293.

13. Osnovan hrvatski socijalni institut // Hrvatski radnik. — 1940. — Dec., 12; Hrvatski socijalni institut // Hrvatski radnik. — 1940. — Christmas.
14. Hrvatski socijalni institut // Hrvatski radnik. — 1940. — Christmas.
15. O. V. Uloga radnistva u suvremenom narodnom životu // Hrvatski radnik. — 1940. — Christmas.
16. O. V. Spekulanti // Hrvatski radnik. — 1940. — Sep., 26; D. M. Z. Istina o djelovanju Ing. J. Wonka u Sive-ric // Hrvatski radnik. — 1939. — May, 11.
17. Boban, L. O politickom previranjima na selu u Banovi-ni Hrvatskoj // Istorija XX veka. — 1961. — Vol. 2. — P. 242—252; Borba protiv Frankovaca // Srp i cekic. — 1941. — Vol. 1, No. 2. — P. 132—133.
18. См., напр.: Izvjestaj o dogadjaju u gimnaziju i varo-si u Sibeniku // 1939. — Oct., 16, HDA, BH, BVBH, 771/39; Markovic, Mladen, stud. prava predlog za upu-cenje na prisilni bora-vak // 1941. — Jan., 18, HDA, BH, BVBH, 60.430/40; Spomen-ploca u Splitu-zamazana // 1941. — Jan., 23, HDA, BH, BVBH, 960/41; Inciden-ti u kinematografu u Splitu za vrijeme prikazi-vanja filma «Historijski dani» // 1940. — Mar., 14, HDA, BH, BVBH, 3814/40.
19. Macek, V. In the Struggle for Freedom, trans. Elizabeth and Stjepan Gazi. — New York, 1957. — P. 230.
20. Ulicama oslobođenog Zagrebu // Hrvatski narod. — 1941. — Apr., 11; Zagrepčani su sudjelovali u svečanim casovima // Hrvatski narod. — 1941. — Apr., 11.
21. Propisnik o zadaci, ustrojstvo, radu i smjernica-ma ustase hrvatskog oslobođenog pokreta // Na-rodne novine. — 1942. — Aug., 13; Zakonska odre-ba o Ustaskoj nadzornoj sluzbi // Narodne novine. — 1941. — Aug., 26.
22. См., напр.: HDA, NDH, Hrvatska izvjestajna sluzba, 2400—3199/3/2478/49; HDA, NDH, HIS, 31/9961/1503—1995 /1911/1912.
23. Nastavlja se revolucija Ustaskog pokreta // Ustasa. — 1941. — Sep., 3. — P. 1.

24. Zakonska odredba za obranu naroda i drzave // Narodne novine. — 1941. — Apr., 17.
25. Zakonska odredba o prijekom sudovima // Narodne novine. — 1941. — May 17; Zakonska odredba o pokret-nom prijekom sudovima // Narodne novine. — 1941. — Jun., 24.
26. Zakonska odredba o promjeni zakonske odredbe, o prijekom sudu i zakonske odredbe o pokretnom prijekom sudu // Narodne novine. — 1941. — Jul., 5.
27. Zakonska odredba o nadopuni zakonske odredbe o prijekim sudovima od 17 svibnja 1941 i zakonske odredbe o pokretnom prijekom sudu od 24 lipnja 1941 // Narodne novine. — 1941. — Jul., 10.
28. См., напр.: Приказ Марьяна Никшица, главы полиции усташей в Загребе, 8 мая 1941 г., HDA, NDH, ZS, 102.10/109.20; Приказ Божидара Грегла, главы полиции усташей в Вараждине, 12 июля 1941 г. HDA, NDH, ZS, 102.10/unnumbered.
29. См., напр.: Приказ директора полиции усташей в Вараждине, 15 июня 1941 г., HDA, NDH, ZS, 102.10/99.115.
30. См. напр.: Предупреждение помощника усташей в Добоје, 25 июня 1941 г., HDA, NDH, ZS, 102.10/ 474.1941; Korb, A. Im Schatten des Weltkriegs: Massengewalt der Ustasa gegen Serben, Juden und Roma in Kroatien 1941—1945. — Hamburg, 2013. — Р. 158—163.
31. См., напр.: Zidovi u bivsoj Jugoslaviji // Hrvatski branik. — 1941. — May, 10; Krizevacki zidovi pozvani na rad // Novi list. — 1941. — Jul., 1; Izvjestaj o progoni-ma Srba u srezu Karlovac // HDA, NRH, ZKRZ, GUZ, 1776—1664/5—61.
32. Zakonska odredba o rasnoj pripadnosti XLV-67 Z. // Narodne novine. — 1941. — Apr., 30.
33. Triumfalni put stozernika dr. Viktora Gutica u Sanski Most // Hrvatska krajina. — 1941. — May, 30.
34. Uredit cemo ova drzava kako propisuju ustaska nacela // Hrvatski narod. — 1941. — Jun., 6.
35. Doglavnik dr. Budak o seljackog politici Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj // Novi list. — 1941. — Aug., 4.

36. О кампании массовых убийств усташей см., напр.: Tun-guz Perovic, D. *Stradanje Srba u Hercegovini za vreme Nezavisne Drzave Hrvatske*. — Novi Sad, 2006; *Srbi u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj* / Ed. by N. Zivko-vic and P. Kacavenda. — Belgrade, 1998; Dulic, T. *Utopias of Nation: Local Mass Killing in Bosnia and Herce-govina, 1941—1942*. — Uppsala, 2005.

37. См., напр.: *Veliko znanimanje gradjanstva za rasproda-ja zidovskih stvari* // *Nova Hrvatska*. — 1942. — Mar. 18.

38. Kocovic, B. *Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslaviji*. — London, 1985. — P. 181—184; Zerjavic, V. *Gubici sta-novnistva u drugom svjetskom ratu*. — Zagreb, 1989. — P. 73—75; Dulic, T. *Mass killing in the Independent State of Croatia, 1941—1945: a case for comparative research* // *Journal of Genocide Research*. — 2006. — Sep. — Vol. 8, No. 3. — P. 271—272.

39. Biondich, M. *Religion and Nation in Wartime Croatia: Reflections on the Ustasa Policy of Forced Religious Conversions* // *Slavonic and East European Review*. — 2005. — Vol. 83, No. 1. — 71—116. См. также: Yeo-mans, R. *Eradicating «Undesired Elements»: National Regeneration and the Ustasha Program to Purify the Nation, 1941—1945* // *Racial Science in Hitler's New Europe, 1938—1945* / Eds. by Anton Weiss-Wendt and Rory Yeomans. — Lincoln, 2013. — P. 215—221.

40. *Povratak vjera otaca*. — Zagreb, 1941.

41. Korb, A. Op. cit. — P. 195—206, 400—423.

42. Yeomans, R. *Visions of Annihilation: the Ustasha Regime and the Cultural Politics of Fascism, 1941—1945*. — Pittsburgh, 2012. — P. 178—235.

43. *Iz duse hrvatskog naroda iskorjenjen je svaki tudjinski otrov* // *Nova Hrvatska*. — 1942. — Jun., 9.

44. Seitz, A. *Predgovor* // *Put do hrvatskog sozializma: govori i clanci drzavnog saveznika* / Ed. by A. Seitz. — Zagreb, 1943. — P. 13—39.

45. Yeomans, R. *Visions of Annihilation...* — P. 195—207.

46. См., напр.: *Ustaska nacela se ostvaraju* // *Hrvatska krajina*. — 1941. — May, 18; *Urednik. Nasa prva ri-jec*; Z. F. Tako je to i na

Illovcu, covjece dragi!; Kar-lovacka, J. Gradska ekonomija // Savjest Karlovca. — 1941. — Jun., 21. — Vol. 1, No. 1. — 6—7, 9—10.

47. Gal, M. Sportski i tjelesni razvoj hrvatskoj radnika // Hrvatski krugoval. — 1941. — Oct., 19. — P. 2—3.

48. Yeomans, R. Visions of Annihilation ... — P. 110—111.

49. M. S. Umjetnicka skola Ustaske mladezi // Hrvatski krugoval. — 1943. — Aug., 29. — P. 13.

Автор: Рори Йомэнс, доктор истории, научный сотрудник Центра академических исследований (София, Болгария). Перевод с английского А. С. Огановой

Источник: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernost-sotsialnye-transformatsii-i-genotsid-pravlenie-ustashey-v-fashistskoy-horvatii-1941-1945>

д-р Томас Далтон

РАЗОБЛАЧЁННЫЙ ЯСЕНОВАЦ

В 1700 году немецкий учёный Иоганн Айзенменгер опубликовал шокирующее разоблачение под названием *Entdecktes Judentum* («Разоблачённый иудаизм»). Его целью было выявить нить еврейской идеологии, скрытую в христианстве, и разоблачить пагубное влияние евреев на современное автору немецкое общество. Эта книга имела большое влияние на протяжении более двух столетий, во многом потому, что она раскрывала более глубокую природу европейского еврейства.

В настоящее время у нас есть много таких разоблачений, некоторые из которых касаются крупных и сложных проблем (таких как Холокост в целом), а другие, как настоящее эссе, стремятся просто «разоблачить» один маленький кусочек более широкой истории. Иногда мы можем извлечь наиболее важные уроки из самых скромных примеров.

Речь идёт о малоизвестном концентрационном лагере времён Второй мировой войны под названием Ясеновац на территории современной Хорватии. Лагерь, который действовал около трёх с половиной лет, с середины 1941 года до конца войны, по любым разумным подсчётам, практически не имеет серьёзного значения для истории Холокоста. Даже по данным американского Мемориального музея Холокоста там умерло лишь от «12 000 до 20 000 евреев», а это означает, что на долю лагеря приходится в лучшем случае 0,33% от предполагаемого общего числа погибших евреев в шесть миллионов человек. Если бы не недавняя ошибка израильской газеты *Jerusalem Post*, я бы, вероятно, никогда бы не уделил внимания этой теме. В большой исторической легенде о Холокосте есть гораздо более крупная рыба, которую можно было бы поджарить. Но эта недавняя оплошность даёт нам

шанс пролить свет на продолжающееся мошенничество, которым является Холокост. Когда сами евреи совершают примечательные промахи такого рода, мы должны извлечь из этого максимальную пользу.

Речь идёт о статье, которая ненадолго появилась на сайте *Jerusalem Post*, под названием «Это позорное издевательство над Холокостом необходимо прекратить». Написанное австралийским журналистом Дэвидом Голдманом, это короткое эссе посвящено хорватскому телевидению трёхлетней давности, в котором историк и хорватский еврей Иво Гольдштейн даёт подробные разъяснения о «всё более проблемном» лагере в Ясеноваце.

Интервью, проведённое в 2018 году, включало следующий вопрос, заданный Гольдштейну: «Многие отмечали отсутствие судебно-медицинских доказательств в этом конкретном лагере. Вы можете объяснить, почему это так?» (имеется в виду, почему таких доказательств, пригодных для проведения криминалистической экспертизы, там нет). После чего Гольдштейн дал ответ, вызвавший «эффект разорвавшейся бомбы»: «Потому что в апреле 1945 года Гитлер приказал доставить на самолете в Ясеновац специальные машины. Эти машины использовались для растворения оставшихся костей».

Здесь стоит отметить несколько моментов. Во-первых, во всей историографии Холокоста нет реальных документов или даже задокументированных слухов о каких-либо подобных «машинах для растворения костей». Предположительно существовали костедробилки с приводом от дизельных двигателей; но было доказано, что это подделка. [Всё предполагаемое использование нацистских костедробилок для уничтожения физических доказательств, якобы оставшихся после массового убийства людей, в последние годы было опровергнуто. Машины на немногих сохранившихся фотографиях, вероятно, представляют собой обычные шаровые мельницы для изготовления гравия, которые использовались

в дорожном строительстве ещё в начале двадцатого века. См. обсуждение в *The Einsatzgruppen in the Occupied Eastern Territories* (2018, C. Mattogno, Castle Hill Publishers), стр. 481-484. См. также онлайн-статью *The Bone Mill of Lemberg* (2013). (На русском языке в сети Интернет была опубликована статья немецкого автора Людвига Фангхэнеля «Львовская костедробилка»].

Нацисты также якобы использовали хлорированную известь (негашёную), чтобы попытаться разложить трупы в Треблинке и Белжеце, но это химическое вещество, когда оно используется, только уменьшает запах; оно не делает ничего, что могло бы ускорить разложение. «Растворение», особенно для костей, подразумевает использование кислоты или другого сильного химического процесса, но, опять же, такие утверждения полностью неизвестны в соответствующей литературе. Поэтому Голдман справедливо называет их «машинами, о которых прежде никто ничего не слышал». Возможно, со стороны Гольдштейна это была какая-то путаница, и он на самом деле имел в виду «дробление», а не «растворение». Но опять же, у нас нет надёжных доказательств того, что такие дробильные машины когда-либо использовались немцами.

Во-вторых, эта идея кажется чистым изобретением Гольдштейна для объяснения одного неприятного факта, а именно отсутствия пригодных для криминалистической экспертизы следов преступления в Ясеноваце, то есть каких-либо трупов, пепла или других человеческих останков. И под «чистым изобретением» я подразумеваю откровенную ложь. По общему мнению, Гольдштейн солгал, чтобы скрыть этот критически важный и изобличающий факт. Любой, кто изучал историю Холокоста, знает, что такой лжи – легион.

В-третьих, вся эта предпосылка о том, что немцы, находящиеся на грани однозначного поражения, будут тратить время и силы на то, чтобы отправить что-нибудь вроде «машин для растворения костей» в какой-то малоизвестный лагерь в

Хорватии, явно абсурдна, как указывает Голдман. Так что эта версия – полная чепуха.

Возможно, наиболее важно то, что этот небольшой эпизод напоминает об аналогичных заявлениях о более важных лагерях, таких как Освенцим, Треблинка и Белжец. Не имея вещественных доказательств, как мы можем подтвердить заявления тысяч, сотен тысяч или даже миллиона жертв Холокоста об этих лагерях? Однако для журналиста Голдмана ложь о Ясеноваце только «загрязняет», как бы портит, более крупную историю Холокоста, которую он безоговорочно принимает. Как он говорит: «Зачем допускать загрязнение истории Холокоста каким-то местом [Ясеновац], которое не может предоставить никаких независимых судебно-медицинских доказательств в отношении нескольких тысяч жертв, и располагает постоянно возрастающим – в том числе в 2021 году – списком жертв, который, как это было неоднократно подтверждено, является сфальсифицированным?». Это действительно так; и мы можем задать тот же вопрос практически обо всех традиционных местах Холокоста. Потенциальные последствия от ответа на такой вопрос ужасны для евреев во всем мире.

Краткие сведения о Ясеноваце

Нам стоит уделить некоторое время тому, чтобы кратко взглянуть на традиционно общепринятую историю этого лагеря, учитывая многочисленные уроки, которые она предлагает здесь. Безспорно, что Ясеновац был основан под эгидой союзного нацистам правительства оккупированной Хорватии, известного как усташа (т. н. Независимое государство Хорватия). Лагерь был построен в августе 1941 года, вскоре после того, как Гитлер начал вторжение в Советский Союз. Он состоял из пяти отдельных объектов, два из которых просуществовали недолго, но три других – Циглана, Козара и Старая Градишка – действовали практически до самого окончания войны в апреле 1945 года. Назначение лагеря остаётся

предметом споров; некоторые утверждают, что это был строго исправительно-трудовой лагерь, тогда как другие заявляют, что Ясеновац представлял собой центр уничтожения наравне с худшими немецкими лагерями в Польше. По общему мнению, там погибло несколько тысяч человек – в основном сербы, но также евреи, цыгане и отдельные мусульмане и хорваты – политические противники усташей.

Количество жертв, и особенно количество евреев, являются главными предметами споров. Как и в случае с большинством лагерей Холокоста и мест смерти, разброс оценок численности жертв огромен. Лица, симпатизирующие режиму усташей, такие как бывший президент Франьо Туджман, регулярно называли всего от 3000 до 4000 человек. Такие цифры восходят к первой криминалистической экспертизе лагеря в 1947 году. Но к 1970-м и 1980-м годам число жертв выросло. Энциклопедия Холокоста 1990 года (стр. 189) без каких-либо доказательств утверждала, что здесь было обнаружено и эксгумировано около 300 000 тел.

Но даже этой цифры было недостаточно для наших пропагандистов Холокоста. В одной недавней статье отмечается, что за последние десятилетия «историки подсчитали, что в Ясеноваце было убито от 700 000 до 1 000 000 человек». В сербских публикациях 1990-х годов приводились цифры до 1,2 миллиона. [Benčić, A. (2018). “Koncentracijski logor Jase-novac: konfliktno ratno nasljeđe i osporavani muzejski postav.” *Polemos XXI* (41): 37–63.] Утверждается, что из них около 15% были евреями, то есть потенциально от 100 000 до 150 000 человек. Если принять эту верхнюю оценку, то это позволило бы Ясеновацу значительно опередить лагерь Майданек по количеству погибших евреев и приблизиться к статусу Собибора. С другой стороны, если бы евреи составили 15% от, скажем, 3000 погибших, это означало бы совершенно ненесущественные 400 или 500 смертей. Так что на карту поставлено многое.

Однако сегодня наиболее общепринятые оценки гораздо ближе к нижнему пределу, чем к максимальному. Нынешнее хорватское правительство, похоже, принимает общую цифру в 83 тысячи смертей. Американский Мемориальный музей Холокоста (USHMM) утверждает, что «режим усташей убил от 77 000 до 99 000 человек в Ясеноваце в период с 1941 по 1945 годы». Из них от 12 000 до 20 000 якобы были евреями. Тем не менее, USHMM не очень уверен в собственных оценках:

Определить количество жертв для... Ясеноваца очень проблематично из-за уничтожения многих соответствующих документов, длительной недоступности для независимых учёных тех документов, которые сохранились, а также идеологических приоритетов необъективной послевоенной науки и журналистики, которые были и остаются под влиянием этнической напряжённости, религиозных предрассудков и идеологических конфликтов. Предлагаемые здесь оценки основаны на работе нескольких историков, которые использовали записи переписи населения, а также любую документацию, имеющуюся в немецких, хорватских и других архивах бывшей Югославии и в других местах.

Как я отмечал выше, даже 20 000 смертей евреев в общем не имеют большого значения для более широкой устоявшейся истории Холокоста.

Опровержение

Краткое эссе Голдмана вызвало быструю и яростную реакцию Деяна Ристича, исполняющего обязанности директора Сербского музея жертв геноцида. Его ответ с опровержением был опубликован в *Jerusalem Post* всего через два дня после оригинальной статьи Голдмана. У Сербии, конечно, есть свой мотив для того, чтобы пропагандировать большое количество жертв, и особенно большое количество сербов, потому что это повышает их статус жертвы и способствует их националистическим планам. Но более важным, чем

большое количество погибших людей, является общая «неприкосновенность» лагеря как законного места Холокоста, а не как причудливой политической тряпичной куклы, число жертв которой якобы превышает почти три порядка, и при этом совсем не обладающей соответствующими доказательствами.

Оправдание Ристича – «Позор тем, кто пытается пересмотреть историю Холокоста» – так же плохо аргументировано, как и плохо написано. Ристич выражает «удивление» по поводу «псевдонаучного и ревизионистского текста» Голдмана, который, по его словам, содержит немногим больше, чем «ряд неточных заявлений и полу-информации». Ристич возмущён тем, что Голдман осмеливается приводить историю крайне небрежного и необоснованного изменения количества жертв. Музей явно принимает цифру из общепринятого диапазона (от 80 000 до 90 000 человек), хотя и сохраняет в будущем возможность для принятия более высоких чисел.

Ристич пишет: «По мере продолжения исследований экспертов Музея ... следует ожидать, что количество жертв Ясеноваца будет исправлено ... Предполагаемое общее количество жертв, к сожалению, намного выше, чем то, которое историческая наука когда-либо сможет определить с точными данными». Он стремится пресечь все мысли о нескольких тысячах смертей, и он в равной степени старается избегать любых предположений о том, что эта цифра приближается к миллиону или более; как он хорошо знает, обе крайности угрожают подорвать всякое доверие к истории этого лагеря.

Самое забавное, что во всём своем длинном опровержении Ристич ни разу не упомянул вызвавшее тот самый «эффект разорвавшейся бомбы» утверждение о машинах для растворения костей – ни разу. Это негласное признание того, что всё дело в том, что никаких доказательств не искали и не нашли, и что вся основа для представления Ясеноваца как крупного и важного лагеря смерти зиждется не более чем на слухах и инсинуациях, если не на прямой лжи.

Однако главная проблема как для Ристича, так и для Голдмана заключается в том, что их постоянно приводимые аргументы обещают выявить гораздо более серьёзные проблемы основных лагерей Холокоста. Фактически Ристич делает за нас эту неприятную работу. Он пишет: «Мы могли бы задать вопрос, можно ли таким же образом отрицать число от 1 200 000 до 1 500 000 убитых в Освенциме, поскольку для этого утверждения также нет никаких судебно-медицинских доказательств?». Туше, господин Ристич! Ирония в том, что здесь он, конечно, совершенно прав. Нет доказательств (или почти нет) для Освенцима; нет для Треблинки; нет и для Белжеца – та же старая история.

Серьёзные последствия

Основная претензия Голдмана – это конкретная ложь о машинах для растворения костей, но это перекликается с многочисленными, гораздо более вопиющими вымыслами об Освенциме, Белжеце, Треблинке и всех шести так называемых лагерях смерти. Об этом Голдман, конечно, умалчивает.

[Такой лжи очень много, как по содержанию, так и по её виду. Эти вымыслы охватывают все аспекты Холокоста, включая откровенную ложь, ложь замалчивания, полуправду, лицемерие, грубые преувеличения, гиперболы и многое другое. Их распространяли выжившие, «очевидцы», принуждённые и плененные немцы и современные «эксперты». Я не могу здесь подробно описывать их; им посвящено несколько книг. Для начала можно сослаться на *Auschwitz Lies* (G. Rudolf and C. Mattogno, 2017, Castle Hill), Treblinka (C. Mattogno and J. Graf, 2020, Castle Hill), или Belzec (C. Mattogno, 2016, Castle Hill). Или для хорошего общего обзора этих вопросов см. мою собственную работу *Debating the Holocaust* (2020, Castle Hill).]

Но он действительно осуждает продолжающийся процесс мифотворчества, окружающий лагерь вроде Ясноваца, «где переплетались мифы о сербских и еврейских страданиях,

создавая новую серию национальных мифов» (если процитировать автора Дэвида Макдональда). Однако Голдман, естественно, избегает критики аналогичного, но гораздо более масштабного процесса формирования мифов об Освенциме, других лагерях и Холокосте в целом. Именно этот мифотворческий процесс привёл к утверждениям о том, что в Освенциме якобы отравили газом около одного миллиона евреев, тогда как, согласно гораздо более правдоподобному ревизионистскому тезису, там умерло около 150 000 человек, из которых, возможно, половина были евреями, но ни один из них не погиб в газовых камерах.

Точно так же Голдман высмеивает мысль о том, что, мол, человеческие останки всё «ещё предстоит обнаружить» в Ясеноваце, и он справедливо указывает пальцем на югославское правительство, которое «за 47 лет своего правления на этом месте ни разу не удосужилось попытаться найти эти загадочные ‘пропавшие’ останки». То же самое, конечно, можно сказать и о нынешнем хорватском правительстве и его продолжающемся 30-летнем правлении. (Есть серьёзные подозрения, что останков там просто не найти.) Но это снова поднимает тот же вопрос и для других лагерей: где останки чего-либо, приближающегося к одному миллиону трупов погибших в Освенциме евреев? Или 900 000 трупов евреев в Треблинке? Или 600 000 еврейских тел в Белжеце? У нас есть что-нибудь? Тела, кости, пепел – да хоть что-нибудь? Есть ли у нас вообще «ямы в земле», где немцы, как говорят, похоронили сотни тысяч жертв, а потом снова их выкопали и сожгли «дотла» на кострах над деревянными бревнами? Основываясь на моих многолетних исследованиях, ответ на все эти вопросы – «нет».

А как насчёт одного миллиона евреев, предположительно убитых в различных гетто? Где их останки? Как насчёт предполагаемых 1,6 миллиона евреев, убитых в результате расстрелов, в основном на Восточном фронте; где их останки? (Такие цифры открыто называются или подразумеваются

всеми нашими экспертами и абсолютно необходимы, чтобы привести нас к обязательной общей сумме «шесть миллионов».) Не все их останки, заметьте, или даже большинство из них. Мы были бы удовлетворены, скажем, половиной или даже четвертью, если бы у нас было хорошее объяснение для оставшейся части. Но вместо этого мы получаем рассказы о «600 телах, найденных здесь», и «250 телах, найденных там», и о пепле, соответствующем, возможно, «нескольким тысячам тел» в лучшем случае. Эти числа так далеко от «шести миллионов», что они представляют собой эффективное опровержение именно этой цифры. Подобно тому, как «от 700 000 до одного миллиона» в Ясеноваце – это фарс, такой же фарс и цифра в «шесть миллионов евреев» для более широкого Холокоста. [Это не отрицает того, что многие тысячи евреев действительно умерли в эпоху национал-социализма. По мнению большинства ревизионистов, всего около 500 000 человек умерло от всех причин. Но это более чем на 90% меньше заявленных шести миллионов. И это сводит гибель евреев просто к сравнительной незначительности в контексте той гораздо более крупной катастрофы, которой была Вторая мировая война. Thomas Dalton]

И всё же наш безстрашный репортер Дэвид Голдман имеет наглость написать: «Те, кто отождествили этот единственный [!] концлагерь военного времени без каких-либо проверяемых данных с научно доказанными [!] фактами о Холокосте, нанесли неизмеримый вред еврейской истории». Он либо не знает правды, либо намеренно скрывает реальность. Истинный «неизмеримый вред» был нанесён его собратьями-евреями и их интеллектуальными прислужниками, которые на протяжении десятилетий пропагандировали несостоятельный миф о еврейских страданиях.

Дни «шести миллионов» сочтены, и я подозреваю, что Голдман, Гольдштейн и их друзья это знают. Когда этот миф обрушится, рухнет и то немногое, что осталось от кредита доверия к евреям. Когда ортодоксальная история Холокоста

исчезнет, костяшки домино вполне могут начать падать одна за другой. И когда это случится, всё резко изменится, и ситуация может стать весьма непредсказуемой.

(Оригинал: Thomas Dalton. Jasenovac Unmasked

Источник: <https://inconvenienthistory.com/13/4/8046>

Памятник «жертвам Ясеноваца»

МИФ О СЕРБОСЕКЕ

По просторам интернета ходит страшная сказка про «сербосек» или «серборез» - супер-убер-меганож хорватских усташей, которым резали сербов, евреев и цыган в концлагерях

Собственно вот - в жж посты про него встречаются здесь: sir-drake-ii.livejournal.com/54746.html; [makkawity.livejournal.com/538268.htm...;](http://makkawity.livejournal.com/538268.htm...) furious-lamb.livejournal.com/333485.html; lesgustoy.livejournal.com/1058890.html. Везде это перепев википедии (ru.wikipedia.org/wiki/Серборез). Вобщем то довольно сомнительная статейка.

Дело в чём? Дело в том, что в ней сказано, что: “Новый вариант «сербосека» был разработан после проведения хорватским правительством Анте Павелича специального конкурса по вопросу: какой нож следует изготовить, чтобы палачи могли убивать людей как можно быстрее и при этом как можно меньше уставали”. И далее: “Партия «серборезов» была изготовлена в ходе Второй мировой войны фабрикой в германском городе Золинген по специальному заказу хорватского правительства.”

Так то оно так.. Вот только у немецких ножей можно встретить вот такие надписи, как на изображении помещённом ниже... А там написано: “нож для резки перевясл снопов” (ПЕРЕВЯСЛО, согласно словарям, се «жгут из скрученной соломы для перевязки снопов»). То есть это обычный сельхоз инструмент, предназначенный для работы со снопами. Чтобы постоянно нож не тягать туда-сюда, его лезвие прикрепили к перчатке. Вот и ВСЁ!

Причём сами же баснословцы упоминают, что албанцы в качестве “сербосека” использовали обычный хозяйственный нож для резки баранов. В общем, по нашему мнению, мы имеем повторение сербского мифа о “спецноже палача”, пущенного в 70-х годах (все ссылки в википедии на сербские работы этого времени).

Не отрицая факты зверства, мы, однако, ставим под сомнение разработку этого предмета специально для нужд палачей... К тому же ж, если эта приспособа была такой удобной ("и палачи меньше уставали"), тогда почему нигде более в XX веке (и ранее) ничего подобного не использовали при массовых ликвидациях - ни в Югославии в 1945-м, ни в Камбодже Пол Пота, или там в геноцидах в Азии и Африке, коим несть числа?

(См. подр: https://vk.com/wall-75690236_5565)

Бранимир Немиров

ИДЕОЛОГИЯ УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Усташское движение начало формироваться на волне шовинизма, захлестнувшего хорватские земли Югославии после убийства 20 июня 1928 г. лидера Хорватской крестьянской партии Степана Радича и введения 6 января 1929 г. королём Александром чрезвычайного положения. Террористическая усташская (повстанческая) организация на протяжении более десятка лет вела борьбу против Югославского государства. Создание усташами под протекторатом держав Оси Независимого государства Хорватия (НГХ) в апреле 1941 г., развернутый ими геноцид сербского народа и спровоцированная этим геноцидом межэтническая война на многие годы запечатлелись в исторической памяти хорватского и сербского народов. В 1990-е гг. память об усташском терроре сыграла печальную роль в ходе межэтнической войны на территории Хорватии, Боснии и Герцеговины.

В исторической науке сложилось две точки зрения на сущность усташской идеологии. Югославская (за немногими исключениями) и советская историографии, а также ряд западных авторов трактовали усташство как фашистскую идеологию, хорватский фашизм [см., например: Balen, 1952; Basta, 1971; Culinovic, 1970; История Югославии, 1963; Avakumovic, 1971] или клерофашизм. Взгляд на усташство как фашистскую идеологию во многом опирался на распространённую вплоть до конца 1980-х гг. и в югославской, и в советской историографии расширительную трактовку понятия «фашизм», включающую почти все правые авторитарные режимы межвоенного периода, в том числе режим Пилсудского в Польше и монархо-фашистскую диктатуру короля Александра в Югославии. Точка зрения на усташскую идеологию как на фашистскую (но не клерофашистскую) сохранилась и в

работах отдельных представителей современной хорватской историографии [см.: Bilandzic, 1998].

Ряд западных авторов и представителей современной хорватской историографии ставят под сомнение тезис о фашистском характере усташства. С их точки зрения, усташство было хорватским радикальным националистическим движением, а его идеология — идеологией хорватского национализма, истоки которой лежали в идеях Партии права. К этой точке зрения склонялись также югославские исследователи Ф. Елич-Бутич, Л. Бобан и болгарская исследовательница И. Любомирова [Любомирова, 2001]. Самы усташа подчёркивали, что их идеология является подлинным «старчевичанством», ведя речь о генетическом родстве с хорватской националистической идеологией Партии права. Послевоенная эмигрантская усташская историография отрицала родство с фашизмом, акцентируя внимание на «национально-освободительном» характере движения. В современной российской историографии представлены обе точки зрения. В. И. Фрейдзон остался верен традиционному для отечественной историографии взгляду на усташство как хорватский вариант фашизма [см.: Фрейдзон, 2001], в то время как в работах С. А. Романенко об усташах говорится как о представителях «крайнего хорватского национализма» [Романенко, 2000; 2002].

По нашему мнению, чтобы подойти к решению данной проблемы, следует прежде всего обратить внимание на отличительные особенности обеих идеологий.

Фашизм наряду с либерализмом, коммунизмом, консерватизмом относится к числу идеологий, так или иначе обращающихся к обществу, разделённому на группы в соответствии с ролью этих групп в социально-экономической жизни общества, — классы, сословия, страты и т. д. Идеология такого рода направлена на разрешение стоящих перед обществом проблем и тем самым — на построение соответствующего социального порядка. Фашизм как разновидность тоталитаризма возникает как реакция на глубокий системный кризис,

охватывающий экономическую, социальную, политическую сферы. Фашистский проект предлагает разрешение классовых противоречий через создание корпоративной экономики, политico-идеологических разногласий — через ликвидацию политических партий и замену их всеохватывающей партией-государством, находящейся под властью харизматического вождя. Важное место в структуре фашистской идеологии занимает националистическая составляющая. Идея национальной исключительности помогает преодолеть групповые и классовые противоречия, способствуя эффективной мобилизации населения. Возникая, как правило, в этнически сравнительно гомогенном обществе, фашизм направляет идею национальной исключительности вовне, ориентируя нацию к самоутверждению на внешнеполитической арене. Отсюда имперские амбиции и агрессивная внешняя политика фашистских государств.

Этнический национализм представляет собой явление совсем иного порядка. Возникает он как реакция на национальные противоречия, существующие в этнически гетерогенном обществе. Этнонационалистическая идеология обращается к обществу, разделённому на нации и этнические группы. Соответственно и этнонационалистический проект направлен прежде всего на разрешение противоречий, как правило, через ликвидацию этнической гетерогенности общества, его гомогенизацию посредством ассимиляции иноэтнического населения, депортации, геноцида. Структура этнического национализма, как правило, включает в себя: 1) представления о собственной нации; 2) представления о народе-чужаке, который может пониматься как враг нации; 3) представления о национальном государстве, о том, что нация составляет особую политическую общность, имеющую монополию на государственно-политическую власть в рамках так называемого национального государства. Национальное государство представляется как необходимое условие процветания нации, оно же является инструментом в разрешении проблемы

чужака. Помимо отмеченных нами трёх основных элементов, составляющих основное содержание этнонационалистической идеологии — этнонациональную концепцию, идеология этнонационализма включает в себя ряд вспомогательных элементов, также играющих важную роль в её функционировании. Наличие этих элементов обусловлено конкретным историческим контекстом, политическими убеждениями самих идеологов национализма и т. д. Таким образом, в идеологии этнонационализма выделяются две составляющих: этнонациональная концепция и вспомогательные идеи. Если этнонациональная концепция, как правило, отличается устойчивостью, стабильностью, то вспомогательные идеи могут меняться в зависимости от исторического контекста. Их основная задача состоит в том, чтобы обезпечивать всей идеологической системе возможно большую социальную привлекательность. Они исполняют роль средства, а не цели.

Сопоставим нашу гипотезу с усташской идеологией. В ранний период (первая половина 1930-х) усташа оставались на идеологической платформе Хорватской партии права, в марте 1919 г. принявшей программу, которая провозглашала верность принципам теории хорватского государственного права, республиканизм и ставила своей целью необходимость борьбы за создание независимого хорватского государства. Центральное место в этой концепции занимала идея невозможности сосуществования хорватского и сербского народов в рамках одного государства. Павелич в статье «Десять чёрных лет», опубликованной в ноябре 1928 г. в газете «Hrvatsko rgravo», подчёркивал, что несчаствия хорватского народа связаны с отречением от собственного имени (а следовательно, и от собственной хорватской идентичности) и разрывом с традицией исторического государственного права, под которым понималась потеря атрибутов хорватской государственности в Королевстве сербов, хорватов и словенцев [Ustasa, 1995, 15—16]. Хорваты и сербы представляются как народы-антитиподы: хорваты — народ «вскормленный западной куль-

турой», сербы — «народ восточной культуры», воспитанный на «византизме», заклятый враг Запада и католицизма [Ibid., 39—40]. Югославизм, по мнению усташей, — лишь прикрытие для великосербской гегемонии, а Югославия — темница для хорватского народа. Только создав (воссоздав) хорватское национальное государство, хорватский народ получит возможность свободного развития. При этом подчёркивалось, что в этом государстве власть должна принадлежать только хорватскому народу, что он один должен стать «хозяином всех материальных и духовных ценностей», а само государство должно охватывать «всю хорватскую историческую и национальную территорию» [Ibid., 45, 55, 56], т. е. земли, входившие в состав средневекового хорватского королевства, и земли, на которых проживало хоть сколько-нибудь значительное хорватское население.

Как видим, в усташской идеологии того времени присутствовали все выделенные нами составляющие идеологии этнонационализма: идея особости хорватского народа, его отличия от сербов, которые представлялись врагом хорватской нации, и, наконец, идея хорватского национального государства. Собственной социально-экономической программы усташа в то время не имели. Усташская организация в тот период более походила на типично балкансскую террористическую организацию, нежели на массовое тоталитарное движение.

В 1933 г. создаётся основной программный документа усташства — Принципы Хорватского усташского движения. Добрая половина принципов (11 из 17) представляет собой систематизированное изложение уже знакомой нам этнонациональной концепции [Ibid., 57—77]. Шесть других принципов представляют собой концентрированное выражение социально-экономической и, до определённой степени, политической программы усташства [Ibid., 77—89]. Эта программа, во многом заимствованная из идеологии Хорватской крестьянской партии, органично связана с традиционными

для хорватского крестьянства семейными и религиозными ценностями. И. Любомирова не без основания пишет о том, что эти «принципы» радикальным образом отличались от идей как либерализма, так и национал-социализма и фашизма [Любомирова, 2001, 64].

В середине — второй половине 1930-х гг. в идеологию усташского движения начинают всё более проникать фашистские и национал-социалистические идеи. Связано это было сразу с несколькими факторами. Во-первых, в 1929—1933 гг. Павелич и его окружение ещё сохраняли надежду на то, что им удастся привлечь к решению хорватского вопроса Лигу Наций и демократические государства. Но Лига Наций, Франция, Великобритания и Веймарская Германия остались глухи к призывам Павелича, проигнорировав их, как игнорировали прежде меморандумы других хорватских политиков, тщетно пытавшихся «интернационализировать» хорватский вопрос, — С. Радича, А. Трумбича и др. Организованное усташами и болгаро-македонской националистической организацией ВМРО убийство короля Александра поставило крест на дальнейших попытках завоевания расположения мировой общественности. Во-вторых, неудачная попытка поднять восстание в Лике в сентябре 1932 г. показала иллюзорность надежд на то, что в ближайшем будущем удастся спровоцировать восстание в хорватских землях. В-третьих, в 1930-е гг. руководство усташского движения впадает во всё большую зависимость от фашистской Италии. В Италии располагались основные усташские базы, Муссолини финансировал усташей, рассчитывая использовать их против Югославии, к которой Италия имела территориальные претензии. После убийства короля Югославии Александра Муссолини фактически приостановил деятельность усташей в Италии, однако не ликвидировал их организацию. В середине 1930-х гг. Павелич предпринимает попытку привлечь внимание нацистской Германии к хорватскому вопросу. Для того чтобы получить поддержку Германии, необходимо было доказать, что борьба усташей за создание

хорватского государства может быть полезна в деле разрушения Версальской системы, борьбы с коммунизмом и создания «нового порядка» в Европе. Эти обстоятельства отразились и на идеологии движения.

В октябре 1936 г. Павелич направляет в германский МИД меморандум под названием «Хорватский вопрос». В нем в целом сохраняется знакомая нам этнонационалистическая концепция, но список «врагов» хорватского народа расширяется: к ним теперь относится не только «великосербское» (т. е. югославское) государство и фактически сербский народ, но также евреи, масоны и коммунисты. В усташской пропаганде начинают всё чаще появляться антисемитские и антикоммунистические сентенции. Анте Павелич в 1938 г. даже написал книгу, направленную против коммунизма и провозглашавшую фашизм единственной идеологией, способной противостоять распространению коммунизма. Миле Будак, один из главных идеологов и организаторов усташства, вернувшись в Югославию в 1938 г., располагал несколько большей свободой для выражения собственного видения сущности хорватского национализма, нежели находившийся в Италии Павелич. В еженедельнике ««Народ Хорватии»» (1939, 25 дек.), основном легальном печатном органе радикальных хорватских националистов, он писал: «Смешно, когда, поднимая вопрос об “идеологии” хорватского национализма, приходят к заключению об его связи с фашизмом и национал-социализмом. Следует иметь в виду, что и фашизм, и национал-социализм развивались при обстоятельствах, совершенно отличных от тех, при которых развивалось националистическое движение в хорватских землях <...>. идеология [хорватских националистов] много старше и фашистской, и национал-социалистической, её создал отец хорватского национализма, бессмертный борец — доктор Анте Старчевич» [цит. по: Ademovic, 2000, 40, 41]. В то же время и в Югославии появились сторонники фашистских, и в особенности нацистских, идей, причем не только в среде хорватских националистов.

Не случайно в 1940 г. С. Буч создает Хорватскую национал-социалистическую партию, правда, не завоевавшую сколько-нибудь значительной поддержки населения.

В период существования НГХ значительно возрастает степень усвоения усташством фашистских и нацистских идей, а также методов их реализации. Связано это было прежде всего со слабостью, зависимостью НГХ от держав Оси, с необходимостью встраиваться в европейский «новый порядок». Уже в апреле—мае 1941 г. усташские власти вводят расовые законы, направленные против евреев и цыган и являвшиеся в значительной мере калькой с «нюрнбергских законов» нацистской Германии [см.: *Ustaski zakoni*, 2000, 13, 18, 19—21, 22—23, 26—27, 34, 36—41]. Павелич из лидера террористической организации («поглавника» усташей) превратился в вождя тоталитарного государства («поглавника» Хорватии), сосредоточив в своих руках законодательную и исполнительную власть. Послушная пропаганда (средства массовой информации были поставлены под жёсткий контроль, характерный для тоталитарного государства) развивала культ поглавника [см.: *Ademovic*, 2000]. Усташское движение из террористической организации, целью которой была борьба за независимость Хорватии, стало преобразовываться в партию тоталитарного типа. Процесс преобразования усташства был завершен созданием Уложения о задачах, устройстве, деятельности и направлениях «Усташе» — Хорватского освободительного движения, введенного в действие в августе 1942 г. Теперь усташство было уже не только «революционным», «освободительным», но и «1 — народным, 2 — националистическим, 3 — политическим, 4 — военным, 5 — рабочим, 6 — общественным, 7 — моральным, 8 — воспитательным и 9 — просветительским» движением [см.: *Ustasa*, 1995, 277, 278—281]. По новому, в духе тоталитарной идеологии, стали перетолковываться и Принципы усташского движения [см.: *Ibid.*, 87—89]. В экономической сфере власти НГХ руководствовались моделью, принятой в нацистской Германии

и предусматривавшей значительное вмешательство государства в экономику. Однако введение этой экономической модели осталось в значительной степени на бумаге [Matkovic, 1994, 100—707], равно как и многие другие элементы тоталитарной системы нацистского типа.

Устаси до своего прихода к власти не создали массового движения, а Павелич до апреля 1941 г. оставался лидером небольшой террористической организации, а никак не «вождём нации». Значительная часть хорватского народа поддерживала Хорватскую крестьянскую партию и её лидера В. Мачека, убеждённого демократа. «Массовое движение» устаси стали создавать уже после своего прихода к власти, используя «готовые рецепты», заимствованные в Италии и Германии. Концепции тоталитарной партии-государства и корпоративной экономики искусственно прививались усташской идеологии, и тот факт, что они так и не были осуществлены в полной мере, связан не только с неблагоприятной обстановкой в стране (уже с лета 1941 г. на территории НГХ шла межэтническая война, спровоцированная усташским террором и, в конечном счёте, приведшая это государство к гибели), но и с чуждостью, инородностью этих идей. Сербы, остававшиеся в глазах усташей главной угрозой хорватскому национальному государству, не подпадали под действие этих законов, так как не получили статуса ни арийцев, ни неарийцев. Это обстоятельство позволяет говорить о том, что в данном случае имел место не органичный синтез, а достаточно искусственное сочетание собственно идей хорватского этнонационализма с чужеродными нацистскими идеями.

Центральное положение в усташской идеологии по-прежнему занимала этнонациональная концепция, с её идеей Хорватии для хорватов. Перед усташами стояла задача превратить НГХ в хорватскоеmonoэтническое государство. Осуществление этнонационального проекта было подлинной целью усташского движения. И в таких документах, как уже упомянутое Уложение или комментарий к официальному изданию

Принципов хорватского усташского движения, и в многочисленных выступлениях и интервью видных усташских функционеров говорилось о том, что задачей усташского движения является «защита любыми средствами государственной независимости Хорватии», борьба за то, «чтобы в хорватском государстве правил только хорватский народ» [см.: Ustasa, 1995, 55—89, 277; см. также: Ademovic, 2000, 281, 357, 358, 366; Novak, 1948, 606].

Несколько сменился образ врага: после распада Югославского государства в апреле 1941 г. главным «противником» хорватского народа в глазах идеологов усташства остались сербы, живущие на территории НГХ. Именно против них было направлено острое усташского террора, ставшего наряду с депортациями и насилиственным обращением в католицизм одним из основных инструментов в решении национального вопроса в стране [см. об этом: Novak, 1948, 538—803]. Предпринятая усташскими властями попытка нормализации отношений с сербским православным населением (создание Хорватской православной церкви, разрешение православным служить в армии) не могла остановить раскрученный маховик усташского террора. Усташская пропаганда также продолжала антисербскую кампанию. Интересно, что, даже ведя пропаганду против титовского Народно-освободительного движения (НОД), усташская пресса акцентировала внимание не столько на борьбе с коммунизмом, сколько на том, что партизанские подразделения укомплектованы преимущественно сербами, что руководят ими в основном сербы (стоит напомнить, что тов. Тито был хорват — Ред.) и черногорцы. Самых партизан называли обычно «коммунистическо-четническими бандами» [см.: Ademovic, 2000, 405].

Таким образом, мы можем заключить, что в идеологии усташского движения выделяются две составляющие. Во-первых, это собственно этнонациональная концепция, включавшая в себя идею самобытности хорватского народа, его отличия от сербов, его миссию в европейской истории, а так-

же представление о сербском народе как о враге хорватов, с которым невозможно сосуществование в рамках одного государства. Создание хорватского национального государства виделось в качестве условия, необходимого для благоприятного развития хорватского народа, оно же призвано было решить «проблему чужака», т. е. сербский вопрос. Этнонациональная концепция возникла с появлением самой усташской идеологии и на всём протяжении её существования оставалась ее ядром. Она не подвергалась серьёзному пересмотру и оставалась основным внутренним фактором, определявшим политику руководства усташского движения, а затем и политику НГХ.

Во-вторых, усташская идеология включала в себя ряд идей и концепций, игравших вспомогательную роль. Они вошли в корпус усташских идей позднее, нежели этнонациональная концепция. Их место и роль в усташской идеологии во многом определялись внешним фактором — расстановкой сил на международной арене. Фашистские и нацистские идеи оказали особенно сильное влияние на идеологию усташства в период существования НГХ. Вместе с тем эти идеи все же играли вспомогательную роль, обслуживая осуществление идей и принципов этнонациональной концепции.

Источники: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 1999. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. Бланк А. С. Идеология германского фашизма. Вологда, 1974. Борозняк А. И. Прошлое, которое не уходит: Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004. Джуретич В. Развал Югославии: Основные течения, 1918—2003. М., 2003. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. М., 1991. ЖутиН Н. Римокатоличка црква и Хрватство: Од илирске ид[^]е до великохрватске реализације 1453— 1941. Београд, 1997. История Югославии. Т. 2. М., 1963. Любомирова И. Национализъм и национална политика в Независимата Хърватска Държава (1941— 1945). София, 2001. Михайленко В. И. Итальянский фашизм: основные вопросы историогра-

фии. Свердловск, 1987. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001. Проектор Д. М. Фашизм: Путь агрессии и гибели. М., 1989. Романенко С. А. Между национальной и пролетарской диктатурой: (Милан Недич — Дража Михайлович — Анте Павелич — Йосип Броз Тито) // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо с коммунистическим финалом», 1944— 1948. М., 2002. Романенко С. А. Югославия: кризис, распад, война: Образование независимых государств. М., 2000. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. Фрейдзон В. И. История Хорватии: Краткий очерк с древнейших времен до образования республики. СПб., 2001. Ademovic F. Novinstvo i ustaska propaganda u Nezavisnoj Drzavi Hrvatskoj : Stampa i radio u Bosni i Hercegovini (1941— 1945). Sarajevo, 2000. Avakumovic I. The Yugoslav Fascist Movements // Sugar P. Native Fascism in the Successor States, 1918— 1945. S. Barbara, 1971. P. 135— 142. Balen S. Pavelic. Zagreb, 1952. Basta M. Agonija I Slom Nezavisne Drzave Hrvatske. Beograd, 1971. Bilandzic D. Hrvatska modema povijest. Zagreb, 1998. Boban L. Kontroverze iz povijesti Jugoslavije. Zagreb, 1990. BzikM. Ustaska borba: Od prvih dana ustaskog rata do poglavnika odlaska u emigraciju. Poceli i bit ustaskog pokreta. Zagreb, s. a. CulinovicF. Okupatorskapodjela Jugoslavije. Beograd, 1970 Djilas A. The Contested Country: Yugoslav Unity and Communist Revolution. 1919— 1953. Cambridge, L., 1991. Jareb J. Pola stoljeca hrvatske politike 1895— 1945. Buenos Aires, 1960. Jelic-Butic F. Ustase i Nezavisna Drzava Hrvatska, 1941— 1945. Zagreb, 1977. Matkovic 77. Povijest Nezavisne Drzave Hrvatske: Kratak pregled. Zagreb, 1994. Novak V. Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, 1948. Pavelic A. Hrvatsko pitanje // Doktor Pavelic rijesio Hrvatsko pitanje. Zagreb, 1942. Pavelic A. Strahote zabluda: Komunizam i boljsevizam u Rusiji i u svijetu. Zagreb, 2000. Pavlicevic D. Povijest Hrvatske. Zagreb, 2000. Pavlowich S. K. Yugoslavia. L., 1971. Petranovic B.

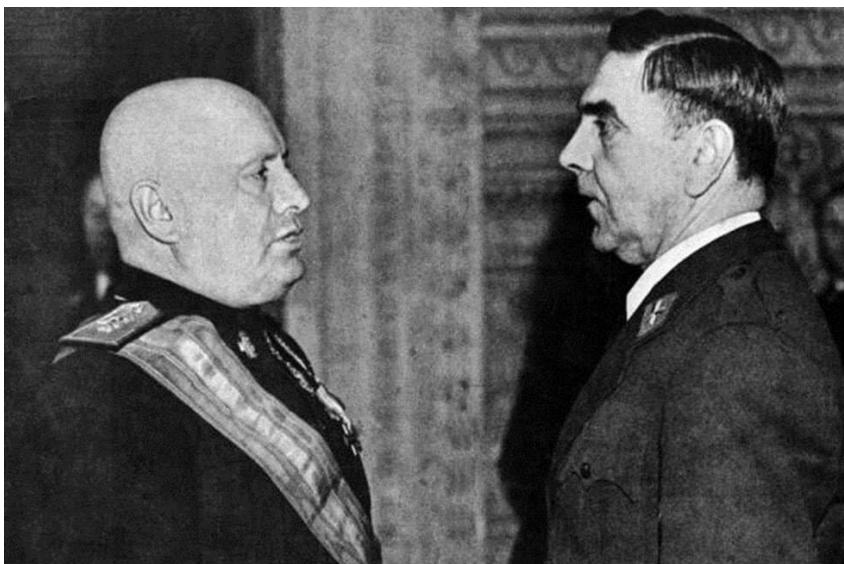
Istorija Jugoslavije, 1918— 1978. Beograd, 1981. Ustasa: Dokumenti o ustaskom pokretu / Prired Petar Pozar. Zagreb, 1995. Ustaski zakoni / Prired. G. Babic. Beograd, 2000. С. С. Беляков
ИДЕОЛОГИЯ УСТАШСКОГО ДВИЖЕНИЯ: МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ФАШИЗМОМ

Приложение: Заметка из газеты «Народ Хорватии» приоткрывает свет на рабочую и социальную политику усташеского режима. хорватские рабочие заслужили 316 000 000 кун! Читаем:

По данным Среднего страхования рабочих в Загребе, в ноябре прошлого года в Независимом Государстве Хорватия было застраховано 247,837 рабочих и служащих, из них 184,114 мужчин и 63,723 женщины. В эту цифру включено и членство местного страхования «Merkur», которое охватывало 14,868 застрахованных служащих, из них 10,261 мужчина и 4,607 женщин. По количеству членов Среднего страхования рабочих в ноябре этого года число уменьшилось на 1,851. По сравнению с октябрем наибольший рост числа рабочих наблюдается в сфере общественного транспорта, строительстве транспортных средств и свободных профессий. Кроме того, наблюдается рост в деревообработке и резьбе, производстве одежды и чистке, бытовых услугах, гостиницах, кафе и местах отдыха, новых и страховых учреждениях, строительстве, лесоплантаторском производстве и производстве бумаги. Наибольшее число застрахованных рабочих и служащих наблюдается в лесоплантаторском производстве, затем в бытовых услугах и торговле. В ноябре число застрахованных членов младше 18 лет (по всей стране) распределялось так: с постоянной дневной зарплатой до 10 кун — 18,489 членов, с зарплатой до 25 кун — 27,315 членов, с зарплатой до 50 кун — 37,488 членов, с зарплатой от 50 до 80 кун — 103,347, и с зарплатой выше 80 кун — 61,193 застрахованных. Средняя страховая выплата по всем категориям составляла 51.69 кун, что больше, чем в октябре на 0.96 кун. Средняя страховая

выплата мужчинам составляла 54.97 кун, что по сравнению с прошлым месяцем больше на 1.17 кун. Общая страховая выплата в ноябре по всей стране составила 316 миллионов 260 тысяч кун, что по сравнению с октябрем увеличилось на 3,620,000 кун. Источник: «Народ Хорватии», 17 февраля, 1942 года.

Это в очередной раз подтверждает, что фашистские движения так или иначе социальные, а не буржуазные. Ниже на фото – два выдающихся социал-националиста: Дуче Бенито Муссолини и д-р Анте Павелич.

Небо Славян

Выпуск 6

**Za dom spremni!
Правая борьба в Хорватии**

Формат 60 x 90 1/16
Объём 23,5 печ. л.
Печать офсетная
Тираж 100 экз.
Заказ №17

*На лицевой странице обложки:
Предстоятель Хорватской Православной Церкви
митр. Гермоген преподаёт архипастырское благословение
поглавнику Независимой Державы Хорватской д-ру А.павеличу*

*На задней странице обложки:
флаг и эмблема Движения Усташей*